

*К 275-летию*
*со дня рождения*
*Михаила Васильевича*
*ЛОМОНОСОВА*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории естествознания и техники

# М. В. ЛОМОНОСОВ

# Избранные произведения

В двух томах

Редакционная коллегия:
Э. П. КАРПЕЕВ,
С. Р. МИКУЛИНСКИЙ (председатель),
Г. Е. ПАВЛОВА, Г. В. СТЕПАНОВ



МОСКВА «НАУКА» 1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории естествознания и техники

# М. В. ЛОМОНОСОВ

# Избранные произведения

Том 2

## История
## Филология
## Поэзия

МОСКВА «НАУКА» 1986

ББК 72. 3
Л 75

Ответственный редактор
академик
Г. В. СТЕПАНОВ

Автор введения и комментариев
кандидат исторических наук
Г. Е. ПАВЛОВА

**Ломоносов М. В.**

Л 75 Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. История. Филология. Поэзия. М.: Наука, 1986. 496 с.

Настоящее издание, приуроченное к 275-летнему юбилею со дня рождения М. В. Ломоносова, состоит из двух томов.

В том 2 вошли труды великого ученого по истории, филологии, образцы его поэтического творчества, письма и документы.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся историей отечественной и мировой науки и культуры.

Л $\frac{1402000000\text{-}418}{042(02)\text{-}86}$ 106-86-III ББК72.3

© Издательство «Наука», 1986 г.

# *Введение*

Среди богатого научного наследия М. В. Ломоносова большое место занимают труды по русской истории, филологии, его литературные произведения.

Подчеркивая энциклопедизм Ломоносова, А. С. Пушкин писал: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия... и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» [1].

Разносторонность научного творчества Ломоносова поражала не только современников. В западноевропейской литературе XIX в. бытовало мнение, что существовали два человека — Ломоносов-химик и Ломоносов-поэт. В действительности художественные и научные сочинения русского ученого объединены общей внутренней связью, общими историческими задачами.

Сам Ломоносов не отделял свои естественнонаучные труды от литературных. Поэт никогда не переставал быть ученым, а ученый всегда оставался поэтом. Раскрывая взаимосвязь наук, он в своем сочинении «Первые основания металлургии или рудных дел» указывал: «Нет сомнения, что науки наукам много весьма взаимно способствуют, как физика химии, физике математика, нравоучительная наука и история стихотворству» [2]. В ежегодных отчетах о проделанной работе Ломоносов ставил свои занятия историей, филологией и литературой в один ряд с естественнонаучными работами. «Великий русский энциклопедист,— как справедливо отметил С. И. Вавилов,— был в действительности очень цельной и монолитной натурой». Поэтому следует говорить о «глубоком слиянии в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков» [3].

Глубоко и серьезно Ломоносов занимался отечественной историей и внес свою лепту в развитие этой науки. От него ведет свое начало антинорманнское направление в русской историогра-

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1949, т. VII, с. 28—29.
[2] *Ломоносов М. В.* ПСС, т. 5, с. 618.
[3] Ломоносов: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1940, т. 1, с. 3.

фии, отличительными чертами которого являлись строгая научность, патриотизм, демократические тенденции и уважение к истории других стран и народов. Идеи ученого о происхождении славян положили начало новому периоду в развитии русской исторической науки. Ломоносов утверждал величие славянского народа, подчеркивал независимое существование древнерусского государства, его важную роль в мировой истории. Истории он отводил большую образовательную и воспитательную роль. Поэтому в число своих обязанностей он включал пропаганду исторических знаний, прославление героического прошлого русского народа.

Былинный эпос, богатые собрания рукописных книг на русском Севере способствовали пробуждению интереса у юного помора к отечественной истории. Во время обучения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов много времени проводил в монастырской библиотеке, где читал летописи, церковные сочинения и светские книги. В библиотеке Киево-Могилянской духовной академии он упражнялся «в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славянском, греческом и латинском языках»,— сообщал биограф Ломоносова в XVIII в. М. И. Веревкин[4]. Находясь в Германии, русский студент не переставал интересоваться историей России.

Уже в конце 1740-х годов, став профессором химии, Ломоносов показал себя и опытным историком. Когда весной 1748 г. в составе Петербургской Академии было учреждено Историческое собрание, то он в числе других профессоров был назначен его членом. В первые годы деятельности Исторического собрания в нем разгорелась острая полемика группы ученых во главе с Ломоносовым, с одной стороны, и представителем норманнской теории происхождения Русского государства Г. Ф. Миллером — с другой. В ходе этой дискуссии Ломоносов обнаружил хорошее знание отечественных и иностранных источников, а также умение их критически оценивать. Предметом спора послужила диссертация Миллера «Происхождение имени и народа российского», которая была им подготовлена к торжественному публичному собранию Петербургской Академии. Поскольку публичные собрания привлекали немало слушателей, в том числе и представителей придворной знати, руководство Академии следило за идейным содержанием выступлений. В сентябре 1749 г. Ломоносову и другим ученым была передана речь Миллера, чтобы они могли «как наискорее освидетельствовать, не сыщется ль во оной чего для России предосудительного»[5].

«Многократно прочитав и рассмотрев» речь Миллера, Ломоносов 16 сентября 1749 г. представил в Канцелярию Академии наук свои замечания в виде «репорта». Под пером ученого этот служеб-

[4] Ломоносов М. В. в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962, с. 44.

[5] *Ломоносов М. В.* ПСС, т. 6, с. 547.

ный документ, помещенный в настоящем томе, приобрел научную ценность. Замечания русского ученого свидетельствуют о принципиальном отличии его взглядов от взглядов Миллера при оценке основных событий древнерусской истории. Ломоносов обратил внимание на поверхностное знакомство Миллера с отечественными документами: «Из всего видно,— писал Ломоносов,— что он (Миллер.— *Авт.*) весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях». Однако главный недостаток диссертации Миллера Ломоносов усмотрел в утверждении норманнской теории происхождения русского народа. Основываясь на глубоком знании источников и широко привлекая современную ему литературу, он опроверг положение Миллера о том, что Русское государство обязано своим возникновением исключительно норманнам. В ходе дискуссии Ломоносов выдвинул серию аргументов для доказательства древности пребывания славян в Европе и славянской природы русской государственности. Отвергнув концепцию Миллера о происхождении имени и народа российского, Ломоносов пришел к выводу, что эта речь «весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна», а поэтому «не может быть так исправлена, чтобы она к публичному действию годилась». Мнение Ломоносова о работе Миллера разделили Н. И. Попов, С. П. Крашенинников и другие ученые Петербургской Академии. В результате сочинение Миллера было забраковано, а уже отпечатанный тираж его уничтожен.

Эта дискуссия, имевшая глубоко принципиальный характер, дала Ломоносову новый стимул к изучению истории.

Особенно интенсивно Ломоносов стал заниматься историей в начале 1750-х годов. В сентябре 1751 г. он сообщил И. И. Шувалову, что работает над составлением плана «Древней Российской истории» [6].

В процессе подготовки «Древней Российской истории» Ломоносов выработал свою периодизацию, в основе которой лежали поворотные моменты в истории страны, в изменении политических форм государства, что являлось попыткой показать основные закономерности исторического процесса. Эта периодизация имела для своего времени не только большое научное, но и практическое значение. Она позволяла группировать факты и давать последовательное изложение исторических событий.

---

[6] Там же, т. 10, с. 471. В дореволюционной и советской историографии господствовало мнение, что «Древняя Российская история» написана Ломоносовым по заказу императрицы. Однако это утверждение опровергается тем, что начало работы Ломоносова относится к 1751 г. Только через два года, узнав от И. И. Шувалова о занятиях русского ученого историей, императрица выразила желание видеть «отечественную историю», написанную его «штилем» (Там же, с. 285—286).

В июле 1758 г. Ломоносов завершил работу над первым томом «Древней Российской истории», а в сентябре был подписан указ о его печатании.

Но в 1759 г., когда печатание книги шло полным ходом, Ломоносов взял рукопись из типографии, чтобы изменить расположение примечаний. Работа затянулась, и книга была издана лишь в 1766 г., после смерти автора.

Выход в свет «Древней Российской истории» явился важным событием в русской историографии. Освещая древнейший период отечественной истории, ученый выступил как серьезный исследователь, вооруженный знанием источников. Идеи ученого о глубокой древности славянских народов, об их важной роли в общеевропейской истории, о смешанной славяно-чудской этнической основе населения России были оригинальными и направленными против норманнской теории происхождения Русского государства. Исторические труды Ломоносова оказали заметное влияние на формирование исторических взглядов передовых ученых России.

Среди исторических тем, которые привлекали внимание ученого, особое место занимала история Петра I. Ломоносов в течение многих лет собирал материалы, чтобы написать серьезное исследование о царе-реформаторе. Однако по просьбе русского правительства в конце 50-х годов «Историей Российской империи при Петре Великом» занялся крупнейший писатель французской эпохи Просвещения М.-Ф.-А. Вольтер, прославившийся в то время как автор «Истории Карла XII». Вольтер, плохо представляя историю России и не имея необходимых материалов по этому вопросу, обратился к русским правящим кругам с просьбой выслать ему исторические материалы и другие сведения о внутреннем устройстве страны. Выполнение просьбы Вольтера было возложено на Петербургскую Академию наук и в частности на Ломоносова. Он не только собирал материалы для французского писателя, но и исправлял многочисленные ошибки и неточности в рукописи Вольтера, а также написал «Примечания» на первоначальный текст его восьми глав. Среди материалов, посланных Вольтеру, была и историческая работа Ломоносова «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи»[7]. Для написания этого очерка Ломоносов привлек многочисленные рукописные и литературные материалы, а также записки современников и очевидцев, отобрал достоверные факты и составил строго документированный рассказ о кровавых событиях, происшедших в Москве в мае 1682 г.; он впервые дал обобщенную и подробную историю событий 1692—1698 гг. Вольтер в четвертой и пятой главах «Истории Российской империи при Петре Великом» почти дословно воспроизвел сочинение русского ученого «Описание стрелецких

[7] *Ломоносов М. В.* ПСС, т. 6, с. 570.

бунтов и правления царевны Софьи», оговорив в примечании, что это описание «извлечено полностью из записок, присланных из Петербурга».

Труды Ломоносова-историка получили большую известность. Изучая прошлое своей Родины, Ломоносов возлагал большие надежды на ее величие в будущем. Он понимал, что история создает национальные традиции и связывает между собой поколения. Ученый писал: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила».

Вся деятельность ученого была проникнута глубоким пониманием исторических судеб русского народа.

Заботы о благе своего отечества заставили Ломоносова обратиться к изучению экономики России. Он намеревался написать большую работу, в которой хотел осветить ряд вопросов экономической политики, связанных с подъемом производительных сил страны, «простирающихся к приращению общей пользы». В 1761 г. ученый назвал И. И. Шувалову восемь глав, которые, как он утверждал, «требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо» [8].

Началом этого труда стала глава «О сохранении и размножении российского народа». Этот трактат Ломоносова о политике народонаселения является исключительно ценным и оригинальным произведением. Прекрасное знание жизни русского народа и научная подготовка помогли ученому поставить и разрешить основные вопросы, направленные к сохранению и росту населения России.

Труды М. В. Ломоносова в области филологии и литературы ознаменовали новый подъем национальной культуры России. В. Г. Белинский отмечал, что с Ломоносова начинается наша литература, что он был ее «отцом и пестуном», «он был ее Петром Великим», ибо дал направление «нашему языку и нашей литературе» [9].

Под прямым или косвенным влиянием Ломоносова выросло целое поколение русских людей, которые восприняли его передовые филологические идеи и стремились развивать их дальше. В основу формирования отечественного языкознания и русского литературного языка были положены ломоносовские традиции.

Литературное творчество ученого было весьма разнообразно. Это и поэтические произведения, оригинальные и переводные, и художественная проза, и научные речи, богатые образами вы-

[8] Там же, с. 383—384.
[9] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1953, т. 1, с. 45.

сокого словесного искусства. Это и стихотворно-прозаические сочинения, которые он объединял под общим названием «надписи», т. е. стихи для иллюминационных транспарантов и составлявшие с ними неразрывное целое прозаические проекты иллюминаций, стихи для придворных маскарадов, надписи к памятникам и статуям, эпитафии и т. д.

Поэзия Ломоносова была встречена восторженно и создала ему громкую славу, которая как при его жизни, так и на протяжении многих десятилетий после смерти превосходила его популярность как ученого.

Интерес к родной литературе пробуждался у юного помора по мере его приобщения к народному творчеству. В Москве, в Славяно-греко-латинской академии, формировались художественные вкусы будущего ученого. В 1736 г. Ломоносов — студент Петербургской Академии наук — заинтересовался теорией поэзии. И среди первых книг, приобретенных им в январе 1736 г., был только что вышедший трактат В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний». Автор трактата сделал попытку доказать возможность введения в русский стих тонического принципа.

Ломоносову были созвучны многие идеи Тредиаковского о развитии русского языка и литературы, а знакомство с теоретическим трактатом пробудило у начинающего поэта большой интерес к теории русского стихосложения.

В Германии русский студент не упускал случая знакомиться с трудами иностранных ученых по теоретическим вопросам поэтики и новейшей немецкой поэзии. Но принципы русского стихосложения у него вырабатывались главным образом благодаря собственной практике в переводной и оригинальной поэзии. В 1739 г., изучая химию и горное дело во Фрейберге, Ломоносов написал свое первое оригинальное произведение — «Оду на взятие Хотина». Впоследствии, на протяжении 25-летней творческой деятельности Ломоносова, похвальные, торжественные оды станут его основным поэтическим жанром.

Несмотря на многовековую историю этого вида поэзии, Ломоносов явился создателем нового вида оды. Глубокое идейное содержание, горячий патриотизм, величественный и торжественный стиль ломоносовской оды, ее устойчивая строфическая организация, правильный размер — четырехстопный ямб, богатая рифма — все это было ново не только для русской литературы, но и для истории этого жанра в целом.

Раздвигая рамки жанра, внося патриотический пафос, Ломоносов превратил оду в многотемное публицистическое произведение, служившее самым высоким идеалам поэта, его горячей заинтересованности в судьбе Родины.

Уже первая ода Ломоносова содержала патриотические идеи — возвеличивала важные политические события, происходящие в России. «Ода на взятие Хотина», в основу которой положена новая форма стихосложения, стала классической, сочетая в себе богатство идейного содержания, широкий исторический кругозор автора, зрелость его политической мысли. А. Н. Радищев, высоко оценивший это произведение, писал: «Необыкновенность слога, сила выражения, изображения едва недышущия изумили читающих сие новое произведение» [10].

В ноябре 1739 г. вместе с «Одой на взятие Хотина» Ломоносов направил в Петербургскую Академию наук «Письмо о правилах российского стихотворства», в котором изложил свои теоретические взгляды на природу русского стихосложения, а также «общие основания» более широкого значения, свидетельствовавшие о том, что у автора сложился свой взгляд на задачи русской филологии. По его убеждению, отечественная литература, не отгораживаясь от иностранной, должна идти своим самобытным путем, в соответствии с богатыми возможностями русского литературного языка.

Ломоносов понимал значение предложенной им реформы российского стихосложения. С законной гордостью в конце жизни он отмечал: «Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние» [11].

Следующим этапом филологических исследований Ломоносова стала работа над теорией русской прозы, вопросами стилистики.

В 1742 г. молодому адъюнкту Петербургской Академии было поручено обучать учеников гимназии «в стихотворстве и штиле российского языка» [12]. Чтение лекций, вероятно, и послужило толчком к написанию руководства по риторике. К началу 1744 г. Ломоносов подготовил первый вариант «Риторики», который он назвал «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия».

Заслуга Ломоносова заключалась в том, что он утвердил основные начала русской литературной речи, составил свод правил, которым необходимо следовать в литературных произведениях. Это являлось одной из насущных потребностей русского общества, поскольку литературный язык начала 40-х годов был полон стилистических и лексических противоречий: в нем сочетались церковнославянский язык, разговорная русская речь и иностранные слова. «Риторика» Ломоносова содержала свод пра-

[10] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, с. 80.
[11] *Ломоносов М. В.* ПСС, т. 10, с. 399.
[12] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961, с. 67.

вил, которым предлагалось следовать в литературных произведениях высоких жанров, т. е. таких, где освещались преимущественно государственные, общественные и философские темы. Советский исследователь А. В. Западов отметил, что эта работа русского ученого «несла читателю важнейшие элементы логики как учебной дисциплины, разъясняла формальные законы мышления, учила строить силлогизмы, рассуждать, доказывать, делать правильные умозаключения» [13].

Свои теоретические положения автор «Риторики» подтверждал выдержками из художественной литературы, отрывками из собственных произведений. Звучные стихи, образцы ораторской прозы в переводе Ломоносова щедро украсили его «Риторику» и сделали ее весьма популярной книгой для русского читателя.

Ломоносова серьезно занимали вопросы русской грамматики. Подчеркивая огромное значение грамматики, он писал: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» [14]. В 1755 г. он написал большое филологическое исследование — «Российскую грамматику». Книга отличалась строгостью построения, полнотой, обилием, разнообразием и продуманностью наблюдений. В отличие от прежних грамматик М. Г. Смотрицкого, В. Е. Адодурова она носила ярко выраженный нормативный характер.

В «Российской грамматике» (1755) отразилось материалистическое мировоззрение Ломоносова: источником понятий он считал только действительность, в языке он видел важнейший фактор развития общества — он необходим, как отмечал автор, «для согласованного общих дел течения» [15]. По заключению советского ученого Ф. П. Филина, «в „Российской грамматике“ Ломоносова в сжатом виде не только изложены правила письменного русского языка, но и намечены некоторые фонетические и грамматические черты устной речи» [16].

Обладая многими неоспоримыми достоинствами, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова являлась самым популярным в XVIII в. учебным пособием. Несколько поколений русских людей обязаны ей своею грамотностью.

Не меньшее значение для развития отечественного языка и литературы имела самая поздняя филологическая работа Ломоносова — «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». В ней ученый решил три важнейшие для того времени

[13] *Западов А. В.* Отец русской поэзии: О творчестве Ломоносова. М., 1961, с. 234.
[14] *Ломоносов М. В.* ПСС, т. 7, с. 392.
[15] Там же, с. 394.
[16] *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 132.

задачи: 1) сочетание церковнославянских и русских народных элементов в составе литературного языка, 2) разграничение литературных стилей и 3) классификация литературных жанров. Решение этих проблем он подчинил патриотической идее, которой была проникнута вся его филологическая деятельность,— стремлению мобилизовать все живые силы русского литературного языка, чтобы противостоять чужеродным вторжениям и, сделав научную и литературную речь общепонятной, обеспечить внедрение науки и литературы в национальный быт.

Учение о трех стилях Ломоносова было основано на том, что самой существенной частью русского литературного языка должна стать письменная и разговорная речь широких слоев народа, которую нужно тщательно оберегать от перегрузки славянизмами и не вносить «дикие и странные слова и нелепости, входящие к нам из чужих языков».

Правильность своих теоретических положений Ломоносов подтверждал собственным литературным творчеством. По словам А. С. Пушкина, слог Ломоносова, «ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным» [17].

Учение Ломоносова о трех стилях оказало огромное плодотворное воздействие на последующую историю русской литературы и русского языка. После упорядочения по письменным жанрам произошло объединение на базе среднего стиля всех письменных источников в единую литературную систему, выдающуюся роль в создании которой сыграл гений Пушкина.

Работа Ломоносова над формированием и совершенствованием русского литературного языка была неразрывно связана с поэтическим творчеством, с его ораторской прозой.

Богатство идейного содержания, гражданская тематика, патриотическая направленность — вот основные требования, которые предъявлял Ломоносов к современной ему литературе. Свою точку зрения на высокое призвание писателя и поэта он высказал в стихотворении «Разговор с Анакреонтом». Ломоносов утверждал, что при важности и трудности стоявших перед русским обществом XVIII в. культурных задач нельзя отвлекать поэзию от активного вмешательства в общественную жизнь. Поэзия — это боевая сила, которую не следует растрачивать на «сладкие слова», а нужно подчинять насущным нуждам России и русской культуры.

Несмотря на то что поэзия Ломоносова не лишена жанрового разнообразия — он писал трагедии, сатиры, эпиграммы, басни, дидактические послания, перекладывал псалмы, сочинял фило-

[17] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 29.

софскую лирику, для современников и потомков он был прежде всего одописцем.

В оды и похвальные слова, посвященные царствующим особам, Ломоносов вводил немало лестных строк. Но это только привычная дань риторике того времени. По содержанию многие из них представляют собой своеобразные рекомендации правителям России, выражающие заветные мысли и чаяния русского ученого и поэта, воплощение которых в жизнь зависело от верховной власти. В «Похвальном слове Елизавете Петровне», произнесенном Ломоносовым в ноябре 1749 г., в уста императрицы вложена обширная программа развития образования, научных знаний, освоения природных богатств и т. д.

Пропаганда науки и просвещения в художественных произведениях ученого носит активный, деятельный характер и занимает большое место. Подлинным гимном науке можно назвать «Письмо о пользе стекла», адресованное им И. И. Шувалову.

Ломоносов не только прославляет науку, но и делает научное мышление предметом своей поэзии. В стихах он размышляет о явлениях природы, высказывает научные предположения, полемизирует с ошибочными, по его мнению, суждениями и теориями. В «Утреннем размышлении о божием величестве» и в «Вечернем размышлении о божием величестве при случае великого северного сияния» ученый-поэт раскрывает необъятную картину мироздания, высказывает важные идеи о физической природе солнечной поверхности и бесконечности Вселенной, с поразительной глубиной описывает процессы, происходящие на Солнце, которые лишь во второй половине XIX в. были научно доказаны астрофизиками. Г. В. Плеханов, высоко оценивая эти произведения Ломоносова, писал: «Научное представление о космосе располагало душу Ломоносова к живейшему принятию впечатлений, получавшихся им от картин природы, что поэтом несомненным, глубоко чувствующим поэтом он становится тогда, когда смотрит на Вселенную не с точки зрения того или иного мифа, а с точки зрения современного ему естествознания, так хорошо ему знакомого» [18].

Для Ломоносова, носителя новой, демократической культуры, развитие русской науки, ее широкое распространение были неразрывно связаны с заботой о благосостоянии России. Родина и наука для него — понятия идентичные. Тема Родины проходит красной нитью через многие художественные произведения ученого; за безликими фигурами самодержцев встает великая и необъятная Россия. Русский народ в одах Ломоносова — это народ-богатырь, народ-труженик, достойный «величайшей степени благополучия и славы».

---

[18] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1925, т. XXI, с. 149.

Необходимым условием для процветания государства Ломоносов считал мирное развитие страны, отсутствие разрушительных кровопролитных войн. Поэтому идея мира, «тишины» постоянно присутствует в его литературных произведениях. Оду 1747 года на день восшествия на престол Елизаветы поэт начинает не с поздравлений, а с прославления мира:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина...

Воззрения Ломоносова сложились в то время, когда доктрина «просвещенного абсолютизма», направленная против феодальной реакции, была передовой политической теорией. Просвещенным монархам Ломоносов теоретически приписывал роль носителей прогресса. Таким идеальным правителем он считал Петра I. Поэтому образ Петра занимает особое место в его творчестве. Петр для него прежде всего гражданин, государственный деятель, неустанно ведущий страну к просвещению, он — «строитель, плаватель, в полях, в морях герой», как позднее для Пушкина Петр — «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник».

Образцом ораторского мастерства Ломоносова явилось «Похвальное слово Петру Великому», которое он произнес в апреле 1755 г. Петру поэт посвятил и героическую поэму «Петр Великий».

Идеализация заслуг Петра I звучала в произведениях Ломоносова оппозиционно по отношению к политике, проводимой его преемниками, которые не слишком заботились о развитии отечественной науки и культуры.

Поэтические произведения Ломоносова наполнены описанием современных ему политических событий. На приход к власти Екатерины II поэт откликнулся написанием оды. В назидательной форме он напомнил новой императрице о достоинствах русского народа — миролюбивого и мягкого в мирное время, но умеющего постоять за себя в трудные годы — и призвал ее отвергнуть условия позорного мира, заключенного Петром III с прусским королем. В этой же оде Ломоносов выразил резкое отношение свое и других отечественных ученых к тем иностранцам, которые приезжали в Россию для личного обогащения. Как предостережение Екатерине II прозвучали слова поэта, что нельзя «законы нарушать святые» и презирать подданных, что их пороки следует исправлять «ученьем, милостью, трудом». Такой советчик был не только не нужен Екатерине, но и опасен. И она дала это понять уже прославившемуся русскому ученому, пытаясь уволить его в «вечную отставку».

Литературное творчество Ломоносова, его поэтические и публицистические произведения снискали ему неувядаемую славу, а затем породили многочисленных последователей. Литературные

традиции Ломоносова были продолжены Державиным, Радищевым, поэтами-декабристами и молодым Пушкиным.

Большой интерес представляет эпистолярное наследие русского ученого, его служебные бумаги и документы. Они несут на себе печать автобиографической прозы, раскрывают нелегкую жизнь автора, отражают его постоянный научный поиск. Как научные труды и поэтические произведения, так и письма и служебные материалы являются памятниками творчества Ломоносова, поскольку дают представление о нем как о выдающемся государственном деятеле, великом патриоте и неутомимом борце за просвещение русского народа.

В настоящий том включены наиболее значительные сочинения М. В. Ломоносова в области истории, филологии, поэзии и оригинальной прозы; помещены письма и документы, раскрывающие важные события жизни и творчества ученого.

Тексты сочинений, писем, служебных материалов печатаются по 11-томному Полному собранию сочинений М. В. Ломоносова (ПСС), изданному Академией наук СССР в 1950—1959, 1983 гг., с сохранением в основном орфографии и пунктуации того времени. Авторские сноски обозначены цифрами со звездочкой, примечания редакционной коллегии — цифрами, а ее подстрочные сноски — буквами.

Некоторые незначительные изменения в тексте, сделанные редакционной коллегией, заключены в квадратные скобки.

# ТРУДЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ



# ЗАМЕЧАНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ Г.-Ф. МИЛЛЕРА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ И НАРОДА РОССИЙСКОГО»

## Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.

Указом ея величества из Канцелярии Академии наук велено сочиненную господином профессором Миллером речь о происхождении имени и народа российского мне рассмотреть, нет ли в ней чего России предосудительного, которую многократно прочитав и рассмотрев, подаю об ней в оную Канцелярию мое мнение, которое состоит в следующих пунктах.

1

В рассуждении оснований, на которых господин Миллер свои мнения утверждает, следующее весьма неприлично, ибо: 1) Обещается он иностранных авторов тут приводить, где своих к тому недовольно (стр. 6); однако в противность того российских авторов не токмо просто, но нередко и с поношением опровергает, как то в 9-м пункте явствует ниже сего, что учинил он весьма несправедливо и дерзновенно. Ибо как иностранные писатели ненадежны, то явствует на странице 32, где о разделении государства, учиненном от великого князя Владимира Святославича, многие неисправности находятся; также незнание их о наших землях, городах и князьях во всей его книге явствует, которые их грубые погрешности исправить и согласить старался господин Миллер без всякого успеху. Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках. Из всего видно, что он весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях. 2) Иностранных авторов употребляет он весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо, где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, тут употребляет их за достоверных. Сие видеть можно о Саксоне Грамматике на странице 25 и в других местах.

3) Чтобы из одного сходства имен выводить следствия, того по правде не принимает (стр. 7 и 12), однако, где видит, что себе в пользу, того мимо не пропущает, но толкует имен сходства в согласие своему мнению (стр. 53), где он весьма смешным образом из Гостомысла сделал Гостомила, что он от неразумения российского языка сам против себя выдумал, ибо Гостомил значит того, кто гостям мил, а Гостомысл того, кто о гостях мыслит.

2

На таких зыблющихся основаниях поставлена вся его диссертация, в которой он, во-первых, опровергает мнение о происхождении от Мосоха Москвы и россиян от реки Росса, которые его мнения, десять раз прочитав, едва распознать можно, спорит ли он или согласуется; наконец узнал я, что то — опровержения, которые никакой силы не имеют и притом переплетены непорядочным расположением и темной ночи подобны.

3

О скифах, которых почитать должно за первоначальных жителей в наших нынешних селениях, господин Миллер весьма мало упоминает, разве он не хотел повторять того, что от покойного профессора Бейера в наших «Комментариях» писано; но справедливее подумать можно, что он не хотел принять оного мнений, которые с его мнениями не согласны. Я приметил здесь, что от господина Миллера пропущен самый лучший случай к похвале славенского народа, ибо, как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и Александра, царей македонских, и самих римлян не устрашались, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали, то посему легко заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было. Правда, что господин Миллер говорит (стр. 13): «Прадеды ваши от славных дел назвались славянами», но сему во всей своей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен.

4

Вторая из главных частей сея диссертации пишет о славенском народе, которого приход в здешние места поставляет господин Миллер весьма поздо, чему противное показывают славенские имена старинных городов российских, так что ежели славя-

не пришли в здешние земли в 4-м веке, то оные городы должны были иметь славенские имена прежде приходу славян в оные места, что отнюд быть не может. Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рождества Христова, то неоспоримо доказать можно.

5

Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным, и что Рурик с братьями был сродственник князям славенским и для того в Россию призван на владение, сие все из самой сей диссертации заключить, а из других оснований весьма довольно доказать можно.

6

Имя российское почитает господин Миллер за новое, которое началось при Рурике, а сие из того заключает, что об нем иностранные не знали; но как из того заключить, что варяги сами себя русью не называли? Германцы дивно себя называют дейчен, хотя их ни русские, ни французы тем именем и поныне не пишут; так и варяги, происходя от роксолян, всегда себя русью называли, хотя другие народы их инако именовали, и самые слова Несторовы показывают, что варяги назывались русью, а по ним и новогородские славяне и прочие назвались русью. Но едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали.

7

Сверх сего примечания достойны следующие догадки: 1) Весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург, которая только для того вымышлена, чтобы опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове; однако сие ясно показуется рождением Ольги, великой княгини, которая в Прологе псковитянынею, а у Стриковского правнукою Гостомысловою называется. 2) Имена князей, которые пришли от варягов, признает за неславенские, не зная того, что Осколд речение есть славенское и значит обоюдный топор, так в псалме 73, стих 6, секирою и оскордом (или осколдом) разрушиша. Дир происходит от слова деру, якобы драч. Ольга названа от облегчения матери своея рождением. 3) Из сих двух князей хочет господин Миллер одного сделать весьма неосновательною догадкою, не рассуждая того, что каждого могила порозну в Синопсисе Киевском неоднократно упоминается. 4) Слово богатырь напрасно называет татарским.

8

При таких неосновательных мнениях и пустых словопрениях немало найти можно предложений, между собою прекословных, как то в самом начале на странице 2, в последних строчках говорит, что сочинения в «Комментариях» [в]сему свету сообщаем, а на 3-й странице, в первых строчках объявляет, что о сих наших трудах едва кто вне Академии может быть известен.

9

Сверх сего весьма неосторожны и предосудительны следующие: 1) Опровержение Киева перевозу из Нестора приведено равно как напоказ, для смеху. 2) Славенских князей называет царями российскими в противность своему мнению и в предосуждение первовенчанным царям российским. 3) А по сему весьма непристойно княжны славенские называются от него российскими царевнами. 4) Новогородцев называет самохвалами для того только, чтобы утвердить свои догадки. 5) О святом Несторе, летописце, говорит весьма продерзостно и хулительно так: ошибся Нестор, и сие неоднократно.

10

Что до латинского штиля касается, то никому не бесчестнее так худо знать по латине, как историку, которому древних латинских историков необходимо читать должно, а следовательно, и штилю их навыкнуть. И российский перевод, который он по большей части по своему переправлял, исполнен несносными погрешностями, которые ясно показывают, что он не такой великий знаток российского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами, как он о себе хвастал в кичливом своем, однако опроверженном, предисловии к Сибирской истории, которая, как я думаю, едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссертация.

11

В приступе и заключении диссертации, которые больше всех погрешностями против российского языка наполнены, нет никаких остроумных замыслов, которые бы на толь знатный случай годились и могли бы в слушателях возбудить удивление, и весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особливо она для многих дигрессий весьма темна.

12

Конец, на который сия диссертация сочинена, есть сей, чтобы всемилостивейшей государыне нашей принести первые плоды обновленныя от ея величества Академии, а притом чтобы оная приятна была российским слушателям и всякому читателю новостию и справедливостию своею полезна. Первое требует важ-

ности и великолепия, второе и третие живности, ясности и подлинности, старательно изысканной, которых качеств речь сия отнюд не имеет, но весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна, и, по моему мнению, отнюд не может быть так исправлена, чтобы она когда к публичному действию годилась. Сие репортует профессор Михайло Ломоносов.

Сентября 16 дня 1749 году.

## ПРИМЕЧАНИЯ [НА РУКОПИСЬ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА 1757 г.]

### [ПРИСТУПЛЕНИЕ]

1. Приступление. Стр. 1. **В первые 18 лет нынешнего столетия никакой герой в Севере не был известен, кроме Карла второгонадесять.** Геройские дела Петровы, великие предприятия и труды славны учинились еще прежде Левенгауптской и Полтавской батальи. Карл 12 показал бегством своим больше себя героя в Петре Великом задолго до 1718 года.

### ГЛАВА [ПЕРВАЯ]

2. Гл. 1, стр. 3. **Таких царей, как Петр Великий.** Лучше бы было: таких императоров.

3. Гл. та ж, стр. 4. **Москва — нарочитый город.** Москва — великий город, первого рангу во всей Европе.

4. [Гл. та ж], стр. 5 и далее. Санктпетербург не хорошо описан, инде мало, инде излишно. Должно сделать хорошее описание и перевесть. Вместить новые строения, Петергоф, Сарское Село и прочие.

5. [Гл. та ж], стр. 7. Земля около города Архангель[ского] — **весьма новая для прочей Европы, учинилась известна в половине 16 веку.** В Двинской провинции, где ныне город Архангельской, торговали датчане и другие нордские народы за тысячу лет и больше, о чем пишет Стурлезон, автор 12-ть столетия по Христе.

6. [Гл. та ж], стр. 8. **Девять месяцев нет пристани к Архангельскому городу.** С половины майя до Покрова Двина всегда чиста бывает, и того $4^1/_2$ месяца, и так $7^1/_2$, а часто только 7 месяцев Двина бывает неприступна.

7. [Гл. та ж], стр. 9, 10. **Лопари смуглы, не финского поколения, почитают идола Юмалу.** Однако лопари белокуры, больше финского облику; язык с финским, как французский с итальянским, сходны. **Юмала** по-чухонски и по-лопарски **бог.** Ростом лопари малы и силою слабы, затем что больше рыбою кормятся.

8. [Гл. та ж], стр. 4. **Москва столицею учинилась в 15-й век.** Однако князь Иван Данилович Калита столицу из Владимира в Москву перенес около 1320 году.

9. [Гл. та ж], стр. та ж. **Губернии со временем разделены будут.** Губернии разделены у нас давно на провинции и уезды и на приписные городы.

10. [Гл. та ж], стр. та ж. **Ливония всех северных земель плодоноснее.** Вятка и некоторые другие в севере провинции много плодоноснее.

11. [Гл. та ж], стр. 11. **Москва стоит в великой и прекрасной долине.** Москва стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многие городы представляют, которые в один соединились.

12. Просмотрев описание России, вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само. Для того советую, чтобы г. В[ольтер] описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочиненного, которое под моим смотрением скоро быть может готово. Таким образом, как оное есть, не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным. Описывает г. В[ольтер] Лапландию, самоедов, а где многолюдные, плодоносные и наполненные городами княжения и провинции: Ярославская, Тферская, Володимер, Нижней и великое множество городов около Оки и других рек великих?

13. [Гл. та ж, стр.] 27. **Ола** вместо Олга.

14. [Гл. та ж, стр.] 28. **Петр Великий произошел по фамилии от патриарха.** Правда, что так, однако не для того он был государь, что прадед был патриарх.

15. [Гл. та ж, стр.] 30. **Ливония больше доходов приносит, нежели Сибирь.** Сомневаюсь.

## ГЛАВА [ВТОРАЯ]

16. [Гл. 2], стр. 32. **Гришка согнал Бориса.** Борис уморил себя ядом.

17. [Гл. та ж], стр. та ж. **Три других лживых Дмитриев один за другим.** Самозванцев было вдруг иногда по четыре, и не все назывались Димитриями; но был ложный царевич Август, Лаврентей, Федор и другие.

18. [Гл. та ж], стр. 33. **Сын архиерея ростовского.** Экспрессия дурна. Лучше написать: сын боярина Федора Никитича Романова, который был неволею пострижен от Годунова, а потому был ростовским архиереем и наконец патриархом.

19. [Гл. та ж], стр. 34. **Сей старый человек был самодержец под сыновним именем.** Правда, что с[в]. патр[иарх] Филарет имел много силы в царство г. ц. Михай[ла] Федоровича; однако и сам государь был тогда в полном возрасте, как родитель его из Польши прибыл, и мог отправлять дела государственные.

20. [Гл. та ж], стр. 35. Не написал г. В[ольтер], что прежде царицы Авдотьи Лукьяновны женат был г. ц. М[ихаил] Ф[едорович] на княжне Марье Володимеровне Долгорукой, которая скоро после браку преставилась.

21. [Гл. та ж], стр. 37. **Г. ц. Михайло Федорович не сделал никакой перемены, чем бы правление поправилось или испортилось.** Весьма неправедно. Его владением Москва выстроена, искоренены самозванцы, люди собраны и все приведено в порядок.

22. [Гл. та ж], стр. 44. **Петр В[еликий] родился генваря 28.** В тот месяц и число преставился, а родился 30 майя.

23. [Гл. та ж], стр. 46. **Царевна Софья молодшая от первого браку.** Весьма неправедно. Число и порядок детей г. ц. Алексея Михайловича есть следующий:

| | | |
|---|---|---|
| 1. Евдокея. | 6. Алексей. | 11. Федора. |
| 2. Дмитрей. | 7. Марья. | 12. Симеон. |
| 3. Марфа. | 8. Анна. | 13. Иван. |
| 4. Софья. | 9. Федосья. | 14. Петр. |
| 5. Екатерина. | 10. Федор. | 15. Наталья. |

24. [Гл. та ж], стр. 46. Татьяна числится сестрою царевны Софьи Алексеевны. Однако она ей была тетка.

25. [Гл. та ж], стр. та ж. **Софья монастырь оставила.** Она еще тогда не была пострижена и жила в дворце.

## ГЛАВА ТРЕТИЯ

26. Вся сия глава о стрелецких бунтах неполна и весьма недостаточна. Много неисправностей. К сочинению ее можете перевести приказать мой экстракт о стрелецких бунтах.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

27. [Гл. та ж], стр. 59. **Будто П[етр] В[еликий] после брака, будучи 17 лет, жил только в роскоше, не имея никаких других прерогатив в рассуждении трона.** Но известно, что 14-ти лет зачал собирать регулярное войско, других обучать и сам обучаться.

28. [Гл. та ж], стр. та ж. **Les liens sérieux, etc.** [законные узы брака и пр.]. Должно совсем вон выкинуть, равно как и ses débauches de table [разгульные пиры].

29. [Гл. та ж], стр. 60. **Sueur froide et convulsions, quand il fallait passer un ruisseau** [холодный пот и судороги, когда нужно было переходить ручей]. Я имею примеры, что государь в детстве воды не боялся и часто ездил Москвою-рекою к Савве Старожевскому с братом своим ц. И[ваном] А[лексеевичем]. На сей же странице о ботике весьма ложное известие.

30. [Гл. та ж], стр. 61[а].

31. [Гл. та ж][б]. В сей главе много отнято чести П[етра] В[еликого] и отдано Лефорту. Между тем все так коротко и недостаточно, что совсем не может ни мало служить хотя к краткой истории государевой.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

32. [Гл. та ж], стр. 73. **Scheremetew et Shein originaires de Prusse** [Шереметев и Шеин, уроженцы Пруссии]. Здесь хочется, видно, автору, чтобы все генералы были иностранные, как и в четвертой главе потешных почти всех почитает иностранными.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

33. [Гл. та ж], стр. 80. С государем в посольстве были, по моим известиям: 1) генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, боярин Федор Алексеевич Головин, думный дьяк Прокофей Богданович Возницын. Стр. 81. **Правление будто поручено было Нарышкину, Голицыну и Прозоровскому.** А по моим известиям, боярину Тихону Никитичу Стрешневу и комнатному стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому.

34. [Гл. та ж], стр. 85. Г. В[ольтер] здесь пропустил описание опасности П[етру] В[еликому] в переезде через Двину льдом.

35. [Гл. та ж], стр. та ж. **Prince d'Armenie.** Я отроду не слыхал, чтобы где был принц армянский. Разве грузинский.

36. [Гл. та ж], стр. 106. **Вдовые попы перестают быть попами.** Неправда.

37. [Гл. та ж], стр. та ж. **Ce réglement a été aboli depuis lui** [это правило было с его времени уничтожено]. Также неправда, затем что и поныне пострижение имеет свои пределы.

38. [Гл. та ж], стр. 107. Трех школ духовных учреждения при П[етре] В[еликом] не было, а в Спасском монастыре школу основал ц. Феодор Алексеевич. Также три поста государь не уничтожил, а дал только волю.

---

[а] В рукописи текст отсутствует.
[б] В рукописи номер страницы отсутствует.

### ГЛАВА ВОСЬМАЯ[a]

39. [Гл. та ж], стр. 16. **Нарва, маленький город.** Мне кажется, мало сказано.

40. [Гл. та ж, стр. та ж.] Вся сия глава описана неправедно и коротко очень. Многие полки возвратились с военною честию и военную казну почти всю вынесли в карманах, которую в Новегороде перед Софейским собором в ящики высыпали.

№. Многие российские имена написаны неисправно. Однако можно тогда исправить, как печатать станут, или и прежде.

## ОПИСАНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ БУНТОВ И ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

### ЗАПИСКА О ПЕРВОМ СТРЕЛЕЦКОМ БУНТЕ В 1682 Г.

Горе царя Федора Алексеевича, причиненное смертью его первой супруги, Агафьи Симеоновны, и сына, царевича Ильи Федоровича, сильно повлияло на его здоровье. Его любимым правителем был в то время Языков. Царь объявил ему, что, зная о слабости своего здоровья и желая предупредить бедствия, могущие нарушить государственное спокойствие в случае его кончины, он намерен назначить наследником престола своего брата Петра Алексеевича.

Языков представил ему, что прямым наследником является царевич Иван Алексеевич, как единоутробный брат государя, к тому же старший брат Петра. Государь не согласился, сославшись на слабое здоровье царевича Ивана, и добавил, что Петр, напротив, сильного сложения и что к тому же бог наделил его выдающимися дарованиями, почему он и более достоин ему наследовать.

Любимец, имевший какие-то счеты с Нарышкиными, сделал все возможное, чтобы отдалить царевича Петра от престола. Он даже посоветовал царю немедленно вступить во второй брак, чтобы дать государству наследника.

«Я не раз беседовал с лекарями о твоем здоровье,— добавил он,— все мне отвечали, что ты скоро совершенно поправишься и будешь жить еще долго». Государь, ободренный советами Языкова, женился на Марфе Матвеевне из рода Апраксиных, но вскоре его болезнь усилилась, и он скончался 27 апреля 1682 г.

За два дня до его кончины стрельцы, притесняемые своими полковниками, которые посылали их на различные работы, не

[a] В подлиннике глава седьмая отсутствует.

давая отдыха даже в праздники, и под разными предлогами не доплачивали им жалованье, подали царю челобитную, в которой просили удовлетворить все их жалобы. Они поручили одному из своих товарищей снести ее в Стрелецкий приказ. Думный дворянин, или советник Канцелярии, Павел Петрович Языков принял челобитную, обещав доложить о ней князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, начальнику приказа, и на следующий день дать ответ.

Языков тотчас отправился к князю Долгорукому, но изложил ему дело неправильно. Он сказал, что стрелец, приходивший к нему с челобитной, был пьян и даже отзывался о князе непочтительно. Князь Долгорукий ответил, что если стрелец был пьян, то его следует завтра же бить кнутом перед съезжей избой для примера другим стрельцам.

На другой день этот стрелец вернулся в приказ, чтобы узнать ответ на челобитную, поданную им от имени всех его товарищей. Ему ответили, что государь приказал наказать его, как мятежника, и бить кнутом для примера всем другим. Два стражника, в сопровождении палача, отвели стрельца на место казни. Раздеваясь, чтобы принять назначенное наказание, он закричал другим стрельцам: «Ведь я подал челобитную по вашему поручению и с вашего согласия; как же вы позволяете меня так бесчестить!».

Тотчас прибежали несколько стрельцов и освободили своего товарища, избив стражников и палача. Присутствовавший здесь же дьяк, или секретарь, который, на свое счастье, еще не успел спешиться, ускакал во весь опор и поспешил сообщить думному дворянину о том, что произошло.

Стрельцы этого полка, которым командовал полковник Семен Грибоедов, были крайне возмущены этим случаем. В ту же ночь они столковались друг с другом, а на утро предложили стрельцам других полков действовать сообща и разузнали, кто еще из их полковых командиров дает повод для подобных жалоб.

Из двадцати полковников, командовавших в то время 22 000 стрельцов, нашлось девять виновных. Стрельцы приняли решение добиться суда над своими командирами или всех их перебить.

На следующий день, 27 апреля, в 4 часа пополудни скончался царь Федор Алексеевич.

Всех стрельцов немедленно вызвали в Кремль для принесения присяги царю Петру, объявленному наследником престола, в обход его старшего брата Ивана Алексеевича, которого из-за природной слабости, косноязычия и других болезней отстранили от престола. Стрельцы охотно присягнули, после чего разошлись по домам. Похороны царя происходили 28-го, и весь этот день стрельцы вели себя спокойно; но 29-го они толпой двинулись в Кремль просить нового царя, чтобы девять указанных ими коман-

диров были схвачены тут же при них и чтобы их заставили вернуть незаконно удержанные деньги, а также заплатить за исполненные для них работы по представленному стрельцами счету; стрельцы кричали, что если им откажут в их требовании, то они сами о себе позаботятся, перережут этих командиров, разграбят их дома и тогда найдут, чем себя вознаградить. Они грозили, что на этом не остановятся, а выместят свое недовольство и на других изменниках, и добавляли, что это может стоить жизни многим знатным боярам, большинство которых они при этом и назвали; словом, что они больше не могут терпеть произвола своих командиров и плохого управления изменников, злоупотребляющих доверием государя.

Такая смелая речь испугала двор. Было приказано задержать девять полковников, которым стрельцы предъявляли обвинение. Их в ближайшие два дня взяли и содержали в Рейтарском приказе. Стрельцы настаивали, чтобы полковников отдали в их руки, а уж они быстро с ними рассчитаются. В этом им было отказано, но зато им обещали, что государь велит рассудить их дело так, что они останутся довольны. Однако они не удовлетворились этим обещанием и продолжали настойчиво требовать выдачи своих командиров.

Наконец несколько бояр, любимых стрельцами, и епископов, по отношению к которым, однако, стрельцы не проявили особенного почтения, уладили это дело так, что стрельцы, видимо, остались довольны. Полковников приговорили заплатить все, что стрельцы требовали с них по счету, и отстранили их от командования. Вместо них стрельцам обещали дать новых начальников, коими они будут довольны. Стрельцы требовали, чтобы полковники, которые часто их безжалостно мучили, были биты кнутом; но это наказание было смягчено. 1 и 2 мая на площади перед Стрелецким приказом их били батогами. Полковников раздели до рубашки, положили ничком, и два человека били их тонкими прутьями по спине до тех пор, пока стрельцы не признавали наказание достаточным. Те из полковников, на которых стрельцы были особенно озлоблены, были наказаны до трех раз. Тех же, кого стрельцы ненавидели меньше, пощадили, и они получили меньше ударов. Все делалось по их произволу, и никто не смел им прекословить.

После этой расправы стрельцы благодарили государя за оказанное им правосудие, а полковники доставили деньги, которые они должны были заплатить. Некоторым пришлось отдать до 2000 рублей и более. Тех, кто расплатился раньше, отпустили первыми. Другие, оказавшиеся более медлительными, каждый день стояли на правеже по два часа подряд, пока не заплатили. Расплата закончилась в восемь дней. Затем полковников отпустили и сняли с должностей, после чего они уехали в свои поместья.

Попустительство стрельцам не замедлило повлечь за собою много дурных последствий. Стрельцы постоянно намекали в своих речах, что новый царь был избран незаконно, что они не верят, будто бы старший царевич, Иван Алексеевич, не способен был царствовать из-за болезней, ему приписываемых, и еще менее верят, что он сам отказался от престола, а это было делом изменников, главными из которых были Нарышкины, отец и брат вдовствующей царицы, матери Петра I, которому в то время было 10 лет. Они даже говорили открыто, что не позволят править собою Нарышкиным и Артамону Сергеевичу Матвееву, который должен был вернуться из ссылки, и что скорее они их всех перебьют.

Царевна Софья не могла стерпеть, что ее брат Иван отстранен от престола, и с помощью своих сторонников старалась разжечь дух возмущения среди стрельцов. Однако сначала она сочла нужным попытаться достичь своей цели не столь крутыми средствами.

Она пригласила к себе царевен, патриарха, высшее духовенство, бояр, воевод, дворян и крупных купцов. Она объяснила собравшимся, что царевич Иван, как старший, безусловно должен вступить на престол, что только это может предупредить смуты и междоусобицы. Все стрелецкие полки, добавила она, желают видеть на престоле царевича Ивана, который много старше царевича Петра, еще отрока и потому неспособного управлять государством. При этом царевна Софья добивалась одной цели — встать у власти, которою бы она тогда завладела благодаря своему влиянию на царя Ивана и слабости его здоровья. Душою всего этого заговора был боярин Иван Михайлович Милославский, человек тонкий и хитрый, близкий родственник Софьи со стороны ее матери.

Патриарх объяснил царевне причины, заставившие царя Федора Алексеевича предпочесть царевича Петра, но она ему возразила, что этого недостаточно, что нужно спросить мнение стрельцов и народа и подчиниться их воле. Патриарх и духовенство ответили, что раз царевич Петр уже взошел на престол и признан государем, то у них нет власти лишить его престола.

Потеряв надежду лишить престола Петра, царевна просила, чтобы по крайней мере его брат Иван был сделан соправителем. Патриарх возразил, что двоецарствие представляет много неудобств, что должен быть один царь и что так хочет бог. Затем он поклонился и вышел.

Царевна немедленно послала Милославского к стрельцам с просьбой, чтобы они помогли возвести на престол царевича Ивана Алексеевича. Она обещала им прибавку жалованья и другие награды.

Милославскому удалось своими происками полностью склонить стрельцов на сторону царевны. Но так как он, видимо,

боялся, чтобы дело не обернулось против него самого, то он прикинулся больным и принял все меры, чтобы оказаться вне подозрений. Пока же всем этим заговором руководили трое царедворцев — Александр Милославский и два брата Толстых, а также два стрелецких полковника, Цыклер и Озеров, которые тайно и договорились со стрельцами о том, как им действовать.

Между тем боярин Иван Максимович Языков, любимец покойного царя Федора Алексеевича, и Алексей Тимофеевич Лихачев были сняты с должностей. Первый был оружейничим, а второй казначеем. Им запретили показываться на глаза новому государю, но позволили видеть младшую вдовствующую царицу. Старший сын Нарышкина, молодой человек 23 лет, получил звание боярина и оружейничего. Многие считали, что эта должность совсем не подобает его возрасту. Другой брат, Афанасий Кириллович, лет двадцати, был назначен комнатным стольником при царе Петре Алексеевиче.

Эти назначения усилили ропот стрельцов, настроенных царевной Софьей против Нарышкиных. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, вернувшись из ссылки, остановился неподалеку от Москвы. Он не спешил въехать в город, желая предварительно убедиться, что раздражение уже улеглось. Но присутствие этого вельможи, равно почтенного как по своему возрасту, так и по огромному опыту в делах политических и военных, было сочтено совершенно необходимым вследствие происходящих событий. Государь послал ему навстречу одну из собственных карет, в которой Матвеев и прибыл в город 11 мая и вступил в свой дом, где все было уже приготовлено для встречи. На другой день он отправился во дворец и здесь был встречен с великим почетом как царем Петром I и царицей, его матерью, так и всеми царедворцами.

Ему сразу вернули звание боярина, так же как и все его вотчины и слуг, во время его ссылки поступивших в услуженье к другим господам. 12, 13 и 14-го дом его был наполнен множеством людей, радостно спешивших приветствовать его возвращение. Со всех сторон ему присылали подарки. Даже несколько стрельцов поднесли ему от имени всех своих товарищей хлеб-соль, как это принято, когда кто-нибудь приезжает или вступает в новый дом. Невозможно выразить, как ласково, с каким смирением и слезами он принимал и обнимал тех, кто посетил его. Все, даже те, кто не принадлежал к числу его друзей, радовались его возвращению. Они надеялись, что его присутствие предотвратит волнения, которых опасались со стороны стрельцов.

Этот вельможа, прибыв в Москву, отнюдь не одобрил столь быстрого повышения сыновей Нарышкина, особенно старшего. Он считал, что предоставленная стрельцам власть над их начальниками грозит самыми опасными последствиями, так как

слишком хорошо знал их нрав, всегда расположенный к бунту и возмущению, что полностью и оправдалось впоследствии.

После приезда Матвеева стрельцы только о том и говорили, что Боярская дума решила захватить зачинщиков того, что они называли между собою «добрым делом», казнить их, а большую часть остальных разослать в отдаленные города. Дерзкое поведение Ивана Кирилловича Нарышкина окончательно озлобило умы. Это был молодой повеса, который не щадил самых старых вельмож и даже дергал их за бороды, что было в те времена крайним оскорблением. И многие из них жаловались на это в своих разговорах со стрельцами.

В воскресенье, 14 мая, и на следующий день стрельцы всем рассказывали, будто Иван Кириллович в Мастерской палате надел царское платье и, усевшись на трон, заявил, что корона ему очень к лицу; когда же вдовствующая царица и царевна Софья стали упрекать его в дерзости, он пришел в такую ярость, что, внезапно вскочив, бросился на царевича Ивана, чтобы его задушить, и только стража, прибежавшая на крики царевен, удержала его от этого. Все это были, однако, только ложные слухи, которые распускали, чтобы еще сильнее восстановить народ против Нарышкиных.

В понедельник, 15/26 мая, когда бояре еще сидели в Думе, вдруг раздался громкий крик: стрелец, стоявший на карауле во дворце перед покоями царя, кричал, что Иван Нарышкин хотел задушить царевича Ивана Алексеевича. Сейчас же подняли тревогу, побежали бить в набат. Большинство стрельцов, бывших в Кремле, устремились во дворец, другие заняли выходы и никого не пропускали. Царедворцы, часть которых только что проснулась, попытались скрыться, как могли, другие попрятались. Много карет вельмож стали жертвами ярости бунтовщиков и были порублены в куски, а лошади искалечены.

Тем временем Петр Толстой, ставленник Милославских, объезжал верхом кварталы города, где жили стрельцы, громко крича, что Нарышкины задушили царевича Ивана и чтоб стрельцы спешили в Кремль. Стрельцы, уже подготовленные, ждали только сигнала. Они бросились, как бешеные, в Кремль с оружием, с развернутыми знаменами, захватив с собою пушки. Прибыв ко дворцу, все они кричали: «Выдайте нам изменников Нарышкиных, которые задушили царевича Ивана Алексеевича, а не то мы всех перебьем».

Бояре — князь Михаил Юрьевич Долгорукий, начальник Стрелецкого приказа, и Артамон Сергеевич Матвеев — вышли на Красное крыльцо и стали заверять стрельцов, что царевич Иван Алексеевич совершенно здоров и сейчас выйдет им показаться. Это их немного успокоило. Между тем царевна Софья велела выдать бунтовщикам несколько бочек водки под тем предлогом, что это их успокоит. Царица Наталья Кирилловна по настоянию

бояр вышла на Красное крыльцо с царевичами и царевной Софьей. Это привело бунтовщиков в замешательство. Многие из них поднялись по лестнице и стали спрашивать у царевича Ивана — подлинно ли это он? Уверившись в этом, они закричали: «Ты будешь наш государь, да погибнут все изменники!». Они тут же потребовали, чтобы царь Петр отдал скипетр своему старшему брату, что он и вынужден был сделать. Затем они снова стали кричать: «Выдайте нам изменников, главное — Нарышкиных, мы их всех перебьем; заточите в монастырь царицу Наталью Кирилловну; мы будем до последней капли крови защищать нашего государя Ивана Алексеевича и нашего царевича Петра Алексеевича!». Князь Долгорукий и боярин Артамон Матвеев вышли вторично; Долгорукий, спустившись с Красного крыльца, ласково говорил со стрельцами и старался наставить их на правый путь, обещая все сделать, чтоб они были вполне удовлетворены.

Царевна Софья, боясь увещаний этого вельможи, тотчас послала предупредить стрельцов, что они должны сегодня же перебить всех, кто внесен в переданный им список, иначе завтра же гибель ожидает их самих.

Это привело стрельцов в ярость, и они не хотели более ничего слушать. Они схватили князя Долгорукого, а затем Матвеева и сбросили их обоих с Красного крыльца. Другие стрельцы приняли их на пики и, покончив с ними, притащили их голые трупы на большую площадь перед Кремлем.

После этого первого трагического события стрельцы вновь начали кричать, чтобы им выдали других изменников, число которых, по их списку, превосходило сорок. Так как никто к ним не вышел, то они сами кинулись во внутренние покои и церкви, забыв уважение к царям, вдовствующим царицам и царевнам. Там они нашли второго сына Нарышкина, Афанасия Кирилловича. Они за волосы втащили его на Красное крыльцо и сбросили на пики своих товарищей, которые его убили, как и первых двух, и приволокли тело на площадь, где лежали остальные.

Думный дьяк Ларион Иванов и его сын Василий, которых стрельцы также нашли в одной из церквей, подверглись той же участи.

Стрельцы, бывшие внизу, непрерывно кричали: «Да здравствует наш государь Иван Алексеевич и наш царевич Петр Алексеевич, и да погибнут изменники!». В то же время те, которые стояли на крыльце, продолжали требовать выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина.

Во время этих событий невинно пострадал Федор Петрович Салтыков, молодой вельможа, отца которого очень любили стрельцы. Стрельцы, непрерывно требовавшие Ивана Кирилловича, увидев со спины молодого человека, торопливо входившего в церковь, закричали: «Вот Иван Нарышкин!» — и тут же его

схватили; так как он, страшно испуганный, не сумел назвать себя сразу, они его сбросили с крыльца, убили и притащили его труп к остальным. Но, заметив потом свою ошибку, они отнесли тело в дом его отца, который в то время был болен, и просили у него прощения. Отец отвечал им только, что такова воля божия, и велел вынести принесшим тело водки и пива.

Вскоре был найден и убит, как и другие, князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Его сына пощадили, может быть, потому, что он не был в списке, а может быть, как говорили стрельцы, из уважения к тому, что он провел двадцать лет в плену у крымских татар.

До наступления ночи погиб от ярости стрельцов и старый боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Когда этот вельможа возвращался домой, стрельцы окружили его карету и предложили его проводить; они уверяли, что вовсе не хотели убить его сына, и только когда тот заговорил с ними сурово и стал говорить, вместе с Артамоном Матвеевым, что их следует наказать, то они в запальчивости не сдержались; в этом они просили прощения у отца. Он не посмел ничего ответить, кроме того, что такова воля божия. Стрельцы весьма почтительно проводили его домой, где он приказал подать им водки и пива, сколько они захотят. Выпив, стрельцы его поблагодарили и простились с ним. В это время вошла жена сына Долгорукого, обливаясь слезами и оплакивая гибель своего мужа. Старец ответил ей пословицей: «Щуку съели, да зубы ее целы остались». Услышав это, один из стрельцов, задержавшийся в сенях, кликнул своих товарищей и сказал им: «Слышите, братцы, он нам еще грозится!». Тогда они, как бешеные, бросились обратно, схватили старца, потащили за руки и за ноги к дверям дома, убили и, отрубив руки и ноги, бросили труп в грязи посреди улицы.

Часть стрельцов осталась на ночь во дворце, другие охраняли городские ворота, а несколько человек отправились на поиски жертв, стоявших в списке. Они обыскивали их дома и дома их соседей.

Особенно усердно искали они одного доктора по имени Даниил ван Гаден, главного доктора царя Федора Алексеевича. Стрельцы обвиняли его в отравлении государя. Во время поисков доктора соседи его испытали много унижений. Несколько стрельцов, один за другим, заходили в дом другого доктора, по имени Гутменш. На первый раз они, однако, не причинили ему зла. Когда же они еще раз пришли искать, несчастный испугался, подумав, что явились за ним, и спрятался на чердаке. Найдя доктора, стрельцы повели его с собой, говоря: «Ты друг Даниила, наверно, ты его спрятал. Мы тебя не отпустим, пока его не найдем». Схватили они и жену Даниила и поручили караулить Гутменша стрельцам, стоявшим на Красном крыльце, с которого бросали убитых вельмож. У них хватило, однако, жалости позво-

лить отвести беременную жену Даниила в особую маленькую комнату. Обоих грозили убить, если не найдут доктора Даниила.

16/27 с утра стрельцы снова собрались в Кремле, оставив только необходимое число людей в караулах у ворот. Наиболее дерзкие устремились в царские палаты в поисках Нарышкиных. Не найдя их, они убили прежде всего боярина Ивана Максимовича Языкова и думного дьяка, или государственного секретаря, Аверкия Кириллова, а также схватили русского полковника Григория Горюшкина, вытащив их из домов, где те скрывались. Их привели во дворец, дожидаясь, пока соберутся все стрельцы. Бедные жертвы, оправданий которых никто не слушал, были сброшены с Красного крыльца, как и остальные, на пики и бердыши стоявших внизу стрельцов. Потом их голые тела вытащили из Кремля и бросили рядом с трупами убитых накануне. Через час узнали, что на улице нашли переодетого сына доктора Даниила. Никто не пускал его к себе, боясь такой же участи. Стрельцы спросили, где его отец. Он ответил, что не знает; тогда и с ним покончили, как с другими, сбросив с крыльца. Доктора Гутменша убили таким же образом, и никто не стал слушать доказательств его невиновности. Стрельцы ему только объявили, что раз Даниил не разыскан, то придется ему отвечать, и раз он приготовлял лекарства, погубившие царя Федора Алексеевича, то заслужил такую участь. Хотели покончить также и с женой доктора Даниила. Младшая вдовствующая царица, с которой они еще немного считались, вступилась за нее и спасла ей жизнь. Но эту бедную женщину было бы трудно вырвать из их рук, если бы в это время стрельцы не услыхали, что схватили одного из Нарышкиных — молодого человека 20 лет, двоюродного брата тех Нарышкиных; его сейчас же убили. Полковник Андрей Дохтуров, из числа тех, против кого стрельцы подавали челобитную, найденный ими в церкви, под алтарем, подвергся той же участи. Днем на большую площадь притащили еще нескольких писцов и их также убили. Так кончился этот день. Между тем весь день и всю следующую ночь стрельцы усердно искали лекаря Даниила и Ивана Кирилловича Нарышкина. Что до Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца царицы, то в конце концов удалось уговорить стрельцов оставить ему жизнь, но ему пришлось немедленно постричься, и затем его сослали в дальний монастырь. Также сохранили жизнь трем его младшим сыновьям, которые воспользовались таким решением стрельцов и, не теряя времени, скрылись из Москвы.

Утром 17/28 мая из Слободы, предместья, где жило большинство немецких офицеров, дошла весть, что там накануне схватили доктора Даниила, переодетого нищим; два дня и две ночи он скрывался поблизости в лесу и в конце концов, не выдержав голода, пришел в Слободу попросить поесть у кого-нибудь из своих знакомых; несколько стрельцов его узнали и задержали.

Эта находка весьма обрадовала стрельцов. Сейчас же был послан отряд, который привел доктора из Слободы в Кремль, к царским покоям, связанного, в одежде нищего, с сумой на боку и в лаптях. Царевна Софья и младшая вдовствующая царица сразу вышли и просили пощадить жизнь доктора. Они свидетельствовали, что он невиновен в смерти царя Федора Алексеевича, заверяли, что он сам первым пробовал все лекарства, приготовленные для государя, что и царица и царевна делали то же. Все это не подействовало на стрельцов; они закричали, что доктор не только цареубийца, но еще и колдун; что они нашли в его доме многоногое морское животное (полип) и змеиные кожи, которыми он пользовался для колдовства, и по одной этой причине он заслуживает смерти. Они даже прибавили грубо: «Мы знаем, что Иван Кириллович Нарышкин прячется у вас; если вы выдадите его нам, мы успокоимся и прекратим всякие дальнейшие преследования, надеясь, что государь прикажет палачу наказать тех, кто еще остался в нашем списке, но скрылся. Мы готовы разойтись по домам, если только нам даруют полное прощение и не поступят с нами, за все происшедшее, как с мятежниками».

Все их требования были исполнены; но когда их стали просить пощадить Ивана Кирилловича Нарышкина и лекаря, они сразу заткнули себе уши и только повторяли: «Мы знаем, что Иван Кириллович спрятан у вас, выдайте его добром, не то мы будем его разыскивать, пока не найдем, и тогда будет хуже; довольно того, что мы помиловали старого Нарышкина и трех его младших сыновей, а Ивана Кирилловича мы непременно убьем собственными руками». Их попросили немного подождать. Младшая вдовствующая царица и царевна Софья еще раз вышли и просили за Нарышкина. Вызвали даже митрополита с иконой богородицы, чтобы попытаться умилостивить этих злодеев, но все было напрасно.

Наконец старшая вдовствующая царица, приказав причастить и соборовать своего брата Ивана, вышла вместе с ним; он держался позади нее и за иконой, которую нес митрополит. Обе царицы, которым царевна Софья притворно подражала, стали на колени и молили стрельцов оставить жизнь Ивану Нарышкину; но эти унизительные попытки ни к чему не привели. Один из злодеев, потеряв всякое уважение к царицам, поднялся на крыльцо и, схватив Ивана Нарышкина за волосы, силою вырвал его из рук царицы и стащил вниз. Затем Нарышкина вместе с доктором Даниилом повели в место, расположенное на окраине Кремля, чтобы подвергнуть обоих пытке — суровая мера, не применявшаяся еще ни к кому из тех, кого прежде убили. Это было утонченной жестокостью с их стороны, чтобы сделать смерть более мучительной. Ивана Нарышкина пытали первого, и, хотя его страшно истязали, он не отвечал ни слова. После этого несколько стрельцов стащили его на большую площадь перед Кремлем, где

его изрубили на куски и насадили на железные острия его голову, ноги и руки.

Доктора Даниила также пытали. Одни стрельцы исполняли роль палачей, а другие записывали то, что он отвечал. В конце концов допрос им наскучил, они порвали протокол и вытащили доктора на большую площадь за стенами Кремля, где убили и изрубили тело на куски.

Во время всех этих трагических сцен они соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали. Каждый раз, как приводили новую жертву, давали знать во дворец и стучали в барабаны и били в набат до тех пор, пока несчастного не вытаскивали из Кремля и не убивали на большой площади. Осужденных на смерть вели на Красное крыльцо перед дворцом, и стрельцы, стоящие наверху, поднимали их, чтобы товарищи внизу могли их рассмотреть; затем они спрашивали: «Братцы, любо ли?». Стоящие внизу отвечали: «Любо, любо!» — и сейчас же подставляли свои пики и алебарды. Несчастную жертву хватали за руки и за ноги и бросали сверху на пики. Затем ее тащили на большую площадь за стенами Кремля, где и добивали. Было уже за полдень, когда убили доктора Даниила. Потом стрельцы явились ко дворцу и все кричали: «Теперь мы довольны. Пусть государь поступит с остальными изменниками по своей воле. Мы отдадим свою кровь до последней капли за цариц, царевен и нашего царевича». После этого старший царевич, Иван Алексеевич, попросил стрельцов не принуждать его принять венец, так как он сам чувствует себя слишком слабым и не надеется долго прожить, а потому вполне добровольно уступает его своему брату Петру Алексеевичу. Тогда стрельцы все единодушно закричали: «Сохрани, господи, здоровье царевича Петра Алексеевича». В конце концов царевич Иван склонил стрельцов своими просьбами и добился, чтобы вдовствующей царице Наталье Кирилловне разрешили остаться при сыне своем Петре Первом; раньше они намерены были заточить ее в монастырь.

В течение трех дней, когда длился этот бунт, стрельцы подчеркивали в своих речах, что они действуют только во имя царя Ивана Алексеевича, хотя они обращали весьма мало внимания на его приказания и руководились только своей прихотью и яростью. Они утверждали, что если бы медлили с исполнением своего замысла, то сами рисковали бы жизнью, так как было принято решение вооружить всех слуг боярских, число которых превосходило число стрельцов по крайней мере вчетверо; это вызвало бы еще большую резню, и, может быть, тогда вся Москва была бы уничтожена огнем и мечом.

17/28 мая к вечеру стрельцы объявили, что разрешают всем забрать своих покойников и похоронить их, что и было немедлен-

но сделано. На большой площади остались только тела Ивана Кирилловича Нарышкина, доктора Даниила, его сына и доктора Гутменша. Это показывает, что дух стрельцов уже немного смягчился, так как еще утром они заявляли, что бросят все трупы в топь за городом на съедение собакам.

Во время этого великого смятения никто не смел сказать стрельцам ни одного неприятного слова, не рискуя жизнью. Когда они хотели войти в какой-нибудь дом, приходилось сразу открывать перед ними двери, угощать пивом и водкой и давать столько денег, сколько они требовали.

18/29 мая были провозглашены царями Иван Алексеевич вместе с братом Петром Алексеевичем, причем на первом месте стоял Иван. Бояре из партии Петра, испуганные трагическими событиями, происходившими у них на глазах, были принуждены присягать царю Ивану Алексеевичу. Стрельцы доверили правление царевне Софье. Так кончился первый бунт. Царевна поручила князю Хованскому и его сыну Андрею управление Стрелецким приказом и в другие приказы и канцелярии посадила преданных ей бояр. Она прибавила также жалованье стрельцам, считая все эти меры необходимыми, чтобы укрепить свое положение.

Князь Хованский и его сын Андрей, чтобы подслужиться к стрельцам, роздали им огромные суммы под видом возврата недоплаченных денег. Земли убитых бояр были взяты в казну, вещи проданы и деньги розданы стрельцам. Царевна Софья разрешила им воздвигнуть на большой площади перед Кремлем столб, на котором были обозначены имена убитых людей и преступления, им приписываемые. Кроме того, она приказала раздать стрельцам грамоты, в которых удостоверялось, что они уничтожили изменников и своим усердием и верностью спасли жизнь обоим царевичам. Оба царевича были венчаны на царство патриархом Иоакимом 25 июня — 6 июля 1682 г.

## ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

Князь Хованский втайне держался раскола протопопа Аввакума, ересь которого не так давно вызвала народное волнение. Среди стрельцов многие принадлежали к расколу; заблуждения их поддерживал некий Никита Распоп, прозванный Пустосвятом. Несколько беглых и распутных монахов привлекли также на сторону раскола многих купцов и людей из самых низов. Они намеревались искоренить истинную веру и утвердить свою ересь по всей России. Обеспечив себе большое число сторонников и опираясь на покровительство князя Хованского, они подняли чернь.

5/16 июля они торжественно пришли к соборной церкви, неся перед собою иконы, зажженные свечи и аналой. Патриарх Иоаким

был тогда в соборе с архиереями и другими священнослужителями. Он стал увещевать раскольников покориться, обещая невозбранно обсудить с ними все разногласия. Но эти изуверы и слушать его не захотели. Именуя патриарха волком и лихоимцем, они стали бросать в него камнями и выгнали из церкви вместе со всем духовенством. Патриарх, прибежав в ужасном страхе в царский дворец, бросился в Грановитую палату и молил государей защитить церковь. Государи вызвали царевну Софью и созвали всех бояр. Собрание твердо решило принять крайние меры, чтобы помешать распространению раскола.

Бояре, выйдя из дворца, известили стрельцов, что государям угрожает большая опасность. Преданные стрельцы тайно послали за своими товарищами, призывая их поспешить на защиту церкви. Стрельцы немедленно явились и объявили собравшимся раскольникам, что они будут защищать правую веру до последней капли крови. Затем они усилили все караулы вокруг дворца. Хованский, сделав вид, что не знает о происходящем, явился к государям с сообщением, что народ бунтует из-за веры. Он посоветовал государям созвать собор, чтобы успокоить толпу, добавив, что воинской силой подавить этот мятеж нельзя, так как раскольников слишком много. Государи задали ему вопрос: собирают ли соборы таким бесчинным образом, обличающим прямое намерение не собор собрать, а покуситься на злодейство?

Между тем эти изуверы и стрельцы со своими лжеучителями, сопровождаемые толпой народа, вошли в Грановитую палату, неся перед собою иконы, свечи, аналои и книги. Многие из них спрятали в одежде камни, чтобы побить ими своих противников. Они подали царям челобитную, которая и была прочтена; после этого патриарх начал опровергать их доводы, а Афанасий, архиепископ Холмогорский, окончательно привел их в замешательство. Прежде этот архиепископ сам принадлежал к расколу, но, поняв свои заблуждения, вернулся в лоно церкви. Обманщик, не зная, что ответить, ударил архиепископа по лицу, а остальные подняли буйный крик. Цари прервали спор, удалившись в свои покои. Петр I поднял с головы корону и сказал: «Пока на моей голове эта корона и пока душа в теле моем, я буду защищать церковь и правую веру»; потом, обернувшись к боярам и другим царедворцам, добавил: «Дерзайте против наших общих врагов». Затем он приказал прогнать раскольников из дворца и взять под стражу Никиту Распопа вместе с другими вожаками. Стрельцы, оставшиеся верными, сейчас же исполнили приказ государя. Патриарх и все духовенство бросились к ногам Петра I, благодаря за защиту церкви. 6/17 июля на площади перед Кремлем лжеучителю Никите отрубили голову. Его соумышленники и бродяги были биты кнутом и сосланы. Эти казни испугали Хованского и заставили замолчать как его, так и его приспешников; но в сердце они затаили злобу.

Между тем стрельцы избрали выборных для сношения с государями; они стали называть себя не стрельцами, а надворной пехотой. Они пожаловались Хованскому, что начальники должны им деньги. Несмотря на ложность этого обвинения, Хованский без всякого расследования приказал их удовлетворить. В результате начальников приговорили к уплате нескольких тысяч рублей, что разорило многих из них.

Хованский захотел использовать благоволение к нему царевны Софьи, чтобы отомстить Милославскому, с которым он поссорился. Он решил воспользоваться стрельцами, чтобы убить Милославского. Вскоре стрельцы стали искать случая оказать Хованскому эту услугу. Но Милославский на время склонился перед грозой и тайком уехал в свою вотчину. Однако через некоторое время он снова появился при дворе. Он обвинил Хованского перед царевной Софьей, будто он на людях говорил о своем высоком происхождении, выводил свой род от королей и даже похвалялся, что женится на одной из царевен. Софья была возмущена его дерзостью; но она искусно это скрыла, твердо решив дать волю своему негодованию, когда придет время.

## ТРЕТИЙ БУНТ

Сговорившись со стрельцами, Хованский поддерживал раскол и завершал подготовку своего преступного умысла. Государи, уведомленные о его тайных происках, 29 августа переехали из Москвы в Коломенское, увезя с собою всех бояр и прочих царедворцев. Хованский и не подозревал, что они поедут дальше.

2 сентября на воротах Коломенского дворца оказалось прибитое письмо с предупреждением, что Хованский с сыном и сообщниками замышляют на жизнь государей, патриарха и бояр и даже хотят завладеть властью. Это известие заставило царей в тот же день уехать из Коломенского в село Воробьево, куда их сопровождали вдовствующая царица Наталья Кирилловна и царевна Наталья Алексеевна. 6-го они отправились в Саввин монастырь. Не успели Хованский и стрельцы узнать об отъезде государей, как они уже стали раскаиваться в том, что затеяли.

Из Саввина монастыря государи послали указы ко всем городам, чтобы собирать ратных людей и посылать их к Троице для защиты своих государей от посягательства стрельцов. Одновременно было приказано явиться туда и Хованскому, но он не поехал. Как только дворяне получили грамоты, они собрали, сколько могли, людей и поспешили к Троице, побуждая друг друга к возможной быстроте действий. Их собралось около ста тысяч человек, и они умоляли государей показаться войску. Государи вышли к войску и рассказали о преступных замыслах стрельцов. Дворяне, возмущенные трусостью бояр, командиров и московских дворян, грозили изрубить их в куски за то, что они

не защитили своих государей и дали столько воли стрельцам. Что до дворян окрестных городов, прибавляли они, то их следует лишить дворянства и причислить к мятежным стрельцам в наказание за то, что они плохо защищали своих государей и потакали стрельцам, вместо того чтобы их строго наказать.

Государи одобрили их усердие, но запретили применять какие-либо крайние меры. Однако дворяне настаивали на наказании мятежников, объясняя, что в противном случае стрельцы и впредь будут дерзки и взбунтуются при первом же случае. Государи, убедившись в верности дворян, оставили при себе часть из них, а остальных отослали по домам. Перед их отъездом государи пожаловали военачальников прибавкой жалованья и наградили землями остальных.

Михаилу Плещееву, Кириллу Хлопову, Василию Пушкину, Ивану Тяпкину, Ивану Суханину и Ивану Горохову было приказано остаться в Москве, чтобы наблюдать за действиями стрельцов.

Прибыв в село Воздвиженское, государи отлично понимали, что Хованский ослушается второго приказа, как ослушался первого. Они решили прибегнуть к хитрости и написали ему весьма благосклонное письмо, в котором хвалили его заслуги, обещали награды и призывали его приехать, чтобы присутствовать на совете. Видя столь лестное обращение, а также и ожидая скорого приезда гетмана, который был уже на пути в Москву, Хованский с сыном попались в ловушку. Им не дали доехать до Воздвиженского и схватили в селе Пушкине, вместе с сопровождавшими их 37 стрельцами.

Беззакония и преступления, совершенные Хованскими, как и участие их в преступном мятеже, заставили двор подвергнуть их пытке. Они признались в своих преступлениях и искупили их смертью; им отрубили головы в Воздвиженском. Князь Иван Хованский, второй сын казненного, бежал в Москву, где пытался поднять стрельцов под предлогом, будто его отец, брат и стрельцы были казнены помимо указа государей и без всякого предварительного следствия.

При этом известии стрельцы ударили в набат, забили в барабаны, взялись за оружие, решив отправиться в Троицкую обитель, чтобы предать там все огню и мечу. Но когда они узнали, что численность войска, собравшегося при государях, с каждым днем растет, ими овладел страх и они решили укрепиться в Москве, чтобы выдержать здесь, если понадобится, осаду.

Государи написали патриарху, чтобы известить его о казни Хованского. Грамоту эту поручили полковнику Петру Зиновьеву. Он с большим трудом спасся от ярости стрельцов, которые отвели его к патриарху и заставили прочитать грамоту вслух. Их бешенство еще возросло, когда они услышали о казни Хованского; они поклялись отомстить за нее кровью и перерезать всех дворян.

Вернувшись, Зиновьев уведомил государей о стрелецком бунте, что заставило их отправиться в Троицкую обитель. Между тем когда стрельцы сообразили, как их мало по сравнению со всем войском, собравшимся вокруг государей, и узнали к тому же, что это войско готово их защищать, то ярость стрельцов сменилась раскаянием. Они пошли к патриарху и молили его заступиться за них, обещая в будущем не нарушать своего долга и покорности. Патриарх горько укорял стрельцов за бунт, но все же обещал им отправиться в Троицкий монастырь, чтобы просить государей о помиловании их. Стрельцы просили, чтобы он не ехал туда сам, а послал вместо себя архиереев, так как его отъезд повергнет их в уныние. Патриарх с трудом добился помилования стрельцов; все же оно было им даровано под условием выдать зачинщиков мятежа. Три тысячи семьсот стрельцов отделились от остальных и просили дать им время приготовиться к смерти. Они простились со своими семьями, надели веревки на шеи и понесли с собой топоры и плахи. В таком виде они пошли к патриарху и снова стали молить его заступиться за них перед государями и спасти им жизнь; они старались также склонить на свою сторону и царевен. Царевны и патриарх в сопровождении высшего духовенства направились к Троице, куда пошли и стрельцы. Когда стрельцы прибыли, они были окружены войсками, и их обыскали, ища спрятанного оружия. После этого стрельцы пали на колени перед дворцом и положили головы на плахи.

Жены и дети, пришедшие вслед за стрельцами, взывали к государям, царице и патриарху, моля пощадить их мужей [и отцов]. Царица Наталья Кирилловна в ту минуту вспомнила жестокую и позорную смерть своих братьев, уныние своего отца, унижение власти государственной, ужас, пережитый юными государями, страх, испытанный ею самой. Из-за этих мыслей она некоторое время не могла решиться простить виновных. Но, когда она подумала о потоках крови, готовых пролиться, тронутая униженным видом патриарха, стоявшего перед ней на коленях, чувствительная к слезам жен и детей стрельцов, злопамятство в ней сменилось состраданием и она стала слезно умолять государей пощадить стрельцов. Государи приказали открыть окна в своих покоях, сделали стрельцам гневный выговор и помиловали их. Стрельцы тотчас встали, троекратно поклонились в землю своим государям и удалились.

6/17 ноября оба государя возвратились в Москву, совершив торжественный въезд в город под радостные клики народа. Государи приказали обнародовать помилование стрельцам. Дворяне, которые поспешили на помощь государям, были награждены, и, чтобы обеспечить прочное спокойствие в будущем, им было приказано поселиться в Москве. Так кончился этот бунт.

## ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Государь Иван Алексеевич родился немощным. Его младший брат, не предаваясь детским забавам, с охотой изучал военное искусство и другие полезные науки. Поэтому царевне Софье было нетрудно забрать все дела в свои руки.

Вновь введенные воинские упражнения отнюдь не нравились стрельцам. Из всего стрелецкого войска Петр Первый любил только Сухаревский полк, преданность которого была ему известна и который во время прошлого бунта не имел никаких сношений с мятежниками. Поэтому Петр Первый всегда держал его при себе. Другие полки пытались внушить царевне Софье недоверие по поводу нового воинского обучения, введенного Петром. Чтобы укрепить свою власть, царевна поручила Стрелецкий приказ думному дьяку Шакловитому, своему личному советнику, который пользовался ее большим расположением. Посольский приказ был вверен князю Василию Голицыну, которому вместе с тем было велено именоваться новгородским наместником и хранителем государевой большой печати. Она назначила своих ставленников полковниками стрелецкого войска и требовала, чтобы ее имя писалось в указах рядом с именами государей, а ее изображение давалось вместе с изображениями государей на монетах.

Бояре, дворянство и народ любили своих государей и горячо желали, чтобы они взяли в руки бразды правления; но никто не смел высказать этого из страха нового выступления стрельцов.

За это время в Москве побывали послы кесаря римского и короля польского. Царевна Софья приняла их со всею возможной пышностью.

Заключив вечный мир с поляками, она задумала предпринять военный поход, который прославил бы ее и тем укрепил ее власть. Для этого она приказала собрать войско в 200 000 человек и послала его в Крым под начальством князя Василия Голицына. Этот вельможа был в то время верховным правителем, но, заметив, что Шакловитый пользовался большим влиянием в делах, чем он, и что создание регулярных войск, осуществляемое Петром Первым, проходит с явным успехом, он хотел воспользоваться необходимостью стать во главе войска, чтобы под этим предлогом удалиться от двора. Поэтому он первый поднял речь перед царевной Софьей об этом походе. Петр Первый всеми силами старался этого не допустить, но тщетно; царевна настояла на своем.

Войско выступило в поход очень поздно, что дало крымским татарам время сжечь траву в степях, а это вызвало большие затруднения для русского войска. Недостаток фуража заставил его возвратиться обратно, ничего не предприняв. Чтобы скрыть

неудачу, царевна одобрила действия военачальников и наградила их.

Некоторые военачальники в Малороссии обвиняли своего гетмана Ивана Самойловича в том, что это он написал в Крым, советуя сжечь траву в степях. Когда это обвинение дошло до князя Голицына, он доложил о нем царевне, которая отдала должность Самойловича Мазепе.

Петр Первый, недовольный службой военачальников и нетерпеливо переносивший захват самодержавной власти царевной Софьей, вошел в палату, где она заседала в совете бояр. Государь стал упрекать Голицына, что тот допускал насилия над населением тех мест, через которые проходил, а также что он обнажил границы, чрезмерно растянув свои войска. Голицын, вместо оправдания, обещал выступить в следующий поход рано, прежде чем жара высушит траву.

Государь настоятельно требовал укрепить границу и приказал, чтобы князь Голицын, князь Михаил Ромодановский и Авраам Хитров охраняли Белгородскую линию укреплений, взяв каждый по пехотному полку, что составляло войско в 30 000 человек. Петр Первый очень хотел лично участвовать в походе, но он еще не достиг совершеннолетия.

Между тем царевна Софья, вовсе не считаясь с распоряжениями своего брата, приказала князю Василию Голицыну вступить с войсками в Крым. Он повиновался и вскоре вступил в бой с татарами у так называемой Черной равнины. Поход закончился в июне, не принеся существенного успеха ни одной из сторон. Царевна тем не менее одобрила действия военачальников, пожаловала им золотые и серебряные медали и наградила их землями.

Петр Первый отнюдь не одобрял этого похода. Он с неудовольствием видел, что Голицын привел войско назад, не получив на то приказа и не добившись сколько-нибудь значительного успеха. Дворяне, служившие под начальством Голицына, сообща подали государям челобитную, в которой жаловались на него. Они писали, что войско, уже прошедшее через степи и теснины и находившееся среди всяческого изобилия, могло легко разорить весь Крым, но Голицын никак не воспользовался своими преимуществами, а пошел назад; поэтому они полагали, что их начальник был подкуплен крымским ханом, посланцев которого у него видели. Дворяне кончали челобитную просьбой, чтобы государи отстранили от власти свою сестру и взяли бразды правления в собственные руки; они обещали до последней капли крови бороться с теми, кто будет этому препятствовать.

## ЧЕТВЕРТЫЙ БУНТ

Царевна Софья, узнав о челобитной и боясь, что ее заставят выпустить власть из рук, известила стрельцов. Эта солдатчина, всегда готовая к бунту, тотчас решила низложить болезненного царя Ивана и убить царя Петра, его мать, вдовствующую царицу, и всех преданных им вельмож. На престол должна была вступить царевна Софья.

Царь Петр женился в первый раз 17/28 января 1689 г. 8/19 июля того же года оба государя отправились в соборную церковь к торжественной службе. Когда крестный ход вышел из церкви, царевна Софья захотела идти рядом с обоими государями. Царь Петр заметил ей, что ее поступок нарушает обычай и что ей совсем не следовало участвовать в этом обряде. Царевна, несмотря на указание Петра Первого, осталась на занятом ею месте. Царь, возмущенный ее гордостью и высокомерием, направился в Архангельский собор, а оттуда удалился в село Коломенское. Этот знак неуважения страшно оскорбил царевну и заставил ее ускорить исполнение своего замысла. В тот же самый день Шакловитый совещался со стрелецкими начальниками и другими недовольными о том, как убить Петра Первого, царицу-мать, патриарха, бояр и самых богатых купцов и разграбить их дома, после чего возвести на престол царевну Софью.

С 10/21 августа происходили тайные сборища в Кремле, близ Никольских ворот, в доме некоего Лыкова, где теперь находится арсенал. Сюда Шакловитый собрал начальников стрелецких полков, чтобы обсудить с ними, как осуществить покушение. Все переговоры держались в глубокой тайне. 18/29 августа 4 верных стрельца прибежали в Преображенское, где находился Петр Первый с двумя царицами — матерью и супругой, и предупредили его, что множество стрельцов устремилось в Кремль с целью убить царя и всех преданных ему знатных людей; поэтому он должен укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Петр Первый удалился к Троице, куда за ним последовали преданные ему дворяне и Сухаревский полк.

Царевна Софья и ее сторонники, увидев, что их план не удался и заговор открыт, испугались за себя. Петр Первый приказал боярам и всем московским служилым людям немедленно явиться к нему. Все повиновались, кроме князя Голицына, Шакловитого и нескольких близких царевне людей. Непреклонность царя заставила царевну обратиться к патриарху с просьбой быть посредником и примирить ее с Петром, убедив его забыть о прошлом. Патриарх, не знавший о заговоре, пошел к царю, чтобы исполнить поручение царевны. Но, узнав о злых умыслах стрельцов, он был охвачен ужасом и решил остаться с царем. Софья, видя, что патриарх не возвращается, поняла грозящую ей опас-

ность и решила с несколькими своими сестрами отправиться в Троицкий монастырь. Она держала в руках образ Спасителя, как бы беря его в свидетели своей невиновности. В Воздвиженском ее встретил Иван Бутурлин, комнатный стольник, который приказал ей от имени Петра Первого ни под каким видом не являться в Троицкий монастырь. Так как она ослушалась приказа, то ей вторично было послано запрещение идти в Троицкий монастырь под угрозой, что в противном случае с ней будет поступлено строго и без уважения к ее особе. Вскоре прибыли к Софье боярин Шереметьев и стрелецкий подполковник Иван Нечаев и потребовали, чтобы она немедля выдала им изменника Шакловитого. Царевна всеми силами старалась укрыть его, продолжая уверять, что он невиновен, но, однако, велела подготовить его к смерти и соборовать. Тем временем царь Иван Алексеевич прислал к ней своего дядьку, требуя выдачи Шакловитого и мятежников. Этот поступок царя показал царевне, насколько ослабела ее власть. Поэтому она решила согласиться на требование государей. Мятежников отвели в Троицкий монастырь. Собравшаяся там чернь осыпала Шакловитого оскорблениями, упрекая его в честолюбивых замыслах. Его допрашивали перед боярами, подвергнув долгой и мучительной пытке. Видя, что изобличается свидетелями, он решил сознаться в своих преступлениях и сделал это письменно. После этого ему и другим бунтовщикам отрубили головы перед монастырем. Стрелецкий приказ был затем отдан князю Ивану Троекурову, которому было приказано держать стрельцов в повиновении и ввести самую строгую дисциплину.

Князю Василию Голицыну, приехавшему из Москвы, было приказано отправиться на подворье и запрещено являться в монастырь. Через некоторое время его вызвали и схватили на крыльце дворца; здесь его преступления были оглашены перед народом. Он был лишен княжеского достоинства, его имущество взяли в казну, а его сослали в отдаленное место.

Затем Петр Первый послал князя Троекурова к брату своему, царю Ивану Алексеевичу, чтобы просить его предложить царевне Софье отказаться от всех честолюбивых замыслов и избрать себе почетное убежище в монастыре.

Царевна, не видя больше средств удержать свою власть, уступила, хотя и против воли. Она рассталась со своими сестрами и удалилась в монастырь, где и кончила свои дни. Князю Федору Ромодановскому было поручено охранять ее с отрядом солдат. Тех, кто ей служил и пользовался ее расположением, разослали в незначительные города.

Приняв все эти меры, Петр Первый со всей своей семьей возвратился в Москву, где был встречен радостными криками народа. В это время стрельцы держались самым униженным образом. Царь помиловал их всех, кроме нескольких начальников,

которых велел пытать, а затем казнить. Так было потушено пламя мятежа.

Царь Иван передал Петру Первому верховную власть, которой он был облечен, и до конца своих дней жил как частное лицо. Большую часть стрельцов разослали в разные города, что сильно подорвало их влияние в Москве.

## ПЯТЫЙ БУНТ

Когда Петр Первый с Великим посольством уехал в чужие страны, управление государством было поручено Тихону Никитичу Стрешневу и князю Федору Ромодановскому, которым было приказано собирать бояр и советоваться с ними в затруднительных и опасных случаях. В июне месяце, во время отсутствия Петра в Москве, узнали, что четыре стрелецких полка, посланные на границу Литвы для наблюдения за поляками, взбунтовались, прогнали своих начальников, отказавшихся участвовать в бунте, и поставили на их место своих товарищей; что они самовольно идут к Москве, везя за собой пушки, и собираются истребить бояр и всех значительных людей, а также воспрепятствовать возвращению Петра Первого в Москву. Узнали также, что они собираются присоединить к себе московскую чернь и хотят передать управление государством царевне Софье и ее сестрам.

Тотчас по получении этих сведений правители послали нарочного к царю с обстоятельным донесением обо всем, что было открыто. Гонец нашел Петра Первого в Вене, и его донесение заставило государя направиться в Москву.

Тем временем московские бояре решили послать против мятежников военачальников Шеина и Гордона. Стрельцы усиленными переходами двигались к Москве и уже дошли до Воскресенского монастыря, в 50 верстах от Москвы, когда оба войска встретились. Посланец Шеина убеждал стрельцов вернуться на путь долга и просить прощения в своем преступлении, но мятежники, не слушая спасительных советов, осыпали его оскорблениями и упреками. Они также дерзко отвергли увещания генерала Гордона и готовились к упорному бою.

В начале боя начальники ограничились тем, что дали по стрельцам несколько холостых выстрелов, для острастки. Но стрельцы стреляли в войско государя ядрами и убили многих. Тогда генералы, в свою очередь, пустили в ход против мятежников артиллерию, а затем напали на них с такой отвагой, что вскоре обратили их в бегство. Множество стрельцов осталось на месте, четыре тысячи были захвачены со всей артиллерией и обозом.

Пленных отвели в Москву. Их начальников пытали, и под пыткой они признались, что действовали только по наущениям царевны Софьи, поддерживавшей с ними тайные сношения.

Когда царь возвратился в Москву, он принял по отношению к мятежникам меры, которые были одобрены всей придворной знатью и всеми горожанами. Он заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару на тех подданных, которые так часто злоупотребляли первою из этих добродетелей. Много стрельцов было казнено, остальных разослали в отдаленные места или перевели в другие полки; через несколько лет самое имя их, так сказать, угасло.

# ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО, ИЛИ ДО 1054 ГОДА,

## сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской академий наук

### ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление.

**Часть I**

**О РОССИИ ПРЕЖДЕ РУРИКА**

Гл. 1. О старобытных в России жителях и о происхождении российского народа вообще.
[Гл.] 2.— величестве и поколениях славенского народа.
[Гл.] 3.— дальной древности славенского народа.
[Гл.] 4.— нравах, поведениях и о верах славенских.
[Гл.] 5.— преселениях и делах славенских.
[Гл.] 6.— чуди.
[Гл.] 7.— варягах вообще.
[Гл.] 8.— варягах-россах.
[Гл.] 9.— происхождении и о древности россов, о преселениях и делах их.
[Гл.] 10.— сообществе варягов-россов с новгородцами, также с южными славенскими народами, и о призыве Рурика с братьями на княжение новгородское.

## Часть II

## ОТ НАЧАЛА КНЯЖЕНИЯ РУРИКОВА ДО КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

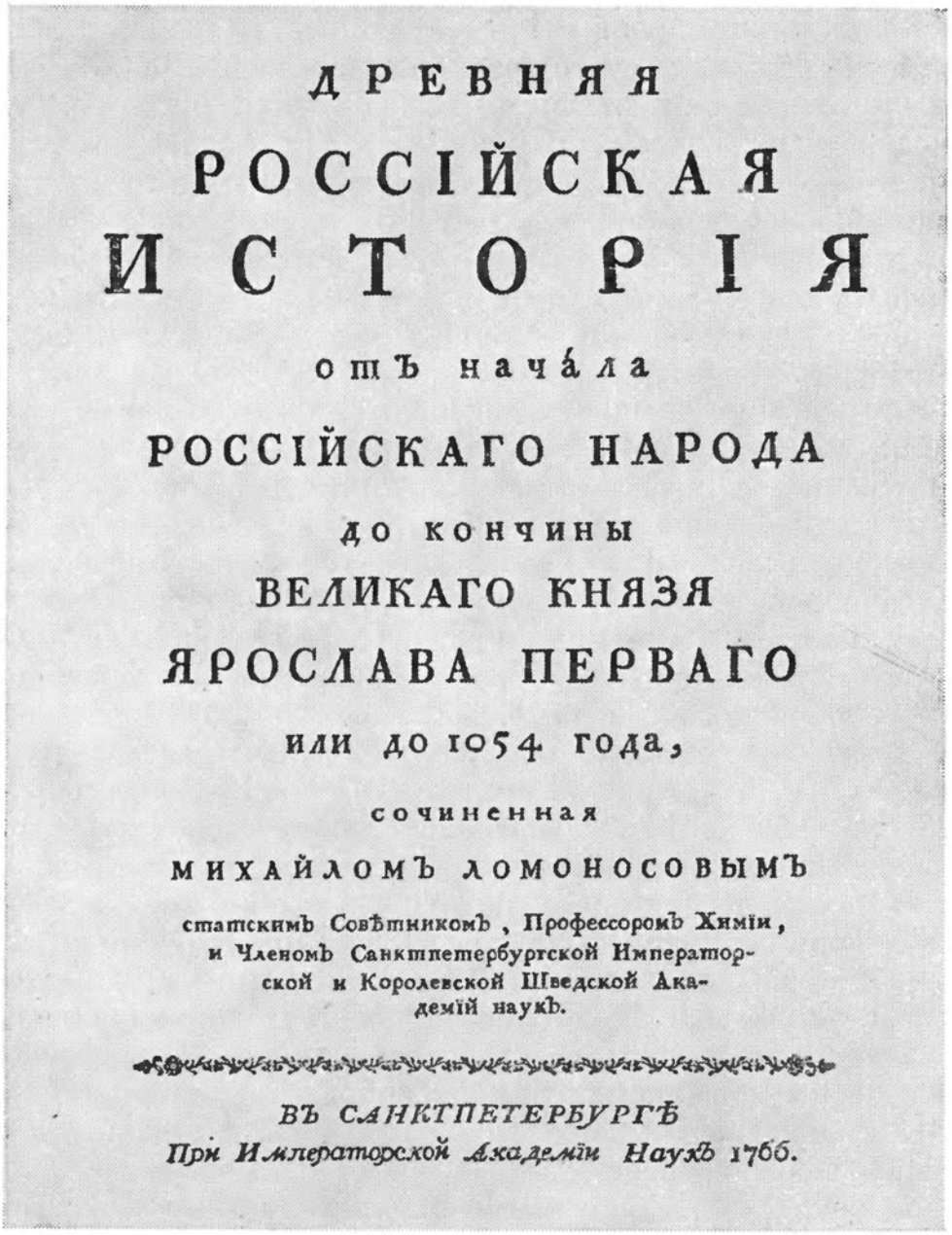
Гл. 1. О княжении Рурикове и о прочих князях, призванных из варяг-россов.
[Гл.] 2.— княжении Ольгове.
[Гл.] 3.— княжении Игореве.
[Гл.] 4.— [княжении] Ольгине.
[Гл.] 5.— [княжении] Святославове.
[Гл.] 6.— [княжении] Ярополкове.
[Гл.] 7.— [княжении] Владимирове прежде крещения.
[Гл.] 8.— рассмотрении вер и о крещении Владимирове.
[Гл.] 9.— княжении Владимирове после крещения его.
[Гл.] 10.— [княжении] Святополкове.
[Гл.] 11.— [княжении] Ярослава Первого.

### ВСТУПЛЕНИЕ

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, извнутрь домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастию последовало благополучие, большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяних российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и при-



ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ИСТОРІЯ
отъ начáла
РОССІЙСКАГО НАРОДА
до кончины
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО
или до 1054 года,
сочиненная
МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ
статскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ Химіи,
и Членомъ Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академій наукъ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1766.

*Титульный лист «Древней Российской истории» Ломоносова*

ключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако, противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своея славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные городы, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историею преданных, изыскать можно.

Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает. Наконец, она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших?

Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность. Великостию сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может. Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства, где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащия похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрения не произвести в благорассудном и справедливом читателе.

## ЧАСТЬ I

# О РОССИИ ПРЕЖДЕ РУРИКА

### Глава 1

### О СТАРОБЫТНЫХ В РОССИИ ЖИТЕЛЯХ И О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА ВООБЩЕ

Старобытные в России обитатели, славяне и чудь, по преданиям достоверных наших летописателей известны[1*]. Древние внешние авторы скифов и сармат, на разные поколения разделенных, под разными именованиями в ней полагают[2*]. Обои народы одержали великое участие в обширном сем земель пространстве. Славенское владение возросло с течением времени. Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые, по словесным преданиям, от славенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек, и городов, и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется.

Соединение двух сих народов подтверждается согласием в избрании на общее владение князей варяжских, которые с роды своими и со множеством подданных к славянам и чуди преселились и, соединив их, утвердили самодержавство. В составлении российского народа преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш, от славенского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей пространству малые различия имеет в наречиях.

---

1* Нестор на многих местах, степенные книги и летописцы.
2* Геродот, Страбон, Плиний и Птолемей.

Сих народов, положивших по разной мере участие свое в составлении россиян, должно приобрести обстоятельное по возможности знание, дабы уведать оных древность и сколь много их дела до наших предков и до нас касаются. Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения. Большую часть оных видим военными неспокойствами, преселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество.

## Глава 2

### О ВЕЛИЧЕСТВЕ И ПОКОЛЕНИЯХ СЛАВЕНСКОГО НАРОДА

Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее оного поколение, довольна к сравнению с каждым иным европейским народом. Но представив с нею Польшу, Богемию, вендов, Моравию, сверх сих Болгарию, Сербию, Далмацию, Македонию и другие, около Дуная славянами обитаемые земли, потом к южным берегам Варяжского моря склоняющиеся области, то есть курландцев, жмудь, литву, остатки старых пруссов и мекленбургских вендов, которые все славенского племени, хотя много отмен в языках имеют, наконец, распростершиеся далече на восток, славенороссийским народом покоренные царства и владетельства рассуждая, не токмо по большей половине Европы, но и по знатной части Азии распространенных славян видим.

Таковое множество и могущество славенского народа уже во дни первых князей российских известно из Нестора и из других наших и иностранных писателей[3*]. Ибо в России славяне новогородские, поляне на Днепре, по горам Киевским, древляне в Червонной России, между Днепром и Припятью, полочане на Двине, северяне по Десне, по Семи и по Суле, дулебы и бужане по Бугу; кривичи около Смоленска, волынцы в Волынии, дреговичи меж Припятью и Двиною, радимичи на Соже, вятичи па Оке и другие поколения, по разным местам обитая и соединяясь с варягами-россами, пресильные войны подымали против греков. Впе России ляхи по Висле, чехи по вершинам Албы, болгары, сербы и моравляне около Дуная имели своих королей и владетелей, храбрыми делами знатных. По южным берегам Варяжского моря живших славян частые и кровавые войны с северными, а особливо с датскими королями весьма славны[4*]. Множество

---

[3*] Нестор в начале и степенные кн.; Порфирогенит в Администрации.
[4*] Оные описывает Саксон Грамматик на многих местах.

и величество городов хотя тогда не таково было, как ныне, однако же весьма знатно. В российских пределах великий Новград, Ладога, Смоленск, Киев, Полотск паче прочих процветали силою и купечеством, которое из Днепра по Черному морю, из Южной Двины и из Невы по Варяжскому в дальные государства простиралось и состояло в товарах разного рода и цены великой. Меж другими славенскими селениями оставил по себе с развалинами великую славу пребогатый купеческий город и пристань Виннета при устьях реки Одры; разорен около помянутых времен от датчан.

Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества славенского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение. Чрез покорение западных и южных славян в подданство чужой власти и приведение в магометанство едва ли не последовал бы знатный урон сего племени перед прежним, если бы приращенное могущество России с другой стороны оного умаления с избытком не наполнило. Того ради без сомнения заключить можно, что величество славенских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере.

Но то же еще усматриваю много далее в древности[5*]. В начале шестого столетия по Христе славенское имя весьма прославилось; и могущество сего народа не токмо во Фракии, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много. Венды и анты, соединяясь со сродными себе славянами, умножали их силу. Единоплеменство сих народов не токмо нынешнее сходство в языках показывает, но и за тысячу двести лет засвидетельствовал Иорнанд[6*], оставив известие, что «от начала реки Вислы к северу по безмерному пространству обитают многолюдные вендские народы, которых имена хотя для разных поколений и мест суть отменны, однако обще славяне и анты называются». Присовокупляет еще, что от Вислы простираются до Дуная и до Черного моря. Прежде Иорнанда Птоломей[7*] во втором столетии по Христе полагает вендов около всего Вендского по ним проименованного залива, то есть около Финского и Курландского. Сей автор притом оставил в память, что Сармацию одержали превеликие вендские народы. И Плиний[8*] также свидетельствует, что в его время около Вислы обитали венды и сарматы. Итак, хотя Тацит[9*] сомневался о вендах, к сарматам ли их или к германцам причислить, к чему подали ему повод жившие тогда между немцами, как и ныне, венды, затем больше склонял их к последним, однако вышеписанные свидетельства несравненно

---

5* Прокопий Кесарийский, также Иорнанд на многих местах.
6* О делах готических, гл[ава] 5.
7* Географ., кн[ига] 3, гл[ава] 5, табл. 7.
8* Натур. ист., кн[ига] 4, гл[ава] 27.
9* О нравах германцев.

сильнее уверяют. Итак, народ славенопольский по справедливости называет себя сарматским; и я с Кромером[10*] согласно заключить не обинуюсь, что славяне и венды вообще суть древние сарматы.

Кроме славян, особенно именованных, вендов и антов, сверх Сармации, где в половине шестого веку Лех и Чех державствовали над многочисленным славенским народом, доказывают его тогдашнюю великость болгары, которых единоплеменство по великому сходству языка, могущество и множество их военных дел неоспоримо. Ибо уже прежде царства Юстиниана Великого, при царе Анастасии приобретши себе в Иллирике владение и селение, тяжкие войны наносили грекам.

В северных российских пределах славенские жители умолчаны не столько за малолюдством, сколько за незнанием от внешних писателей. Домашних вовсе отвергать есть несправедливая строгость. Новогородский летописец хотя с начала многими наполнен невероятными вымыслами, однако никакой не нахожу причины упрямо спорить, чтобы город Славенск никогда не был построен и разорен много прежде Рурика. Старинные развалины свидетельствуют; Нестор о Новегороде упоминает прежде всех городов российских и что дважды строен[11*]. От северных писателей[12*] издревле назывался Кунигардия, то есть (на чудском языке) славный город. Сие рассуждая, не почитаю за легкомысленное любопытство, когда, примечая именования мест у Птоломея, у Плиния и у других, находим от Адриатического моря и Дуная до самых берегов Ледовитого океана многих знаменования с языка славенского, что не за бессильное доказательство признавать должно, когда на вышеписанных свидетельствах имеет опор и основание. К доказательному умножению славенского могущества немало служат походы от севера готов, вандалов и лонгобардов. Ибо хотя их по справедливости от славенских поколений отделяю, однако имею довольные причины утверждать, что немалую часть воинств их славяне составляли; и не токмо рядовые, но и главные предводители были славенской породы. Итак, ныне довольно явствует, коль велико было славенское племя уже в первые веки по рождестве христове.

## Глава 3

### О ДАЛЬНОЙ ДРЕВНОСТИ СЛАВЕНСКОГО НАРОДА

Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имен

10* Книга 1, гл[ава] 12.
11* В начале и в 862 году.
12* Гелмолд и Арнолд.

не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседов единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных. Посему имя славенское по вероятности много давнее у самих народов употреблялось, нежели в Грецию или в Рим достигло и вошло в обычай. Но прежде докажем древность, потом поищем в ней имени.

Во-первых, о древности довольное и почти очевидное уверение имеем в величестве и могуществе славенского племени, которое больше полуторых тысяч лет стоит почти на одной мере; и для того помыслить невозможно, чтобы оное в первом после Христа столетии вдруг расплодилось до толь великого многолюдства, что естественному бытия человеческого течению и примерам возращения великих народов противно. Сему рассуждению согласуются многие свидетельства великих древних писателей, из которых первое предложим о древнем обитании славян-вендов в Азии, единоплеменных с европейскими, от них происшедшими. Плиний пишет[13*], что «за рекою Виллиею страна Пафлагонская, Пилименскою от некоторых проименованная; сзади окружена Галатиею. Город милезийский Мастия, потом Кромна. На сем месте Корнелий Непот присовокупляет енетов и единоименных им венетов в Италии от них происшедшими быть утверждает». Непоту после согласовался Птоломей[14*], хотя прежде иного был мнения. Согласовался Курций[15*], Солин[16*]. Катон то же разумеет, когда венетов, как свидетельствует Плиний[17*], от троянской природы производит. Все сие великий и сановитый историк Ливий показывает и обстоятельно изъясняет[18*]. «Антенор,— пишет он,— пришел по многих странствованиях во внутренний конец Адриатического залива со множеством енетов, которые в возмущение из Пафлагонии выгнаны были и у Трои лишились короля своего Пилимена: для того места к поселению и предводителя искали. По изгнании евганеев, между морем и Алпийскими горами живших, енеты и трояне одержали оные земли. Отсюду имя селу — Троя; народ весь венетами назван». Некоторые думают, что венеты происходят из Галлии, где народ сего имени был при Иулии Кесаре. Однако о сем не можно было не ведать Катону, Непоту и Ливию. При свидетельстве толиких авторов спорное мнение весьма неважно; и напротив того, вероятно, что галлские венеты произошли от адриатических. В тысящу лет после

[13*] Натур. ист., книга 6, глава 1.
[14*] Книга 12, стр. 544. Кпига 4.
[15*] Кн[ига] 3, гл[ава] 3.
[16*] Глава 44.
[17*] Нат. ист., книга 3, глава 19.
[18*] Книга 1, глава 1.

разорения Трои легко могли перейти и распространиться чрез толь малое расстояние.

Уже имеем древность славенского племени в Азии от самых давнейших времен, которых далее не простираются европейских народов благорассудные историки. Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, ни отрещи не нахожу основания. Для того оставляю всякому на волю собственное мнение, опасаясь, дабы священного писания не употребить во лжесвидетельство, к чему и светских писателей приводить не намерен. Довольно того, что могу показать весьма вероятно еще другие сильные в Азии народы, кроме енетов, славенского племени равной древности, и бывшим уже тогда их величеством и могуществом уверить, что оное началось за многие веки до разорения Трои.

Единоплеменство сарматов и венедов или вендов со славянами в прошедшей главе показано. О живших далее к востоку сарматах пишет Плиний [19*], что они мидской породы, живут при реке Доне, разделяются на разные поколения. Сей же автор и Страбон [20*] некоторых мидян в Европе вместе с фракиянами, то есть в сарматских пределах, полагают, чем вероятность о единоплеменстве сарматов с мидянами умножается. Ибо, преселяясь от востока к западу, мидские народы, и будучи проименованы сарматами, могли в некоторых поколениях удержать прежнее имя, подобно как славяне новогородские перед другими славенскими породами, которые особливые имена имели.

Некоторые речения мидские, со славенскими сходные, не были бы единородства вероятностью, когда бы таковыми важными свидетельствами древних писателей не утверждались.

Амазоны, по преданию Геродотову [21*], от сармат происхождение имели и говорили языком сарматским; скифскому от будинов не чисто научились. Плиний о сарматах гинекократуменах, то есть женами обладаемых, упоминает, супружество с амазонами имеющих; также и о сарматских амазонах [22*]. Посему они были славенского племени.

Видя пафлагонов, енетов, мидян и амазонов в Азии славенского племени, уже думать можно, что обитавшие с ними в соседстве мосхи им были единоплеменны, почему московский народ у многих новых писателей от них производится. О соседстве Мосхинии с амазонами и сарматами нахожу древние свидетельства, о единородстве — не имею; итак, утверждать о том опасаюсь, затем больше, что в Страбоне [23*] противное сему примечаю: «Мосхиния,— пишет он,— разделена на три части: одну колхи, вторую

---

19* Натур. ист., кн[ига] 6, гл[ава] 7 и кн[ига] 4, гл[ава] 1 и гл[ава] 11.
20* Географ., кн[ига] 7, стр. 218.
21* В Мелпо[мене], стр. 115.
22* Ист. нат., кн[ига] 6, гл[ава] 7.
23* Географ., кн[ига] 11, стр. 343.

иверы, третию армяне имеют» — народы, от славян весьма отменные. В наших летописях до начала Москвы не находим по российским областям подобного имени; и у Нестора при исчислении славенских поколений о мосхах глубокое молчание. Великий перерыв времени, в кое о мосхах не упоминают внешние и домашние писатели, не позволяет утверждать о единоплеменстве мосхов и славян московских без довольного свидетельства.

В южной Европе древность и могущество славян из Геродота явствуют, который венедов с иллирианами за один народ почитает и обыкновения их, мидским подобные, описует[24*], чем показанное выше сего единородство подтверждается. Иллирийцев древность простирается до веков баснословных; сила из военных дел с греками и римлянами известна. Некоторые, стараясь древних иллирийцев разделить от нынешних славян, в Иллирике живущих, приводят во свидетельство Иорнанда и Прокопия, которые описывают пришествие славян за Дунай от севера: новых мест имена славенского знаменования признают, в старых того не находят. Слабые спорных мыслей основания! Правда, что славяне, от полунощной страны перешед за Дунай, в Далмации и в Иллирике поселились в начале шестого веку. Но следует ли из того, чтоб они или их единоплеменные там прежде никогда не обитали? Не могло ли быть, чтобы, римскою силою утесненные, иллирические славяне во время войны уклонились за Дунай к полунощным странам; потом, приметив римлян ослабение, старались возвратиться на прежние свои жилища? Имеем сего явственные у себя следы. Нестор утверждает[25*], что в Иллирике, когда учил апостол Павел, жительствовали славяне и что обитавшие около Дуная, убегая насильного владения нашедших и поселившихся меж ними римлян, перешли к северу, на Буг, Вислу, Днепр, Двину и Волхов[26*]. Уже свидетельств довольно; но сверх того Плиний объявляет, что ему названия иллирических народов выговаривать трудно. Ясное доказательство, что ни от греческого, ни от латинского языка взяты, в коих он, без сомнения, был искусен. Городы многие издревле показывают славенский голос, с делом согласный, и возводят вероятность на высочайший степень.

Признаки древнего имени славенского явствуют, во-первых, у Птоломея под названием ставан[27*]. Свойство греческого и латинского языка не позволяет, чтобы они выговорить могли славян имя. Ради того прежде ставанами, после склаванами и сфлаванами называли. Амазоны, или алазоны, славенский народ, по-гречески значат самохвалов; видно, что сие имя есть перевод славян, то есть славящихся, со славенского на греческий. Имена

---

24* Евтерпия, стр. 36; Терпсих[ора], стр. 128.
25* Лист 16 на обороте.
26* В начале, лист 2 на обороте.
27* Географ., кн[ига] 3, гл[ава] 5, таб. Евр. 7.

славенских государей, в одно время со славенским именем прославленных, не в самое то время могли принять начало, но перед тем задолго. По именам государей и героев своих народ прежде внутрь пределов назывался, потом славою дел утвердил себе славное имя, которое хотя поздно по свету распространилось, однако внутрь было давно в употреблении.

## Глава 4

### О НРАВАХ, ПОВЕДЕНИЯХ И О ВЕРАХ СЛАВЕНСКИХ

Разные славян поколения неоспоримо разнились обычаями, хотя во многом имели сходство. Кроме разделения по местам, разность времени отменяет поведения. Того ради мидских, венетских, иллирийских, амазонских и сарматских предков славенских, кои многими веками, великими расстояниями и, сверх того, многоразличными преселениями отделяются, не изображаю в тогдашнем виде, который, по свойствам тамошнего климату и по соседству с отменными народами, походить не может на преселившихся их поздних потомков. Итак, довольно будет, когда увидим их, по преселениях несколько описанных.

Когда имя славенское в свете прославилось войнами против римлян и греков, тогда Прокопий Кесарийский[28*], того же веку писатель, следующее об них на память оставил: «Сии народы, славяне и анты, не подлежат единодержавной власти, но издревле живут под общенародным повелительством. Пользу и вред все обще приемлют. Также и прочие дела у обоих народов содержатся издревле. Единого бога, творца грому и всего мира господа исповедуют. Ему приносят волов и другие жертвы. Судьбины не признавают и не приписывают ей никаких действий в роде человеческом. Впадши в болезнь или готовясь на войну и видя близко смерть, дают богу обещание, что, ежели от нее свободятся, немедленно принесут жертву. Получив желаемое, исполняют свое обещание вскоре и верят, что жизнь их сохранена оною жертвою. Сверх того, почитают реки и другие воды, также и некоторых иных богов, которым всем служат и в приношении жертвы гадают о будущем. Живут в убогих хижинах, порознь рассеянных, и нередко с одного места преселяются на другое. Когда на бой выходят, многие идут пеши со щитами и с копьями; лат не носят. Иные, не имея на плечах одеяния, в одних штанах бьются с неприятелем. Обоих язык один — странный. Ниже видом тела разнствуют, ибо все ростом высоки и членами безмерно крепки, цветом ниже весьма белы, ниже волосом желты, ни очень черны, но все русоваты. Жизнь содержат, как массагеты, сухою и простою пищею и, подобно как они, весьма нечисто ходят, на-

[28*] О Готич. войне, кн[ига] 3, гл[ава] 14.

турою незлобны, нелукавы и в простоте много нравами сходны с гуннами». Сие о славенах, живших в шестом столетии по Христе около Дуная.

О славенских народах, живших по российским областям, объявляет Нестор[29*], что поляне от своих предков обычаем кротки, стыдливы к родителям и к сродникам и брачное сочетание наблюдают. Древляне живут зверским образом: убивают друг друга, едят нечистую зверину. Брачных чинов не держат: женский незамужний пол хватают у воды и вместо жен держат. Радимичи, кривичи, вятичи и северяне держатся одного обычая. Живут в лесах, как дикие звери, всякую нечистоту в пищу принимают, не стыдятся срамословить пред родительми; вместо браков сходятся на игрища между селами и пляшут, где хватают женский пол себе в жены, с которыми сперва согласились; держат по две и по три. Над мертвыми отправляют тризны, потом на струбе сожигают и пепел с костьми в сосудах на столпах ставят при дорогах. Сие употребление у кривичей было еще при Несторе. Новгородских славян нравы и поведения усмотреть можно с начала истории от Рурикова приходу.

При Варяжском море на южном берегу жившие славяне издревле к купечеству прилежали. В доказательство великого торгу служит разоренный великий город славенский Виннета, от венетов созданный и проименованный. Гелмолд о нем пишет[30*]: «Река Одра протекает в север середи вендских народов. При устье, где в Варяжское море вливается, был некогда преславный город Виннета, в котором многонародное пристанище грекам и варварам, около жившим. Все европейские городы превосходил величеством. В нем жили славяне, смешанные с другими народами, с варварами и с греками. Приезжим саксонцам равно позволялось жить в сем городе лишь бы только не сказывались христианами, ибо славяне все даже до разорения сего города служили идолам. Впрочем, странноприимством и нравами ни един народ не был честнее и доброхотнее. Купечествовал товарами разного рода с разными народами пребогатый город и все имел, что бывает редко и приятно. Разорен от некоторого короля датского. Видны еще только древних развалин остатки». После сего привык народ славенский в Померании к морскому разбойничеству.

О нравах и о вере вендских померанских славян, особливо которые жительствовали в Вагрии, северные писатели уверяют[31*], что у них многоженство в обычае было: покупали жен, сколько кому прокормить возможно. Хотя ж почитали единого бога на небесах, который имел об оных попечение, однако земные дела поручал другим. Святовид на острове Ругене вырезан был из

[29*] В начале, лист 6 на обороте.
[30*] Книга 1.
[31*] Гарткнох. Диссерт. 12, о делах прус., § 2.

дерева о четырех лицах, в коротком платье, стоял в капище, в левой руке держал лук, в правой — рог с вином; на бедре превеликий меч в серебряных ножнах[32*]. При нем висело седло и узда величины чрезвычайной. Четыре лица, как кажется, значили четыре части года. Именем сего идола давал жрец ответы. Святовиду честию следовал Прове, или Проно, особливо у вагрских славян; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли расставлены до тысячи идолов с двумя, тремя лицами и больше. Перед Проном стоял алтарь для приношений жертвы. Радегаст держал на груди щит с изображенною воловою головою, в левой руке копье, на шлеме петух с распростертыми крилами. Сива, или Сиба, нагая женщина, волосы назади висели до подколенков; в правой руке яблоко, в левой виноградный грозд держала. Наконец, почитались у них Черн бог и Бел бог: первый добрый, другой злой. Сверх всех сих идолов обоготворялись огни, которые по разным местам неугасимо горели. Многие воды, ключи и озера толь высоко почитались, что с глубоким и благоговейным молчанием черпали из них воду. Кто противно поступал, казнен был смертию. Такое озеро обоготворялось на острове Ругене, в густом лесу, называемое Студенец, которое хотя весьма изобиловало рыбою, однако оныя не ловили для почтения мнимой святости. При всем сем почитали змей как домашних богов и наказывали тех, которые им вред наносили. В приношении жертвы Святовиду изъявляли превеликое почитание. После жатвы собирался весь народ перед его капище для препровождения великого празднества, где били скота на жертву, и для знатного идольского пирования за день перед праздником должен был сам жрец прежде приношения жертвы и служения чисто выместь капище. Следующего дня, в самый праздник, при собрании народа перед дверью капища, взяв из руки идольской рог с вином, чем за год был наполнен, прорицал о плодородии будущего года. Ибо ежели вина в роге не много убыло, почиталось плодородия признаком. В противном случае изобилия плодов не надеялись. По сем выливал жрец вино из рога перед ногами Святовидовыми и наливал в него новое; пил за его здоровье и просил, чтобы людям своим и отечеству подал изобилие, богатство и победу над неприятельми. Выпив рог вина, наполнял снова и отдавал идолу в руку. Потом приносили в жертву великие круглые хлебы из муки и из меду, которые жрец, поставив между собою и народом, молился о изобильной жатве будущего года. Потом благословлял народ именем Святовидовым, увещал к прилежному приношению жертвы и обещал в воздаяние победу на врагов по морю и по суху. По сем препровождался день в ядении и питии, и за стыд почитали, ежели кто не напился допьяна. Каждый человек в год сему идолу третию часть своей хищной добычи

[32*] Арнкил. О цымбрском идолопоклонстве, на многих местах.

долженствовал принести в жертву. Триста конных нарочных воинов, сколько могли награбить, все в капище приносили, что жрец употреблял на украшение оного. Нередко сему идолу приношены были в жертву христианские пленники, которых садили верхом на лошадях во всей их сбруе. Лошадь четыреми ногами привязывали к четырем сваям и, под поставленные по обеим сторонам костры дров подложив огонь, сожигали живых коня и всадника. Другим идолам своим, Прову, или Прону, Сиве, Радегасту, приносили тогда жившие славяне кровавую жертву людей христианских. По заклании оных прикушивал жрец крови, от чего уповали силы и действия к предсказанию. Когда жертва совершилась, начинался жертвенный пир с музыкою и плясанием. Злым богам приносили кровавую жертву и печальное моление, также и страшные клятвы, добрым — веселие, игры и радостные пирования. О будущем гадали обыкновенно метанием деревянных дощечек, у которых одна сторона была черная, другая белая. Когда их бросали, белая сторона наверху добро, черная худо, по их мнению, предвозвещала. Летание птиц и крик по разности сторон, встреча зверей, сверх сего, движение пламени, течение воды и разные виды пены и струй также служили к предсказанию. Святовиду посвящен был великий белый конь. Когда войну начать хотели, втыкали перед капищем в землю острыми концами шесть копей, по два вместе крестообразно. По обыкновенной молитве выводил жрец посвященного коня скакать через оные копья. Когда на скоку заносил наперед правую ногу, почитали за доброе предзнаменование предприемлемого дела; когда же левую простирал наперед далее, признавали за худое предвозвещение. По сему конскому скаканию начиналась война или отлагалась.

## Глава 5

### О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ СЛАВЕНСКИХ

Древнейшее всех преселение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу. Что оное двумя путями происходило, водою и по суху, из вышеписанного усмотреть нетрудно. Ибо венеты от Трои с Антенором плыли Архипелагом, Посредиземным и Адриатическим морем. И весьма вероятно, что после оного по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли жительствовать. Подтверждается сие, во-первых, тем, что венеты весьма широко распространились по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от времени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в

Азии не полагалась, ибо уже у Птоломея [33]* почитается как малая часть Галатии.

Другой путь был из Мидии севером, около Черного моря, к западу и далее на полночь, когда сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались, что из вышеписанного по правде заключить должно. Еще ж Блонд пишет [34]*, что славяне, от Восфора Циммерского до Фракии обитавшие, в Иллирик и в Далмацию преселились. Болгар древнее жилище в Азиатической Сармации, около реки Волги, с добрым основанием от некоторых полагается [35]*, затем что Иорнанд со славянами и антами, славенским же народом, совокупное их нападение на Римскую державу описует и жительство их почитает в северной стране от Черного моря. Согласуется с делом имя болгар, от Волги происшедшее, которыми после того и другие народы, козаре и татаре, от россиян именовались [36]*.

Все сие доказывает движение славенских поколений от востока на запад пространными нашими землями, по северу около Понтийского моря. Таким образом, простираясь уже паки к полудни, соединились с однородцами своими, преселившимися южною дорогою, и во многие веки составили разные славенские поколения, отменив наречия и нравы по сообщению с иноплеменными народами, с которыми в преселениях обращались.

Какова храбрость была древних предков славенского народа, о том можно уведать, читая о войнах персидских, греческих и римских с мидянами, сарматами и иллирийцами, которые принадлежат и до россиян обще с другими славенскими поколениями. О грамоте, данной от Александра Великого славенскому народу, повествование хотя невероятно кажется и нам к особливой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новогородцев, и чехи оною похваляются [37]*.

Между тем, когда славенские племена из Мидии, около Черного моря, в Иллирик и в другие места распространялись, тогда и в северные страны поселялись в великом множестве. Новогородский летописец согласуется в том со внешними писателями. И хотя бы имена Славена и Руса и других братей были вымышлены, однако есть дела северных славян, в нем описанные, правде не противные. По Варяжскому морю, которое от воровства на чудском языке сие имя получило, обыкновенно в древние веки бывали великие разбои и не токмо от подлых людей, но и от владетельских детей за порок не почитались. Про Славенова

---

[33]* Геогр., кн[ига] 5, гл[ава] 3.
[34]* Декада 1, кн[ига] 1.
[35]* Кромер, кн[ига] 1, гл[ава] 8.
[36]* Нестор на многих местах.
[37]* Кромер, книга 1, глава 14.

сына Волхва, от которого Волхов наименование носит, пишет, что в сей реке превращался в крокодила и пожирал плавающих. Сие разуметь должно, помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия прозван плотоядным оным зверем. Распространение славян северных до рек Выми и Печоры и даже до Оби хотя позднее должно быть кажется, нежели как положено в оном летописце, однако не так поздно, как некоторые думают, затем что дорогими собольими мехами торг из России на запад уже за семьсот лет известен из внешних авторов, и дыньки в российском купечестве прежде обращались, нежели Ермак открыл вход в Сибирь военною рукою.

Когда Римская империя усилилась и оружие свое распростерла далече, тогда почувствовали насильство ея и славенские народы, жившие в Иллирике, в Далмации и около Дуная, для чего в север уклонились к своим однородцам, которые издавна в нем жительствовали. По свидетельству Несторову [38*], славяне в местах, где Новгород, обитали во время проповеди евангелия святым апостолом Андреем. У Птоломея [39*] положены славяне около Великих Лук, Пскова, Старой Русы и Новагорода.

Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которою единоплеменные их пользовались, в местах пространных, по великим полям, рекам и озерам. Нестор подробно описывает [40*], что нашли волохи на славян дунайских и, седши с ними, стали обижать и насиловать; тогда иные, отшед на реку Вислу, назвались ляхами. От ляхов прозвались иные лутичи, иные мазовшане, иные поморяне. Иные сели по Днепру и назывались поляне; другие — древляне, затем что сели в лесах; многие между Припятью и Двиною и назывались дреговичи; некоторые поселились на Двине и назывались полочане по реке Полоте; многие перешли на Оку и проименовались вятичами. Иные славяне сели около озера Ильменя и прослыли своим те же именем; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назывались северяне. Новгородцы одержали не одно токмо имя свое славенское, но и язык сродных себе славян, около Дуная и в Иллирике обитающих, который много сходнее с великороссийском, нежели с польским, невзирая на то что поляки живут с ними ближе, нежели мы, в соседстве.

Потом Римская империя стала приходить в упадок, славяне, стараясь отмстить древнюю предков своих обиду, предпринимали от севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиниане Великом, царе греческом, чему пример даю из Про-

---

38* Лист 4.
39* Кн[ига] 3, гл[ава] 5, таблица 8.
40* Лист 3, на обороте.

копия[41*]: «Войско славенское, из трех тысяч состоящее, без сопротивления Дунай-реку переправилось и потом, без труда через Гебр переехав, разошлись надвое. Одна часть состояла из тысячи осьмисот человек, другая из прочих. На обоих, хотя друг от друга разделенных, учинили нападение римские военачальники во Фракии и в Иллирике, однако паче чаяния побеждены были и отчасти побиты на месте, отчасти без всякого порядку спаслись бегством. Потом, когда оба полки славенские, числом много меньшие, вождей римских низложили и прогнали, другая часть их с Азбадом учинила сражение. Сей Азбад, Иустинианов стипатор, правил конницею, которая издавна для прикрытия города Цирула во Фракии была сильна множеством и мужеством. Славяне, и сих рассыпав, многих, со срамом бегущих, умертвили и, поимав Азбада, хотя сперва стерегли жива, однако после, вырезав ремни из хребта, его сожгли. Сие учинив, всю Фракию и Иллирик без своего ущербу разоряли и в обоих местах многие крепости взяли осадою. Прежде ж сего ни к стенам приступить, ни в поле выступить не дерзали, никогда не смели чинить набегов на Римскую империю и до того времени, кажется, никогда через Дунай-реку не переходили. Победившие Азбада славяне разорили все места до самого моря. Приморский город Топер с оборонительным войском взяли таким образом. Славян большая часть в ямистых местах и во врагах близ стен городских утаилась. Малое оных число у ворот восточных раздражали римлян, на городовой стене стоящих. Солдаты, бывшие в городе, думая, что только славян было, сколько показалось, внезапно вооруженные, учинили вылазку. Славяне стали отступать притворно и, якобы их страшась, назад побежали. И как римляне, гонясь за ними, от стены удалились, славяне засадные из врагов поднялись, от города путь им пресекли, и бегшие славяне, обратясь лицом к неприятелям, гонящих остановили и, побив всех, на том же месте приступили к городу. Уже неприготовившиеся мещане жестоко возмутились, однако по возможности сопротивлялись стремлению, ибо сначала кипящее масло и смолу лили на приступающих. И хотя люди всякого возраста на них бросали каменья, однако бедства не отвратили. Великим множеством стрел славяне городских людей от зубцов сбили и, приставив к стенам лествицы, город взяли. Немедленно мужеска полу до пятнадцати тысяч порубив и разграбив богатство, малых детей и женский пол поработили. Ибо до того дня не было пощады ни единому возрасту. Другой полк, после того как ворвался в римские пределы, всех без разбору лишал жизни, так что в Иллирике и во Фракии непогребенные трупы по всем местам лежали повержены. Потом оба полки живот пленным оставлять стали и так во свои жилища возвратились со многими тысячами пленных.

[41*] О Готической войне, кн[ига] 3, гл[ава] 38.

В Сардике, иллирическом городе, собранное войско строил Герман и поспешал с великим к войне приуготовлением. Когда славенские полки, каковы никогда не бывали, достигши к пределам Римской империи и переправясь через Дунай, пришли к Наизу, некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделясь, для добычи бегали порознь, попали в руки некоторым римлянам. Связаны и вопрошены, для чего славенское войско за Дунай переправилось? — с уверением ответствовали, что пришли с тем намерением, дабы взять Солунь и окрестные его городы. О сей вести император, весьма обеспокоившись, немедля писал к Герману, чтобы для настоящего времени, оставив поход в Италию, и вместо того Солуню и другим городам поспешил дать помочь и не умедлил бы удержать стремление славян всеми силами. Между тем как Герман еще собирался, славяне, узнав от пленных о приходе его в Сардику, устрашились, ибо имя его было у них славно, что пред тем победил антов, славянам единоплеменных. Итак, убоясь и рассуждая, что идет с преизбранным воинством, которое от Иустиниана императора против короля Тотилы и против готов послано, предприятый путь к Солуню прекратили и, не смея больше выступить в поле, перешли все иллирические горы и без опасности вступили в Далмацию. В Иллирике Герман объявил войску, чтобы весь снаряд был собран для походу после двух дней в Италию. Однако, внезапно заболев, умер. После того отправил император против славян избранное войско, которого военачальниками были Константиан, Аратий, Назарий, Иустин, другой сын Германов, Иван, проименованием Елуон. Сверх того, над всеми поставил Схоластика, из придворных евнухов. Часть славян нашел он у Адрианополя, которые в пути своем уже не могли скоро простираться, для того что вели с собою бесчисленное множество пленников, скота и всякого богатства. Сим принуждены, остоялись и к сражению втай от неприятеля приготовлялись; славяне на горе, римляне на поле стан укрепили. Долго так стояв, преодоленные нетерпеливостию солдаты с неудовольствием стали жаловаться на полководцев, что сами, пищею будучи довольны, презирают солдат, недостатками утомленных, и не хотят вступить в сражение с неприятельми. Таковыми жалобами принуждены были военачальники бой начать. Сражение возгорелось. Побеждены силою римляне; многие храбрые солдаты пали. Предводители, едва не поиманы, вырвавшись, с прочими ушли кому куда ближе. Славяне взяли Константиново знамя и, презрев римское войско, пошли далее. Астическую страну, которая долго не чувствовала разорения, опустошили; для того корысть нашли там преизобильную. Учинив по великому пространству разорение, дошли до долгой стены, которая на день пути отстоит от Царяграда. Несколько после того римляне, следуя за славянами и залучив часть оных, побили внезапным нападением и, порубив многих, отняли

римских пленных великое множество, и взято назад Константиново знамя. Прочие славяне с корыстию в домы возвратились».

Таковы суть знатнейшие свидетельства походов славенских на Римскую державу. Впрочем, нет сомнения, что в войнах готских, вандальских и лонгобардских великое сообщество и участие геройских дел приписывать должно славянам. Показывает помянутый Прокопий [42]* соединение их с лонгобардами, гепедами и готами ради Ильдизга, королевича лонгобардского. От великого множества славян, бывших с прочими северными народами в походах к Риму и Царюграду, произошло, что некоторые писатели готов, вандалов и лонгобардов за славян почитают, хотя они действительно германского были племени.

Следы знатных славенских походов явствуют из их преселений. Чехи, по описанию того же Прокопия [43]*, жительствовали на берегу Евксинского понта, которым в прежние времена ставил королей римский император, а тогда уже ему не были ни в чем послушны. Нынешнее чехов обитание около вершин реки Албы свидетельствует о их походах, также и о преселениях прочих единоплеменных им народов. Болгары при Анастасии, царе греческом, в первый раз на Римскую империю нападение учинившие, тоже показывают, что они славяне были; с вандалами и лонгобардами воевали в сообществе.

Взаимное северных и южных славян друг другу вспоможение явствует из приходу болгаров дунайских для населения Славенска: первое после великого мору, от которого жители почти все погибли, второе по нашествии гуннов, от коих Славенск разорен и положен в конечное запустение.

Всех походов, преселений и смешений славенского народа для великого их множества и сплетения описать невозможно и не так нужно, как в следующих частях показать дела российских наших праотцев. Для того поспешаю к описанию прочих народов, поелику до нас касаются, как участники в составлении нашего общества.

## Глава 6

## О чуди

Чудские поколения коль далече по северу простираются, заключить можно из множества разных народов, отчасти Российской державе недавно покоренных, отчасти в оную в прежние совсем включенных. Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и

[42]* О Готической войне, книга 3, глава 35.
[43]* Там же, кн[ига] 4, гл[ава] 4.

во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего, сильная земля Венгерская хотя от здешних чудских областей отделена великими славенскими государствами, то есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, где и поныне чудские поколения обитают, их остатки. Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большой части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свете.

По примеру, как писано выше о величестве славенском, оглянемся на времена, прошедшие около лет тысячи, и поищем чудского могущества. Северные авторы[44*] наполнены описаниями военных дел их и других сообщений, бывших со шведами, датчанами и норвежцами. Пермия, кою они Биармиею называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины-реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами. В Северную Двину-реку с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговище: без сомнения, где стоит город Холмогоры, ибо город Архангельской едва за двести лет принял свое начало. Народ почитал идола Иомалу, что на ливонском, финском и на других чудских диалектах бога значит. Явствует сие из Стурлезона[45*], где описывает езду Торета некоего и Карла в Двину-реку, кои, будучи от короля своего Олава, проименованием Святого, посланы в Биармию для торгу, присовокупили к тому татьбу: ограбили золото и серебро из кладбищ, сорвали с деревянного Иомалы дорогое ожерелье и взяли серебряную чашу с деньгами. Сию древность тамошней чуди доказывают и поныне живущие по Двине чудского рода остатки, которые через сообщение с новогородцами природный свой язык позабыли. В показанном состоянии Пермия была около времен великого князя Владимира Первого и еще много прежде при Гаральде Пулхрикоме, во дни самых первых князей варяжских.

Финландия в те же веки была весьма сильна и своими владетельми управлялась[46*]. Вайланд, Свегдеров сын, король шведский, около времен первого христианского веку женился у короля финского Сния на дочери Дриве, от которой родился ему сын Висбур. Подобно и Агн, Дагонов сын, племенного финского князя, именем Фростона дочь Скиалву имел в супружестве[47*], которая после, заманив мужа в свое отечество, коварным

[44*] Стурлез. на многих местах, также и Саксон Грамматик.
[45*] Том 1, часть 7, гл[ава] 143.
[46*] Стурлез., том 1, часть 1, гл[ава] 16.
[47*] Он же, том 1, [часть] 1, гл[ава] 22.

образом сонного убила, отца своего смерть отмщая. Нападениям на их землю финны храбро сопротивлялись. Победили Олава, проименованием Святого. Нордские писатели причитали немалую часть храбрости финского народа колдовству, в чем оный носил на себе великое нарекание.

Естония Финландии не уступала силою: сообщением с разными народами по купечеству превосходила, где не токмо разными товарами, но и людьми торговали. Олав, Тригвонов сын, король шведский, взят был в малолетстве на море от разбойников в полон и продан в Естландию [48*], о чем в житии великого князя Владимира Святославича пространнее. Ингварь, сын Остонов, король шведский, около пятого столетия по Христе разбоем ходил в Естландию по тогдашнему обычаю [49*]. Естонцы на берегу морском его победили; Ингварь на бою убит и похоронен на том месте.

Но многих военных действ, бывших между нормандцами и чудскими народами, к морям прилежащими, то есть с пермцами, финландцами и естландцами, не исчисляю ради краткости. Довольно явствует по сим трем чудским народам, коль сильны были прочие их единоплеменные, к востоку лежащие, от морей отдаленные поколения, о которых нормандцам за великим отстоянием знать не было можно и которых Нестор летописец исчисляет [50*]: весь полагает на Беле-озере, мерю в Ростовской и Переяславской земле по Клещину-озеру, также черемису, мордву, печору и другие народы упоминает, из которых многие толь велики были, что со славянами новогородскими послов своих к варягам отряжали для призыву князей на владение, по которому пришел Рурик с братьями.

Рассмотрев чудского народу прежде многих веков могущество, большее нынешнего, признать должно, что они в севере великую часть земель еще и прежде того занимали и неотменно в общем имени скифов заключались от греческих и римских писателей. Ибо татаре обитали тогда далече в Азии к востоку и потому скифского имени у греков не носили. Прочие древние народы, как алане, роксолане, даки, амазоны и другие, должны причитаться к славенскому либо чудскому поколению. Итак, еще надлежит рассмотреть, которому из двух сих народов свойственно приписать должно имя скифов, употребленное у древних внешних авторов обще для многих и разноплеменных северных обитателей, которое не токмо иногда далече в Европу, даже до германцев, и на востоке неведомым тогда азиатическим государствам давалось, но и греческие поселенцы, около Днепра и в Херсоне жившие, скифами проименованы были от своих одноземцев [51*].

[48*] Стурлез., том 1, часть 6, глава 6.
[49*] Он же, том 1, часть 2, глава 36.
[50*] Нестор 6370 года.
[51*] Геродот в Мелпомене.

Выше сего показано, что славенские поколения сарматами тогда назывались, хотя иногда нередко со скифами от незнания тогдашних писателей смешиваны были, потому что часто с места на место переселялись. К подтверждению сего служит, что амазонки скифского языка не разумели [52]*, следовательно, свойственный скифский язык не был славенский. И мидский царь Киаксар отдавал скифам малых детей учиться говорить их языком [53]*, откуду явствует, что и корень славенского языка, то есть мидский, со скифским не сходствовал. Итак, остается искать скифского имени и народа в чудском племени, для чего необходимо нужно смотреть довольных о том свидетельств.

Профессор Бейер [54]*, хотя неправо скифское имя производит от финского слова скита — стрелок, затем что сарматы, парфяне и другие многие народы из лука стрелять не меньше скифов искусны были и равное право имели от греков названы быть стрелками, а притом по-гречески, а не по-фински, однако в том он не ошибся, что финцев, естландцев и лифландцев почитает остатками древних скифов. Я доказываю следующими вероятными доводами. Имя скиф по старому греческому произношению со словом чудь весьма согласно; не происходит от греческого и, без сомнения, от славян взято, которые по большой части обитали между чудью и Грециею около Дуная. И как обыкновенно бывает, что отдаленных народов называют теми именами, которое им наложили промеж ими живущие соседы, так и греки, наслышавшись от славян имени чудь, переняли и по своему выговору скифами назвали.

Остатки древнего скифского языка находим у Геродота [55]*, которых явное сходство видим с речениями, у нынешних чудских народов употребительными. Всего сего примечательнее, что басня о Колоксае, сыне первого скифского царя Таргитая, единство сего народа с чудским приводит в полную вероятность.

Опущены в то время были, как скифы о себе баснословили [56]*, с неба соха, иго, топор и чаша золотая. Большой брат, Липоксай, и средний, Арпоксай, покушались один за другим взять себе в корысть оные золотые вещи, однако оба не могли получить для огня, круг них пылающего. Меньший брат, как только к ним приступил, огонь исчез и оставил сокровище ему во владение. Здесь примечать должно, что хотя имена отца и трех сынов на финском языке имеют чудское знаменование, однако меньшего брата имя самому реченному повествованию со-

---

[52]* Геродот в Мелп[омене].
[53]* Он же в Клие.
[54]* В Комментариях Академии наук, том 1.
[55]* В разных местах.
[56]* Геродот в Мелп[омене].

ответствует. Колоксай значит огонь бегущий, якобы от такого приключения произошло сие имя.

Итак, по величеству чудского народа и по доказательствам исключительным славян, имя скифов чудским поколениям следует; и то самое подтверждается происхождением имени Колоксава; равно как сходствующие скифские и чудские речения и обстоятельствам соответствующие подают всему неодолимую вероятность и не оставляют сомнения, что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов, ныне по большой части Российской державе покоренные или уже из давных времен в един народ с нами совокупленные. Из сего следует, коль велика древность и слава чудского племени.

Рассмотрев единство свойственно называемых скифов с чудью, безопасно употреблять можем одно именование их вместо другого, из которых свойственнее то, которое сему народу наложили древние наши славенские предки.

Геродот, первый и обстоятельный описатель[57*] чудского происхождения и древних преселений и разделений, зачинает известия с помянутой выше сего басни о Таргитае, о трех его сынах и о меньшем, Колоксае, получившем в наследие опущенные с неба золотые орудия купно со владением. Потом утесненные военными нападениями скифы от массагетов принуждены были выгнать циммерской народ из пределов европейских. Гонясь за ним под предводительством царя Мадия, сына Прототиева, вошли в Мидию, где тамошние жители вступили со скифами в сражение и, быв от них побеждены, владения над Азиею лишились, которую скифы одержали. Оттуду прямо в Египет путь предприняли. И как уже вошли в Сирию и в Палестину, Псаммитих, царь египетский, вышел им навстречу, дарами и прошениями утолил стремление, чтобы далее походом не простирались. Скифы, поворотясь, много насилия чинили на пути обратном и разграбили храм Венерин в Аскалоне. Но пришедших в Мидию Киаксар, царь знатнейших скифов, созвав на великое пирование и напоив, побил всех сонных, а прочих выгнал из Мидии военною силою. Скифы, по двадцатиосьмилетнем владении в Мидии и по толь же долгом отсутствии от жен, когда к своим жилищам в Циммерию приближились, встретили их вооруженные рабы и рабские взрослые дети, от жен их в небытность мужей прижитые. По нескольких сражениях, не возмогши преодолеть, наконец, пошли на них без военного оружия с одними бичами, что рабы, увидев и вообразив свое прежнее холопство, оробели и пустились в бегство. Итак, скифы утвердились на прежних своих жилищах. Сие повествование надлежит больше до скифов, номадов называемых; прочие их поколения, по широким полям обитая,

---

57* В Мелпомене.

сим походам не были причастны. Знатнейшие из них у Геродота описаны кратко.

Будинцы были весьма сильны и многочисленны; глаза синие, волосом черны[58*]. Город их, называемый Гелон, из дерева построен, которого каждый бок длиною был по тридцати стадий. В нем стояли деревянные храмы, капища и идолы греческие, затем что гелонские жители были греки, смешанные с будинскими скифами, и язык употребили, смешанный с будинским. Упоминаются у Геродота[59*] также скифы, которые от самовладетельных государей управлялись; наз[ы]вались королевскими, обитали около вершин реки Дона.

Многие скифские поколения и преселения довольно можно видеть из описателей разных веков. Здесь по нашему намерению невместны, ибо оное простирается больше, чтобы показать древних родоначальников нынешнего российского народа, в которых скифы не последнюю часть составляют. Рассуждая мидские войны и смешения со скифами, ясно понимаем, что уже и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало, чему прилагаются некоторые здесь примеры. По всем историографам известно, что гунны вышли из Азии от стран, к Каспийскому и к Северному морю прилежащих, то есть из Сибири и из земель, Каспийским и Черным морем включенных. Довольно явствует из Прокопия[60*], который пишет, что около гор Кавказских живут гунны, нарицаемые сабири, и другие племена гунские. В Сибири издревле жители были чудского поколения, ибо татаре не так давно в ней поселились, по большей части с царем Кучумом, во времена великого государя царя Иоанна Васильевича. Остяки и прочие там старобытные чудские обитатели в стороны уклонились. В Дагистане, близ Дербента, есть, как сказывают, и поныне народы чудского поколения, называемые авари. Из сих мест вышед, гунны именовались разно: гунны, авари, по-российски угры и обри[61*], протекли, во-первых, чудские в севере и славенские поселения, достигли через Дунай вовнутрь Греции и по многих войнах и нахождениях в Паннонии, или в Венгрии, поселились. Итак, недивно, что в венгерском языке весьма много слов славенских; и потому древний их чудской язык весьма много изменился между славянами и, наконец, ради великого смешения с греками, а паче с турками, с которыми они издавна в соседстве жили и часто у историков за один народ почитались[62*]. Нашествие их жестоко чувствовал

---

58* Геродот в Мелпомене.
59* Там же.
60* Кн[ига] 4, гл[ава] 3.
61* Нестор, лист 5 на обороте и 6406 года.
62* Муратории, в Смешанной истории, том 1, стр. 110.

Славенск[63*], что ныне великий Новгород, который от угров белых, обитавших в сибирских пределах, в Югорской земле, разорен и в конечное запустение был положен, ибо весьма вероятно, что новогородцы и сами в их сторону досягали купечеством и войною. Сие видно по великому и древнему торгу, описанному у западных старинных авторов[64*], который происходил дорогими мехами. Итак, может быть, сие нашествие угров было отчасти из зависти к новогородцам за вступление их в сибирские краи для корысти, отчасти для утеснения угров от восточных татарских народов, которые тогда начали приходить в силу и на запад простираться. При сем случае, чаятельно, немалое смешение славян учинилось с угорскою чудью. Потом, паки по обновлении Славенска, после преименования Новым городом и по принятии князей варяжских на владение, славяне усилились и чудь утесняли, отгоняя их с мест или в соединение принимая. Сие на востоке; на западе с варягами происходило подобное смешение и соединение.

## Глава 7

### О ВАРЯГАХ ВООБЩЕ

Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем. Ибо за тысячу лет не ставили в стыд и владеющие государи обогащаться таковым хищным промыслом, который на Балтийском море едва около двенадцатого столетия из обычая вышел.

Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок, Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам. Не токмо шведы, норвежцы, истландцы и славяне, но и греки тоже одно слово употребляют в исторических книгах[65*]. И Перинскиольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-истландски, варингами, или, по-латине, северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством королей шведских, именовал бы их хотя в одном месте шведами, чего, однако, нигде не видно.

Готические и другие северных народов походы на Рим и на Грецию довольно известны с военными славными делами, что

---

[63*] Новгородский летописец.
[64*] Гелмолд, кн[ига] 1, гл[ава] 1.
[65*] Стурлез., в разных местах, Кедрин 1034 года.

шведские историки приписывают по большей части своему народу, однако весьма несправедливо. Ибо видим, что во многих военных предприятиях от севера главные военачальники были славенского народа, как Одоацер, Радегаст и другие, и сам, как видится, Рима победитель Аларик. Посему, без сомнения, между готами множество славян купно воевали. Подобным образом и по морю громить обыкшие варяги, того же севера жители, разнились родом, военными поведениями согласовались. В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских. Воевали по Архипелагу, по Средиземному морю даже до Африки, откуду произошли и служили великим князям российским африканы, знатных некоторых здешних фамилий прародители.

Проходя славенскими и чудскими областьми, варяги особливое пристанище и жительство изобрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго прежде создания монастыря Печерского [66]*.

Разность сих народов ясно показывает и сомнение разрешает Нестор, летописатель российский, поименно называя варягов, готов, англов, шведов, нормандцев, россов [67]*. На сем твердом основании приступим к особливому исследованию варягов-россов, от которых славенские и отчасти чудские старобытные в нашем отечестве обитатели получили себе обще государей с великим потомством.

## Глава 8

### О ВАРЯГАХ-РОССАХ

Приступая к показанию варягов-россов, кто они и какого народу были, прежде должно утвердить, что они с древними пруссами произошли от одного поколения [68]*. Сие разумеется не о крыжаках или нынешних бранденбургцах, но о старожилах прусских, которые еще и поныне живут рассеяны по некоторым селам в Пруссии и тем же языком говорят, который употребляют литва, жмудь, курландцы, ибо в городах живущие дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия завладели по неправедному папскому благословению.

Западные христианские народы возбуждением римския церкви предпринимали неоднократно походы, чтоб отнять у магометанцев Иерусалим и прочие святые места на востоке, куда собирались многочисленные войска. По многих несчастливых пред-

---

66* Патерик Печ. в житии с. Феодора и Вас[илия].
67* 6470 года.
68* Кромер, кн[ига] 1, гл[ава] 1.

приятиях, наконец, храбростию Бульонского герцога Готфрида завладели Антиохиею и Иерусалимом; но царство Иерусалимское по осьмидесяти осьми лет ради междоусобныя войны потеряв, оставшиеся крыжаки отчасти в Кипре поселились, откуда в следовавшие времена в остров Род, а из Рода в Мальту выгнаны, где и поныне жительствуют святого креста кавалеры. Иные, возвратясь к папе, просили у него за потерянные старые жилища в Европе места для поселения, из которых многим даны с землями и доходами замки в Германии, называемые немецкие домы. Немалую часть благословил папа своею мнимою над всем светом властию итти в полночь к неверным народам и обращать их к католицкому закону. Итак, дошед до Пруссии, которая тогда для жестоких нападений от поляков весьма ослабела, себе оную покорили и, достигнув до ливонской чуди, взяли во владение, о которой российские князи не пеклись, будучи тогда в разделении и межусобии.

Что ж вышепоказанные пруссы были с варягами-россами одноплеменны, из следующих явствует. И, во-первых, снесение домашних наших летописцев подает уже повод думать о единоплеменстве сих двух народов, именем мало между собою разнящихся. Нестор предал на память, что Рурик призван на владение к славянам из варягов-россов. Новгородский летописец производит его от пруссов, в чем многие степенные книги согласуются. И, таким образом, россы и пруссы уже оказываются единым народом.

Из внешних авторов Преторий[69*] довольно знать дает свое мнение, совокупляя руссов и пруссов в одно племя. Положение места тому соответствует[70*]. То же подтверждает древнее тесное прусское соседство с Россиею, в которой Подляхия и великая часть Литвы заключалась, от чего и поныне Литва древние российские законы содержит. Восточное плечо реки Немени, впадающее в Курской залив, называется Руса, которое имя, конечно, носит на себе по варягам-россам. Сие все еще подкрепляется обычаями древних пруссов, коими сходствуют с варягами, призванными к нам на владение.

Кромер[71*] о древних пруссах пишет, как они любили в банях париться и в холодной воде после того купаться, что и поныне российский народ охотно употребляет. То же гласят обряды, которые как у старых пруссов, так и ныне в некоторых пограничных российских провинциях употребляются. Больше всех утверждает единство древних пруссов с варягами-россами почтение одного главного идола по имени, по знаменованию и по обрядам. Перкун прусский был то же, что у россов Перун, которым

---

[69*] На многих местах.
[70*] Арнолд, кн[ига] 1, гл[ава] 2.
[71*] Стр. 43.

Ольг клялся грекам при заключении мирного договора[72*] и которого почитал еще в неверии Владимир. У обоих народов значил Перун бога грому и молнии; у обоих жрецы приносили ему в жертву огонь неугасимый и казнены были смертию, когда угасал их небрежением[73*]. Но сии доводы еще сильнее будут, когда покажем, что варяги-россы был главный народ и знатнее, нежели пруссы, которые от них имя себе получили.

Знатные некоторые берлинские ученые люди по справедливости рассуждают, когда, исследуя о происхождении имени пруссов, пишут[74*], что к желаемому своему исканию те ближе всех подходят, которые имя Пруссии из славенского языка производят, то есть из имени Русь и предлога по. Правда, что они сие думают быть в рассуждении соседства с Россиею, однако по сему равным бы образом и прочие древние российские соседы, как ливонцы, поляки и другие, названы быть могли поруссами или пруссами. Меня многие причины принуждают верить, что сие прозвание дано не по месту, но по времени. И, во-первых, имя россов за полтораста лет прежде известно учинилось, нежели пруссов; для того рассуждаю, что, когда Рурик с братьями, со всем родом и с варягами-россами преселился к славянам новогородским, тогда оставшиеся жители после них на прежних своих местах поруссами, или оставшимися по руссах, проименованы. Что же о пруссах больше упоминают северные историки, то происходит также от времени, а преимуществу россов ничего не отнимает. Ибо все оные авторы около четырехсот лет после Рурика и по отъезде россов о северных делах писали и ради того знали на берегах балтийских одних пруссов; о россах имели мало знания. И, таким образом, в следующие веки остатки их известнее учинились, нежели сами главные варяги-россы. В утверждение сего следующее служит.

Литва, Жмудь и Подляхия исстари звались Русью[75*], и сие имя не должно производить и начинать от времени пришествия Рурикова к новгородцам, ибо оно широко по восточно-южным берегам Варяжского моря простиралось от лет давных[76*]. Острова Ругена жители назывались рунами. Курской залив слыл в старину Русна; и еще до рождества Христова, во время Фротона, короля датского, весьма знатен был город Ротала, где повелевали владетельные государи[77*]. Положение места по обстоятельствам кажется, что было от устья полуденной Двины недалече. Близ Пернова, на берегу против острова Езеля, деревня, называемая Ротала, подает причину думать о старом месте по-

---

[72*] Нестор 6415 года.
[73*] Вейс[с]ель, лист 18, 23.
[74*] Берлинской Академии календарь 1702.
[75*] Вейссель, лист 18.
[76*] Берлин[ской] Академии календ[арь] 1702.
[77*] Саксон Грамматик, лист 11.

мянутого города, затем что видны там старинные развалины.

Рассудив сие и купно старое разделение Пруссии на Белую, Верхнюю и Нижнюю, довольно можно себе с вероятностию представить, что древних варягов-россов область простиралась до восточных пределов нынешния Белыя России и, может быть, и того далее, до Старой Русы, от которых она создана или проименовалась.

Показав единство с пруссами россов и сих перед оными преимущество, должно исследовать поколение, от какого народа обои происходят, о чем наперед мое мнение объявляют, что оба славенского племени и язык их славенский же, токмо чрез смешение с другими немало отдалился от своего корени. Хотя же сего мнения имею сообщников Претория и Гельмолда[78*], из которых первый почитает прусский и литовский язык за отрасль славенского, другой пруссов прямо славянами называет, однако действительные примеры сходства их языка со славенским дают их и моему мнению большую вероятность. Летский язык, от славенского происшедший, один почти с теми диалектами, которыми ныне говорят в Жмуди, в северной Литве и в некоторых деревнях оставшиеся старые пруссы.

Явные свидетельства о сходстве древнего прусского языка найдет, кто, кроме идолов, имена жрецов, волхвов и слова, что в обрядах употреблялись, рассмотрит и грамматическое их произвождение. Прочие помянутого языка отмены извиняются подобием вендского наречия, которое, сколько ж от коренного славенского языка по соседству с немцами, как летский по близости с чудским, испортясь, отдалилось.

Итак, когда древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курландским или летским, то, конечно, происшествие и начало свое имел от славенского как его отрасль.

## Глава 9

### О ПРОИСХОЖДЕНИИ И О ДРЕВНОСТИ РОССОВ, О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ ИХ

Не тщетно западные нынешних веков писатели[79*] российский народ за роксолан признавают, хотя в том у них и нет доказательства, которое я вывожу в следующих.

Аланов и роксоланов единоплеменство из многих мест древних историков и географов явствует, и разность в том состоит, что алане — общее имя целого народа, а роксолане — речение, сложенное от места их обитания, которое не без основания производят от реки Раа, как у древних писателей слывет Волга.

---

[78*] На многих местах.

[79*] Преторий в Готическом свете, кн[ига] 2, гл[ава] 1.

Плиний[80*] аланов и роксоланов вместе полагает. Роксолане у Птоломея[81*] переносным сложением называются аланорси. Имена аорси и роксане, или россане у Страбона[82*], точное единство россов и аланов утверждают, к чему достоверность умножается, что они обои славенского поколения были, затем что сарматам единоплеменными от древних писателей засвидетельствованы и потому с варягами-россами одного корене.

Сие преселением их к варяжским берегам, как следует, обстоятельнее означится. Вейссель из Богемии наводит, что от востока в Пруссию пришли амаксовии, алане, венды. Об аланах и вендах из вышепоказанных известно, что они славяне и с россанами единоплеменные. По Гелмолдову свидетельству[83*], алане были смешаны с курландцами, единоплеменными варягам-россам. Ругенские славяне назывались сокращенно ранами, то есть с реки Ры (Волги), и россанами.

А как сей народ на помянутом месте весьма размножился, произошли великие споры. Для прекращения оных выбран королем Видевит, или Вейдевут, из алан, для знатности и разума и по предложению от него к народу таковыя речи[84*]: «Когда бы вы пчел самих слепее не были, то бы споры ваши давно окончались. Домостройные в прочем люди, довольно знаете, что пчельному рою один владетель повелевает, прочие внимают послушанию. Он один каждому труды разделяет: ленивых и к делу неспособных выгоняет из улья, как из гражданского общества; прочие пчелы в назначенных трудах обращаются прилежно; не дают себе покоя, пока работы своей в совершенстве не увидят. Сие, что по вся дни перед глазами своими примечаете, благоразумным подражанием употребите в свою пользу. Назначьте себе государя, которого повелительству поручите свою вольность. Пусть он судит ваши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности. И дабы сие производить мог прямо по должности, дайте ему полную власть живота и смерти над всеми». Сею речью преклонясь, знатнейшие нарекли его своим государем и объявили всенародно. Вейдевут принял на себя притом чин верховного жреца, положил в народе порядок и в будущие времена узаконил, чтобы после смерти его наследник был в летах престарелых, сановит благочестием и знающий дела священные.

Таковое преселение алан волжеских, то есть россан или россов, к Балтийскому морю происходило, как видно по вышепоказанных авторов свидетельствам, не в один раз и не в краткое

---

80* Кн[ига] 4, гл[ава] 25.
81* Книга 6, глава 14, таб. Аз. 7.
82* Геогр., кн[ига] 11.
83* Книга 1, гл[ава] 52.
84* Преторий, кн[ига] 2, гл[ава] 2.

время, что и по следам, доныне оставшимся, явствует, которыми городов и рек имена почесть должно.

Рось-река, от западо-южной стороны впадающая в Днепр, и другие того ж имени воды в российских пределах, а особливо город Старая Руса, доказывают бывшие в древность жилища россов, преселившихся от Волги к западу, которые по своему имени новые поселения называли, как и восточное плечо реки Немени проименовали, наподобие других пресельников, Русою; как, например, от Волги назвались болгары дунайские, Троя, Антенором созданная на берегу Адриатическом — во имя прежнего отечества, также новая Ишпания, Франция, Англия и другие новые преселения и в самой славенской Померании новые Римы.

Длугош свидетельствует[85*], что во время междоусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского[86*] согласный сему довод имеем, что в Пруссию преселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли. Итак, весьма недивно, что в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курландии, Жмуди и Литве, весьма много вмешано слов латинских, с коими готские от сообщества с норманцами и ливонские по соседству великую произвели в нынешнем наречии отмену.

В начале о славянех показано, что оши от востока, из Азии в Европу, на запад в разные времена разными дорогами преселились; то же явствует из вышеписанного и следующего о россах, славенских варягах. В Азии роксолане не обинулись стать противу военачальников храброго на востоке царя Митридата Евпатора[87*]. Но два столетия едва минуло, оказали свою силу и мужество на западе. Когда Оттон Сильвий возведен был на высочайшую степень в Римском государстве[88*], воспоследовали великие междоусобные несогласия и кровопролития и уже не было времени смотреть на обстоятельства и движения внешних народов; роксолане, разбив часть римского войска, ворвались в Мизию. Разными римлянам оказанными примерами своего мужества толь сильными почитались, что от Римского государства содержались на деньгах, дабы оное защищали от нападения варварских народов, и как при Адриане кесаре наемные деньги их

---

85* Смотри в Кромере, стр. 42.
86* Смотри в Вейс[с]еле, лист 18.
87* Страбон, кн[ига] 7, стр. 212.
88* Тацит, кн[ига] 1, гл[ава] 79.

умалились, против римлян сильно вооружились, что уведав, Адриан удовольствовал их в требовании и тем успокоил[89*].

Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с гетами или готами. Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни[90*]. Сониель, или Сонильду, знатную роксоланскую женщину, велел разорвать лошадьми за убег мужа. Братья ее Сар и Аммий, отмщая смерть сестрину, Ерманарика в бок прокололи; от раны умер ста десяти лет. Хотя ж россаны по большей части в полуночные страны уклонились и со сродными себе аланами, как по вышеписанному видно, у берегов Балтийского моря поселились, однако оттуда с готами в Италию ходили и назывались от историков аланами, сциррами и ругиянами.

Радегаст, славянин именем, родом ружанин, нашествием своим с великим войском произвел несказанный страх в Италии и в самом Риме внутренний бунт между христианами и неверными[91*]. Аларик, Рима победитель, почитается от Претория[92*] за ружанина, затем что Прокопий оного острова жителей готами именует и что готы к избранию ружанских князей в свои короли склонны были. В пример служат, кроме Радегаста и Аларика, готские короли из Ругии — Губа, Гумулх, Иллибалд, Видомир, также Одоацер, который с турцилингами, сциррами и герулами напал на Италию, Августула кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась. Всего геройства в Италии южных варягов описывать пространно не позволяет место, и разные их проименования скрывают точно принадлежащую им военную славу, которая в Греции была больше ведома.

Константин Порфирогенит, царь греческий, в Администрации пишет, что россы издревле даже до Египта ездили морем. Итак, недивно, что Нестор называет Черное море Росским для частого россов по нему хождения. За обыкновенность сих варягов ходить на римские области явствует из многократных военных нападений на восточную часть оныя, то есть на Грецию и на самый Царьград, которые походы от начала первых князей российских продолжались даже до первого разделения Российския державы на разные княжения, что в следующей части довольно окажется в обстоятельном описании.

---

89* Спартиан в житии Адриана кесаря, глава 6.
90* Иорнанд, гл[ава] 24.
91* Иорнанд о наследии, стр. 239.
92* Он же и Прокопий на разных местах.

## Глава 10

### О СООБЩЕСТВЕ ВАРЯГОВ-РОССОВ С НОВГОРОДЦАМИ, ТАКЖЕ С ЮЖНЫМИ СЛАВЕНСКИМИ НАРОДАМИ И О ПРИЗЫВЕ РУРИКА С БРАТЬЯМИ НА КНЯЖЕНИЕ НОВГОРОДСКОЕ

Поколения славенские в южной части означены выше сего; между ними знатнее прочих были поляне, не столько военными делами, как торгами, которые производились с греками, жившими издревле в великих, ими населенных городах по Днепру: имена их Олбия или Бористенополь, Атодона, Зарум, Азагорие[93*]. Славяне жили обыкновенно семьями рассеянно, общих государей и городы редко имели, и для того древняя наша история до Рурика порядочным преемничеством владетелей и делами их не украшена, как у соседов наших, самодержавною властию управляющихся, видим. Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего стала быть в употреблении, первых своих королей прежде рождества Христова начинают, описывая их домашние дела и походы.

Кий, Щек и Хорев, создатели городов славенских в полянех, а особливо Киева, как видно из Нестора, были по случаю особливой знатности или храбрости над оными главные повелители, но и тех власть скончалась без потомственного наследства. И хотя южные славяне козарам, как северные варягам, дань давали, однако без монархии почитали себя вольными, что весьма тому дивно не покажется, кто рассудит закоренелое прежде упрямство славян новгородских противу самодержавной власти московских государей. Кий, может быть, усилился, ходивши по примеру других северных народов военачальником на Грецию, как объявляет Нестор, защищая его, что он не был перевозчик, как некоторые тогда говорили.

Изо всего сего явно, что к приведению наших славян под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами-россами.

Оскольд и Дир в полянех самодержавство начали, которое потом Ольгом укрепилось. Христианская вера завелась там еще прежде сих князей от варягов-россов, ходивших к Царюграду ближайшим путем, Двиною мимо Полоцка, который между самыми древними городами славенского северного обитания считаться должен[94*]. Оскольд едва и сам не крестился ли в Греции, затем что в Киеве построена была издревле над ним церковь святого Николая. Притом же Кедрин свидетельствует, что из пер-

---

93* Геродот, Страбон, Птоломей на разных местах.
94* Саксон Грамматик, кн[ига] 2.

вых россов, приходивших войною к Царюграду, по своем несчастии многие приняли закон христианский.

На севере новгородцы, по разорении от угров и по великой моровой язве собравшись, предводительством и правлением благоразумного старейшины Гостомысла [95]* приведены были в цветущее состояние. После смерти его давали дань варягам и, как видно из Нестора, были от них некоторым образом управляемы, ибо говорит он, что пришли варяги за данью. Новогородцы им отказали и стали сами собою правительствовать, однако впали в великие распри и междоусобные войны, восстая один род против другого для получения большинства. Наконец, по завещанию Гостомыслову согласясь между собою и купно с чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика с братьями к себе на княжение, сказав: «Земля наша велика и всем изобильна, одного только лишена суда и расправы, который вы утвердите» [96]*. На сие прошение едва они преклонились, ведая их непостоянство и с грубостию соединенное своевольство.

О породе сих князей согласно с Нестором рассуждает Преторий [97]*: «Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты, затем что языка, обычаев и обрядов различие и места расстояние сему не дозволяет верить, но призваны из соседов: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов, которые соединением составили великое государство».

Истина сия, кроме многих других доказательств, явствует, что нормандские писатели, конечно бы, сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан.

Заключая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники коего-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу.

---

[95]* Новгородский летописец.
[96]* 6470 года.
[97]* Свет Готический, кп[ига] 2, гл[ава] 2.

## ЧАСТЬ II

# ОТ НАЧАЛА КНЯЖЕНИЯ РУРИКОВА ДО КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

### Глава 1

### О КНЯЖЕНИИ РУРИКОВЕ И О ПРОЧИХ КНЯЗЯХ И ВЛАДЕТЕЛЯХ, ПРИЗВАННЫХ ИЗ ВАРЯГ-РОССОВ

Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами[1]*. К пребыванию сперва избрал Ладогу, хотя новгородские славяне были главные его просители и великость города больше приличествовала к столице. Посему кажется, что Рурик на слове их не совсем утверждался, ведая происходившие между ними межусобия. Ладога для всегдашнего проезду славян, варягов и чуди удобность подавала примечать движения недоброхотов его в Новегороде. Середний брат, Синеус, сел княжить на Беле-озере; меньший, Трувор, в Изборске.

Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утвердясь, шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единодушного правления связали. Роптать приобыкшие новгородцы страшились Синеусова вспоможения Рурику, ибо он обладал сильным белозерским чудским народом, называемым весью. Трувор, пребывая в близости прежнего жилища, скоро мог поднять варягов к собственному и братей своих защищению. Итак, имея отовсюду взаимную подпору, неспокойных голов, которые на избрание Руриково не соглашались, принудили к молчанию и к оказанию совершенной покорности, так что хотя Синеус по двулетнем княжении скончался и Трувор после него жил недолго, однако Рурик в великий Новгород преселился и над Волховым обновил город.

Единоначальствуя над многими землями, роздал боярам своим городы и области для управления и отпустил их с роды своими и со многими россами, особливо ж в Полотск, в Ростов и на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением.

Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, по-видимому, в том участником или еще и главным, советовал с единомышленниками своими,

[1]* 862 года. Нестор.

как бы избыть от росской власти[2*]. И, уповая на свою у новгородцев важность и на сообщников, говорил не закрытно, что Рурик пришел привесть их россам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти. И так иных грозою к боязни, иных властию к послушанию, иных правосудием и милостию к люблению приведши, на владении утвердился непоколебимо.

Державе его тогда покорны были от славенского языка: Новгород, Изборск и Полотск; из чудского народа: меря, весь и мурома, то есть Ростов, Бело-озеро и Муромская земля. Южные славяне, как поляне, кривичи, древляне, северяне и прочие, отчасти своими старейшинами управлялись, отчасти дань платили козарам. Северные славяне от новых своих владетелей прозвались россами.

Пришли из варяг с Руриком двое знатные бояре, Осколд и Дир, которые в покое жить не обыкли, но любили всегда в военном деле упражняться. Сии просили, чтобы отпустить их с родом и с людьми своими к Царюграду поискать войною большего счастия. По уволении предприяли путь по Днепру вниз судами. В Полянской земле на горе увидели город и там живущих спросили, кому он подвластен? На сие от жителей ответствовано, что три брата — Кий, Щек и Хорев — построили сей город во имя старшего и уже их не стало. Жители платят дань козарам. Осколд и Дир поселились в Киеве, присовокупили к себе множество варягов и начали княжить над полянами, не завися от Рурика.

Утвердясь на владении, собрали войско и пошли на Царьград во время Михайла царя, в четвертоенадесять лето его державы[3*]. Будучи сей государь в походе против агарян у Черной реки, по вести, данной от епарха, в Царьград возвратился. Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим убийством, обступили город, и сам царь пробрался в него с нуждою. Вшед в Влахернскую церковь с патриархом Фотием, слушал молебства во всю ночь. Ризу богоматере с пением вынесши на берег, в воду погрузили в тихое время. Внезапно поднялась великая буря и росские суда, пригнав к берегу, разбила. Осколд и Дир, потеряв великое множество войска, с немногими остатками возвратились в Киев.

---

[2*] Новгородский летописец
[3*] Нестор, 866 год.

## Глава 2

## О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГОВЕ

Державствовав семнадцать лет в Новегороде, Рурик спокойно достиг кончины[4*]. Умирая, поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княжение сроднику своему Ольгу. Сей по смерти его, желая умножить наследство Игорю и соединить единого племени славенские народы под едино владение, собрал войско из варяг, славян и чуди, взял некоторых кривичей и с ними пришел к Смоленску, город покорил себе с Кривическою землею и посадил своих правителей. Оттуду по Днепру вниз пустившись, взял Любеч и правление поручил своим воеводам. Приближаясь к Киеву, где Осколд и Дир княжили, скрыл в судах часть войска, назади оставил другую. И как подплыл под Угорское близ Киева, послал к Осколду и Диру с вестию, что идут купцы в Грецию от Ольга и от Игоря, для того бы они повидались со своими однородцами. Осколд и Дир, не имея никакого подозрения, пришли к судам с малым числом людей с тем, может быть, намерением, чтобы проезжих сих приласкать и присоединить к жителям киевским. Внезапно закрытые в судах выскочили с ружьем и окружили Осколда и Дира. Тогда Олег, показав Игоря, объявил: «Сей есть сын и наследник Руриков; вы не княжеского рода и княжить вам не должно». И тут по повелению Ольгову Осколд и Дир убиты. Тела их взнесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могиле поставлена потом церковь святого Николая; Дирова могила — за святою Ириною. По смерти их сел Олег на княжении в Киеве и нарек столицею всех городов, обладаемых россами. И сим именем прозвались поляне и прочие окрестные славяне его владения.

Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить городы и установлять порядочные дани. Во-первых, варягам-россам на содержание учредил, чтобы новгородцы платили по триста гривен на год, что действительно производилось до смерти великого князя Ярослава Первого. На кривичах и на мерях также дань была положена. Потом воевал Олег древлян и с диким сим народом поступал жестоко, дань положил на них тяжкую, по черной кунице с дыму. Северяне и радимичи данники еще тогда были козарские, того ради Олег ходил с войском для свобождения северян и положил на них дань легкую. Радимичи чрез посланных от него пришли в подданство и стали платить дань по шелегу, по чему прежде давали козарам. Привед под власть свою кривичей, любчан, полян, древлян, северян и радимичей, воевал на суличан и на тиверцев.

---

4* 879 год.

Около сего времени шли угры мимо Киева чрез место, что ныне называется Угорское [5*]. При Днепре стояли вежами. Поход их был подобен половетскому. Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ начал показывать ему послушание. Потом сочетался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова [6*].

Уже полагая на Игоря надежду в правлении государства, Олег принял намерение итти на греков. Того ради набрал великое войско из варяг, славян новгородских, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев и чуди. Киев поручил Игорю; пошел под Царьград по сухому пути конницею, по воде на двух тысячах мелких судов. Греки, услышав его приближение, узкий проход из Черного моря заперли и в городе затворились. Тогда по выходе с моря на берег устремясь войско Ольгово на грабление, по древнему военному обычаю многие домы и церкви расхитили, пожгли, людей иных порубили, иных вешали, иных в воде топили и мучили разными томлениями. Потом повелел Олег воинству своему сделать колеса и суда на них поставить. Ветр восстал способный и, надув парусы, понес их к стенам цареградским. Греки пришли в великий ужас, сие увидев, и с молением к нему послали, дабы не разорпл города, но взял бы дань по своему желанию. Олег велел войску остановиться. Из города вынесли навстречу разные пищи и вина; но не приняты для опасности от яду. Греки в страхе и удивлении говорили: «Не Олег на нас воюет, но святый Димитрий послан от бога для нашего наказания». Дани потребовано от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восьмдесят тысяч, по сороку на судне. На требование согласились, просили мира и прекращения разорительных военных действий.

Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями [7*]. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека, платить дань в каждую полгода на российские городы: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полотск, на Ростов, на Любеч и на иные, в которых великие князи под Ольгом владели; приходящих россиян за данью довольствовать по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якори, верви и парусы; за шестимесячною данью не приходить россиянам без торгу и товаров; дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды; и с приезду стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению всех поименно не перепишут; в город входить по

---

[5*] 898 год.
[6*] 903 год.
[7*] 907 год. Нестор.

пятидесяти человек в одни ворота безоружными; за продажу и покупку товаров не платить пошлины.

Сей договор цари крестным целованием утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и богами Перуном и Во́лосом, скотьим богом. И так с обеих сторон мир утвердили. Олег, повесив свой щит на воротах цареградских в знак победы, с великою корыстию в Россию обратно морем пустился. Россам велел поднять парусы паволочные, славянам кропинные. С таким великолепием, со множеством богатства и узорочных вещей достиг Киева. От простого и суеверного народа прозван чародеем, что дела его почитались невозможными человеку.

По четырех летах являлась комета на западе наподобие куста. Около того же времени послал Олег вельможей своих в Грецию для подтверждения прежнего мира и установления купеческого договора к царям Льву и Александру[8*], которые согласились и на том утвердились: дабы между россиянами и греками пребывал мир непоколебимый и любовь бесподозрительная; не подавать друг другу повода к нарушению согласия, но хранить оное непревратно всегда и во все будущие лета; в судах дела между обоими народами решить по доказательствам, но когда оных не будет, присягать челобитчикам; когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убивца смертию на месте, где учинено убивство; когда же убежит убивец, взять ближнему убиенного сроднику имение и жену убивцеву; ежели убивец беден и скрылся, то обождать, пока сыщется, и казни предан будет; за уязвление и побои платить пять литр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не дает помощи; по сем далее не искать; буде россиянин грека или грек россиянина на воровстве застанет и убьет, того на нем не взыскивать и украденное обратно взять позволяется, буде ж вор без обороны в руки отдастся, взять с него украденное втрое; взятое насильством также возвращать втрое; ежели греческое судно принуждено будет к берегу, где россияне, то проводить оное в место безопасное и подавать помощь; равным образом и греки должны споможествовать россиянам, притом, ежели убийство или насилие учинится, поступать по установленному выше; буде случится россиянину видеть в чужой земли полоненного грека или греку россиянина, выкупить оного и отпустить в свою землю, получив данную за него цену или цену вменить в дань; подобным образом выкупать и военнопленных и возвращать в свою их землю, получая за них данный выкуп; полоненных из вспомогательного

---

[8*] 911 и 920 гг. Нестор[a].

[a] В подлиннике ошибка: нужно 911 и 912.

войска, коего бы они государства ни были, выкупать по двадцати золотых; россиянам беглых своих или украденных и насильно проданных рабов брать от купцов по челобитью и по признанию рабскому; купцам беглых своих рабов искать по челобитью и брать найденных; кто у себя не даст обыскивать, виноват будет; когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив своих пожитков и не имея ближних сродников, то отдать оное в Россию дальним родственникам, буде ж при смерти назначит наследников, тем отдать его имение. Злодеев, убегших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею.

Сие все с обеих сторон взаимными письменными договорами утвердили; греки целованием крестным, россияне по своему закону присягнули, дабы не переступить ни единой черты от положенного и утвержденного согласия; что совершено 912 года в сентябре. Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и палаты, украшенные золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками в мире и в тишине пребывали. По возвращении в Россию объявили послы Ольгу заключение мира, которым довольствуясь, пребывал прочее время своея жизни в покое.

О смерти его дивное осталось повествование, вероятность по мере древности имеющее. Прежде войны на греков спросил Олег волхвов, от чего ему конец жизни приключится. Ответ дали, что от любимого своего коня умрет. Для того положил он никогда на него не садиться, ниже к себе приводить, но поставить и кормить на особливом месте. Возвратясь из Греции по четырех летах, во время осени об оном вспомнил. Призвал старейшину конюхов и, жив ли оный конь, спросил. Услышав, что умер, волхвам посмеялся. «Лживы,— сказал,— все ваши гадания: конь мертв, а я жив; хочу видеть кости его и вам показать в обличение». Итак, поехал на место, где лежали голые кости, и, голый лоб увидев, сошел с коня, наступил на него и молвил: «От того ли мне смерть быть может?». Внезапно змея, изо лба выникнув, в ногу ужалила, от чего разболелся и умер, княжив тридцать три года. Весь народ много об нем плакал. Погребен на горе Щековице, и могила его видна была во время летописателя Нестора.

## Глава 3

### О КНЯЖЕНИИ ИГОРЕВЕ

По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял [9*]. Тогда древляне, уповая избавиться от российского подданства в новое княжение, от него отказались и в городах затворились. Однако надежда их была тщетна и предприятие бесполезно. Храбростию Игоревою побеждены и приведены в послушание, по принуждению платили за свое преступление дань больше прежнего.

В сие время печенеги пришли впервые на Российскую землю, учинили мир с Игорем и прошли к Дунаю [10*]. Симеон, король болгарский, вел войну тогда с греками и воевал Фракию. Греки наняли печенегов; но воеводы их, пришед с ними в несогласие, принудили их отступить и возвратиться в свою землю. Симеон, победив греков, взял Адрианополь.

Игорь, собрав войско, пошел к Царюграду [11*]. Болгаре о том весть царю подали, что россы на него идут в судах десять тысяч. Пристав к берегам Малой Азии, российский князь воевал Вифинию, Пафлагонию и Никомидийскую землю до Ираклии. В сие нашествие россиян на греческие области учинены великие грабления и разорения церквей и монастырей; люди многие посечены, расстреляны и вбитыми гвоздьми в голову умерщвлены бесчеловечно. Потом с греческим войском пришел от востока Панфир Демественник, имея сорок тысяч, Фока Патрикей с македонянами, Федор Стратилат с фракиянами и купно другие знатные вельможи и россиян отвсюду окружили. Но они, совещавшись, учинили с греками сражение, и по ярой и долговременной сечи едва греки преодолели. Оставшие россияне ввечеру к находящемуся у берегов войску возвратились, вошли в ладьи и пустились в море. Феофан, воевода греческий, вышед к ним навстречу, пустил трубами огонь на ладьи российские. От страшного сего чуда и от загоревшихся судов бросались многие в воду и все принуждены были спасаться бегством. Возвратясь в отечество, Игорь тем победу себе отняту быть сказывал, что греки на войско его пускали огонь, молнии подобный.

Однако, желая мщением защитить свою славу, отправил послов к варягам за море, побуждая их воевать против греков. Итак, собрал множество войска: россиян, варягов, полян, славян, кривичей, тиверцев и нанял печенегов, взяв от них аманатов. С оным войском пошел на греков морем и землею [12*]. Услышав

---

[9*] 913 год.
[10*] 915 год.
[11*] 931 год [б].
[б] В подлиннике ошибка: нужно 941.
[12*] 944 год.

сие, корсунцы послали весть к Роману царю, «что идет на него бесчисленное войско и суда покрыли море». Также и болгаре уведомили греков, что идет Игорь сухим путем и нанял печенегов. Роман, сие слышав, послал к Игорю с дарами и с прошением, чтобы не ходил воевать земли Греческой, но взял бы дань, которую прежде брал Олег, и еще с прибавлением. Также и к печенегам послал шелковые поставы в дар и много золота. Игорь, достигши Дуная, созвал своих военачальников, сказал царево посольство и стал с ними советовать. Тогда все согласно предлагали: «Когда царь так просит, чего нам желать больше? Без кровопролития получим серебро, и золото, и шелковые поставы. Кто знает, кому будет победа и кто с морем договорился, чтобы не волновалось? Не по земли, но по глубине морской ходим, где всяк скорой подлежит смерти». Сего совета послушав, Игорь печенегам велел воевать Болгарскую землю. Сам, взяв от греков шелковые поставы, серебро и золото на все свое войско, в Киев возвратился.

По сем греческие цари — Роман, Константин и Стефан — прислали послов своих к Игорю для заключения и совершения прежнего мира[13*]. Игорь, говорив с ними о союзе, послал бояр своих в Грецию. Роман по совету сановников с российскими послами поставили мир в следующих статьях: «Великому князю российскому Игорю и всем, стоящим под его рукою, быть в мире непоколебимом с цари греческими — Романом, Стефаном и Константином — вечно, доколе солнце сияет и весь мир стоит, и кто тишину нарушить помыслит, христианин да примет месть от бога вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий, некрещеные да не имут помощи от бога и от Перуна, да не возмогут защититься щиты своими, да посечены будут мечами своими, да падут всяк от своего оружия и да пребудут раби вовеки. Великому князю Игорю и боярам его отпускать в Грецию судов сколько угодно с послами и с купцами, и, как узаконено, послам носить печати золотые, а купцам серебряные. В грамотах объявлять число кораблей. Без грамоты приехавших держать за сторожами до уведомления российскому князю; противников убивать, не опасаясь взыскания, а о беглецах отписывать князю, с коими поступать ему по своей воле. Когда россияне придут без купечества, то им не брать помесячных сборов по запрещению княжескому, не бесчинствовать в селах страны Греческой и жить в приходе у Святого Маманта. Приехавших переписывать всех поименно, и тогда пускай берут купцы свое помесячное, а послы дань на Киев, Чернигов и Переяславль и на прочие городы. Для торгу в город входить по пятидесяти человек, одними воротами, за царскими приставами, и буде кто россиянин или грек учинит неправду, то они должны давать управу.

---

[13*] 945 год.

Россияне, входя в город, не делали б обиды и паволок не покупали б выше пятидесяти золотых. Купленные товары показывать приставу, который запечатав отдать им должен. При отъезде брать россиянам на дорогу съестные товары и что потребно для судов снасти, как прежде сего установлено, и провожать их с прикрытием греческим, а у Святого Маманта зимовать не позволяется. Ежели раб бежит от россиян к грекам и сыщется, взять его обратно, буде же не сыщется, то платить за него по присяге две паволоки, как установлено прежде. Ежели беглец ушел и взял снос, а по возвращении будет цел, должно платить два золотых. Когда россиянин у грека или грек у россиянина покусится что отнять, наказан будет весьма жестоко, а буде действительно отнимет, должен возвратить вдвое, то есть украденное в целости и приложить к тому деньги, чего оное стоит; а когда украденное будет в продаже, отдать двойную цену и татя наказать по законам российским и греческим. Пленников выкупать молодых мужчин и девок взрослых и добрых по десяти золотых, за середовичев по осьми, по пяти за старых и малолетних. Когда найдется россиянин в рабстве у грека как пленник, давать за него выкупу по десяти золотых, буде же он греком куплен, заплатить ему данную цену. Российским князям не воевать земли Корсунской и не иметь над ней никакой власти, ибо она состоит под Греческою державою. А когда российские князи воюют другие страны, тогда греки должны вспомогать потребным числом войска. Когда найдут россияне судно греческое, выкинутое на берег, то бы оного не обидели. Буде ж кто обидит или что возьмет, либо человека поработит или убьет, тот повинен наказан быть по обеих сторон законам. Корсунцам, ловящим рыбу в днепрских устьях, не делали бы россияне никакой обиды и в устьях бы тех не зимовали, ни в Белобережье, ниже́ у Святого Елевферия, но возвращались бы на осень в свои домы; и сверх сего, приходящих черней и болгаров воевать страну Корсунскую не допускать князям российским. Греков-преступников казнить российские князи не имеют власти, но их оставлять на истязание царям греческим. О убийствах судить, как положено было в прежнем договоре с Ольгом. Когда случится нужда Греческому царству в войске против сопостатов, то великий князь российский посылать имеет по грамоте требуемое число, из чего уведают иные страны, какую любовь имеют с Россиею греки». По сему договору присягали российские послы Перуном и оружием, а христианский закон принявшие дали присягу в церкви святого Ильи; и царя греческого послы российские к присяге приводили. По их возвращении Игорь, доволен будучи заключением сего мира, взошел на холм к Перуну, положил перед ним оружие, щиты и золото и присягал перед греческими послами, и купно его бояре и воеводы.

По заключении сего мира княжил Игорь целое лето в покое, который наставшею осенью пресекся[14*]. Был у него знатный воевода именем Свендельд, которому из особливой любви и милости отдал во владение Древлянскую землю, приобретенную и отягощенную даньми прежде походов своих на Грецию. Свендельд брал по черной куне с дыму и тем весьма обогатился. Военачальники Игоревы, воевавшие с ним Грецию, тому завидуя, говорили князю, что он подарил толь много одному человеку и служащие Свендельду украшены оружием и платьем, а они наги. Итак, советовали итти к древлянам для собрания дани для него и собственной их корысти. Игорь, послушав совета, пошел с нарочитым войском, дабы еще прибавить к первой дани. По многом учиненном насильстве поехал обратно в Киев, однако еще к древлянам для большей корысти с малым числом людей поворотился, несмотря на их отрицательные представления. Древляне рассудили с князем своим, которого Малом звали, «что когда волк привыкнет похищать овец, то выносит все стадо, пока убит не будет». Итак, вооружась на Игоря, перед Коростенем, главным своим городом, его и бывших при нем убили. Могила его была на том месте видна еще во времена летописателя российского Нестора.

## Глава 4

### О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГИНЕ

По убиении Игореве приняла владение великая княгиня Ольга[15*] ради несовершенного возраста единого сына своего, Святослава. Древлянам показалось вдовство ея и младость Святослава по их силам, чтоб не токмо от подданства свободиться, но и князя своего возвести на владение киевское, сочетав его с Ольгою браком, и тем взять большинство над россами и полянами. Отправленные для того в Киев двадцать человек знатных приехали водою и пристали под Боровичем. Вода в то время текла близ горы Киевския, и жители не имели еще домов на Подоле, но по горе поселясь жили. Вне города стоял другой двор княжеский, называемый теремной для высокого каменного в нем терема. Ольга, услышав о приезде, возмутилась печалию, видя наглость убивцев своего супруга. Слезам и плачу ея соответствовал весь народ рыданием и воплем. По некотором утолении великой печали предприяла великая княгиня в сердце своем отмстить древлянам смерть супружню всевозможными способы. И для того, во-первых, хитрым приятием посланцев положила начало к произведению своего умысла; ласково отвечала представшим

---

[14*] 945 год.
[15*] 945 год. Нестор.

перед нею с дерзостной речью, что они от Древлянской земли посланы ей сказать: «Мужа твоего убили мы за отягчение нас безмерною данию, которою, однако, еще не довольствовался, как волк нас расхищая. Наши князи добронравны, обогатили свое владение земледельством; и тебе прилично посягнуть за князя нашего Мала».— «Люба мне речь ваша,— сказала премудрая Ольга,— уже не воскресить мне своего супруга. В оказание моего благоизволения к вашему князю и к вам окажу вам честь и преимущество пред людьми своими. Ныне возвратитесь в судно ваше спокойно, а заутра умейте им показать свое преимущество».

В следующий день пришли посланные от Ольги на берег к древлянскому судну, прося их по княгинину повелению в город на изготовленную для них почесть. Древляне величаясь, ответствовали: «Не хотим ни пеши, ни на конях итти с вами; вы в ладье нашей на головах своих нас понесите». Повинуясь раболепно, посланные с таким странным позорищем взошли на двор теремной. Ольга, смотря с высоты его и смеясь глупой гордости, величание их в горесть превратила. В уготовленную на дворе нарочную яму повелела с ладьею древлян вдруг повергнуть. И приближась спросила, довольно ль приятна им оказанная на сватовстве почесть. Древляне с раскаянием и страхом в яме кричали, что Игорева смерть не принесла им пользы и что за их злодеяние преданы достойной казни. Оная совершена вскоре засыпанием их живых в земли по Ольгину повелению.

Немедленно отправляются нарочные в Древлянскую землю, чтоб для совершения сватовства присланы были от древлян знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу к своему князю с должною честию, и чтобы ее киевляне удобнее отпустили. Древляне, не видев от своих прежде посланных для уверения ни единого человека,— о сельская простота! — поверили. Пятьдесят правителей земли Древлянския без укоснения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ничего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятна больше кажется древлянская оплошность. Ольга повелела их просить после труда дорожного в баню по обычаю российскому, в которой обложенным хворостом зажжены и обращены в пепел.

Страшного сего и сурового мщения нарекание умаляется полезным Ольгиным промыслом, которым знатную часть главных древлянских начальников истребила и приуготовила путь к будущей победе. Для предупреждения о сих делах ея вéсти в землю Древлянскую послала скорого гонца, объявляя, что уже она в пути и чтобы при могиле Игореве приготовлены были разные меды и всяких пищей изобильно, дабы она первому своему супругу на память совершить могла тризну прежде вступления во второе супружество. Древляне обрадовались ея приходу и повеленное исполнили перед главным своим городом Искорестом. Великая

княгиня Ольга по обещанию своему с избранными людьми не к брачному веселию, но к бою приходит на уреченное время. Древляне, в праздничном платье цветно надевшись, выезжают из города навстречу и принимают ее с великою честию. На вопрос о первых и вторых посланных ответствовано, что следуют с тяжкими возами великого богатства княгинина, которое она уже больше древлянам вверяет. Сверх сего, присутствие Ольгино с малым числом людей довольно было к отнятию сомнения о потаенном коварстве.

По договору своему с древлянами прежде мнимого ими брака возвышает великий бугор над супружнею могилою, орошает оный слезами, обагряемый потóм кровью его убивцев. Древляне, увидев, что Ольга после горького плача надевается в светлое и брачному торжеству приличное платье, стали веселиться, пировать и поставленными медами упиваться. Киевляне тщились, как слуги, угощать их с великою ласкою и уклонностию; сами, по повелению премудрыя княгини, пили весьма умеренно, не для пьянства, но только для лучшего ободрения к наступающему совершению сокровенного предприятия. Веселящимся и даже до отягощения упившимся древлянам казалось, что уже в Киеве повелевают всем странам российским, и в буйстве поносили Игоря перед супругою его всякими хульными словами. Внезапно избранные проводники Ольгины, по данному знаку, с обнаженным оружием ударили на пьяных; надежду и наглость их пресекли смертию. Пять тысяч порубленных, меж копми множество знатных было, покрыли трупами Коростенское поле, и чаемый брак превратился в ужасную тризну в честь Игорю. Ольга, исполнив свое намерение, в Киев поспешно возвратилась и немедленно собрала знатную силу, чтобы на смятенного в слабости неприятеля, не дав отдохновения, напасть с большим успехом.

Для вящего ободрения своих войск приемлет в участие военачальства сына своего, Святослава, младостию и бодростию процветающего. Пришедших на Искорест встретили древляне вооруженной рукою, и как обеих сторон полки сошлись к сражению, Святослав кинул копье в неприятеля и пробил тем коня сквозь уши. Свенелд воевода вскричал: «Князь наш бой начал; други, станем за него крепко». Великого стремления войск Ольгиных и Святославлих не стерпев, древляне устремились в бегство; оставшиеся от посечения меча российского в городах своих затворились. Ольга и Святослав Искорест обступили, который главною виною был Игорева убиения. Осада через целое лето не могла принудить древлян к сдаче для сильной их обороны. Грозная и неизбежная казнь укрепляла в них последние силы к храброму отпору.

Ольга, видя тщету долговременной осады, к хитрости острый ум обращает и, послав перед стены, объявляет древлянам: «Го-

роды ваши все мне покорились и дань обещали; уже безопасно пашут свои нивы. Вы ж хотите помереть голодом, отрицаясь быть данниками моими». Древляне ответствовали: «Мы бы дань платить ради, однако опасаемся, что еще будешь мстить своего супруга». Ольга, уверяя их, сказать велела, «что за Игоря трожды мстила и больше гнева на них не покажет, но, взяв дань, в Киев возвратится со всею силою». Мед и зверских кож мехи (тогдашние деньги) на произволение великой княгине древляне обещали. «Ныне сами вы медом и мехами скудны,— с притворною жалостию говорит Ольга,— малою данью довольна буду: дайте на войско мое по три воробья и по три голубя с дыму. Не хочу отяготить вас чрессильными налогами и супругу своему в том не последую». С охотою древляне требуемое исполнили и от Ольги с удовольствием услышали: «Мне и сыну моему вы покорились, завтре отступлю от города. Скажите жителям сию радость».

Принесенная в город посланными весть произвела в древлянах с отрадою оплошность, в которой только лишь на сон безопасно склонились, повсюду пылающим пожаром пробуждены и внезапным ужасом пришли в крайнее возмущение. Ибо принятым в дань и разделенным по всему войску птицам повелела Ольга привязать по фитилю каждой и к вечеру отпустить на волю. Великое голубей и воробьев множество, прилетев во свои гнезда с огнем под кровли, в голубятни и на башни, зажгли во всех местах город. Жители не имели времени о гашении домов своих стараться, но в крайней торопливости, желая от огня избыть, бежали вон из города, где встречали и посекали их полки Ольгины. И так, между мечом и пламенем древляне волнуясь, принуждены были из них одному отдаться в жертву. Поиманные старейшины городские иные казнены смертию, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство. На оставшихся тяжкая дань взложена: две части на Киев, третья на Вышгород, который особливо принадлежал и был любим Ольге.

По сем хитрая победительница с храбрым сыном, обшед землю Древлянскую, учредила перевозы, пристани и ловли, положила новые о всем законы и уставы и в Киев принесла корысть и радость. Где успокоясь от трудов один год, новогородскую страну посетить путь предприняла[16*]. По Мсте и по Луге, где беспорядочные чудские жители худым домостроительством бедную жизнь препровождали, поселила славенских переведенцев, построив погосты; предписала ловли и другие прибыточные учреждения и наложила оброки по всей области; перевозы по Днепру и по Суле, возвращаясь в Киев, установила. Приближающийся к совершенному мужеству возраст Святославов, любовь взаимная и в цветущем состоянии отечество вящие обещали удовольствия.

[16*] 947 год.

## Глава 5

### О КНЯЖЕНИИ СВЯТОСЛАВОВЕ

Ольга, видя довольные опыты способности своего сына ко владению Российским государством, склонилась желанием к покою, в котором пребывая, рассмотрела разность нравов между идолопоклонниками и христианами, которых уже было в Киеве немало после крещения россиян во время несчастливого Осколъдова и Дирова похода к Царюграду. Итак, поручив великое княжение Святославу, единственно обратила мысли к христианскому закону, в котором больше человечества и просвещения усмотрела, нежели в варварском прежде невежестве. Сим подвигнута, достигает Константинова града [17]*, открывает свое желание царю и патриарху и святым крещением сочетавается христовой церкви, преименовавшись Еленою.

Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовию греческого царя к Ольге и что он перехищрен ею был приятием от купели, дабы после не мог требовать как воспреемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года, могла еще прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простаки были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружеству препятствующем, не могли вспомнить. Обстоятельства по возвращении Ольгине в Киев, Нестором показанные и другими писателями яснее изображенные [18]*, о том рассуждать принуждают, что то учинено было Ольге в насмешку. Ибо царь греческий от просвещенной крещением и в Киев возвратившейся Ольги посольством требовал обещанных даров: воску, бельих мехов, рабов и войска за его дары в благодарность. Ольга ответствовала, что царь ее обидел, коварствовав ея старости. За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как она стояла у него в купели. С таким ответом послы тщетно возвратились.

Святослав, не внимая закону, в едино военное дело всем желанием вникнул. Однако не запрещал своим подданным креститься; крещеных держал в презрении и посмеянии. Матери своей не отнял власти, проезжая российские пределы, особливо ж Псковскую область, ея родину, обращать народ в закон христианский, ставить кресты и молитвенные домы. Совокупление храбрых воинов и сильных полков почитал самым лучшим своим веселием. Перелетал неприятельские земли наподобие орла и уда-

---

[17]* 955 год.
[18]* Соборный Временник.

рял на них леопардовым стремлением. Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокоению тягостию не препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мясо и на углях испеченное довольно было к его насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за шатер служила, в чем все воинство подражало своему государю.

Первые после древлянских были походы его на Оку, Волгу и Вятку[19*]. Многие платили из них дань козарам, турецкого поколения народу; оных учинил своими данниками. И чтобы утвердить свое завоевание, на самих козар подвигся[20*]. Главное селение их было в Херсоне, что ныне Крым зовется, однако и к полунощи далече простирались по широким полям до предел российских. Каган, князь их, встретясь с великою силою, вступил в сражение против Святослава. Но принужден по многом кровопролитии уступать ему победу; взят город Белая Вежа; плененные козаре и с ними побежденные ясы и косоги приведены в Киев пленными.

Между тем греческий царь Никифор Фока царствования своего в четвертое лето увещевал Петра, болгарского государя, письмами, чтобы не допустил турков через Дунай переправиться и опустошать римского владения пределы. Для небрежения сих увещаний и отказов с разными отговорками посылает к Святославу царь патрикия своего Калокира, обещанием даров и услуг возбуждая на болгар. Россияне по мирному с ними договору вошли со Святославом в Болгарию, городы и крепости сравнили с землею. По Несторову свидетельству, пришли тогда осьмдесят городов под российскую руку. Переяславец нарек Святослав себе столицею в земле Болгарской, с греков брал дань по прежним договорам.

В отсутствие великого князя Святослава на Дунае пришли на Россию печенеги[21*]. Ольга затворилась в Киеве со внучаты своими Ярополком, Ольгом и Владимиром. Сии ради малолетства, она для старости не могли стать против тяжкой силы печенежской с малым числом людей, оставленных от Святослава. Во время таковой тесной осады Киева невозможно было иметь сообщения с собравшимися людьми для освобождения города и в ладьях на другой стороне Днепра стоящими. Голод и жажда принуждали жителей к сдаче; для того сыскали некоего молодого человека, который взялся дать весть через реку о настоящей крайней нужде в городе. Держа в руке узду, побежал по печенежскому стану и спрашивал их языком о своей лошади. Таким образом достиг Днепра и, скинув платье, за реку поплыл. Стреляли по нем печенеги, но без успеху; весть своим подал, что

[19*] 964 год.
[20*] 965 год.
[21*] 968 год.

буде заутра не учинят в судах на неприятеля нападения, город сдастся; мать и дети великого князя в гнусный полон отведены будут. Тогда Притич воевода побуждал собравшихся в судах россиян, представляя в городе бедственную нужду, необходимый гнев Святославов и казнь за оплошность и боязливость. Велел всеми ладьями приступить к киевскому берегу, чтобы хотя избавить из рук печенежских Ольгу со внуками, увезши на другую сторону. При наступлении дня затрубили на ладьях россияне и дерзостно устремились к приступу; люди в городе подняли крик великий. В ужас пришли печенеги, представляя себе пришествие самого великого князя. Отступают от города в разные стороны; и Ольге со младыми князьми свободный проход к ладьям отворился. Видя сие, князь печенежский спросил о шуме и, услышав ответ от Притича, что он военачальник передового войска Святославля, который со всею военною силою за ним в близости следует, пришед в страх, печенег заключил мир с Притичем, дав ему в знак коня, саблю и стрелы, а от него взаимно принял латы, щит и саблю. И так совершенным отступлением печенежским Киев избавился от тесного облежания.

Вскоре отправлены послы к Святославу, которые, достигши на Дунай, бывшее бедство ему возвестили, сказав: «Чужой ты земли, государь, ищешь, свою пренебрегая. Мать и дети твои много страха и нужды претерпели и едва в злодейские руки не впали печенегам. Буде не ускоришь приходом в Киев, то, конечно, новым нападением неприятели кровь твою похитят. Сжалься над отчиною своею, над престарелою матерью и над детьми малолетными». Побужден чрез сие, Святослав без укоснения на конях со многим войском направил путь свой к Киеву, где с жалостию и радостию целовал мать и детей своих и печенегов отогнал в отдаленные места от киевских пределов.

Потом, устроив все мирно и положив город в безопасности, говорил с материю о своих намерениях и притом объявил ей и боярам: «В Киеве жизнь мне не нравна; затем пойду на Дунай в Переяславец, где средина моего владения и всякое изобилие ко мне собирается: из Греции серебро, золото и паволоки, вино и овощи различные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из России мягкая рухлядь, воск, меды и люди». Ольга, проливая слезы, представляла: «Что оставляешь нас, любезный мой сын, сирых? Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь? Дети твои малолетны, я дряхлой старости достигла и, конечно, к смерти изнемогаю. При конце моея жизни вспомни прежнее к тебе матернее прошение, веруй со мною единому богу вседержителю. Он подаст тебе к земному небесное царство. Но ты сего учения ненавидишь и на гнев преклоняешься. Итак, единого прошу, пребудь здесь краткое время, до скончания моего течения. Погреби тело мое по христианскому закону, не сыпь высокой надо мной могилы и не совершай тризны по обычаю неверных». По

сем завещании в третий день преселилась блаженная Ольга к вечному покою. Святослав, исполнив ея повеление, с плачем проводил святое тело ко гробу. Внуки, бояре и весь народ жалостным воплем отдали последнее целование великой героине, премудрой правительнице и истинной богоугоднице, жившей в супружестве сорок два года, после Игоря до крещения десять, в христианстве пятнадцать, всего близ лет осьмидесяти. Оставшие христиане неутешно рыдали, лишась себе прибежища.

Перед вторым походом храброго Святослава на Дунай присланные от великого Новагорода нарочные били челом, соединив прошение с республичной грубостию, чтобы великий князь посадил, кого изволит, на княжение новгородское [22*]; буде ж никто из детей Святославлих не пойдет, то сами найдут себе иного князя. Святослав сказал: «Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство». Ярополк и Ольг тотчас отказались. Новгородцы по совету Добрынину стали просить Владимира. На что Святослав охотно склонился и молвил: «Будьте вы его». Владимир рожден был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери некоего Малка, родом любчанина, сестры Добрыниной. С сим своим дядею в великий Новгород отпущен на княжение. Старшему сыну, Ярополку, поручил Святослав вместо себя Киев, среднему, Ольгу, Древлянскую землю; сам предпринял поход на Дунай к Переяславцу с великим воинством [23*].

Перед тем Иоанн Цимисхий, коварно царя Никифора Фоку по наущению жены его убив, воцарился [24*]. Болгаре в Переяславце от Святослава затворились; вышли потом против россиян на вылазку и начали их осиловать. Отступающих своих, разъезжая по полкам, князь укреплял к бою, дабы лучше все головою пали, нежели бегством затмили прежнюю свою храбрость. К вечеру одержана над болгарами победа; два сына Петровы, болгарского государя, Борис и Роман, в полон взяты. По сем россияне, по желанию своего князя, для великой удобности мест владение и пребывание свое на Дунае утвердить в намерении положили. Сие их предприятие основалось еще больше Калокиром, который обещал, что ежели его россияне возведут на престол Греческого царства, то союз с ними поставит, уступит вечно Болгарию и обещанную им дань умножит. Сим россияне обнадеждены, Болгарию причли в свое владение и послов Цимисховых без успеху о мире отпустили, ибо Святослав велел послам сказать, чтобы греки платили дань по-прежнему: за неисполнение, как болгары, постраждут. Греки, притворясь быть к тому готовыми, спросили, много ли у Святослава войска, дабы по числу их дань расположили. Вопрос их коварно простирался для изведывания числа войск российских (сие повествуя, Нестор «льстивы,— говорит,—

[22*] 970 год.
[23*] 971 год.
[24*] Кедрин, стр. 415. Зонар, кн[ига] 17, гл[ава] 2, 3 и 4.

греки и до сего дня»). Святослав, имея только десять тысяч, сказал грекам число сугубое для устрашения и для получения большей дани.

Цимисхий собрал войска до ста тысяч, привед восточные полки к западу, и Варде Склеру, своему шурину, поручил военачальство. Россияне с великим князем Святославом, услышав переезд греческого войска, соединили подданных себе болгар и, присовокупив в сообщество печенегов и живших в западной Венгрии турков, в трехстах осьмидесяти тысячах вошли во Фракию, опустошая все грабежом и пламенем, и, ополчась станом при андрианопольских стенах, ожидали к сражению случая. Варда сидел в Андрианополе с двенадцатью тысячьми греческого войска и, не дерзая против осадивших город выйти вылазкою, пришел у болгар в презрение, которое причиною было их нерадения: ибо стали беспорядочно стоять в станах, не прилежать о караулах и, сверх того, по ночам роскошничать, препровождая оные в веселии и в пьянстве. Варда выслал малое число людей на болгар выманить к бою. И как бегущих греков беспорядочно гнали, Вардиным войском, со сторон из засады вышедшим, разбиты и отогнаны, в коем числе воспоследовало и печенегов немалое падение. Прочее войско, из россов состоящее, продолжало бой с греками до ночи. На кровопролитном сем сражении многий ущерб почувствовали обе стороны, и хотя греков только, по свидетельству Кедрина, мало легло на поле, однако все были ранены.

Потом царь Иоанн Цимисхий, во второе лето своего царства предпринимая поход на Святослава, старался присовокупить к пешему войску флот на Дунае, к чему новые суда построить и старые велел исправить. Способствовало к тому весеннее время. Приближающемуся к Редесту, двое россиян пришли навстречу под видом посланничества, а делом для осмотру греческого войска. Нарочно показанному себе по царскому повелению греческому войску в украшенном строю дивились. Отпущены с тем, чтобы князю своему о исправности противных полков возвестили. Вслед оных с пятью тысячами пехоты и с четырьмя конницы спешно перешел гору Гем, к российским полкам внезапно приближился перед столичный болгарский город Переяславец. Калокир, начинатель сея войны, сидевший тогда в городе, услышав звук труб от греческого войска и присутствие самого Цимисхия, ужаснулся и немедля тайно из города ушел в стан российский, где известие, от него полученное, произвело в войске робость. Святослав, сильным увещанием ободрив унылых, поставил свой строй при Переяславце против греческого стана. Вскоре греки нападение учинили. Сразились обои войска жестоко. Сидевшие россияне из города выпали своим полкам в помочь, от чего для тесноты замешательство учинилось и ущерб Святославлим силам. Свигелл, первый его военачальник и в Переяславце градодержа-

тель, отвращая опасность от города, ворота запер и, огородясь жердьми и копьями, отбил стрелами и камнями от стены греков. Наступившая ночь приступ к городу и бой пресекла. На другой день воевода греческий Василий с прочим царевым войском приспел при восхождении солнца, царя обрадовав и ободрив всех греков, которые соединенным стремлением к городу приступили. По жестокой и упрямой обороне россияне принуждены были оставить стены во власть неприятелям и оградою царского дому защищаться. Греки, не возмогши взять силою, огонь вместо оружия употребили, истребили россиян из города. Многие сгорели; иные в полон взяты; некоторое число спасшись печальную весть принесли Святославу. И так Переяславец взят, обновлен и во имя Цимисхиево Иоаннополем проименован.

Святослав хотя весьма уроном возмутился, однако мужественным видом и словом ободрял свое войско дерзостно итти против греков. Триста человек подозрительных болгаров предал смерти и двенадцать миль перед Доростелем ополчился, ожидая Цимисхиева прихода. При схождении на сражение обоих войск государи ободряли своих солдат и по трубному голосу снялись равным дерзновением. Двенадцать раз греки в бегство обращались. Однако ж Цимисхий своим присутствием под царскими знаменами открытно наступал на россиян, поощряя коня и копье свое в них бросая. И таким образом принудил Святослава отступить в Доростоль, к коему приближаясь, стал станом, ожидая своего флота по Дунаю для способнейшего приступа к городу. Между тем Святослав военнопленных болгар велел держать связанных, числом около двадцати тысяч, опасаясь от них возмущения, и таким образом приготовился выдержать осаду.

По приезде судов Цимисхий зачал добывать город. Тогда в кровопролитных вылазках и сражениях Святослав потерял храброго военачальника и ближнего своего боярина Свигелла; однако город кругом укрепил рвом глубоким и положил твердо стоять против греческих приступов. Великая нужда, от долговременного греческого облежания в съестных припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу.

В темную и дождливую ночь две тысячи человек сели в мелкие суда и по Дунаю поехали искать себе припасов для пропитания войска. Собрав довольное множество всякого хлеба и возвращаясь к Доростолю, приметили на берегу много обозных людей греческих, которые для поения лошадей, для собрания дров и сена по берегу рассеяны, ходили безопасно. Внезапным нападением великое поражение и ущерб Цимисхию причинив, в Доростоль с довольною добычею возвратились. Осьм недель претерпевая россияне осаду, особливый вред от стенобитной махины, поставленной полководцем Куркуем, чувствовали в городе. Для того высланные от Святослава избранные воины, чтоб пагубное сие истребить орудие, Куркуя убили, невзирая на его

храбрость. Из россиян мужественный воепачальник Икмор, не родом, но удальством достигший своего чина, вторый по Свигелле, живота лишился от меча Анемала, стипатора царского. После оной кровопролитной вылазки находили греки между российскими трупами убиенных женщин, которые в мужеском одеянии мужскою храбростию сражались с неприятелем, доказывая истинное сродничество с древними амазонками.

В таковых утеснениях многие советовали бегство предпринять восвояси, иные — мир с греками поставить. Святославу одно бесчестно, другое бесприбыльно, обое опасно казалось. Для того, еще хотя отведать своего счастия и тем показать постоянство российской храбрости, говорил к своим: «Деваться нам больше некуда: своя земля далече; неверные печенеги живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем храбро и не посрамим своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастие мужеству нашему будет противно, положим свои головы: мертвые не стыдятся. Первый сам перед вами на сражение выйду. Когда голова моя ляжет, вы, как хотите, о себе промышляйте». Все единогласно воскликнули: «Где твоя, государь, тут и наши головы будут».

Уже с восхождением зари город отворяется; выходят с отменной бодростию и скоростию за благонадежным своим предводителем и государем полки российские без остатку полыми везде к неприятелю воротами, которые по Святославлю повелению за ними затворены для пресечения всея надежды на бегство. Почувствовали греки свое изнеможение и россиянам уступают поле. Великий зной и тягость их оружия и чрезвычайное россиян дерзновение отнимает неприятелям силу и надежду. Цимисхий, на место сражения прискакав, ободряет своих к бою; изнемогших и с побоища уклоняющихся повелевает укреплять вином и водою. И хотя полки греческие присутствием царским и утолением жажды большее показали сопротивление, однако от города отступили на пространное поле. Кедрин пишет, что греки сим отступом нарочно хотели выманить россиян на пространство, чтобы их окружить своею силою, однако от того вымысла не имели успеха. Цимисхий, видя своих падение, послал в буйности ко Святославу вызывать его с собою на поединок с советом, что лучше умереть одному за отечество, нежели толикому народа множеству. Святослав ответствовал: «Много есть разных путей к смерти, из коих царь греческий может себе любой выбрать, буде ему жизнь наскучила. А что мне полезно, то сам лучше знаю, нежели мой неприятель». Между тем на кровопролитном сражении Анема Храбрый, надеясь убиением российского князя вскоре одержать совершенную победу, устремился на своем коне прямо против Святослава и ударил его по голове саблею, но он невредимен под своим шлемом остался; Анема убит по крепкой

обороне. На сем сражении, по Кедринову свидетельству, греки, по Нестерову — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась.

Между тем Святослав, рассудив малое число своего войска и во всем недостаток, к миру преклонился. Итак, вечный союз утвердив с греками, в Россию путь предприемлет [25]*. Военачальникам объявляет, что, ежели греки отрекутся платить дань, которую, как Нестор пишет, давать обещались, бесчисленное собрав войско, паки на Дунай и к Царюграду для взыскания оныя пойдет. Цимисхий, возвратясь в Царьград, плененного болгарского царя Бориса с триумфом вводит и при всенародном множестве снимает с него венец и прочие царского достоинства признаки для уничтожения Болгарского царства.

В приближении к Днепру Свенельд советовал Святославу итти к Киеву на конях, представляя опасность водяного ходу и что в порогах стояли печенеги. Непринятию доброго совета последовала погибель, ибо переяславцы с Дуная подали весть печенегам, что Святослав идет из Греции малолюден, везет с собою великое множество плененного богатства.

Обрадованные тем печенеги пороги заступили и, Святославу пресекши путь, отвсюду россиян окружили. Принуждены будучи зимовать в Белобережии и претерпевать великий недостаток в съестных припасах, ужасный голод принудил тогда покупать лошадиную голову по полугривне. В начале весны в походе к Киеву порогами напал на россиян Куря, князь печенежский, нечаянным набегом, где Святослав имения и живота лишился. Череп головы его, золотом оправленный, служил вместо чаши печенегам при пирных веселиях с надписанием: «Кто чужого ищет, свое потеряет». С малыми остатками Свенельд достиг в Киев к Ярополку.

Беспрестанными войнами славное и беспокойное владение великого князя Святослава Игоревича продолжалось лет двадцать осьмь; всего жил около пятидесяти трех лет.

## Глава 6

### О КНЯЖЕНИИ ЯРОПОЛКОВЕ

Старший сын Святославль, Ярополк, по несчастливом отца своего скончании принял киевское великое княжение и правление [26]*, с которым ради несовершенного возраста сам состоял под правлением Свенельдовым, бывшего первым военачальником при отце его и деде. Сею властию напыщен, сын Свенельдов, именем Лют, оскорблял многих своим злым самовольством, как

[25]* 971 год.
[26]* 973 год. Нестор.



*Александр Невский.*
*Мозаика мастерской Ломоносова*

то имя (конечно, прозвище) и обстоятельства изъявляют, ибо он был главною виною плачевного братоубийства.

Выехал некогда на звериную охоту в пределы древлянские владения Ольгова, где сам князь древлянский Олег в том же упражнении прилучился. Спросил о приезжем охотнике и, уведав, что то сын Свенельдов, на гнев подвигся; уже несомненно до того времени о буйстве его предупрежден был слухом. И так, изъехав, Люта убил на той охоте. Свенельд, болезнуя сердцем и злобясь на Ольга, с того времени часто советовал Ярополку, чтобы присовокупил к своему владению Древлянскую землю и, как отец и дед, был бы един самодержавец. Чрез сие потаенно и коварно искал смерти Ольговой для отмщения смерти сыновней.

Наконец, стужанием и прошением своего любимого и многою властию сановитого боярина побужден, восстал Ярополк войною на древлян против брата своего Ольга, который хотя встретился

противным ополчением, но по жестоком сражении принужден был в бегство обратиться к городу древлянскому, называемому Вручаю, где плотина вместо мосту для въезду в ворота городские служила. Множество бегущих и гонящих, стеснясь, друг друга с мосту пхали. Олег, упав в ров глубокий, под множеством людей и коней, сверху поверженных, задавлен, живота лишился. По взятии города послал Ярополк искать его между трупами мертвых, и по объявлению некоего древлянина искали его во рву целый день, разбирая убиенных. На другой день едва найден; толикая пагуба от тесноты места или, праведнее сказать, от братского междоусобия причинилась!

На ковре положенное тело увидев, Ярополк возрыдал горестно и в раскаянии говорил: «Лучше бы мне, любезный мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель,— Свенельду сказал со гневом,— видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?». По Ольгове погребении и по совершении тризны перед Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский.

Слышав сие, Владимир отъехал из Новагорода к варягам, дабы не пострадать того же, что среднему брату приключилось. От Ярополка посажены были немедленно в Новегороде наместники.

Счастие, нередко злодеяниям поспешествующее, присовокупило Ярополку к победе над братом другую над печенегами, которые отдались ему в данники. И князь их Алдея вступил в российскую службу, получив великую честь с волостьми и городами.

Новгородские летописатели присовокупляют, что во владение Ярополково приходили послы от папы в Киев. По обстоятельствам поверить можно, что, уведав римского исповедания христиане о войнах российских с греками и притом о множестве христиан в Киеве, покушались ввести в Россию веру и власть папежскую, равно как и после, при Владимире, о законе было посольство от папы.

Последний год владения Ярополкова устрашал народ помрачением луны и солнца и последовавшими ужасными громами и вихрями, из чего предвещали многие от великих перемен несчастие. Вооружение Владимирово было яснейшим и достовернейшим того предвозвещением, ибо, наняв множество варягов и привлекши великими обещаниями, внезапно вооруженный меньший брат на мщение за среднего в Великий Новгород со многою силою возвратился; наместников Ярополковых выслал и велел ему сказать, чтобы против его на брань готовился, в которой почувствует достойную казнь за наглое братоубийство. Ибо Владимир в себе рассуждал: «Не я зло начал, мне должно за кровь невинную мстить и себе снискать безопасность».

Утвердясь на новгородском владении и уже в готовности итти войною на Ярополка, посылает Владимир к полотскому

князю Рогвольду, чтоб ему отдал дочь свою Рогнеду в супружество. Сей союз праведно казался Владимиру быть полезен в обстоятельствах важного предприятия.

Испытав склонность дочери своей, Рогвольд услышал, что лучше желает быть за Ярополком, а о Владимире сказала, что не хочет разуть от рабы рожденного (признак древнего обязательства жен мужьям к повиновению, который обычай у россиян содержан был и на княжеских браках; ныне только в некоторых областях по деревням еще употребителен). Гордым сим ответом раздраженный Владимир подвигнул всю свою силу на Полотскую землю и скоро взял столичный город силою. Рогвольд с двумя сынами лишен жизни; высокомысленная Рогнеда неволею с Владимиром сочеталась и пошла к Киеву, но не за Ярополка, как с присланными от него боярами уже было изготовилась, но противу ему приближилась с Владимиром и с полотским войском.

Ярополк за неимением довольного числа войска не дерзнул выйти против Владимира, но рассудил защищаться киевскими стенами. Владимир поставил стан меж Дорожичем и Капичем, где был ров и во время Нестерово. У Ярополка тогда ближнею поверенностию пользовался некто Блуд именем и делом, который с Владимиром тайно пересылался о предании своего государя. По обещаниям от него богатства, чести и любви искал случая сам и другим поущал на таiное убиение Ярополково, но, в том не успев, употребил коварно вымышленные советы. Притворив себя устрашенным и прискорбным, объявил князю своему наедине: «Киевляне усердствуют к Владимиру и, отворив город, хотят тебя отдать ему руками. Уже и весть к нему послали, чтоб приступал к городу; ищи себе безопасного убежища». Легковерность, с худою совестию соединенная, дала место в сердце злокозненным словам Блудовым. Итак, Ярополк выбег из Киева на устье реки Рси, в Родну, и в крепости затворился.

Киевляне, уведав о его побеге, Владимиру ворота городские отворили, где, приняв власть, осадил кругом Родну, пресек привоз съестных припасов и в такую тесноту и нужду привел Ярополка с осадными, что пословица от того произошла: беда, как в Родне. В сей нужде советовал Блуд князю, чтобы с братом помирился и отдался на его произволение, уверяя, что не будет никакой опасности. И как Ярополк послушал его слова, Блуд послал весть ко Владимиру, что желание его исполнилось и Ярополк предается в его руки. Между тем некто из слуг, называемый Варяжко, советовал, чтобы князь бежал к печенегам и от них искал помощи и защищения, однако слова его не приняты.

При входе Ярополк между страхом и надеждою ко Владимиру в дверях принят под пазухи шпагами от двух варягов и мертв повержен. Блуд запер дверь и пресек вход слугам Ярополковым, с которыми Варяжко побежал к печенегам и, побудив князя их с великою силою, на Владимира воевал долгое время. И так

братоубийством скончалось братоубийственное государствование Ярополково, продолжавшееся около девяти лет без знатных дел.

Варяги вспомоществовавшие, приступив ко Владимиру гордо, требовали платы за одержанные победы: «Киев наш,— говорили,— мы его взяли; дай нам окуп по две гривны с человека». Владимир истребовал сроку на месяц. И как увидели варяги, что ждут напрасно и против их насильства устроен Владимиром отпор, просили, чтобы им был показан путь в Грецию для обогащения своего военным нападением. Выбрав из них добрых, смысленных и храбрых людей, роздал князь им городы и волости; беспокойных отпустил по их прошению и уведомил наперед царей греческих, чтобы для безопасности, приняв их ласково, по разным местам расточили.

## Глава 7

### О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПРЕЖДЕ КРЕЩЕНИЯ

Самодержавного своего в России государствования Владимир полагает начало [27]*, мнимым благочестием по древнему предков многобожию, однако и заблуждением показует в себе способность к приятию веры в единого истинного бога. Его повелением поставлен в Киеве перед двором теремным, на высоком холме главный идол Перун, деревянный с серебряною головою и золотым усом. Жертва приносилась — огонь неугасимый. За угашение, небрежением случившееся, жрецы смертной казни предавались. Сей богом грома и молнии почитавшийся Перун был Зевес древних наших предков.

Меньших богов Нестор именует: Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокошь, не показав знаменования и приписыванной им от идолопоклонников силы и власти. По Перуне имел Волос первое место, коему покровительство скота приписывалось (рачение о скотопасстве большее, нежели у римлян, нижним божкам оное препоручившим); Погвизд, Похвист или Вихрь — бог ветра, дождя и ведра, Еол российский; Лада (Венера), Дида и Лель (купидоны), любви и браков покровители, толь усердно от древних предков наших почитались, что оттуда и поныне в любовных простых песнях, особливо на брачных празднествах, упоминаются со многим повторительным восклицанием.

Купалу, богу плодов земных, соответствующему Цересе и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы, в двадцать четвертый день июня. Остатки сего идолопоклонства толь твердо вкоренились, что и поныне почти во всей России ночные игры, особливо скакание около огня, в великом употреблении; и свя-

---

[27]* 981 год. Нестор [в].

[в] В подлиннике ошибка: нужно 980.

тая Агриппина, которой тогда память празднуется, по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею.

Отстоянием полугодичного времени почиталася Коляда, праздничный бог, декабря в 24-е число. Не иначе сие разуметь можно, как что, зимние дни в праздности без военного дела, без пашенной и скотопасной работы люди препровождая, уставили Коляде сей праздник. Употребительные ныне между христианами около сего времени на празднество рождества христова игрища, в личинах и в отменном платье, едва ли не оттуду происходят, ибо по деревням и поныне Коляду в плясках и песнях возглашают. И хотя сие приводят в сомнение иностранные народы тем же с нами обычаем, не зная Коляды ниже по имени; однако Янусом нашим древним сей идол не без вероятности назван быть может ради разных лиц, харями развращенных.

Приносилась, сверх сего, жертва рекам и озерам по общему многобожному употреблению народов. Древние наши предки как текущие воды боготворили, явствует, что и поныне простонародные песни от многократного именования Дунай начало свое принимают; в иных и на всяком повороте имя обоженной реки повторяется. От реки ж Бога (Буга) и всевышнему творцу имя даем даже доныне. Жертвы приносились весною по разлиянии вод купаньем, может быть, и нарочным утоплением людей, как в жертву. Остаток сего обычая видим у простонародия в облиянии водою на велик день, когда под именем наказания тех, которые утреннее пение проспали, в холодную воду бросают или обливают, что вере предосудительно, телу вредно, жизни опасно и между пьяными подает повод к смертоубийственным раздорам.

Всеми сими идолами наполнены были улицы и поля около Киева и по всей России распространились Владимировым суеверным повелением прежде просвещения. В Великий Новгород поставил наместником дядю своего Добрыню и послал с ним идолов. Перун, возвышенный над Волховом, принужденным сперва жителям вскоре после того великим божеством показался, о чем ниже.

Древнее многобожие в России, сходствующее с греческим и римским, подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями. Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли волоты? Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли царь морской Нептуну, чуды его тритонам? Чур — поставленному на меже между пашнями Термину?

Коль великое и усердное служение идолам приносилось, засвидетельствует повествование о следующей человекоубийственной жертве [28*]. Проезжающие варяги по Днепру для купечества

[28*] Нестор.

в Грецию многие жительство основали в Киеве и принятый в Цареграде христианский закон содержали. По первых победах приносил мнимым своим богам благодарение Владимир даже до пролития перед ними человеческой крови. Для избрания на то молодого человека жрецы метали жеребей, который нарочно направили, чтобы пал на сына некоторого в Киеве жившего знатного варяга, христианство содержавшего. Дом его стоял, где после Владимир воздвиг каменную церковь пресвятыя богородицы Десятинную. Посланные объявили варягу сие как истинное богов изволение, чтобы отдал им на заколение сына. Обличая злочестие, христианин ответствовал, «что един есть истинный бог, которого исповедуют греки, творца всего мира. А боги ваши сделаны сами от рук человеческих, немы, глухи и слепы. И буде что-нибудь могут, то пусть хотя един из них сам придет и сына моего возьмет». В великой ярости многобожный народ устремясь, разметал ограду; подсечением столпов дом опровержен, и варяг с сыном мученический конец и венец принял.

Сие в поганстве; но сколько могла умягчить Владимирово сердце христианская кротость, о том свидетельствуют его последние лета, когда и для достойной казни не хотел единого человека лишить жизни. Подобясь Августу, строгостию начал владение, совершил кротостию; как в начале весны сильная наводнением река с оторванными берегами вниз стремится, потом до окончания лета между плодоносными полями кротко протекает.

Юношескою бодростию расцветая, Владимир искал покорить отступившие от подданства отца его народы, пользовавшиеся его несчастливым скончанием и братоубийственным в России междоусобием. В предприятии опасался препятствия от ляхов, когда присвояли себе перед Россиею преимущество под владением Мечислава Первого, который у папы просил королевского достоинства без успеху. Судьба определила оное наследнику его, Болеславу Храброму. Владимир вступил военною силою в польские пределы. Мечислав разным счастием защищался, однако принужден был уступить России Перемышль, Червень и другие города [29*].

В безопасности от запада и от полунощи (ибо со шведами пребывал всегда в мире) воевал сей храбрый князь на юге вятичей, ятвягов и другие страны [30*]; покорил себе иных мечом, иных собственным их произволением. Радимичи, побежденные на реке Песчане Владимировым военачальником, именуемым Волчьим Хвостом, данников число умножили [31*]. Восточные соседы не чувствовали еще его храбрости. Того ради призывает дядю своего Добрыню с новгородскими войски и, с ним совокупясь, Волгою на насадах вниз к болгарам пускается. Торки конною силою по

[29*] 981 год. Нестор. Кромер, стр. 34.
[30*] 982 год, 983 год.
[31*] 984 год.

берегам вслед на вспоможение поспешают. Низовские и камские болгаре по малом сопротивлении покорились и платить дань обещали с таким утверждением вечного мира, «что он тогда перестанет, когда будет камень по воде плавать, а хмель на дно грязнуть».

И так Владимир распространил и утвердил свое владение на юг до реки Буга, в другую сторону от предел азийских до Балтийского моря. Ливония и Естония хотя иногда бывали под норманскими владетельми, однако в государствование Владимирово ему дань платили, что из многих обстоятельств, а особливо из странствования норвежского короля Олава, Тригвонова сына, в России, неоспоримо явствует[32*]; ибо по убиении Тригвоновом супруга его Астрида с сыном Олавом, еще младенцем, уклоняясь от злодеев по разным местам, предприяла бегством спастись в России, у брата своего Сигурда, бывшего тогда в службе и знатности у великого князя Владимира.

Переезжая Варяжское море, впали в руки морских разбойников, обыкших в тогдашние веки на судах и по берегам грабить, убивать людей, не годных в рабство, а других делить по жеребью. Олав, доставшись Клеркону, естландскому жителю, разлучен был с материю. Торольф, слуга его, ради старости и негодности в услужение, убит перед глазами. Сперва продан был Олав или променен на великого козла; потом другому господину, именем Реасу, отдан за хороший кафтан и пояс, где шесть лет сей королевский наследник препроводил в добром содержании, но в рабстве. Некогда Сигурд, по повелению Владимирову, для собрания дани проезжая Естонию, увидел сего молодого человека и по благородному виду заключил, что не естландец, но иностранный. По вопросе о его отечестве услышал, что он сын Тригвонов и Астридин. Узнал Сигурд своего племянника, выспросил о причине его странства и, выкупив из рабства, в Россию с ним возвратился. Имя и род его скрывал до времени.

Некогда Олав, ходя по городу, увидел грабителя и злодея своего Клеркона и от внезапного по запальчивости возгорения тотчас ударил его топором в голову, прорубил до мозгу и в бегство устремился к Сигурдову дому. Дядя, укрывая его в такой опасности, поспешно уклонился с ним в дом государев и просил великую княгиню Ольгу (супругу Владимирову, чехиню, или болгарыню, неизвестно), чтоб его приняла в свое покровительство. Желаемое получил, и по предстательству ея у Владимира оружием отвращено народное смятение. В России человекоубивцы на месте убиения без суда смерти предавались народною властию. Итак, вина прощена Олаву за денежный откуп. Законом утверждено было в России, чтобы никто от рода чужестранных государей не приезжал без воли великого князя. Однако

---

[32*] Стурлез., часть 6, гл[ава] 7.

Сигурд объявил о породе Олавовой, извиняя сокрытием от родительских и его злодеев. Причина не токмо Владимиру довольна к оправданию показалась, но сверх того бесчастное состояние возбудило жалость. Ольга, приняв Олава под свою опеку, воспитала, как пристоит королевскому сыну. Немалое время в знатных чинах и в некоторых походах служил Владимиру и с честию и награждением отпущен для получения отеческого наследства.

Препровождал Владимир во время неверия дни свои в пирах и веселиях, в любовной страсти и в роскошах даже до великого излишества [33]*, ибо, сверх своих законных жен, держал наложниц в Новегороде, в Вышгороде, на Берестове и в Белегороде больше тысячи. Но и тем не довольствуясь, насильствовал жен и девиц, отнимая у мужей и родителей. Первою женою Владимировою полагают российские писатели Рогнеду, княжну полотскую, о которой пред сим упомянуто; однако Вышеслав, рожденный от чешския княжны, при разделении сынам княжеств российских везде старшим братом почитается. Итак, двояко думать должно: первое, что Владимир прежде походу на Полотск и на брата Ярополка имел в супружестве чехиню, и наши летописатели, не зная об ней никакого достопамятного приключения, минули в молчании; второе, или Рогнеда долгое время была бездетна и между тем Вышеслав рожден от чехини после взятия Рогнеды в супружество; но как известно, что Рогнеда родила Изяслава и других детей в первые лета своего супружества, а после Владимиром оставлена и жила на Лыбеде, где при Несторе было село, нарицаемое Предславино по имени дочери Владимировой, от Рогнеды рожденной, потому статься не может, чтобы Вышеслав родился от чехини после взятия Полотска, прежде Изяслава. Явствует сие неоспоримо из предприятого Рогнедина мщения над Владимиром [34]*.

Когда он имел уже других жен, то некогда, пришедши к Рогнеде, уснул. Она, помня свое прежнее насильство и настоящее оскорбление, хотела сонного ножом зарезать. На тот час случилось Владимиру пробудиться. Схватил в смущении за руку и удар отвел. Рогнеда, предупреждая обращение ножа в свое сердце, в отчаянии и в слезах говорила: «Отец, мать и братья мои от тебя лишились жизни; разорено отечество; я пред всеми поругана; и ныне в супружестве меня ненавидишь с бедным сим младенцем» (указала на Изяслава). Удержав рвение свое, Владимир велел ей убраться в светлое брачное княжеское одеяние и сесть на месте княжеском в светлой палате, чтобы по достоинству своея чести приняла смерть от руки своего супруга. Пришел к наряженной богатыми утварьми и внезапно увидел по повелению Рогнедину со обнаженным мечом стоящего обще-

---

[33]* Нестор и летописцы.
[34]* Нестор 1128 года.

го с нею своего сына Изяслава, который жалостным плакал голосом, подавая из рук своих меч Владимиру: «Когда ты один жить, государь, хочешь, то умертви прежде меня, дабы я не видел горького мучения и крови своея матери». Не мог слез удержать Владимир, кинул из рук меч и безответным вопросом: «Кто тебя здесь поставил?» — скончал гнев свой. Потом, с боярами советовав, велел возобновить отчину Рогнедину Полотск и ее на удел отпустил со старшим ея сыном, Изяславом.

Итак, первая супруга Владимирова была из земли Чешской, мать Вышеславова; вторая, Рогнеда, в супружестве проименована Гориславою, от которой родились Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод и две дочери; третия, грекиня, приведенная пленница из Греции, где прежде была в некотором девичьем монастыре монахинею и ради великой красоты подарена от отца Ярополку. Владимир после приобщил ее к своему ложу. Рожденный от ней братоубивец Святополк хотя числится между детьми Владимировыми, однако справедливым сомнением больше Ярополку приписан быть должен, что грекиня осталась от него уже беременна. И Святополкова свирепства причиною почесть можно требование первенства во владении, потому что он рожден от старшего Владимирова брата, или, сверх того, побуждало к сему мщение за прямого отца над подлинными детьми Владимировыми. Четвертая жена, также чехиня, мать Святослава и другого Мстислава (по Стриковскому, Станислава). Пятая, болгарыня, от ней дети Борис и Глеб. Позвизд и Судислав рождены от наложниц. Шестая супруга, царевна греческая Анна, о которой ниже сего пространнее. Дочь ея, от Владимира рожденная, Мария, в супружестве с Казимиром, королем польским, родила Болеслава Второго, проименованием Смелого [35]*.

## Глава 8

### О РАССМОТРЕНИИ ВЕР И О КРЕЩЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ

Приметили во Владимире окрестные народы богопочитательный дух древнего законодавца римского Нумы. Для того друг перед другом старались преклонить сего великого государя каждый в свою веру, кроме ея размножения, еще для приобретения с великою Российскою державою выгодного союза и крепкой дружбы. Первые сие начали болгаре низовские нарочным ко Владимиру посольством, советуя ему принять закон Магометов [36]*. По выслушании учения их о многоженстве (главной своей страсти), уже и по смерти обещанном, чувствовал услаждение сердца, однако от обрезания возбудилось отвращение. Вина за-

[35]* Нестор, летописцы и степенные книги.
[36]* 986 год.

прещение и свиных мяс для введения у россиян в обычай невозможным показалось. И храбрый самодержец не рассудил за благо, чтобы в многотрудных походах лишить своих воинов сердечного увеселения и запрещением свинины умалить число человеческой пищи.

И так отпущенным болгарам без успеху вскоре следовали посланные от папы проповедать христианство западныя церкви, которое тогда хотя соборным деянием не разделилось от греческого, однако великие несогласия и распри между держательми сих исповеданий многократно причиняли возмущения. Выслушав их учение, великий князь с таковым к папе отослал ответом: «Никто из наших предков не следовал вашему учению, и нам то неприлично». Разумеются здесь прежние варяжские повелители, крестившиеся в Константинополе, а особливо блаженная Ольга, принявшая не папежскую, но греческую веру.

Жиды, в козарских областях жившие, около Черного моря, покушались равномерно привести Владимира к своей вере, предлагая: «Иисуса, в коего христиане веруют, отцы наши распяли; мы исповедуем и чтим единого бога, творца всего мира; обрезываемся и в субботы постимся по данному нам от бога закону чрез угодника его Моисея». Гнусное пред Владимиром обрезание довольно было к бесполезному жидов отпуску. Но сверх того спросил: «Где отечество ваше?». Ответствовали: «В Иерусалиме».— «Там ли ваше жительство?» — ответа требовал, на что сказали прискорбным видом: «Бог, грехами праотцев наших раздраженный, рассеял и расточил нас по лицу вселенныя, а землю нашу предал чужим народам». Владимир с негодованием отказал: «Когда вы отвержены от бога и по чужим землям рассыпаны, то, конечно, закон ваш ему противен. Для того ли вы нас к тому привлещи желаете, чтобы и мы подобным вашему злоключением от него были наказаны?». И так со стыдом жиды отосланы без всякого успеха.

Наконец от греческих царей избранный философ Константин предстал великому сему самодержцу, лжеучения и заблуждения прежде посланных от разных вер опроверг сильными доводами и по изволению и желанию Владимирову, исполнен красноречия и догматов святыя веры, а паче дара божественныя благодати, таковым или сему подобным образом предложил православный закон кратко:

«Верою несомненною, по откровениям прозорливых святых мужей, многочисленными чудесами утвержденным, признаем и исповедуем единого господа бога вседержителя, коего всесильным словом создано, украшено и утверждено великое строение всего мира. Им сияет солнце, луна и звезды, разливаются моря и реки, плодоносит земля, дышут ветры; ему дождь и ведро, облаки, роса, снеги и мразы служат повеленным чиноположением, молния и гром возвещает гнев его земнородным. Всякое дыха-

ние на земли, в воздухе и в пучине, от величайших китов даже до слабого пресмыкающихся рода, проповедуют создателеву неисповедимую премудрость и силу. В таком великолепном здании поселил бог жителя, образ неизреченныя своея славы, человека. Но он преступлением заповеди устроенного себе наследия рая лишился. К исправлению падения ни посланный всемирный потоп на землю, ни огнем истребление Содома и Гомора, ниже чудное изведение своего Израиля сквозь Чермное море, ни благодеяния, ни казни не могли способствовать, ибо не токмо языки, не ведущие истинного бога, но ниже избранный тогда народ еврейский, знамениями и чудесами уверенный, ходил по его повелениям. Для соделания спасения от погибели человеческого рода нужно было божеское на землю нисхождение, о чем предвозвещали пророки, изгнание и убиение пострадав от жестоковыйного народа. Наконец воплощенный сын божий, отцу и духу единосущный, от чистыя девы происшел в земли Еврейской. Многочисленными чудесами, гласом с небес отеческим и духа святаго сошествием, воскрешением мертвых, наконец, по вольном страдании и смерти от гроба тридневным восстанием и на небеса вознесением не уверил в своем божестве непокоривого и неблагодарного народа и ради того просветил языки, не знающие истины, и себе присвоил в коих благословенное сообщество ныне и тебя, о благоразумный государь, призывает со врученными от него тебе народами, милосердуя о твоем искании истинного богослужения, воспященном окружающею тебя идольския прелести тьмою».

Владимир просил, дабы о восстании Христове от мертвых удовольствовал философ его любопытственное желание яснейшими и сильнейшими увериями, и притом упоминал, что вольное Христово страдание странно и невероятно без доказательства о воскресении.

Со гласом святыя церкви Константин ответствовал: «Хотя связан был Христос, но он наш бог, и мы не стыдимся; бит и поруган, не отрицаемся; на кресте пригвожден, и того не таим. Воскресением его хвалимся, которое апостоли в мире проповедали, мученики засвидетельствовали кровию, пустынножители, мира уклоняясь, в откровениях видели, учители церковные на вселенских соборах печатию догматов утвердили. Все совокупно, постом и бдением в молитвах, презрением имения, терпением всякого изнурения плоти, беспрестанным рачением к добродетели и парящим желанием к богу отняли самое малейшее сомнение о праведном нашем исповедании. Довольно, великий государь, ведаешь, коль широко распростирается христианство и коль многие веки по вселенной от востока до запада господствует. Но кто распространил царство Иисусово? Сильные ли полки, не терпящие никакого противостояния? Избранные ли военачальники смыслом, важностию, богатством, долговременным искус-

ством и храбростию страшные по вселенной? Никак! Двенадцать человек, убогие, незнатные, простые, из деревень, из рыбачьих хижин, ни гражданских, ни военных дел отнюдь не знающие люди, предприемлют торжествовать над царствами, разделяют между собою вселенную и, перешед пески, горы, стремнины и снеги, воюют против бесчисленных народов, наги и безоружны увещевают нечестивых к благочестию, сребролюбивых к убожеству, сластолюбивых к воздержанию и, что еще больше, опровергают издревле почитаемых идолов пред лицем жрецов, дышащих ядом ненависти, водружают кресты и, пред ними умирая, торжествуют. Сию первую церкви нашея победу возвышает пролитая потом мученическая кровь, вопиющая бесчисленными свидетельствами на небо. Устрояются по всему свету человекоубийственные громады, приводятся с концов земных епископы, пресвитеры, почтенные сединою мужи, жены, девицы и непорочные младенцы, повергаются на всенародных позорищах многоразличным терзаниям и челюстям зверей диких. Поощряют и напрягают взорами и голосом свирепы мучители биющих к вящему варварству, едино сие имея в бесчеловечных мыслях, как бы истребить новонасажденный виноград церкви Христовы. Но зубы их и ногти, железные гребни, терзающие колеса, кипящие котлы со смолою и другие тиранские орудия ободряют больше воинство Христово к веселому и велегласному исповеданию и свидетельству его воскресения. Наконец победоносное христианство от порабощения на свободу, от гонения достигает в безопасность. Приходят из пустынь отшельники, нося вместо украшения всяких драгих камней страдальческие кости. Соединяются присутствием и мнениями с собравшимися от вселенныя великими учительми. Постыжены развратники, и общим согласием запечатлевается на соборах непорочная вера. Всему сему свидетели, председатели и споспешники были премудрые и правосудные государи: Константин и Ирина, Константин Погонат, Юстиниан Великий, Маркиан, Феодосий Юный, Феодосий Великий и святый равноапостольный Великий Константин, которому, государь, в российском роде тебя уподобить божие благоволение поспешает, ожидая твоего к себе обращения. В том найдешь истинное себе очищение и просвещение. Тем избегнешь вечного на муки осуждения, которое неверующих постигнет. Придет нечаянно нелицемерный судия Иисус судить живых и мертвых, восставив их от гроба. Неверных и злодеев пожрет огнепныя реки шумящий пламень, верным и добродетельным со Христом царство на небесах будет вечное жилище».

Показал, оканчивая речь, изображение страшного суда божия на завесе. Плачевный вид мучимых и пресветлое преставление небесною красотою одеянных присовокупили учению философову вящую силу, и Владимир, вздохнув, сказал: «Блажени стоящие одесную; горе отлученным ошую». Отпустив с честию Констан-

тина, положил в прилежном испытании вер обождать удобного времени к принятию христианства.

Итак, созвал к себе ближних и благоразумных советников и старых городских начальников, которым объявил о бывших послах и свое мнение о их верах, предпочитая прочим исповедание греческое[37*]. Бояре и советники сказали, что всяк свою веру обыкновенно другим предпочитает, хвалит свое заблуждение, поносит других истину. Заочно судить есть от правды бегать. Безопаснее всего испытать каждую на своем месте. Понравился совет Владимиру, по которому выбраны десять мужей благоразумных и посланы к болгарам волжским, потом в Рим, наконец в Царьград, к грекам. Жиды не почтены были сего достойными, по всевышнего суду лишенные царства и свободного богослужения.

Проходя многие земли и городы и с великим тщанием и исполняя Владимирово повеление, посланные рассматривали разные веры. Наконец, когда в Киев как богатые купцы, с великим прибытком от довольной купли познания возвратились, при собрании знатнейших бояр, летами и благоразумием почтенных, спросил у них Владимир верного изъявления о каждой испытанной вере не слухом, но зрением. Согласно ответствовали, что «у болгар видели служение весьма скучное и печальное: в пустой и ничем не украшенной мечети стоят без пояса; поклонясь, садятся изумленным лицем и, как обуявшие, оглядываются на стороны. Не приводит сердца в радостное умиление неистовая их вера и усердия к богу не возбуждает. В Риме хотя устав службы уставнее, однако нет такого благочиния, благогласного пения и украшения церковного, как у греков. Когда мы достигли Царяграда и введены были во храм Софийский, созданный великим царем Юстинианом в славу божией премудрости, великолепным украшением, златыми утварьми, драгоценным одеянием, благоуханием и сиянием возженных светильников, благочинным и усердым молением, громким и согласным пением восхищенные, чаяли, что нас некоторая божественная сила поставила в пресветлых селениях небесных. Мы, великий государь, насладясь такового сияния, не можем больше в здешней тьме остаться, но желаем и просим дать нам свободу принять в Греции гражданство и веру».

К окончанию их речи бояре присовокупили: «Если бы вера греческая не была толь преславна, не приняла бы оныя бабка твоя премудрая Ольга». Владимир спросил: «Где же примем крещение?». «Где тебе, государь, угодно»,— все ответствовали единогласно.

Некоторые пишут[38*], что послан был от Владимира в разные земли некто половчанин Иван Смирам, который, проехав раз-

[37*] Нестор. 987 год.
[38*] Андрей Вышоваты.

ными землями в Палестину и даже до Египта, и по долгом пребывании в Александрии крестился. Оттуда писал ко Владимиру, послав новый завет и увещевая, чтобы он к грекам и к римлянам не преклонялся ради излишеств в их вере и что он в Александрии нашел чистые апостольские учения и предания. Чаятельно, хвалил он коптическую ересь, которая содержит обрезывание; чего ради не удостоены Владимирова внимания.

Уже его обращенное сердце жаждет, как елень на водные источники, святого крещения, однако, помня свое и предков в военном мужестве преимущество перед греками, желание свое намерился прикрыть важным предприятием, дабы греческие цари и греки не стали величаться ради российской уклонности в прошении крещения. Того ради, собрав великое войско, пошел в Херсонь, к главному городу Феодосии, и стал перед ним немного далее одного выстрела. Трудясь много времени в облежании осадных, требовал сдачи, однако без успеху[39*]. Итак, чтобы взять город приступом, повелел засыпать ров землею. Греки извнутрь, сделав под стеною подкоп, уносили землю в город и россиян привели в удивление, что толь долго рва наполнить не могут. Между тем некто из духовного чина, именем Анастасий, неведомо какою побужден причиною (может быть, чая Владимирова крещения), пустил со стены городской стрелу в российское войско, на которой было написано, что позади оного бьют подземные ключи, из коих потаенными трубами приведена вода в город: пресечением оных принуждены будут жители сдаться или умереть от жажды. По сему показанию трубы найдены, засыпаны и вода отведена от города. Итак, принуждены были отдаться во власть российского самодержца. Великая радость услаждала его сердце при входе в Феодосию без многого кровопролития. Покоренная христианская крепость казалась предзнаменованием божия благоволения к приятию Владимирову в правую веру.

По сем к царям греческим Василию и Константину посылает победитель, прося сестры их в супружество, которое залогом вечного мира быть обещает. В противном случае угрожает нашествием на Константинополь. Возвратившиеся из Греции от царей объявили, что супружество сестры их со Владимиром невозможно для крайнего различия веры, но может воспоследовать удобно, когда он ко Христу обратится и примет крещение. Великий Владимир, давно уже к принятию греческого закона приуготовленный, ответствует: «Учение вашего философа и моих послов испытание согласно свидетельствуют о преимуществе вашей веры перед всеми прочими. Того ради со всяким усердием и искренностию оную люблю, при сестре вашей принять желаю и жду ее и крещения». Цари призывают Анну, увещевают ко вступлению в брак со Владимиром. Она, опасаясь, отрицается.

---

[39*] 988 год.

Братья к представлению наступающей в России великой чести сие присовокупляют: «Может быть, обратит бог через тебя Российскую землю и пребудешь от рода того благословенна вовеки. Отечество наше избавится от плачевных разорений. Знаешь, сколько Греция от россиян претерпела. И ныне подобная пагуба приближается, ежели не отвратишь послушанием». Рыдая в слезном токе, царевна едва промолвила: «Что ж, когда не примет или, приняв, отвержет веру и меня к идолопоклонству понудит?». «Пострадай,— цари сказали,— и багрянородною кровию перед варварами засвидетельствуй истину христианства во дни наши».

Уже склоняется женское сердце к непоколебимой твердости братними увещаниями. Отплывают с нею в кораблях определенные от царей и патриарха сановники и священники со всеми ко крещению и к браку приготовленными утварьми. Достигают Херсонския пристани и города Феодосии.

В то время чудною некоторою судьбою впал Владимир в болезнь и лишился зрения. Потому размышлял, что боги предков его гневны и за отступление казнь наводят. В таковом сомнении послал к невесте спросить причины сего злополучия и от ней получил уверение, что сие есть искушение божие о твердости его в вере и, ежели вскоре, не сомневаясь, окрестится, очистится во святой купели не токмо от слепоты очей телесных, но и умным зрением просвещен будет. Отложив двоемысленные колебания, Владимир вступает в купель очищения, крещается во имя отца и сына и святого духа Иаковом, епископом херсонским. Нарицается именем царским Василей, свобождается от слепоты и поганства и, ясно прозрев, воздает горячее благодарение создателю. Потом принял поучение и укрепление в вере от святителя и от всех радостное поздравление.

## Глава 9

### О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ ЕГО

По торжественном сочетании с царевною Анною и по праздничном пировании посылает Владимир в Царьград к шурьям своим радостного вестника с дарами и объявлением о своем крещении и браке, прося притом от них и от патриарха Киеву митрополита. Радость в Цареграде была неописанна о новом приобретении толь великого государя в общество Христово. На митрополию киевскую избран и послан в Корсунь Михаил, родом сирянин. По его приезде и по благословению воздвигнута церковь в Феодосии, на бугре, наношенном землею изо рва, который россияне, приступая, засыпать старались. Во время пребывания Владимирова в Херсоне приходили послы от царей Василия и Константина из Царяграда с великим почтением и дарами. Папа, не упуская времени, равным посольством почтил ново-

просвещенного государя не без искания, чтобы всеять в нем римского исповедания догматы. Печенежский князь Метиган, подражая Владимирову примеру, принял в Херсоне крещение.

По прошению новосочетанныя супруги уступает Владимир Херсонь Греции обратно. Сам, взяв мощи святого Климента с другими многими святостьми и церковными утварьми, митрополита Михаила, протопопа Анастасия и других служителей церковных, в столичный Киев возвращается, Херсоня и кумирослужения победитель, сопряжен с царскою кровию и с верою Христовою. Тогда по всеобщему государскому повелению опровергнуты идолы от своих мест, прежде к их почтению определенных, обнажены от драгоценных украшений, раздроблены железом и преданы воде и пламени. Перуну, главной невегласов пагубе, большее всех, вместо большего прежде почтения, оказано поругание. Привязанного к хвосту конскому волокли на днепрский берег под жестоким битьем палками от двенадцати человек, бесчестными словами провождающих. Свергнутого в Днепр от берегов отбивали и до Запорожья пристать не дали. По извергнутому ниже порогов идолу ближнюю гору Перуном называют. Маловременная почесть новых идолов была образ и пример возвышенных без достоинства, едино разнствие в том имеющих, что идолы ни ударов, ни поклонов не чувствуют. На холме, где Перун стоял, построена церковь святого Василия в честь государского ангела.

По сем назначил Владимир день всему народу киевскому для приятия святого крещения, объявив, что ежели кто в установленное время не явится на реке Почайной, тот господу богу Иисусу Христу и ему будет противник. Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором украсил присутствием великое сие действие и чудное позорище. При береге на плотах стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею — моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром.

По сем первопрестольный митрополит киевский Михаил крестил всех сынов Владимировых саморучно. Имена, по крещении данные, троим только известны: Ярослав Георгием, Борис Романом, Глеб Давидом названы. Источник от крещения их Крещатиком проименован.

Хотя ж от Владимира объявлено было во всей России повеление, чтобы все его подданные крестились, противникам сказан гнев, однако немало целых областей осталось, которые крещения убегали, особливо подвластные Российской державе чудские народы, жившие около Мурома, Суздаля и Ростова. Михаил митро-

полит предприял путь в Великому Новграду, но, не надеясь учением преодолеть упорство жителей, просил о вспоможении Добрыню, с которым низверг в Новегороде идолов и Перуна, подобно как в Киеве, велел с биением и поруганием грязью отволочь на берег и кинуть в Волхов.

Баснословят, что пловущий идол, выкинув на мост палку, вскричал: «Возьмите, новогородцы, и употребляйте для моего воспоминания». Откуду через долгое время обычай был, что и в христианские праздники вместо игры и увеселения бились новогородские молодые люди не без вреда своего палками. Кажется, сия их легковерность предзнаменовала, что за упрямство против самодержавной власти претерпят некогда палочные смертные удары. Пловущего вниз Перуна сельские люди, знавшие, что он недавно наречен был богом, от берегов пхая, говорили: «Уже ты не бог больше; довольно и так мы тебя кормили; поезжай назад в темную адскую пропасть».

Некоторое неудовольствие в народе, особливо ж у женского полу, произошло, когда Владимир повелел учредить школы для научения малых детей грамоте, но материне слезы и негодование благоразумными увещаниями, учительские излишние строгости добрыми установлениями прекратил рачительный первосвященник[40*].

В добронамеренных трудах и желанных успехах сему государю нередко препятствовали набегами непостоянные печенеги. Итак, для безопасности от толь хищного народа указал строить городы по Десне, Выстри, Трубешу, Суле и Стугне и населить их славянами новогородскими, кривичами, вятичами и чудью, чем немало оградилась Россия от нашествия иноплеменников[41*].

Для приведения в христианство земли Суздальския подвигся сам Владимир с митрополитом, обновил множество народа крещением, поставил на Клязме город[42*] и, наложив ему свое имя, украсил паче всех городов российских и создал церковь Успения богоматере. Любление княжеское сего места и повеление привело многочисленных жителей.

По преставлении Михаила митрополита присланный на его место от цареградского патриарха Леонтий поставил по городам Российским епископов: Великому Новуграду и Пскову — Иоакима херсонянина, который идолов разрушил до основания, в Чернигов хиротонисовал Неофита, в Ростов — Феодора. Для проповеди христианства в болгарах посылан был некто Марк Философ, но без желанного успеху: крестились только четыре князя, пришед в Киев. От особливого благоговения и усердия повелел Владимир воздвигнуть в Киеве каменную церковь во имя пресвятыя

---

40* Летописцы.
41* Нестор, степенные, летописцы.
42* 1092 год.

богородицы. Призванные из Греции мастера с великим тщанием дело совершили, на что многое княжеское иждивение положено и определена со всего государства десятина, по чему церковь Десятинною именована.

Итак, широко распространилось и твердо вкоренилось в России христианское православие, что прежде сего троекратно начиналось. Первое, благовестием святого апостола Андрея Первозванного[43*], когда, проходя Днепром и Волховом сквозь славенские пределы, проповедывал евангелие Христово и, поставив крест на горах киевских, предсказывал на них благодати божия воссияние, великого града и веры основание и сооружение церквей множества. Второе, когда по неблагополучном походе Оскольдове и Дирове на Царьград требовали россы крещения и, уверясь несгоревшим евангелием, приняли закон христианский[44*]. Крещение князей Святополка, Ростислава и Коцела не надлежит до россиян, но до славян дунайских, кроме того, что переведенные в Моравии церковные книги употребляются в российской церкви обще со славенскими народами, содержащими греческое исповедание. Третие, крещение было Ольгино, коим многие россияне просветились, взирая на ея обращение.

Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал, что, хотя пользоваться его отсутствием и не боясь утомленного войска, приближились с великими силами печенеги и за Трубешем против него ополчились[45*]. Немедленно храбрый государь вышел навстречу и на противном берегу стан поставил. Печенеги требовали на поединок борца от Владимирова войска, представляя своего исполина, дабы тем единоборством прекратить наступающее кровопролитие с обеих сторон и одолевший богатырь представил бы победоносную сторону, одоленный до исторжения духа — побежденную. Владимир, не ведая в полках своих чрезвычайного усилка, велел спрашивать чрез кличеев.

Некто ремесленный человек, ременщик, явившись, сказал, что есть у него сын, коего никто не одаливал с ребячества, и что он, осердясь, дерет сырые воловые кожи. Призван перед государя, требовал для показания опыта, чтобы привели великого, сильного быка и раскаленным железом раздражили. Учинено; бык в ярости стал бегать и землю рыть копытами и рогами. Ременщиков сын толь мочную скотину в самом стремлении ухватил за бок и кожу с мясом вырвал. «Можешь с печенежским богатырем бороться»,— сказал Владимир и повелел к утру приготовиться ему и всему войску.

---

[43*] Нестор.

[44*] Зонар, кн[ига] 6 [г], гл[ава] 10.

[г] В подлиннике ошибка: нужно книга 16.

[45*] 1699 год [д].

[д] В подлиннике ошибка: нужно 992.

Приспевшу времени, выходят поединщики на сражение. Печенег, видя соперника ростом перед собою мала (он был посредствен), презирал и насмехался; и, вдруг напустившись на него, закричал страшным голосом. Молодой ременщик, схватив печенега, поднял, ударил о землю и дух из него вышиб; исчезла вдруг гроза и ярость. Печенежское войско, объятое робостию, обратилось в бегство. Россияне, по княжескому повелению вслед достигая, множество неприятелей на поле постлали. Ременщик с сыном почтены знатными чинами и другим жалованьем. На броду Трубеша-реки, где отнята у печенегов слава, заложен тогда Переяславль, вскоре построен и украшен церквами. Белагорода строение в те же времена зачалось и совершилось [46*].

Бывшу некогда Владимиру в Василеве немноголюдну, печенеги внезначай учинили на него нападение. В такой скорости принужден был обороняться малочисленными людьми, почему и не мог устоять против неприятеля. Бегством спасаясь, укрылся под городским мостом. Сие случилось на праздник преображения господня, коему в честь обещал в сей опасности церковь воздвигнуть и, спасшись, обещание исполнил [47*], дню ж сему воздал великое почтение молебствами и угощениями.

Не дая отдохновения Владимиру, неугомонные печенеги излучили время и употребили к своим поискам, когда сей трудолюбивый государь отлучился в Новгород. Приступили и окружили новосозданный Белгород, не дозволяя жителям из него выступу в намерении принудить к сдаче голодом. Жители для великой нужды ворота отворить хотели неприятелям, однако некто смышленный гражданин удержал их и беду отвратил смешным вымыслом. Уговорив отчаянных до трех дней не сдаваться, собрал сколько мог овсяной муки, отрубей, пшеницы и меду; в уготовленных кадях, врытых в землю как колодезях, развел в одной кисельную цежу, в другой сыту, в кои тайно подведенными трубами мог дополнять, что черпали и варили жители. Призванным якобы для договору в город печенегам притворные подземные ключи показаны с их употреблением, кисель на пищу с сытою поставлен и в стан для их уверения князей и военачальников отпущен. Кочевой народ, хлебных пищей мало знающий, подумав, что город снабден натуральною пищею и весьма необорим голодною нуждою, отступил и удалился.

Владимир, оградив свою державу мужеством и просветив православием, начал размышлять, как бы утвердить мир в потомственное время между детьми своими, ведая, что несогласие в братиях много бед причинить может. Собственный пример, поги-

[46*] 1098 год [е].

[е] В подлиннике ошибка: нужно 991.

[47*] 1099 год [ж].

[ж] В подлиннике ошибка: нужно 996.

бель Ярополкова и Ольгова предписывали осторожность от будущих несчастий. Того ради разделил или, справедливее сказать, отдал в уделы детям разные княжения на содержание по приличеству их породы, оставив себе и старшему потом наследнику киевское великое княжение и верховное повелительство над всеми уделами.

Старший сын, Вышеслав, получил в участие Великий Новгород, прежнее Владимирово владение, которое еще при жизни его, по смерти Вышеславове досталось Ярославу. Изяслав отпущен, как выше показано, с матерью на дедовское княжение, в Полотск. Святополку дан Туров, Ярославу — Ростов, потом Новгород, а Ростов — Борису, Глебу — Муром, Святославу — Древлянская земля, Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Тмутаракань, Станиславу — Смоленск, Судиславу — Псков, Погвизду — Волынь и Луцко. Всем притом заповедал и повелел, чтобы жили в братской любви и тщание полагали в распространении веры Христовы.

Преклоняясь к старости, Владимир прилежал к церквам и к молитве неусыпно, воздая за заслуги с избытком награждение, помогая расточением своего имения бедным и страждущим, строя и обогащая церкви и предложенными пред народом угощениями довольствуя подданных. Приобыкши к кротости, нередко прощал великие вины законопреступникам и свобождал от казни злодеев. Ослаба произвела беспокойство и разорение неповинным. Все пути заняты стали и пресечены разбойниками. Того ради собравшись, архиереи российские представили государю опасность, от такого послабления наступающую, увещевая, «что меч ему дан от бога не токмо против неприятелей, но и на казнь законопреступных и что к злодеям милосердие есть к неповинным тиранство». Притом напомянули о прежнем содержании войска для безопасности подданных и церкви. Побудили сим мягкосердого при старости государя. Разбойники почувствовали справедливую казнь, и войско возобновил Владимир против прежнего по примеру и расположению отца своего и деда.

Узаконено было издревле, чтобы новогородцы платили в Киев дань повсягодную по две тысячи гривен[48*]. Ярослав, презревая отца своего старость, не исправлял повеленного, удерживая у себя ему должное. Подвигнутый за то на гнев, Владимир велел исправлять к Новуграду дороги и мосты, хотя итти войною на Ярослава, взять уреченное и мстить сыновнее к родителю презорство. К Ярославу собрались призванные из-за моря для сопротивления варяги. Межусобная война восходила подобна грозной туче, однако по божиему промыслу нашествием печенегов и преставлением Владимировым отвратилась.

---

[48*] 1014 год.

Борис, любезнейший изо всех сынов, приключился в Киеве. Святополк, пронырствуя, всегда около Владимира обращался, дабы похитить престола киевского наследство. Владимир поручает готовое уже к походу войско Борису и против печенегов посылает.

В Борисово отсутствие христианскою кончиною к богу преселился июля в 15-й день[49*], жив лет 73, государствовав в идолослужении 8, в христианстве 27. В союзе и в любви пребывал с соседними держательми, с Болеславом польским, Стефаном венгерским и с Генриком чешским. По супружеству с греческою царевною именовался царем. Пример оставил по себе потомкам отменныя храбрости, кроткого правосудия, щедролюбия к требующим и теплого усердия к истинному богу. Поползновения буйной младости загладил человеколюбивыми делами умеренныя и кроткия старости. По всем делам геройства от защищенного, расширенного и прославленного своего народа справедливо приобрел проименование Великого, имя Святого от основанной, снабденной и украшенной российской церкви.

## Глава 10

### О КНЯЖЕНИИ СВЯТОПОЛКОВЕ[50*]

Для предускорения в получении наследства, скрывая Святополк смерть Владимирову от братей, а паче от Бориса, повелевающего великим воинством, с Берестова, где Владимир скончался, отвез тело в Киев и тайно положил в мраморном гробе в церкви Десятинной. Между тем послал в полки к Борису, скрыв кончину и ложно возвещая, «что отец разболелся и хочет его видеть, для того шел бы поспешно в Киев». Сим умыслил Бориса отлучить от войска. Между тем, уведав народ преставление великого самодержца, стекся несказанным множеством в церковь и горьким рыданием и слезами оказал свою скорбь для его отлучения от жизни.

Борису весть Святополка ложная, но купно и праведная из города встретилась на Алте и в печаль великую преклонила. Военачальники, ободряя его, представляли, чтоб, имея в руках все отеческое войско, пошел против Святополка, похитившего неправедно престол киевского великого княжения. Но он ответствовал, что совесть его не допускает поднять руку против старшего брата, которого он вместо отца почитать должен и от него отеческой любви чает.

Видя Борисово мягкосердие и зная коварство и свирепство Святополково, военачальники со всем воинством отступили, по-

---

[49*] 1015 год.

[50*] Нестор, летописцы и степенные, 1015 год.

спешая прилепиться к Святополку. Борис остался токмо со своими верными слугами. Зверонравный Святополк, пришед ночью тайно к Вышгороду, просил тамошних бояр, чтобы за него стояли и Бориса бы живота лишили, которого он больше всех опасен. «Положим свои головы за тебя»,— ответствовали Святополку подобные ему злодеи.

Приспели неукоснительно убийцы на Алту и, приближась к шатру Борисову, услышали, что поют утреню. Приметив себе приближающуюся пагубу, кроткий Борис по усердой молитве богу лег на постелю. Наскочили злодеи, как свирепые звери, ударили в него копьями и слугу его Георгия, родом угрина, пронзили. Для снятия золотой гривны, положенной на него за верность от Бориса, отрубили голову и всех оставшихся с князем своим живота лишили. Обвитого шатром неповинного страдальца повезли к Вышгороду, но вскоре услышали стенание полумертвого. Для прикончания по Святополкову велению некто варяг мечом проколол самое сердце.

И так непорочный отрок скончал свое течение с похвальным и Христову подобным терпением, хотя, по человеческому мнению, коему божеские судьбы недоведомы, кажется, лучше бы ему было данным от отца и от бога воинством истребить богоотступного Святополка для сохранения жизни братей своих Глеба и Святослава и предварить в отечестве извнутрь и извне последовавшее кровопролитие, ибо Святополк, видя кровь Борисову, на большее подвигся зверство: послал подобным образом в Муром ко Глебу, возвещая ложно о родительском повелении в болезни, как Борису. С малым числом слуг на конях Глеб к Киеву поспешает и как приближился к Волге, ко рву коню его спотыкнувшусь, от падения повредил ногу. Итак, поплыл на судне к Смоленску. Минув оный, на Смядыне услышал весть от Ярослава, что отец на другую жизнь преселился, Святополк похитил престол великого киевского княжения и оное начал братоубийством единоутробного ему Бориса.

Горьким рыданием со слезами восстенал Глеб о лишении отца и брата, жалуясь, что не прежде или не с ними купно жизнь его пресеклась. Внезапно посланные от Святополка убийцы насад Глебов удержали и слезы его смешали с неповинною кровию, пролитою от его ж повара, который, забыв бога и милость своего государя, ударил прежде всех ножом в горло. Убиенного тело повергнуто было на берегу меж двумя колодами, потом отвезено в Вышгород и погребено подле Бориса.

Святослав на княжении в земли Древлянской, слышав о убиении Бориса и Глеба и не надеясь на свои силы, чтобы стать против насилия Святополкова, побежал в Венгрию, однако на пути от Святополковых кровожаждущих приспешников достижен и живота лишен, не доезжая гор венгерских.

Еще до вести о таковом Святополковом тиранстве в Новегороде восстало великое смятение, ибо жители и посадники, опасаясь своего утеснения и приведения в совершенное подданство Ярославу чрез вспоможение варяжского войска, призванного для походу против Владимира, которое много насильства в городе учинило, нечаянно воружились и, нападши на варягов, живших на дворе Парамонове, наголову порубили. Озлобленный тем Ярослав созвал лучших людей, варяжскому убийству предводителей, якобы для совета на двор свой, где ласканием привлеченные по данному от Ярослава знаку в вечеру побиты. В ту же ночь прибег вестник из Киева от Предславы, сестры Ярославли, сказывая, что отец отшел от сего света, Святополк, овладев Киевом, избивает братей и чтобы Ярослав от подобного злоключения остерегался.

В толь трудных обстоятельствах нужно ему было смиренным образом просить новогородцев. Коих призвав, «любезные мои други,— сказал,— забудьте вчерашнюю мою крутость; общая наша нужда требует согласного отпору против беззаконного насильства. Отец мой умер (утирая слезы, речь перерывал стенанием), Святополк похитил владение и обагрил кровию братей наших Бориса, Глеба и Святослава и прочим готовит подобную пагубу». Без отрицания склонились новогородцы, предпочитая общую безопасность собственному счастию, и к тридцати тысячам варягов сорок своих присовокупили. С сими войсками поспешно пошел Ярослав на Святополка и, воздохнув, сказал: «Не я зачал избивать братей. Суди, господи, праведно и отмсти кровь неповинную». Святополк, уведав приближение Ярославле, собрал многочисленное войско российское и к ним призвал печенегов. Сошедшись в приближение, оба войска стали по обеим сторонам Днепра при Любече. Три месяца ожидая один от другого нападения, пришли в немалую скуку и унылость. Наконец, раздражил новогородцев воевода Святополков, который, разъезжая к ним, кричал: «Что вы, плотники, пришли сюда с хромым своим князем (Ярослав был слаб ногами), никак ищете плотничьей работы и хотите строить нам домы?». Раздраженные сим ругательством новогородцы приступили ко князю и приказу требовали на завтрее перевозиться чрез реку против неприятеля с тем, что ежели кто с ними не пойдет, убит от своих будет.

Рано поутру подвигнул Ярослав войско и, перевозя за реку, велел суда от берегу отпихивать для отнятия всякия надежды к бегству. Между сразившимися войсками от великой сечи оружный треск слуху, течение крови зрению страх наводили. По обеим сторонам побоища великие озера воспятили печенегам вредить Ярославу набегами. Случилось время замороза, и тонкий лед нигде к переходу не был способен. Притесненные войска Святополковы принуждены отступить на лед, который не имел довольной крепости для удержания многочисленного народа, оружием

отягощенного. Итак, видя своих изнеможение, Святополк в бегство обратился. Победитель Ярослав, преследуя бегущих, потопил в кровавой воде великое множество сопостатов и въехал без отпору в Киев. Братоубивцу осталось едино спасение бегством в Польшу.

## Глава 11

### О КНЯЖЕНИИ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО [51*]

Святополк, странствуя по Польше, побудил Болеслава Храброго против Ярослава. Случаем сего межусобия желая пользоваться, король польский наступил с южной стороны на российские пределы и области. Однако и Ярослав, не теряя времени, совокупил новогородское войско с варягами и встретил неприятелей на Волыне. Обои противные полки стали друг против друга на реке Буге. Меж обыкновенными в те времена в неприятелях взаимными перебранками Будый, дядька и воевода Ярославов, кричал через реку к Болеславу: «Скоро прободем твое толстое брюхо». Король был тяжек дебелостию и возрастом тела и потому к езде верхом мало способен, однако духом бодр и смыслен. Не стерпев, закричал к своим: «Буде вам моя укоризна не досадна, один против неприятеля поеду и погибну; вы со стыдом останьтесь». С сими словами сел на коня и бродом за реку против Ярослава поехал. Устремились за ним польские полки и на россиян, не успевших вооружиться, с яростию напали. Ярослав, побежденный, побег к Новуграду, а Болеслав, вступив в Киев со Святополком, расположил войско по другим городам для их содержания.

Из Новагорода хотел Ярослав уклониться к варягам, боясь неприятельского преследования. Однако новогородцы и посадник Снятин, сын Добрынин, чтоб его не отпустить, рассекли суда морские, объявляя, что они еще могут стоять против Болеслава и Святополка. Итак, собрав великое число казны с города, наняли снова сильное войско варяжское и поручили Ярославу.

Между тем Святополк, видя, что Киев и другие городы заняты поляками и победа над Ярославом ему бесполезна, приказал тайно (вместо благодарности), чтобы киевляне поляков, нападши нечаянно, всех вдруг побили, что скоро исполнилось делом. Болеслав побежал из Киева с остальными людьми своими в отечество, похитив множество имения бояр и сестр Ярославлих, и, отходя в Польшу, Червень за себя занял.

После сего Ярослав взял Киев, а Святополк убег к печенегам и привел их в ужасном множестве на Ярослава; но он встретил сих варваров с полками своими на реке Алте, на месте, где убит

---

[51*] 1016 год. Нестор и другие.

Борис. Воздев на небо руки и со слезами, возопил к богу: «Здесь видишь, правосудный господи, землю, обагренную кровию непорочного отрока твоего Бориса. Беззаконный убивец, несытый братния крови, не престает искать истребления всего нашего роду; защити нас, отмсти кровь неповинных».

С восхождением солнца снялись обеих сторон войска в кровопролитное сражение. Чрез целый день сомнительная победа колебалась по напоенному кровавыми ручьями полю. И уже солнце, к захождению преклоняясь, оставило одоление Ярославу. Побежденный Святополк от расслабления и трясения членов не мог бежать на коне: для того с крайним поспешением несли его бегущие на носилках. Достигнув Берестова, говорил несущим: «Ускоряйте бегство, погоня за нами близко», чего, однако, не было. Итак, беспрестанно мечтая гонцов за собою, грозящих за злодеяние лютым мщением, пробег всю Польшу и на пределах чешских извергнул скверную свою душу. Ярослав сел спокойно в Киеве на отеческом престоле, утерши пот лица своего по труде великом.

Но мало пользовался покоем, ибо Брячислав, князь полотский, сын Изяславов, Ярославов племянник, в отсутствие его в Киеве внезапно набежал на Великий Новгород, пограбил множество имения, в полон взял бояр и с тем пошел обратно. Однако Ярославом достижен из Киева в семь дней, на реке Судомире разбит, и новгородцы с имением возвращены восвояси. Брячиславу бегство было спасением от пленения, а Ярослав возвратился на отдохновение к Берестову.

Около сих времен Мстислав, господствуя в Тмутаракане, ходил на косогов [52]*. Редедя, князь их, стал противу со своею силою и выслал ко Мстиславу вызывать его на единоборство с условием, что победителю взять, без большего кровопролития, имение, жену, детей и землю побежденного и чтоб поединку быть без военного оружия, борьбою. Согласились в том оба соперники, сошлись между обоими войсками и к борьбе сцепились.

Долгое время сомнительно казалось одоление. Наконец Мстислав, чувствуя сил своих ослабление против Редеди, превосходящего возрастом и крепостию, в поте и в одышке возопил от сердца: «Подай мне одоление, божия мати, храм в честь тебя воздвигну». С тем словом ударил о землю противоборца и нож вонзил в горло. Потом вскоре, с победою вступив в его землю, наложил дань и плененную жену побежденного с детьми привел в Тмутаракань с собою. Обещанная за одоление церковь заложена и вскоре построена.

Приобретенным богатством и косожеским народом в подданстве надменный, Мстислав распростер свои желания ко владе-

---

[52]* 1024 год [3].

[3] В подлиннике ошибка: нужно 1022.

ниям Ярославлим, видя, что едва не вся Российская держава после погибели прочих братей под его повелительством. Для того, не бывшу в Киеве Ярославу, но в Новегороде, внезапно приступил к первопрестольному городу[53*], однако ради сильного отпору отступил и, заняв Чернигов, сел в нем на княжении. Обыкновенное из Новагорода к варягам прибежище снова служило Ярославу к замене новогородцев, которые хотя много сами собою, однако больше наемными людьми воевали и, вместо пролития своей крови, деньгами отсыпались. Якун, славный варяжский полководец, с великим войском пришел к Ярославу на помощь из-за моря.

Итак, совокупясь, достигли в поле на Мстислава. Сей поставил наперед против варягов северян, а за ними стал сам с отборным войском. К ночи наступила грозная туча с сильным дождем, молниею и громом. В таковом ужасном движении воздуха повел передние полки Мстислав против войск Ярославлих. Варяги, бившись наперед с северянами, весьма утрудились, что приметив, Мстислав ударил на усталых с отборными. Сверкающим молниям отсвечивал блеск оружия, треск и крик, между громом и шумом сильного дождя мешаясь, умножал грозу тоя ночи. Смутное время, хитрость и храбрость Мстиславова понудила Ярослава и Якуна к бегству.

По восхождении солнца объезжая место побоища, победитель веселился, что его северяне лежат, каждый имея подле себя убитого варяга, а отборные полки все в целости. По сей победе, довольствуясь преимуществом в храбрости, послал сказать Ярославу: «Ты мне брат старший. Сядь в Киеве на отеческом великом княжении; мне одна сторона Днепра довольна будет». Невзирая на то, не доверялся Ярослав до совершенного замирения и пребывал в Новегороде; в Киеве сидели его наместники.

По конечном устроении с братом мира и по завоевании чуди и других несильных народов, при внутреннем прежде нестроении отделившихся, пользуясь домашним покоем, построил в Ливонии город, назвал Юрьевым в свое при крещении данное имя, что служило к легкому упражнению войска, дабы не впало в уныние. Любовь между обоими братьями умножилась согласным походом в Польшу[54*] и победоносными знаками достигла совершенного союза, ибо по смерти Болеслава Храброго совокупно воевали Польшу и к России возвратили Червень с волостьми, что отнял Болеслав, возвращаясь из Киева от Святополка. Наконец, нечаянною на охоте Мстиславлею смертию осталось одному Ярославу всероссийское самодержавство.

---

[53*] 1026 год [и].

[и] В подлиннике ошибка: нужно 1024.

[54*] 1021 год [к].

[к] В подлиннике ошибка: нужно 1031.

Для облегчения тягости обширных стран поручил он старшему сыну своему, Владимиру, в удел великое княжение Новогородское. В отсутствие его для сыновнего в Новегороде постановления пришли под Киев печенеги в несказанном множестве, но скорым возвращением самого Ярослава и стройным распоряжением сильного воинства набег их Киеву безвреден, самим бесполезен учинился. На месте, где ныне собор святыя Софии, поставил Ярослав в правом крыле киевлян, в левом новогородцев, варягов в средине. Печенеги чрез целый день нападали тщетно, к вечеру совершенно разбиты и, бегая от россиян по трудным местам, так уничтожены и рассеяны, что с того времени имя их с шумом погибло.

По сем Ярослав, имея попечение, чтобы воздать благодарение богу за толь многие победы и за сохранение жизни от различных опасных случаев, заложил и построил великую церковь святыя Софии[55*] в ограде с позлащенными воротами и многие другие к службе божией домы в знак христианского благоговения.

Объявляют российские писатели о выкопанных при Ярославе костях прежних князей Ярополка и Ольга и о их крещении. Великое, буде правда, о душах дядей своих показал сей государь попечение, даже до суеверия! По смерти нет и покаянию, не токмо крещению места.

Между тем Владимир, сын Ярославль, воевав, одержал победы над чудскими народами и просил позволения от отца итти на греков по следующей причине: в долговременную тишину и мир между Россиею и Грециею жили многие россияне в Цареграде для купечества; по случаю учинился на площади меж ними великий раздор, так что дошло до кровопролития, в котором убит знатный россиянин, посланный в Грецию от Владимира. Для мщения сего убийства пошел он с великим войском на греков[56*]. И как уже от устьев дунайских пустился в мелких судах к Царюграду, восстала великая буря, немалое число однодеревок Владимировых разбила, иные выбросала на берег. Услышав сие несчастие, Константин Мономах, царь греческий, к оставшимся шести тысячам россиян послал войско под предводительством Василия Теодорикана в четырнадцати судах, на которых огнедышащие трубы великий вред нанесли судам Владимировым, и для того по несчастливом сражении назад возвратился.

На берегу полонили греки Вышату и в выброшенных однодеревках много россиян, из коих немалое число (политический народ!) глаз лишили. По трилетном в полону терпении и по заключении мира освобожден Вышата с прочими и в Россию отпущен. Сверх того, Всеволоду, сыну Ярославлю, присовокуплена в супружество греческая царевна, дочь Мономаха, от которой

---

[55*] 1037 год.

[56*] 1043 год. Нестор, Зонара, кн[ига] 17, гл[ава] 24.

родился Мономах российский, еще при жизни деда своего Ярослава [57*].

Сие успокоение в южных пределах усугублено новым союзом с Польшею через брачное сочетание короля Кажимира с сестрою Ярославлею Мариею, рожденною от Владимира и от последней его супруги, царевны греческой Анны. Прибыв в Польшу, принуждена была принять закон католицкий и назваться Доброгневою. По мнению некоторых писателей [58*], первое имя отложено из почтения к пресвятой богоматери, дабы никто с нею подобно не назывался.

Знатные союзы, Ярославом утвержденные, купно с военными делами, соседам страшными, возвели Россию к великой знатности и славе. Генрик Первый, король французский, от супружества с Анною, княжною Ярославлею, родил три сына: Филиппа, Гугона и Роберта. Старший наследовал по отце королевство и произвел многое потомство. Со шведами от начала княжения Владимира Великого беспрерывный мир и во все владение Ярославле содержался, к чему брачные союзы много спомоществовали. Супружеством Ярослав сопряжен был с королевною шведскою Ингигердою, дочерью Олавовою. Елисавета, княжна Ярославля, была за братом короля Олава Святого, за Гаралдом, который ходил в Царьград прежде своего владения в службу царей греческих и приобретенное там богатство сохранял в Новегороде у Ярослава.

По тридцатиосьмилетном владении и по многих войнах лишился сей государь старшего и любезного сына Владимира новгородского, а по двух летах сам ему последовал [59*], поучив сынов своих пред кончиною братолюбного миру и поручив первенство и Киев Изяславу, дабы его прочие, как отца, слушали, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяслав, Вячеславу — Смоленск. Жил 76 лет, велик миром и войною, но был бы еще больше, когда б новогородцам не оставил необузданной вольности.

## О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА

Милостивый государь Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в упо-

[57*] Нестор.
[58*] Кромер, стр. 51.
[59*] 1054 год.

вании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим проницательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м. г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и по-видимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердыя и человеколюбивыя нашея монархини кроткого сердца достойное дело — избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достойны были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли и повеления. Но много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляющего, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вкоренившихся, истребить невозможно.

## 1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество — не супружество и, сверх того, вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, по-

буждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатеть непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужишком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими непорядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволенною любовию недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжеб в наследстве и больших злоключений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старее разве только двумя годами, а жених старее может быть 15-ю летами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старее от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщиков или половинщиков или продай излишнее другому.

2

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо, где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священникам накрепко подтвердить, чтоб они, услышав где о невольном сочетании, оного не допускали и не венчали под опасением лишения чина, жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не заказана, кроме того, что некто Арменопул, судья

солунский, заказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: «Первый брак закон, вторый прощение, третий пребеззаконие». Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуня, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает народному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30-ти лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50-ти лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было бы законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовеет, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззазорны, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается. Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве без всякой печали, довольствуясь пищами и напитками и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются. Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чинами. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах.

Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеписанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина несомненно воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным причинам и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обременная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастия, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богаделенные домы для невозбранного зазорных детей приему, где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок; но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следует сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, и тем только разнится их томление, что мать оное помнит, не помнит младенец. Коль же оно велико, изъявляет Давид пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: «Тамо болезни яко рождающия» (сиречь женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва начатыя жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностию беременных. Потом следует болезнь при

выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевесть на российский, к чему необходимо должно присовокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжицу. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении младенческих болезней, по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих совокупленных сих искусств[ах] в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части нетрудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно было иметь попечение; но о сем особливо представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и других наставлением пользовать. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллионов, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети родятся, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

## 7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода

была натуральная без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 гр., да и тут можно почесть ее горячею, затем что замерзающая ртуть несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властию, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, оная смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

## 8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здравие человеческое в прочем оныя течении. И, во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Разговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговенные дни питием и пищею, стараются многие на весь в[еликий] пост удовольствоваться плотским смешением законно и беззаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые постные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того вскоре следует начало весны, когда все

скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цынготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рождают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресение, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иноїі ожидает, прибудут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чает случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскресе! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломят, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество! Не на таких ли бог негодует у пророка: «Праздников ваших ненавидит душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!». Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным запискам: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишно и говеет больше духом, нежели брюхом, на св. неделе радуется о препровождении в[еликого] поста в истинных добродетелях, в трудах обществу полезных и богу любезных, а не о том, что дожил до разрешения на вся, тот, конечно, меньше почувствует припадков от нездорового време-

ни, а особливо когда трудами кровь приводит в движение и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для морозов, то для слякоти не могут быть удобно экзерциции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговенье и разговенье дает причину к необузданной роскоши, а в пост, с худыми прошлогодними пищами и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: «Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!». Правда, живут и лопари, питаясь почти одною только рыбою, да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоядами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом мелки, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ наймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самояды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьками не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области многолюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы, кроме новых плодов земных и свежих рыб и благорастворенного воздуха, 1-е) поспешествовало бы сохранению здравия движение тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным — экзерциею и походами; 2-е) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учители и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св. великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпению и праводушию, милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресение у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: «Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недро отверзается, произращает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славословия божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листы и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброго виноградного вина по красоуле, чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решити. Для толь важного дела можно в России вселенский собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит. А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее. Сохрани[те] данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: «Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (т. е. совестию, а не языком)». Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат,

Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего, впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всего городам довольное число докторов, лекарей и аптек, удовольствованных лекарствами, хотя бы только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотой доли, но и войско российское весьма не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризрения многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достойных в доктора; 2-е[а]. Медицинской канцелярии подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольное число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

[а] 1-го пункта в рукописи нет.

## 10

Смертям от болезни следуют насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, т. е. моровые язвы, пожары, потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить Медицинскому факультету книжку и, напечатав, распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров собрать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот, а после и на людей поветрие. В наши просвещенные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается солнце луною, таким же телом, как и земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служит предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии. Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отвратить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, вешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода, и сено, и всякая от воды удобность была близко, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот, и люди, и целые домы неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отвратить нельзя, не умалив много гощения и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимою.

## 11

Немалый ущерб причиняется народу убивствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками, которых ничем, как межеванием, утушить не можно. На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристанища в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бывают для продажи пограбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не занадобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебрать поодиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтораста лет, в кое время после разорения от поляков не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь попечения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных полисадников или тынов не имеют, что не без сожаления вижу из ответов, присылаемых на географические вопросы в Академию наук изо всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению. Кроме того, что проезжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворам и добрым людям. Когда ж бы всемилостивейше повелеть благоизволено было все российские города, у коих ограждение рушилось или его и не было, укрепить хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внутри ограждения, то бы ворам провозить в город грабленные вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав граблен-

ных вещей, корысти не получит. Сверх сего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и проезжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявлял в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели, под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поимают разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 руб. из мещанского казенного сбору и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 руб. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальном расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатным селам гражданские права учредить ратуши и воеводствы и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особливой славе всемилостивейшей нашея самодержицы яко возобновительницы старых и состроительницы многих новых городов российских.

## 12

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убивствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона. Подлинно, что расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Итак, мне кажется, лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не мож-

## КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Сочинитель сея книги, покойный Статскій Совѣтникъ *Михайло Васильевичъ Ломоносовъ*, издалъ уже въ 1760 году краткой Россійской Лѣтописецъ, который принятъ былъ здѣсь съ немалымъ удовольствіемъ.

Потомъ, положивъ намѣреніе сочинить пространную Исторію Россійскаго народа, собралъ съ великимъ прилѣжаніемъ изъ иностранныхъ писателей, все что ему полезно казалось къ познанію состоянія Россіи прежде Рурика; и притомъ описалъ житія осьми первыхъ великихъ Князей, сидѣвшихъ на Россійскомъ престолѣ отъ 862 до 1054 года.

Полезный сей трудъ содержитъ въ себѣ древнія, темныя, и самыя ко изъясненію тру-

*Предисловие А. Л. Шлецера к «Древней Российской истории» Ломоносова*

но ли возвратить при нынешнем военном случае? А впредь могут служить способы, кои представятся о исправлении нравов и о большем просвещении народа.

13

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насильства удаленных. Пространное владение великой нашей монархини в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствовать всякими потребами, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуется к тому для известия многие обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю несколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет — до 10 миллионов. Кроме сего, уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных к обществу мнений, и прошу о вашем беспрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствуя, с достодолжным высокопочитанием пребываю.

Ноября 1
1761

# ТРУДЫ
# ПО ФИЛОЛОГИИ



# ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

Почтеннейшие господа!

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшия нашея монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердныя к отечеству и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне молчать было. Однако, не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискусство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей мой труд купно со следующим о нашей версификации вообще рассуждением вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила давать, но искренное усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне, стихи сочиняя, поступаю. Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать, но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третие: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем

худо и свойству славенского языка, который с нынешним нашим немного разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *е*, *о* за короткие, *а*, і, *ѵ* за общие, *и*, ѣ, ѡ с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология, или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался: de Ponto, lib. IV, eleg. 13 [Послания с Понта, IV, 13].

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poëtae
Inter inhumanos nomen habere Getas!

[Стыдно мне, я написал книжку на гетском языке,
И варварские слова построены нашим размером.
И, поздравь меня, я понравился,
И необразованные геты начали считать меня поэтом].

Ежели Овидий, будучи в ссылке в Томах, старинным славенским, или болгарским, или сарматским языком стихи на латинскую стать писал, то, откуду Славенския грамматики автору на ум пришло долгость и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидий в своих стихах, по обыкновению латинских стихотворцев, стопы и, сколько из сего гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi (ibidem)

[Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю (там же)]

заключить можно, двоесложные и троесложные в героическом своем поэмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь, что так погрешил, чтобы ему долгость и краткость слогов, латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древний оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, а прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры, употребляя вместо спондеев для их малости хореи, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пентаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на делá.
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.

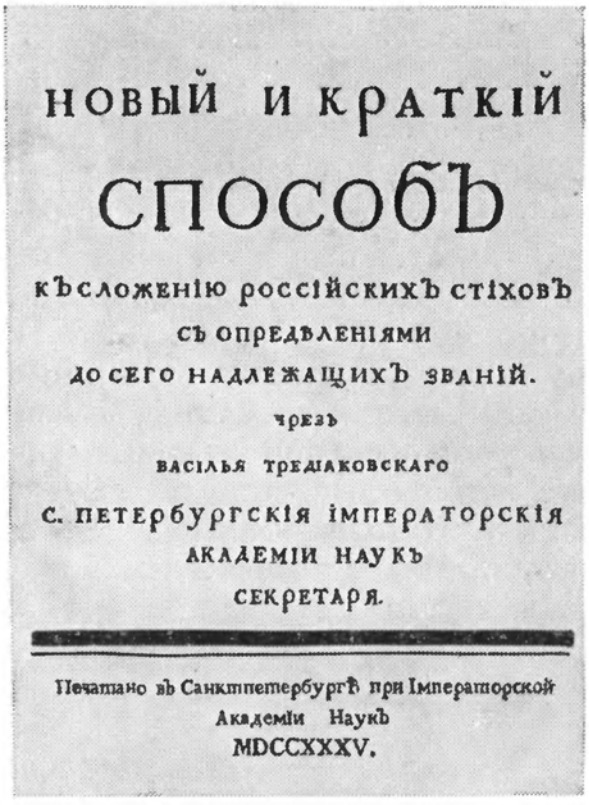
А не так, как Славенския грамматики автор:

Сарматски новорастныя музы стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обитель вечну заяти,
Христе царю, приими и, благоволив тебе с отцем,
и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать единосложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют; например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному корольлрию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

Нѣвѣзмѣжнѣ сѣрдцў, ах! нѣ имѣть пѣчалй.

По моему мнению, наши единосложные слова иные всегда долги, как: *бог*, *храм*, *свят*, иные кратки, например союзы: *же*, *да*, *и*, а иные иногда кратки, иногда долги, например: *на море*, *по году*, *на волю*, *по горе́*.


НОВЫЙ И КРАТКІЙ
СПОСОБЪ
КЪСЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТІХОВЪ
СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ
ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХЪ ЗВАНІЙ.
ЧРЕЗЪ
ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО
С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ІМПЕРАТОРСКІЯ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
СЕКРЕТАРЯ.
Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ
MDCCXXXV.

*Титульный лист книги В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов»*

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оном, довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство, так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть,

чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой,— такую волю дать, чтобы вместо хорея свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут, понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc ...

[Какое ученое и священное пьянство дает мне днесь закон? Чистые пермесские музы...]

однако нежные те господа, на то не смотря, почти однеми рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскарячившись, при музыке играющего на скрыпице сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастие чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составить и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю ямбическим, который из одних только ямбов состоит:

Бӗле̄е̄т, бӯдто̆ сне̄г, лйцо̄м.

Второй — анапестическим, в котором только одни анапесты находятся:

Нӑче̄рта̄н мно̆го̆кра̄тно̆ в бӗгӯщйх во̆лна̄х.

Третий — из ямбов и анапестов смешанным, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Вŏ пѝщў сёбѣ чёрвёй хвăтāть.

Четвертый — хореическим, что одни хореи составляют:

Свѣ̄т мŏй, знāю̆, что̄ пы̆лāёт.
Мнѣ̄ мŏя̄ нё слў̄жйт дōлй.

Пятый — дактилическим, который из единых только дактилей состоит:

Вьётсй крў̄гāмй змиѝ пŏ трāвѣ̄, ŏбнŏвйвшйсь в рăссёлйнё.

Шестой — из хореев и дактилей смешанным, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стопу.

Ёжёль бŏйтсй, ктō нё стāл бы̆ сйлён бёзмёрнŏ.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько же родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорея можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цвёты̄, рў̄мя̄нёц ў̄мнŏжāйтё.

А здесь вместо хорея:

Сōлнцёвă сёстрā зăбы̄лă.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимыя нужды или великия скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в средине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитать не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаяся тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учи-



*Портрет В. К. Тредиаковского*

нил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные стихи, к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

**Бре́вна катайте наверх, каменья и го́ры валите,**
**Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.**

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третие: российские стихи красно и свойственно на мужеские, женские и три литеры гласные, в себе имеющие рифмы, подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающиеся заказаны,

однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойственен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной ноге скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуду, пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третием, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится; то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только однеми женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? И чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях*, *ходулях* следующих мужеских: *восток*, *высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: россиiские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужеская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипокланяемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею.

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбов сложенные:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспыльчиво хищный всток.
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не спосит север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вод морских возбудителю.
Свои тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южной страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.

Вольные вставающие тетраметры:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однако с ним любовь моя:
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Миртиллу, как себя.

Вольные падающие тетраметры:

Нимфы окол нас кругами
Танцевали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали.

Ямбические триметры:

Весна тепло ведет,
Приятный запад веет,
Всю землю солнце греет;
В моем лишь сердце лед,
Грусть прочь забавы бьет.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные о российской версификации мнения нашему языку не свойственны и не пристойны, меня извинит. Не с иным коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить, чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

# КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю
Петру Феодоровичу,
внуку государя императора Петра Великого
и Российския империи наследнику,
милостивейшему государю.

Пресветлейший великий князь,
милостивейший государь!

В пресветлейшей в. и. в. особе не токмо верные российские подданные твердую надежду будущего своего благополучия благоговейно почитают, но и вся Европа удивляется высоким вашим добродетелям, еще в юности процветающим, как истинной отрасли Петрова священнейшего семени. Взирают на них великим вашим дедом в России основанные науки как на восходящее солнце и от пресветлых его лучей нового щедрот сияния в несомненном уповании ожидают. Благополучны возрастающие в России знания, в которых сам ожидаемый их расширитель, в. и. в., охотно упражняться изволит, равно как великий оных основатель. Благополучны в научении положенные труды сынов российских, которых щедрая вашего высочества рука ободряет к вящему приращению наук в наследной вашей империи. Толь прехвальными и Петрова внука достойными добродетельми ободренный, полагаю к дражайшим стопам в. и. в. сочиненное мною в пользу отечества Краткое руководство к риторике и, припадая подданнейше, прошу на сей нижайший мой труд воззреть милостивейшим оком. Крепкая всевышнего десница да покроет и укрепит неоцененное вашего высочества здравие и к вящей радости и благополучию всего российского народа чрез многие лета да соблюдет невредимо, чего от искреннего усердия подданнейше желаю

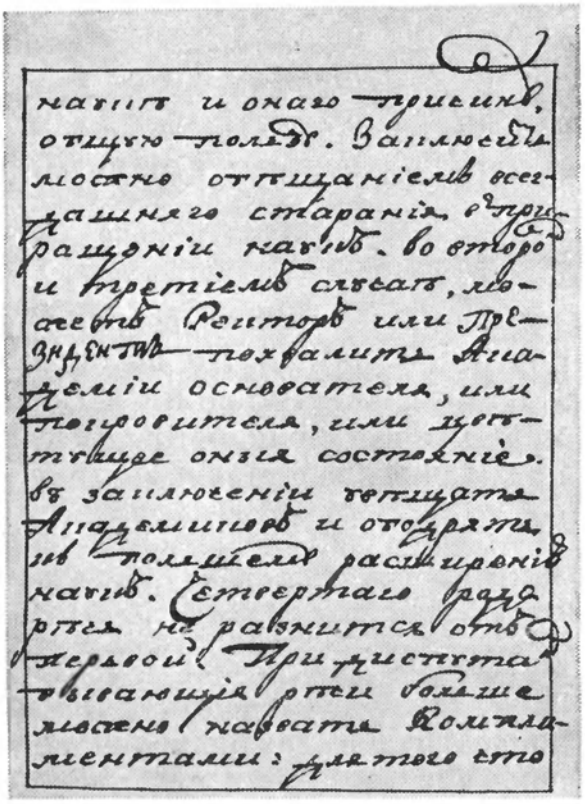
в. и. в. подданнейший раб
Михайло Ломоносов.

Генваря дня
1744 года

# КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

## § 1

Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речьми представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить. Кто в сей науке искусен, тот называется ритор.



*Страница из рукописи «Краткое руководство к риторике» с собственноручной поправкой Ломоносова*

## § 2

Материя риторическая есть все, о чем говорить и писать можно, то есть все известные вещи на свете, откуду ясно видеть можно, что ритор, который большее познание имеет настоящего и прошедшего света, то есть искусен во многих науках, тот изобильнее материи имеет к своему сладкоречию. И для того, кто желает быть совершенным ритором, тот должен обучиться всем знаниям и наукам, а особливо гистории и нравоучительной философии.

## § 3

Представленная от ритора материя словесно или письменно называется слово, которого считают три рода: указательный, советовательный, судебный. Указательный состоит в похвале или в охулении, советовательный в присоветовании или отсоветовании, судебный в оправдании или в обвинении. Сей последний род слова в нынешние веки больше не употребляется, для того и в правилах риторических об нем мало пишут, чему и я последую, а особливо для того, что он включен в двух первых родах.

## § 4

Предлагаемое слово может быть изображено прозою или поэмою. В прозе располагаются все слова обыкновенным порядком и части не имеют точно определенной меры и согласия складов. В поэме все части определены известною мерою и притом

имеют согласие складов в силе и звоне. Первым образом сочиняются проповеди, гистории и учебные книги. Последним составляются оды и других родов стихи. Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия.

§ 5

Риторика разделяется на четыре части: первая есть изобретение, вторая — украшение, третия — расположение, четвертая — произношение.

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

## ИЗОБРЕТЕНИЕ

§ 6

Изобретение есть собрание разных идей, пристойных к предложенной материи, о которой ритор говорить или писать хочет. Идеями называются представления вещей в уме нашем, например: мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме представляем.

§ 7

Идея есть простая или сложенная: простая состоит из одного представления, сложенная — из двух или многих, между собою снесенных, например: ночи представление есть в уме простая идея. Но ежели к тому присовокуплено будет, что ночью люди после трудов дневных успокоеваются, тогда она станет сложенною, для того что в ней уже заключатся пять идей, между собою снесенных, то есть идея о ночи, о людях, о трудах, о дне и о успокоении.

§ 8

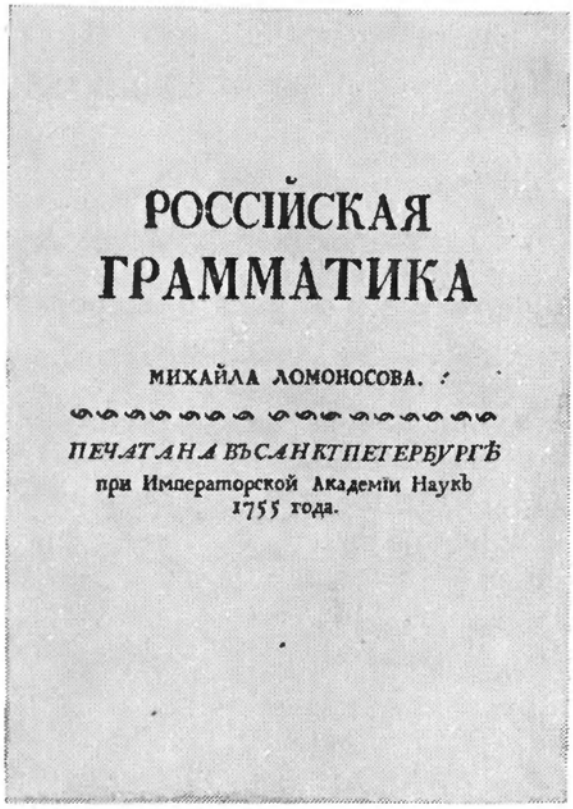
Материя, ритору предложенная, всегда есть сложенная идея и называется тема. Простые идеи, из которых она составляется, называю я терминами, н. п.[a], сия тема: *неусыпный труд все препятства преодолевает* имеет в себе четыре термина: неусыпность, труд, препятства, преодоление. Предлоги, союзы и другие вспомогательные части слова за термины не почитаются.

§ 9

Простые идеи разделяю на первые и вторичные; первыми называю, которые от терминов темы непосредственно происходят, н. п.: в теме, в § 8 предложенной, неусыпность есть термин, от которого рождаются непосредственно первые идеи: утро, в которое неусыпный человек рано встает; вечер и ночь, в которые

[a] Н. п.— например.

он не спит и прилежно трудится. Вторичные идеи суть, которые от первых происходят, н.п.: от первой идеи вышепомянутого термина — ночи — происходят вторичные идеи: тьма, луна, звезды; от утра — денница, заря, звери, в норы свои убегающие.


РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНА ВЪСАНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

*Титульный лист первого издания «Российской грамматики» Ломоносова*

§ 10

Сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, по-риторически — периодами, которые разделяются на одночленные, двучленные, тричленные и четыречленные периоды. Одночленный период имеет в себе только один глагол в извинительном или повелительном виде с другими частями слова, н.п.: *доброе начало есть половина всего дела.* Двучленный период состоит из двух, тричленный из трех, четыречленный из четырех рассуждений, союзами между собою сопряженных, которым есть довольное число примеров во второй главе сея части, § [§ 41—43].

§ 11

Понеже ритор должен слушателей или читателей о справедливости предложенныя темы удостоверить (§ 1), для того надлежит: 1) чтобы слово его было ясно, 2) чтобы тема была основательно доказана, 3) чтобы в слушателях или читателях страсть возбудилась, то есть в указательном роде любовь или ненависть, в советовательном желание или отчуждение. К первому служат распространения, ко второму доказательства, к третиему витиеватые рассуждения. Распространение есть совокупление многих рассуждений, к одной материи принадлежащих и оную яснее и важнее представляющих. Доказательство есть рассуждение, из натуры самой вещи или из ея обстоятельств взятое, о ея справедливости уверяющее. Витиеватое рассуждение имеет в себе нечто нечаянное или ненатуральное, однако самой предложенной теме приличное и тем самым важное и приятное, что все ниже сего пространнее показано будет в главе второй, где правила для изобретения распространений, доказательств и витиеватых рассуждений предлагаются.

## Глава первая

## О ИЗОБРЕТЕНИИ ПРОСТЫХ ИДЕЙ

### § 12

Все сложенные идеи, о которых выше в § 8, 10, 11 показано, состоят из простых по § 7. Для того прежде надлежит изобрести простые, а потом из них составлять сложенные идеи.

### § 13

Оне изобретены бывают в так называемых местах риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобные, 15) несходные и противные вещи, 16) сравнения.

### § 14

Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим мы Невы с Двиною, Днепром, Волгою, Вислою и с другими, в море протекающими великими водами, и оное называем однем словом — река, которое значит род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла суть виды.

### § 15

Целое есть все, что соединено из других вещей, а частями называются те вещи, которые целое составляют, н. п.: сад есть целое, а цветники, аллеи, фонтаны и беседки суть части, сад составляющие.

### § 16

Свойства материальные суть: величина, фигура, тягость, твердость, упругость, движение, звон, цвет, вкус, запах, внутренняя сила, тепло и стужа.

### § 17

Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых: 1) Суть главные душевные: понятие, память, мечтание, рассуждение, произволение. 2) Страсти: радость, печаль, удовольствие, раскаяние, величавость, стыд, надежда, боязнь, гнев, милосердие, любовь, ненависть, удивление, гнушательство, подражание, отчуждение, благодарность, зависть, мщение. 3) Мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тщивость, великодушие, терпение, праводушие, простосердечие, искренность, кротость, постоянство, трудолюбие, послушание, вежливость. 4) Пороки: нечестие, роскошь, нечистота, бесстудие,

лютость, скупость, малодушие, нетерпеливость, лукавство, лицемерие, ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, самохвальство, грубость. 5) Приобретенные дарования: благородие, счастие, богатство, слава, власть, вольность и им противные. 6) Телесные дарования и свойства: возраст, пол, сила, красота, здравие, проворность. 7) Чувства: зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание.

§ 18

Имя вещи есть собственное или приложенное. Собственное есть, которым обыкновенно что-нибудь называют, н. п.: Москва, Александр. Приложенное есть, которое вещь или персона особливо перед другими себе подобными имеет. Так, Александр, царь македонский, назывался великим; Аттила, король гуннский,— бичом божиим. Отсюду рождаются первые идеи о терминах темы: 1) Когда имя с другого языка на свой переведено будет, н. п., Мелхиседек, с еврейского — царь правды; Андрей, с греческого — мужественный; Квинт, с латынского — пятый. 2) Когда чрез преложение литер имени дано будет другое знаменование, н. п., Рим чрез преложение литер будет мир, что обыкновенно анаграммою называют. 3) Когда слово взято будет в ином знаменовании ради согласного произношения, н. п., свет (вселенная) принят будет за свет, чрез который мы видим. 4) Когда к термину приложено будет первообразное слово, откуду оное происходит, н. п., сие слово: *богатый* происходит от слова бог.

§ 19

Действие и страдание есть всякая перемена, которую одна вещь в другой производит. Перемену производящая вещь называется действующая, а та, в которой перемена делается, страждущая, н. п., в сем предложении *сильный ветр море волнует* сильный ветр есть действующая, море — страждущая вещь, а волнение есть действие в рассуждении ветра, страдание — в рассуждении моря. Отсюда происходит о термине предложенныя темы 6 идей: 1) о нем самом как о действующей вещи, 2) о той, в которой она действует, 3) о самом действии, 4) или, противным образом, об оном же термине как о страждущей вещи, 5) о той вещи, от которой он страждет, 6) о самом страдании. К действию можно присовокупить идеи о инструментах, вспоможениях, воспящениях, о удобности, возможности или о неудобности и невозможности, н. п.: *деревянный конь был инструмент и способ ко взятию города Трои.*

§ 20

Время есть указательное и количественное; указательное назначается чрез наречие когда, н. п., *плоды собираются в осень;*

количественное время назначается чрез наречие сколь долго, н. п., *Август, цесарь римский, царствовал пятьдесят лет.*

§ 21

Место подает первые простые идеи: 1) чрез движение вещи по оному, н. п.: место молнии есть воздух, по которому она блещет; 2) чрез стояние, н. п.: место острова, на котором он стоит, есть море, река или озеро. Сюда принадлежат и содержащие вещи, в которых другие включены. Так, город есть содержащая, а люди, в нем живущие,— содержимая вещь. О терминах темы можно рассуждать как о содержащей или о содержимой вещи, н. п.: река в рассуждении животных, в ней живущих, есть содержащая, а в рассуждении берегов есть содержимая вещь.

§ 22

Происхождение есть начало, от которого что происходит и свое бытие имеет, н. п.: *металлы производятся от земли, мед от пчел, вино от винограда собирается*, в котором случае земля, пчелы, виноград суть производящие, а металлы, мед и вино — произведенные вещи.

§ 23

Причина есть конец, для которого всякая вещь есть или бывает, н. п.: *дождь землю кропит и солнце оную согревает для того, чтобы плоды произрастали.*

§ 24

Предыдущим называется все, что прежде, а последующее, что после предложенной вещи бывает, что разделяется однем временем или притом еще и местом, н. п.: *весна лету предходит, а осень оному последует* однем временем, но *луна в последней четверти солнцу предходит, а в первой ему последует* местом и временем.

§ 25

Признаком называют все, что другую вещь указует, когда она сама нашим чувствам не представлена. Признаки показывают настоящую, прешедшую или будущую вещь, н. п.: *дым есть знак настоящего огня; трясение земли почитают в Сицилии за признак наступающего возгорения горы Этны; обагренная кровию Тициева шпага, бледное лице, отдаление от людей и бег от Семпрониева мертвого тела суть признаки учиненного убийства.*

§ 26

Обстоятельства суть вещи или действия, которые хотя к самой предложенной вещи не принадлежат, однако в то же время

или на том же месте с нею бывают, как встречающиеся путнику звери, около пути лежащие жилые или пустые места, лесы, луга, горы и пр. суть обстоятельства оного. На реках бегающие суда и плавающие птицы суть обстоятельства реки. Пчела и роса на розе — обстоятельства розы. Их можно сыскать довольно способом следующих предлогов и наречий: *у, за вне, против, под, над, около, до, без, далече, вплоть.*

§ 27

Подобные вещи называются те, что в частях, свойствах материальных или жизненных или в чем-нибудь другом между собою сходство имеют, н. п.: сердце возмущенного человека гневом имеет некоторое сходство с волнующимся морем, скорое течение острого ума — со стрелою.

§ 28

Противные вещи суть, которые в то же время и на том же месте совокупно быть не могут, н. п.: день и ночь, жар и мороз, богатство и убожество. Несходными называются те, которые в своих свойствах, частях или в другом чем ни есть несходство имеют, н. п.: *луна с солнцем несходна тем, что луна растет и убывает, мед с желчию вкусом разнится.*

§ 29

Сравнение есть снесение двух вещей, одну с другою сравняя либо одну перед другой повышая или понижая. Пример первого: *Иулий Цесарь завидовал славе Александра Великого, равно как Александр завидовал славе отца своего, Филиппа.* Пример второго: *Фридерик, цесарь немецкий, больше несчастлив был в реке Цидне, нежели Александр, ибо он только в ней разболелся, а сей живота своего лишился.*

§ 30

В числе показанных мест риторических не предлагаю я определения и так называемых внешних мест, следующих ради причин. Логическое определение состоит из рода и вида и его свойств и, следовательно, в них самих заключается. Определения риторические, которые составлены бывают из подобий, действий, места и прочая, надлежат также до самих сих мест, а произношение их чрез глагол существительный *есть* надлежит до 2-й части, что в § 98 показано будет. Внешние места надлежат до жизненных свойств, то есть свидетели до славы, признание до раскаяния, закон до послушания, обычаи до учтивости.

§ 31

Из всех показанных мест собирать надлежит простые идеи о предложенной теме следующим образом: 1) все термины, кото-

рые тема в себе имеет, написать особливо; 2) приписать к каждому из них под тем же родом содержащиеся знатные виды, главные части, приличные свойства, действия и страдания, перевод или анаграмму имени, время, место, производящую вещь, причину, предыдущее, последующее, признаки, обстоятельства, подобные, несходные и противные вещи, а что из мест терминам непристойно, того не приписывать; 3) ежели кто хочет свою тему пространнее представить, тот может к сим изобретенным первым идеям приписать вторичные простые идеи из тех же мест. Здесь надлежит примечать, что хотя и часто сим образом приписанные к терминам простые идеи сперва кажутся быть неплодны, однако, когда они по правилам следующия главы соединяются, тогда рождают изрядные и самой теме пристойные рассуждения. И для того не надлежит их оставлять как негодных.

§ 32

К приисканным видам можно присовокупить оных части, действия и все, что из риторических мест взято и к ним приложено быть может. Подобным образом поступить можно и с частями, на которые разделены термины, тему составляющие.

§ 33

К каждому свойству можно приложить особливо действие его, страдание, происхождение, причину, предыдущее, последующее, признаки, обстоятельства, подобные, несходные, противные вещи, н. п.: к белости лилеи можно приписать увеселение очей как действие, переменение белости в блеклый цвет как последующее, к послушливому приложить повиновение гражданским законам, властям и родителям, к учтивому — наблюдение обычаев, к прилежному — исполнение должности как действия и страдания оных.

§ 34

Собственного или приложенного имени сысканное по § 18 новое знаменование либо слово, от которого оно происходит, можно себе представить как самое то, что оно значит, и к нему приписать, что из мест риторических прилично, н. п.: Петр, на российский язык будучи переведено, значит камень, то к похвале оного можно приложить его хорошие свойства, цену, место, действие и прочая. Здесь надлежит очень умеренно и осторожно поступать для того, что от собранных по сему правилу идей часто рождаются легкомысленные и смешные рассуждения.

§ 35

Части и свойства, к терминам темы приписанные, могут действовать: 1) одно в другом взаимно, н. п.: *прекрасный цвет розы*

*покрывает свои колючие ветви, а ветви иглами своими оборонят их от того, чтобы они от животных попраны не были*; 2) в видах, под тем же родом стоящих, н. п.: *приятный голос соловья рождает зависть в певцах*; 3) с местом в предыдущем, последующем и в обстоятельствах. Сии взаимные действия можно приписать к оным частям и свойствам как вторичные идеи и, сверх того, самое действие разделить на части, то есть на начало, средину и конец.

§ 36

Время подает вторичные идеи: 1) от своего разделения на части, н. п., когда год будет разделен на месяцы, день на утро, полдень и вечер; 2) от знаменования имени, н. п.: генварь подаст идею о Яне, языческом боге времени, март о Марсе, боге войны, август о Августе, цесаре римском, от которых сии месяцы свои имена имеют; 3) от признаков и характеров астрономических: так, сентябрь месяц подаст о себе идею о весах, июль — идею о льве; 4) от предыдущего и последующего времени, н. п.: идея лета представляет с собою идею весны; 5) от обстоятельств и случаев, которые в то время обыкновенно бывают или приключиться могут, н. п.: *летом обыкновенно бывают громы, а необыкновенно и нечаянно могут кометы показаться.*

§ 37

К месту можно приписать: 1) его части, н. п.: к реке устье, вершину, посторонние речки, которые в нее впадают; 2) знатные оного свойства, н. п.: к реке жидкость, прозрачность и проч.; 3) действие или страдание, н. п.: что река содержимую на себе вещь колеблет, вид оныя в себе, как в зеркале, изображает; 4) случаи, которые на оном месте бывают: так, река иногда чрез свои берега переступает и пр., что все подаст вторичные идеи о самом термине, который на том месте действительно есть или быть может.

§ 38

Подобным образом довольно вторичных идей термины предложенныя темы о себе подадут, ежели с их происхождением, причиною, предыдущим, последующим, признаками, обстоятельствами, подобными, несходными и противными вещьми поступлено будет, как с вышеписанными первыми идеями в § 32, 33, 34, 35, 36, 37.

§ 39

Если кто предложенную тему весьма пространно изображать желает, тот может тем же способом сыскать и третьи идеи, то есть идеи о вторичных идеях, из тех же риторических мест.

## Глава вторая

## О СЛОЖЕНИИ ПРОСТЫХ ИДЕЙ

### § 40

Простые идеи сопрягаются в сложенные чрез союзы или чрез какую-нибудь взаимную их принадлежность. Одночленные периоды составляются: 1) чрез союзы соединения *и, ни* и прочая, н. п.: *Иулий Цесарь был герой и ритор; желание богатства пустыни и леса проходит*; 2) чрез союзы разделения, н. п.: *старые люди не себе, но детям древа насаждают*; 3) чрез союзы избрания *или, либо*, н. п.: *злобный человек явно или тайно вредить желает*; 4) чрез союзы выключения *кроме, опричь*, н. п.: *ласкательство кроме вреда ничего не приносит*; 5) чрез взаимную простых идей пользу, нужду, приличность или вред, негодность, неприличность, н. п.: *румянец розы приличен ее благовонию; быстрое течение ветра плодам вредно; высокие Гельвецкие горы закрывают жителей от набегов неприятельских*; 6) чрез взаимное действие и страдание, н. п.: *корабль бегом своим волны разделяет*; 7) чрез уподобление, н. п.: *несклонное твое сердце камню подобно*; 8) чрез уравнение, н. п.: *приход Колумбов устрашил американских жителей больше, нежели гром и молния.*

### § 41

Двучленные периоды спрягаются из одночленных: 1) чрез союзы *понеже, того ради; хотя, однако; ежели, то; если, то* и чрез другие, сим подобные, н. п.: *понеже чрез добродетели честное имя заслужить можно, для того надлежит пороков удаляться; хотя четвертую света часть, Америку, пространным океаном от нас натура отделила, однако человеческая отважность к оной путь отворила*; 2) чрез наречия *так, как; толь, коль; там, где*, н. п.: *как ржа снедает железо, так сердце человеческое печаль сокрушает*; 3) чрез местоимения, *кто, тот; чем, тем; кому, тому*, н. п.: *кто хочет большим быть, тот должен всем служить.*

### § 42

Трічленные периоды сопряжены бывают: 1) повторением того же союза, н. п.: *хотя бы небо было ясно, хотя бы море стояло тихо, искусный кормщик не спит*; 2) чрез приложение третиего одночленного рассуждения к двусложному периоду способом какого-нибудь союза, наречия или местоимения, н. п.: *ежели бы небо так соблаговолило, чтобы человек препровождал жизнь свою безбедно, то бы он своего счастия не мог чувствовать.*

§ 43

Четыречленные периоды спрягаются чрез смешение разных союзов, местоимений или наречий, н. п.: *кто благодеяния не помнит, тот не токмо оного не достоин, но так оставлен быть должен, как неплодная земля от земледельцев оставлена бывает.*

§ 44

Иногда периоды возрастают до 5 и до 6 членов чрез соединение, разными союзами учиненное, н. п., карфагенская королева Дидона по тайном отъезде троянского генерала Энея в отчаянии говорит: *если тому быть должно, чтобы злохитрый троянин доплыл до земли и до пристанища и если сего Зевесова судьба требует и переменить нельзя, то пусть хотя храброго народа оружием изобилен, от пределов изгнан, от Асканиева объятия отторжен, помощи просить будет и желаемого покоя не насладится, но да падет прежде времени и среди песку не погребен да пребудет.*

## Глава третия

## О ИЗОБРЕТЕНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЙ

§ 45

Распространения состоят из простых идей, изобретенных по правилам, в первой главе предложенным, и сопряженных между собою, как во второй главе показано.

§ 46

От рода и вида можно писать о терминах, в теме включенных, пространно: 1) Когда о роде вообще, а потом о виде особливо представлено будет, н. п., кто хочет писать о Цицероне, тот может писать о риторе вообще. 2) Когда термин, в теме положенный, есть род, тогда можно предложить особливо о всяком его виде, н. п., ежели кто хвалит добродетель, тот может похвалить чистоту, воздержание, милость и прочие добродетели подробну.

§ 47

Подобным образом целое и части к распространению служат, когда целое прежде будет представлено с общими его свойствами и обстоятельствами, до всех частей надлежащими, а потом главные его части особливо, н. п., ежели кто хочет описать пространный и прекрасный город, тот может сперва изобразить его величину, красоту, положение места и множество народа, а после того части, то есть стены, публичные строения, церкви, площади и прочая.

§ 48

Обильнейшее всех мест к распространению есть материальных или жизненных свойств соединение, ибо, когда они к вещи или к какому лицу купно со своими действиями и страданиями приложены будут, то составить могут весьма пространное слово, н. п., к добродетельному и внешними свойствами украшенному человеку можно приписать добродетели и телесные дарования купно с тем, что от того другие люди пользы получают и какие в них чрез то страсти возбуждены бывают.

§ 49

Знаменование имени подать может пространные идеи о самой вещи, когда чрез перевод или чрез преложение слов произведенная новая идея разделена будет на свои виды и части и купно ее свойства, действия или страдания, происхождения и обстоятельства к тому присовокуплены будут. Однако из сего места редко и с рассуждением распространения составлять надлежит.

§ 50

Чрез действие и страдание идеи распространяются: 1) Когда начало, средина, конец, также скорость, тихость, сила, слабость действующей вещи и сопротивление страждущей представлены будут, н. п.:

*Высокий кедров верх внезапный юг нагнул,*
*Отторгнул лист с плодом, коренья с мест свихнул.*
*Склоняясь низко, кедр едва насильство сносит,*
*То верх свой клонит вниз, то оный кверху взбросит.*
*Однако ярый вихрь свою умножил власть,*
*Принудил древа верх на землю с треском пасть.*

2) Когда одноїї вещи многие действия присовокуплены будут, н. п.: *добродетель от бед, как стена, защищает, разносит повсюду добрую славу, любовь и склонность в сердцах человеческих возбуждает.*

§ 51

Время подаст пространную идею о термине предложенныя темы, когда его свойства, части, обстоятельства и действия соединены будут, н. п., о лете:

*Ужé врата отверзло лето;*
*Натура ставит общий пир;*
*Земля и сердце в нас нагрето;*
*Колеблет ветви тих зефир;*
*Объемлет мягкий луг крилами;*
*Крутится чистый ток полями;*

*Брега питает тучный ил;*
*Трава и цвет покрылись медом;*
*Ведет своим довольство следом*
*Поспешно красный вождь светил.*

§ 52

Описание частей, свойств и обстоятельств места рождает такожде пространные идеи, н. п.: *земля, ровными полями распространяющаяся и пологими бугорочками украшенная, испускает листы древ плодоносных; по пригорам кипят чистые и жемчугу подобные источники, которые по лугам, во многие колена искрутившись, напаяют пестреющие везде цветы; по долинам класы желтеют и от теплых и тихих зефиров нежно колеблются.*

§ 53

Чрез намерение идею довольно можно распространить, если представлено будет, что оно возможно и удобно или невозможно и неудобно, имеет препятствия или вспоможения, что можно взять из свойств места, времени и признаков самой вещи, на которую намерение положено, и того, кто оное предпринял, н. п.:

*За холмы, где паляща хлябь,*
*Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,*
*За Тигр своих, Стамбул, заграбь,*
*Что камни со брегов смывает.*
*Претить не могут огнь, вода,*
*Орлица как парит туда.*

§ 54

Производящая вещь, признаки и обстоятельства, предыдущее и последующее также пространно могут быть предложены, ежели они соединены будут со идеями своих свойств, действий, подобий и противных вещей, н. п.:

*Вливаясь в Понт, Дунай ревет,*
*Отзывкой плеску шум прибавил,*
*Сердясь волнами турка льет,*
*Что смелость, нрав, шатер оставил.*
*Агарян ноги в выстрел всяк*
*Дрожат, себе являя знак,*
*Впоследни что бежа ступают.*
*Земля не хочет их носить,*
*От нас не знали, что покрыть.*
*Верхи свои древа качают.*

## § 55

Уподобление рождает пространные и притом прекрасные идеи, ежели многие свойства, части или действия двух подобных вещей между собою прилично снесены будут.

*Сходящей с поль златых Авроры*
*Рука багряна сыплет к нам*
*Брильянтов, искр, цветов узоры,*
*Дает румяный вид полям,*
*Светящей ризой мрак скрывает*
*И к сладким песням птиц взбуждает.*
*Чистейший луч доброт твоих*
*Украсил мой усердный стих,*
*От блеску твоея порфиры*
*Яснеет тон нижайшей лиры.*

## § 56

От уравнения можно распространить идеи, ежели обоих вещей, которые между собою уравняются, части и свойства между собою снесены будут, н. п.:

*Не так поля росы желают*
*И в зной цветы от жажды тают;*
*Не так способных ветров ждет*
*Корабль, что в тихий порт пловет,*
*Как сердце в нас к тебе пылало,*
*Чтоб к нам лице твое сияло.*

## § 57

Чрез противные вещи распространяются идеи, когда оных много будет из прочих риторических мест приискано, а после того одна против другой рядом поставятся, н. п., о вступлении весны:

*Светящий солнцев конь*
*Уже не в дальный юг*
*Из рта пустил огонь,*
*Но в наш полночный круг.*
*Уже несносный хлад*
*С полей не гонит стад,*
*Но трав зеленый цвет*
*К себе пастись зовет.*
*По твердым вод хребтам*
*Не вьется вихрем снег,*
*Но тщится судна бег*
*Успеть вослед волнам.*

## Глава четвертая
## О ИЗОБРЕТЕНИИ ДОВОДОВ

§ 58

Доводы, равно как и распространения, спряжены бывают из простых идей и одночленных рассуждений способом винословных союзов и наречий *итак, оттого, потому, затем, следовательно, понеже, того ради и прочая.*

§ 59

Ко изобретению оных служат из риторических мест происходящие следующие правила.

§ 60

Что говорится о всем роде, то можно сказать и о каждом виде, в том же роде включенном, и, напротив, того, что говорится о каждом виде, то можно сказать и о всем роде. Пример первому: *кто все добродетели любит, тот любит и воздержание.* Пример второму: *мы видим, что цари, князи, священники, военные, гражданские и сельские люди умирают, и оттуду заключаем, что все люди смертны.*

§ 61

Что сказать можно о всех частях, то и о целом, н. п.: *уже российские грады от Марсова шума не смущаются, села в глубоком мире почивают, пристани и крепости неприятельских набегов не страшатся, и так во всей России мир процвегает.*

§ 62

От свойств должны последовать приличные им действия, н. п.: *Тициий Семпрония ненавидит, следовательно, ему добра не желает.*

§ 63

Если какая вещь страждет, т. е. в себе перемену имеет, то должна быть действующая вещь, которая оную перемену производит, н. п.: *море волнуется, следовательно, бурный ветр веет.* А когда две вещи такое состояние между собою имеют, что одна в другой перемену учинить может, то должно действию воспоследовать, н. п.: *сильный ветр по морю веет, следовательно, во оном волны подымает.*

§ 64

От места, времени и обстоятельств нередко следуют их свойства к той вещи, к которой они принадлежат, н. п.: *на высоких горах стоящие здания большее насилие от ветров и бурь претерпевают.*

§ 65

Ежели последующее есть, то должно было и предыдущему быть, н. п.: *плоды на древах выросли, следовательно, древа прежде расцветали.* От предыдущего не всегда можно заключить последующее, н. п. нельзя сказать: *древа расцветают, следовательно, плоды будут.*

§ 66

Все, что есть или бывает, имеет свою производящую вещь, н. п.: *дождь идет, следовательно, небо облачно.*

§ 67

Где есть признаки, всегда с вещью бывающие, тут есть и сама оная вещь, н. п.: *отсюду дым встает, там должно быть огню.*

§ 68

Ежели из двух противных вещей одна есть, то, следовательно, другой нет, н. п.: *кто милостив, тот не жестокосерд; где добродетели господствуют, тут нет места порокам.*

§ 69

Подобные вещи должны иметь подобные действия и страдания, н. п.: *жизнь человеческая подобна непостоянному морю, следовательно, она от нападения противных случаев колеблется, подобно как океан от нападения бурных ветров.*

§ 70

Кто малого не может, тому и большее невозможно. И напротив того, кому великое возможно, тот может и малое. Пример первому: *кто слова утаить не может, тот не удержит великия тайны.* Пример второму: *кто пространного моря не боится, тому малая река не ужасна.*

## Глава пятая

## О ИЗОБРЕТЕНИИ ВИТИЕВАТЫХ РЕЧЕЙ ИЛИ ЗАМЫСЛОВ

§ 71

Когда показанным правилам доказательств что-нибудь противное представлено будет, тогда рождаются витиеватые речи. К сему способствует уподобление, уравнение и противуположение идей, что из следующих правил видеть можно.

§ 72

Соединение противных себе видов и разделение подобных производит витиеватые речи, н. п.:

*В златые дни со львом бессильный агнец спал,*
*И голубь с ястребом безбедно в лес летал.*

§ 73

От частей рождаются витиеватые речи: 1) Когда в животных вещах к каждой части приложено будет приличное жизненное свойство, н. п.: *лице светлое щедротою, уста сладкие утешением, грудь искренностию отверстая.* 2) Когда частям приличные действия присовокупятся, н. п.: *благочестивый монарх единою рукою бога, а другою подданных объемлет.* 3) Когда частям противные свойства или действия прилагаются, н. п.: *лукавый языком любит, а сердцем убивает.*

§ 74

От свойств замыслы происходят: 1) Когда одному свойству даны будут противные действия в разных вещах или персонах, н. п.: *глупость в бедном смешна, а в сильном слез достойна.* 2) Когда одно свойство другому как воспящающее представляется, н. п.: *злой и глупый богач однем путем ходят; оный хотя пользу учинить может, однако не хочет, а сей хотя и хочет, однако не умеет.* 3) Когда противным свойствам сходные действия последуют, н. п.: *великодушный человек счастие свое умеренно правит, несчастие терпеливо сносит.* 4) Когда одна страсть в другую переменяется, н. п.: *праведный твой гнев есть милосердие.* 5) Когда одно свойство другому уподоблено будет; н. п.: *прекрасное твое лице небесному твоему уму подобно.*

§ 75

Знаменование имени подает витиеватые речи, когда оно уподоблено будет делам самой той персоны, которая оным называется, н. п.:

*Цесарь, ты врагов сечешь удобно,*
*Имя в том делам твоим подобно.*

Сюда ж надлежит, что сказали донские скифы великому Александру, который богом назывался: *ежели ты бог, то должен ты смертных миловать, а не грабить.*

## § 76

От действия и страдания произведены быть могут замыслы: 1) Когда вещи вымышленное действие или страдание приложено будет, н. п.: *он жалостным своим стенаньем древа, валы и горы движет.* 2) Когда от вещи противное действие производится, н. п.:

*Чем ты дале прочь отходишь,*
*Грудь мою жжет больший зной.*
*Тем прохладу мне наводишь,*
*Если ближе пламень твой.*

3) Чрез переменение действия на страдание, а страдания на действие, н. п.: *не Аякс сего ружья, но само ружье Аякса требует.* 4) Когда действие вещи другим полезно, а самой вредно быть представляется. Так, говорит греческий король Уликс у Овидия: *вас прошу, о греки, чтобы мой разум мне не был вреден, который вам столько раз был полезен.* 5) Чрез предложения невозможных действий, н. п.: *прежде агнцы волков ловить, а зайцы львов терзать станут, нежели твое желание сбудется.* 6) Когда препятствия бессильными к воспящению действия представляются, н. п.: *жадным победительским рукам не мог возбранить пламень, чтобы горящей Трои не расхищали.* 7) Когда действие на самую действующую вещь обращается, н. п.: *Гомер, когда стихами своими других избавлял от забвения, тогда себя вечной памяти предал.* 8) Когда действие тщетным представляется, н. п.: *он пращи и стрелы за гнилое дерево почитает.*

## § 77

От места витиеватые речи привести можно: 1) Чрез пренесение вещей на неприличное место, н. п.: *прежде рыбы в лесах, а овцы на дне морском пастись будут, нежели я твое благодеяние забуду.* 2) Когда к одному месту два разные свойства приписаны будут. Так, у Сенеки говорит Андромаха, сокрываючи сына своего от греков во гробе отца его, Гектора: *ежели судьбина бедным помогает, то вот тебе здесь защита, а если судьбина жить запрещает, то вот тебе и гроб.* 3) Когда на разных местах разные свойства одной вещи придаются, н. п.: *он в доме отец, в полках Гектор, на море Тифис.* 4) Когда место представляется как препятствие сильное или недействительное, н. п.: *хоть ныне я в волнах плову, но волны не гасят любови.*

## § 78

Время подает витиеватые речи: 1) Когда оно на другое, себе противное, переменено будет, н. п.: *твое к нам пришествие среди зимы весну приводит.* 2) Когда вещь из одного времени в

другое перенесется, н. п.: Андромаха говорит женщинам троянским: *ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный Ахиллес терзал мои члены (то есть Гектора).* 3) Когда время против[ные] себе свойств[а] имеет, н. п.: *о весна, юность лета, прекрасная мати цветов, хотя ты возвращаешься, но кроме тоски ничего с собою не приводишь.*

## § 79

От причины рождаются замыслы: 1) Когда вместо прямой посторонняя и неприличная причина действию приложится, н. п., Александр говорит к своим солдатам: *мы погрешили, мои солдаты, ежели мы только для того Дария победили, чтобы рабу его отдать государство.* 2) Когда причина действия будет вымышлена, н. п.:

*Вливаясь в Понт, Дунай ревет,*
*Отзывкой плеску шум прибавил,*
*Сердит волнами турка льет,*
*Что смелость, кровь, шатры оставил.*

## § 80

От предыдущего и последующего производятся замысловатые речи: 1) Когда начало концу подобно представится, н. п.: *Медея с Язоном беззаконно совокупилась, беззаконно разлучилась, при браке брата, а при разлучении детей своих убила.* 2) Когда предыдущее время с последующим соединяется, н. п.:

*Мне полдень с утром вдруг вступает,*
*Весна цветы и плод являет*
*В дражайшей всех душе твоей.*

3) Когда из двух последующих последнее прежде первого предлагается, н. п.: *в моем нечаянно оскорбленном сердце после теплой весны лютая зима настает.*

## § 81

Обстоятельства рождают замыслы: 1) Когда оне за признаки какого-нибудь действия или вещи почтутся, н. п.: *сгоревший храм Дианы Ефесския предвозвестил имущий возгоретися в Азии военный пламень от великого Александра, которого в ту нощь Олимпиада родила.* 2) Когда обстоятельство самой вещи сравнено или уподоблено будет, н. п., о скупом:

*Ты тверже, нежель тот металл,*
*Который в стену ты заклал.*

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

# О УКРАШЕНИИ

### Глава первая

### О СЛОВАХ РИТОРИЧЕСКИХ

§ 82

Риторические слова те называются, которые саму предложенную вещь точно и подлинно не значат, но перенесены от других вещей, которые со знаменуемою некоторое сходство или принадлежность имеют, однако притом бо́льшую силу подают в знаменовании, нежели сами свойственные слова, н. п.: о неспокойных ветрах лучше сказать, что они *бунтуют,* нежели *тянут* или *веют*, хотя глагол *бунтуют* не до ветров, но до людей надлежит. Сим образом перемененные слова называются с греческого языка тропы, то есть отвращения. Они имеют место в пяти частях слова — в имени, местоимении, глаголе, причастии и наречии.

§ 83

Вместо свойственных слов, которые вещь или действие точно значат, часто полагаются другие, от вещей или от действий, с оными некоторое подобие имеющих, взятые, что может быть чрез четыре способа: 1) Когда слово, к неживотной вещи принадлежащее, переносится к животной, н. п.: *твердый человек* вместо *скупого; полки текут на брань* вместо *идут; красно говорит* вместо *приятно.* 2) Когда слово, животной вещи свойственное, приложено будет к неживотной, н. п.: *угрюмое море* вместо *волнующегося; лице земли* вместо *поверхности; луга смеются* вместо *цветут.* 3) Когда слово от неживотной к неживотной вещи переносится, н. п.: *звезды кипящие* вместо *блещущиеся.* 4) Ежели от животной к животной слово переложено будет, н. п.: *лает* вместо *бранит.* Сие перенесение слов называется от риторов метафора, то есть перенос, и служит к пространному, важному, ясному, высокому и приятному идей представлению, причем наблюдать должно: 1) Чтобы метафора была не чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова дают больше оной темности, нежели ясности. 2) К вещам высоким непристойно слова переносить от низких, н. п.: вместо *дождь идет* непристойно сказать *небо плюет.* Однако некоторые слова, от нарочито низких вещей перенесенные, повышены могут быть прилагательными именами. Так, если бы *гром* назван был *трубою*, то бы метафора была низка, однако с прилагательным — *труба небесная* — будет уже много выше. 3) К низким вещам от высоких переносить имена также непристойно, разве только в шуточных и сатирических речах.

§ 84

Свойственные имена могут переменены быть на другие, которые значат с ними соединенные вещи, что бывает семью способами: 1) Когда положен будет род вместо вида, н. п.: *ветр* вместо *севера, цвет* вместо *розы.* 2) Вид вместо рода, н. п.: *сокол* вместо *птицы*, *Нил* вместо *реки.* Но здесь надлежит остерегаться, чтобы не поступить противу натуры, н. п.: *из Кипра в Крит пособным западом ехать* вместо *ветром* и *на заре соколы запели* вместо *птиц*, ибо *запад* из Кипра в Крит едущим противен и соколы никогда не поют. 3) Целое вместо части, н. п.: *египтяна Нил пьют*, то есть *часть воды из Нила.* 4) Часть вместо целого, н. п.: *сто душ* вместо *ста человек.* 5) Один вместо многих, н. п.: *российский воин торжествует* вместо *российские воины.* 6) Многие вместо одного, н. п.: *он пишет краснее Демосфенов и Цицеронов* вместо *Демосфена и Цицерона.* 7) Материя вместо вещи, из оной материи сделанной, н. п., *пронзен железом* вместо *мечом.* Сия перемена имен называется синекдохе.

§ 85

Имена вещей, которые к себе взаимно принадлежат, могут одно вместо другого быть употреблены: 1) Когда действующая вещь вместо страждущия положена будет, н. п.: *читаю Виргилия* вместо *Виргилиевы стихи.* 2) Действие вместо действующия вещи, н. п., *убийство достойно казни* вместо *убийцы.* 3) Место или содержащая вещь вместо содержимой, н. п.: *Москва радуется* вместо *московских жителей; стакан выпил*, то есть *из стакана напиток.* 4) Причина вместо действия, н. п.: *разбойникам пример дать*, то есть *разбойника повесить; честь на алтарь возложить*, то есть *жертву.* 5) Признак вместо самыя вещи, которую он значит, н. п.: *орел* вместо *Российской империи; луна* вместо *Турции; десять дымов*, т. е. *десять домов.* 6) Обладатель или господин вместо оной вещи, которою он владеет, н. п.: *Укалегон горит*, то есть *Укалегонов двор.* Сей троп называют риторы метонимиею.

§ 86

Переменение имен собственных и нарицательных служит ко изобретению слов риторических: 1) Когда употреблено будет имя собственное вместо нарицательного, н. п.: *Крез* вместо *богатого*; *Геркулес* вместо *сильного.* 2) Нарицательное вместо собственного, н. п.: *стихотворец* вместо *Виргилия* или *Гомера*; *ритор* вместо *Демосфена.* 3) Предки вместо потомков, н. п.: *Иуда* или *Иаков* вместо *жидов.* 4) Имя собственное вместо местоимения, н. п.: Овидий часто говорит о себе *Назон* вместо *я.* Показанная перемена имен называется антономазия.

§ 87

Имена и глаголы могут быть переменены на другие, которые имеют знаменование, к ним очень близкое, ради напряжения или послабления вещи, н. п.: в первом случае *прибил* вместо *ударил*; *бежит* вместо *идет*; *бранит* вместо *журит*; *скуп* вместо *домовит*; *лукав* вместо *хитр*; во втором случае те же примеры противным образом, то есть *ударил* вместо *прибил*; *идет* вместо *бежит*; *домовит* вместо *скуп* и проч. Риторы называют сей троп катахрезис.

§ 88

Иногда перенесены бывают слова чрез два или три знаменования от своего собственного, что металепсис называется, н. п.:

*Как десять жатв прошло, сгорела горда Троя.*

Здесь чрез жатву разумеется лето, чрез лето целый год.

*Твой лавр достоин вечных хвал.*

В сем примере чрез лавр победа, чрез победу мужество, чрез мужество ревность по отечестве разумеется.

§ 89

Предложенные шесть тропов состоят всегда в одном слове, а следующие четыре: аллегория, парафразис, ирония и гипербола — из двух или многих.

Аллегория есть совокупление подобных метафор, н. п.: *смертная коса цвет юности подсекла.* В сем примере коса и цвет суть две совокупленные метафоры. К аллегории принадлежат загадки, метафорические пословицы и притчи или басни, чему примеров довольно видеть можно в Езоповых притчах. Пример загадок о льде и воде:

*Меня родила мать, котору я рождаю.*

Пример аллегорической пословицы:

*По сажи гладь, хоть бей,*
*Ты будешь черн от ней.*

§ 90

Парафразис есть изображение одного или немногих слов чрез многие, н. п.: *разоритель Карфагена* вместо *Сципиона*; *Дафнис облака и звезды под ногами видит*, т. е. *Дафнис на небе.* Сей троп служит к распространению идей и оных важному и приятному представлению, а особливо когда действие или страдание коего-нибудь свойства или обстоятельства, части, вида или предыдущие и последующие, подобные либо противные вещи вместо самого действия или страдания положены будут, н. п.: вместо

сего *Троя разорена* следующие парафразисы:

*Троянских стен верхи уже во рвах лежат.*
*И где Приам судил, тут дики звери спят.*
*Лишь пепел капищ зрит на месте жертв Минерва;*
*Трава и лес растет, где были домы сперва.*

§ 91

Гипербола, или превышение, есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или послабления страстей, н. п.: *бег скорейший вихря; звезд касающийся Атлас; из целых гор иссеченные храмы.*

§ 92

Ирония есть, когда предложенная идея значит противное, н. п.: *о волк! овец изрядный пастырь.* Сей троп изображен бывает часто чрез действия, в натуре невозможные, н. п.:

*Единой цепью звезды свяжет*
*И вспять итти луне прикажет.*

## Глава вторая

## О УМНОЖЕНИИ И ПЕРЕМЕНЕ СЛОВ

§ 93

Слова умножаются повторением тех же или присовокуплением однознаменовательных. Повторения знатнейшие виды суть четыре: 1) Когда одно слово в начале многих сложенных идей повторяется, н. п.:

*Тобой поставлю суд правдивый,*
*Тобой сотру сердца кичливы,*
*Тобой я буду злость казнить,*
*Тобой добротам мзду дарить.*

2) Когда одно слово приложено будет двожды в начале речи, н. п.: *избавь, избавь российский род.* 3) Когда в начале и в конце то же слово повторяется, н. п.: *скажите мне, леса, скажите.* 4) Когда следующая речь от того же слова начинается, которым первая окончилась, н. п.: *похвальнее богатства благородие, благородия похвальнее добродетель.*

§ 94

Однознаменовательные слова те называются, которыми ту же вещь или бытие назвать можно, н. п.: *хорош, изряден* и проч. Такие слова часто присовокуплены бывают одно к другому ради сильнейшего и яснейшего представления речи, н. п.: Цицерон

в начале слова своего против Катилины говорит: *Мы его, уже напоследи дерзостию бесящегося, беззаконием дышащего, на сенат и на все достатки наши пагубу воздвигающего, отпустили, извергли, истребили; отшел, отлучился, вырвался, бежал; ему возвратиться не дам, не попущу, не стерплю.*

§ 95

Слова переменены могут быть: 1) Чрез преложение глагола в имя существительное, н. п.: *леность вредна* вместо *лениться вредно.* 2) Чрез переменение имени в глагол, н. п.: *я вижу, что спорят* вместо *я вижу спор.* 3) Когда прилагательное имя в существительное переложено будет, н. п.: *ясность неба* вместо *ясное небо.* 4) Чрез переменение глагола в наречие, н. п.: *мне стыдно* вместо *я стыжусь.* 5) Имен в наречие, н. п.: вместо *в сей час — теперь.* 6) Действительный глагол на страдательный, н. п.: *трава от ветра колеблется* вместо *ветр траву колеблет.* 7) Причастие на глагол, н. п.: *шум слышен* вместо *шум слышат.*

§ 96

Переменные прилагательные имена изобретаются: 1) От величины, н. п.: *долгий путь, пространное море.* 2) От фигуры, н. п.: *острая стрела, кудрявая роща.* 3) От движения или покоя, н. п.: *быстрый орел, летящий зефир, спящие болота.* 4) От твердости, н. п.: *каменное сердце.* 5) От чувств, н. п.: *хладная Исландия, жаркая Абиссиния, красная роза, шумящие валы, горькая желчь, смрадный труп.* 6) От страстей, н. п.: *ярый Ахиллес, гордый фараон.* 7) От свойств и дарований телесных, н. п.: *сильный Гектор, прекрасный Авессалом.* 8) От места, н. п.: *воздушный орел, аравитское золото.* 9) От времени, н. п.; *зимний хлад, ночная тьма.* 10) От действия или страдания, н. п.: *молния, воздух терзающая, смущенное море.* 11) От обстоятельств, н. п.: *лесистая гора, пасмурные дни.* 12) От производящия вещи, н. п.: *плод земной.* 13) От уравнения, н. п.: *сребра чистейший источник.* 14) От противных вещей, н. п.: *ласкательство есть сладкий яд; печальная отрада в несчастии — слезы.*

## Глава третия

## О ИЗОБРАЖЕНИИ СЛОЖЕННЫХ ИДЕЙ

§ 97

Сложенные идеи изображены бывают фигурами слова, из которых лучшие суть: определение, вопрошение, отвращение, указание, представление, одержание, сообщение, позволение, восклицание, вольность, оставление, заятие, прекращение, разговор, вымысл.

§ 98

Определение риторическое есть изображение сложенных идей чрез глаголы *есть, называется, кажется* и другие сим подобные, н. п.: *наука есть вождь к познанию правды, просвещение разума, успокоение народов.* Примеров сея фигуры довольно видеть можно в икосах акафиста пресвятей богородице и в стихах святому кресту.

§ 99

Вопрошение риторическое бывает о какой-нибудь уже известной вещи для сильнейшего и важнейшего оныя представления, н. п., о Каине, убившем своего брата: *Нечестивый, куда бежишь? зачем один? где твой брат? что бледнеешь? что молчишь, беззаконный?* К вопрошению риторы нередко и ответ присовокупляют, н. п.: *кто к добродетелям путь отверзает? наука; кто от пороков? наука; кто рассеянные народы во общества собрал? наука; кто построил грады и открыл страны, отделенные морями? наука.*

§ 100

Отвращение есть отнесение речи от предложенной материи к другой вещи, животной или бездушной, во втором лице глагола, н. п., вместо, чтобы просто упомянуть о счастии Невы-реки, употреблено следующее отвращение:

*О чистый ток Невы разливной,*
*Счастливейший всех вод земных,*
*Российской что богини дивной,*
*Кропишь лице от струй твоих.*
*Стремись, шуми, теки обильно*
*И быстриной твоею сильно*
*Промчись к вечерним вплоть брегам,*
*И больший страх вложи врагам,*
*В сердца и в слухи им внушая,*
*Что здесь зимой весна златая.*

Чрез сию фигуру можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, обещать, просить, возбуждать страсти, оплакивать, что-нибудь сказывать, поздравлять или прощаться с тем, к чему ритор от предложенной материи отвратится, н. п., угрозою:

*Еще упрямства борет страсть?*
*Не хочешь ниц пред Анной пасть?*
*Не хочешь с нами в мир склониться?*
*Стамбул, Каир, Алеп сгорит,*
*Обставят росским флотом Крит,*
*Евфрат в твоей крови смутится.*

Запрещением:

*Воинский звук покинь, Беллона,*
*И жажду крови, Марс, оставь.*

§ 101

Указание есть, когда на предлагаемую вещь указуем междометиями: *се*, *вот*, н. п.:

*Смотрите, се трофей стоит,*
*Плетутся се венцы лавровы,*
*Надежда ваша вас не льстит!*
*В пределах ваших нам готовы.*

Или:

*И се уже рукой багряной*
*Врата отверзла в мир заря.*

§ 102

Представление есть подобное, но весьма краткое деяния изображение важными словами. Так представлено божие сотворение света словом в книгах Бытия: *и рече бог: да будет свет, и бысть свет*, что несравненно великолепнее, нежели простая речь: *бог свет сотворил словом.*

§ 103

Удержание фигура есть, когда ритор слушателей или читателей долго в сомнении удерживает, представляя что-либо меньшее или противное предлагаемой вещи, а потом уже оную предлагает, н. п.: *в древние времена ученых людей почитали не токмо щедрые государи, но и жестокосердые мучители; Платона принял в Сиракузы Дионисий-тиран, но с каким великолепием? с каким доказательством к нему своея склонности? Вы чаете, что ему были дороги цветами усыпаны или улицы зелеными ветвьми украшены? вы надеетесь, что ему все знатные особы навстречу вышли? Никак, но Платона, сидящего в златой колеснице, сам Дионисий, коней управляя, во град вводит.*

§ 104

Сообщение есть, когда ритор предложенную материю тому на рассуждение отдает, кому оную представляет, н. п.: *еще медлишь? еще сомневаешься, легкомысленный, и от роскоши к добродетели не возвращаешься? Пущай же, ни во что почитай мои представления, но сам с собою посоветуй, сам себя послушай. Что бы ты учинил тогда, если бы тебя, с одной стороны, прекрасная, благородная и всеми дарованиями украшенная невеста ласково и благочинно приглашала, а с другой,— скверная блудница к себе бесстудно призывала? К которой бы ты тогда обратился? Не к оной ли бы ты устремился всею мыслию и силами?*

§ 105

Уступление фигура есть, когда ритор уступает что-нибудь противное предлагаемой речи, н. п.: *воскресите, воскресите его от мертвых, если можете; смотрите оживщего стремление, которого и во гробе лежащего бешенство вам несносно.* Или:

*Пускай земля, как Понт, трясет,*
*Пускай бурливы вихри стонут,*
*Премрачный дым покроет свет,*
*В крови Молдавски горы тонут.*
*Но вам не может то вредить,*
*Вас рок желавт сам покрыть.*

§ 106

Восклицание есть возвышение речи чрез наречия: *о, толь, толико* и сим подобные, н. п., о Енее и троянах: *прежде пришествия в Италию много лет по всем морям заблуждались; толь трудно основать было народ римский.*

§ 107

Вольностию называется смелое представление важной речи, н. п.:

*Скажу без страху и без лести:*
*Твоей высокой славы, чести*
*Не может власть твоя закрыть.*

§ 108

Оставле́ние есть фигура, когда оратор, аки бы не хотя упоминать какой-нибудь вещи, тем самым важнее и сильнее оную представляет, н. п.: *беззаконные его дела упомянуть ужасаюсь и мерзкими его поступками не хочу осквернить ушей ваших.*

§ 109

Заятие есть фигура, чрез которую все, что с противной стороны вопреки приведено быть может, купно предложено и опровержено бывает, н. п.: *но вижу, что мне в спор сказано быть может, то есть с детьми строго поступать не должно, но надлежит снисходить их молодым летам; однако что воспоследует, когда, живучи необузданно, к порокам прилепятся и в беззакониях погрязнут?*

§ 110

Прекращение есть, ежели кто во изображении какой-нибудь страсти разума речи своея не окончит, н. п.: *которой казни ты достоин! уж я тебе!* *** [6] *добро, молчи же.*

[6] Примечания автора в тексте отсутствуют.

## § 111

Разговор есть фигура, чрез которую отсутствующим персонам, как присутствующим, усопшим, равно как живым, и бездушным вещам, как одушевленным, речь придается, н. п.:

*Гласит, пред ней стоя, Россия,*
*Склонившись к ней верхом своим;*
*Тебе я дам плоды земные*
*И купно подданным твоим.*
*Тебе я оных кровь питаю,*
*Горячесть в их сердца влагаю,*
*Чтоб ону за тебя пролить.*

## § 112

Вымысл есть чрезъестественное изображение предлагаемой материи, что бывает следующими образы: 1) Когда какая вещь представляется под другим видом. Так, у Овидия представлен северный ветр под видом старого, крылатого и на облаках летящего мужа. При сем наблюдать должно подобие вымышленного изображения с самою вещью, н. п., если кто хочет представить луну во образе человеческом, то не надлежит ее переменить в старую женщину, но в молодую девицу ради светлости ея. Также стараться должно, чтобы вымышленного изображения части, действия и обстоятельства имели некоторые свойства тоя вещи, которая под оным представляется, с вымышленными смешанные, н. п.:

*Уже златой денницы перст*
*Завесу света вскрыл с звездами;*
*С востока скачет по сту верст,*
*Пуская искры конь ноздрями.*
*Лицем сияет Феб на том,*
*Он пламенным встряхнул верхом,*
*Преславну видя вещь, дивится.*

2) Когда предлагаемая персона или вещь представляется на чрезъестественном месте, н. п.:

*Я деву в солнце зрю стоящу,*
*Рукою отрока держащу*
*И купно всю Россию с ним.*
*Украшена везде звездами.*
*Разит перуном вниз своим,*
*Гоня противности с бедами.*

3) Когда действие из одного времени в другое перенесено будет. Так говорит Андромаха о убиенном своем Гекторе у Сенеки: *Уже рукою меч заносит и в греческий флот бросает сильный пламень; греки, не зрите вы Гектора? или одна я вижу?* 4) Когда

предлагаемая вещь чрезвычайно велика или мала представлена будет. Таким образом представил Лукреций суеверие древних поганских народов: *Жизнь человеческая бесчестно на земли лежала попранна тяжким суеверием, которое, главу свою от небес показуя, ужасным взглядом на смертных взирало.*

## ЧАСТЬ ТРЕТИЯ

# РАСПОЛОЖЕНИЕ

### Глава первая

### О РАСПОЛОЖЕНИИ ВООБЩЕ

### § 113

Расположение есть двояко: первое — простых, второе — сложенных идей.

Простые идеи или слова располагаются: 1) по их важности и низкости, то есть когда случится предложить несколько имен разного качества, то приличнее напереди положить важные, а потом и прочие, которые не столь высокие вещи значат, н. п.: *солнце, луна и звезды хвалят своего зиждителя*; 2) по времени, то есть когда слова в рассуждении времени разнствуют, то должно их расположить так, как одно другому последует, н. п.: *он утро, день, вечер и ночь в роскошах препровождает;* 3) по произношению, в котором надлежит остерегаться стеснения подобных литер и непорядочного расположения ударений, к чему служат следующие правила. Первое, тех слов не надлежит друг подле друга ставить, из которых первое на много согласных литер кончится, а другое многими согласными литерами начинается, для того что ими в произношении язык весьма запинается, и речь падает негладко, н. п.: *всех чувств взор есть благороднее.* Второе, не надлежит стеснять гласных литер одного или подобного звона, н. п.: *слово о обновлении храма.* Третие, избегать должно соединения слов, теми же складами начинающихся или кончающихся, н. п.: *когда суда в пристанище приходят, тогда труда плаватели избегают; мне мнится быть слово ваше важно.* Четвертое, слова по ударению неприлично так располагать, чтобы инде два или три склада с ударениями вместе стояли, а инде весьма много оных без ударения соединены были, для того что сие препятствует плавному и гладкому течению слова, н. п.: *твое мужественное великодушие дивит всех нас.* Периоды гладко падают, когда ударения, хотя не по строгим стихотворческим правилам расположены, однако друг от друга отстоят несколько пропорционально, а особливо когда начальное слово периода имеет ударение на втором складу, спереди считая, а последнего слова

сила стоит на предкончаемом или пропредкончаемом слоге. Вопросы и другие речи, которыми сильные и стремительные страсти изображаются, больше напряжения и важности в себе имеют, когда сила ударяет на кончаемом слоге последнего и на первом начального слова.

§ 114

Многие сложенные идеи об одной материи, в приличный порядок приведенные, составляют слово, которого главные части суть четыре: вступление, истолкование, утверждение и заключение. Некоторые риторы располагают свои слова чрез особливую форму, называемую хрию, которая разделяется на осмь частей, однако нет в ней ничего особливого и все ея части в помянутых четырех частях слова заключаются, для того об ней обстоятельно писать оставляю. Помянутые четыре части могут быть предложены сокращенно и пространно, как ритор о материи своей говорить или писать хочет, и, по рассуждению и свойству оной, можно одну или и две части оставить.

§ 115

Вступление есть часть слова, чрез которую ритор слушателей или читателей приуготовляет к прочему слову, чтобы они склонно, прилежно и понятно оное слушали или читали. Для первого должен ритор вежливо и склонно оным свое предприятие представить, для второго объявить, что он будет представлять о вещи важной, нужной и полезной, для третиего ясно сказать свою тему или самую материю, о которой он говорить или писать хочет.

§ 116

Вступление сочинить может ритор: 1) от места или времени, предлагая, что ему в рассуждении оных говорить должно, прилично, нужно, полезно, трудно и пр.; 2) от характера и свойств, которые слушатели имеют, похваляя их добродетели; 3) от своего лица, объявляя недостаток сил своих к тому слову, извиняя себя нуждою и пользою оного; 4) от самой темы, когда ритор оную пространно предложит; 5) от похвалы автора, то есть ежели тема есть сентенция святого или ученого человека, то можно в самом вступлении оного похвалить; 6) от примеров, девизов и пословиц; 7) от призывания в помощь свою бога или святых его; 8) от внезапного приступления в самой вещи, то есть когда ритор начинает самую предлагаемую материю от какой-нибудь сильной и стремительной фигуры. Так начал Цицерон речь свою против Катилины: *Доколе будешь, Катилина, во зло употреблять терпение наше?* Всякое вступление должно быть украшено тропами и сильными фигурами, для того чтобы слушатели или читатели, оными усладившись, самой материи внимали и прилежно

слушали. При сем должно остерегаться, чтобы вступление было не весьма долго, и всегда помнить, что оно чем короче, тем лучше.

## § 117

По вступлении предлагается тема кратко и ясно. А потом, если она нечто гисторическое или другое что, истолкования требующее, в себе заключает, присовокупляется истолкование, которое составлено бывает из распространенных идей по правилам третьей главы первыя части. В истолковании надлежит наблюдать: 1) краткость речей, и для того должно стараться, чтобы периоды были коротки, однако притом ясны и удобопонятны; 2) ясность, и для того должно больше употреблять слов свойственных, нежели тропов; 3) вероятность, к чему служат свидетельства и самые обстоятельства предлагаемыя вещи. Для сих трех должно опасаться: 1) чтобы не примешать мелких и слову непристойных обстоятельств; 2) чтобы не отступить от слова к другой посторонней материи; 3) чтобы речи не были безмерно закручены и идеи бы, вместе быть должные, не были одна от другой далече разметаны; 4) чтобы много разных вещей не стеснить в кучу и тем бы не отяготить понятие слушателей; 5) чтобы не представить, что слушателям невероятно, смешно и подло показаться могло; 6) чтобы истолкование не весьма просто и низко было и несвязными речьми и весьма много раз повторенными теми же словами не скучно казалось.

## § 118

Истолкованию последует утверждение, в котором предлагаются вины или причины, о справедливости темы уверяющие, которые изобретены быть могут по правилам о изобретении доводов. Утверждение разделяется на две части. Первая есть доказание, которая содержит в себе самые доводы, чем предложенную тему доказать должно. Вторая называется возражение, которая опровергает все противные теме предложения и представляется: 1) презрением, когда предложения противные ритор ни во что почитает; 2) укоризною и грозою, когда противное теме предложение будет скверно и беззаконно; 3) большим предложением, когда ритор, противного предложения не разрешив, предлагает свое, того сильнейшее; 4) когда ритор покажет, что противные предложения неправдивы тем, что со здравым рассуждением несогласны. В доказании употреблены бывают стремительные фигуры, н. п.: вопрошение, отвращение, восклицание и проч.; в возражении: заятие, уступление, троп, ирония и проч.

## § 119

Доводы предлагаются: 1) силлогизмом, 2) энтимемою, 3) дилеммою. Силлогизм составляют два предыдущие предложения

и следствие, н. п.: *от всякого порока надлежит убегать* (первое предложение), *но леность есть порок* (второе предложение), *следовательно, от лености бегать надлежит* (следствие). Сии три части силлогизма располагать можно разным порядком, присовокупляя к ним причины и украшая их тропами и фигурами, для того чтобы они риторический, а не логический вид имели. Когда из предыдущих предложений первое или второе оставлено будет, тогда сей довод называется энтимема, н. п.: *леность есть порок, следовательно, оной убегать должно.* Дилемма есть довод, состоящий из двух противных частей, из которых ту или другую противной стороне принять должно, н. п.: *некоторая женщина советовала своему сыну, чтобы он никакого слова не говорил пред народом, для того что ежели он неправду говорить хочет, то прогневает бога, а буде правду, то люди ему будут неприятели, на что сын отвещал: Мне еще большая причина есть говорить публичные слова, ибо ежели я стану говорить правду, то буду богу любезен, а ежели неправду, то буду людям приятен.* Из доводов сильные и важные должно положить напереди, те, которые других слабее, в средине, а самые сильные — на конце утверждения, ибо слушатели и читатели больше началу и концу внимают и оных больше помнят.

§ 120

Последняя часть слова есть заключение, в которой доказанная тема представляется в указательном роде с похвалою или хулою, в советовательном — с присоветованием или отсоветованием, причем должно повторить положенные в третьей части доводы, но весьма кратко и замысловато, к чему служат правила, предложенные в пятой главе первыя части.

## Глава вторая

## О РАСПОЛОЖЕНИИ СЛОВ ПУБЛИЧНЫХ

§ 121

Публичные слова, которые в нынешнее время больше употребительны, суть: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь. Проповедь есть слово священное, от духовной персоны народу предлагаемое, которого суть два рода — похвальный и увещательный. Похвальные проповеди предлагаются в прославление божие и в похвалу святых его на господские праздники и на память нарочитых божиих угодников. Увещательною проповедию учит духовный ритор, как должно христианину препровождать жизнь свою богоугодно.

§ 122

Все проповеди располагаются обыкновенно по ординарной форме, в § 114—120 показанной. Пред вступлением полагается приличный к самой предлагаемой материи текст из священного писания, который неправильно темою называют. Из сего сочиняют нередко проповедники вступления своих проповедей, ибо когда он в себе заключает что-нибудь историческое, то можно оное предложить пространно, присовокупив к нему причину, обстоятельства и пр. А когда текст есть сентенция, то есть краткая нравоучительная речь, то можно распространить от пристойных мест риторических.

§ 123

Штиль в духовном слове должен быть важен, великолепен, силен и, словом, материи, особе и месту приличен, ибо священному ритору, о котором народ высокое мнение имеет, в божием храме, где должно стоять с благоговением и страхом, о материи, для святости своей весьма почитаемой, не пристало говорить подлыми и шуточными словами. Но притом проповеднику стараться должно, чтобы при важности и великолепии своем слово было каждому понятно и вразумительно. И для того надлежит убегать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не разумеет, но притом не оставлять оных, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменование их народу известно.

§ 124

Панегирик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достохвального. В похвале высокия особы предлагаются похвальные жизненные свойства, которые она имеет, то есть: 1) главные душевные свойства; 2) похвальные страсти, н. п. любовь, милосердие; 3) добродетели; 4) похвальные телесные свойства, н. п. красота, сила; 5) приобретенные дарования, то есть науки, богатство, слава и пр., что все в § 17 показано. В похвале места представлены бывают: 1) оного материальные свойства, § 16; 2) примечания и похвалы, достойные действия, которые на нем были и бывают; 3) ежели оно не натуральное, но созданное, н. п. город или храм, то можно присовокупить похвалу самого основателя, то есть его труды, рачение и тщивость во иждивении; 4) обстоятельства, то есть лежащие другие около места, реки, горы, поля, моря. В похвале действия исчисляются все трудности и препятствия, от места и от времени происходящие; представляется великость, польза и необходимая нужда оного, и кратко все, что из мест риторических оному прилично, присовокупить можно.

## § 125

Располагаются панегирики по той же форме, которая выше сего предложена, и только ту разность с увещательною проповедию в рассуждении частей своих имеют, что в них почти одно истолкование предлагается. Вступление должно быть цветно и приятно, тропами, фигурами и витиеватыми речьми, как драгоценными камнями, украшено; взято быть может почти изо всех мест риторических, а особливо от времени, места, обстоятельств и от лица самого ритора. Тему в панегирике приличнее предложить не просто, как в советовательных словах бывает, но украшенно и витиевато, под какою-нибудь фигурою или смешанною аллегориею, н. п., если кто хочет похвалить славного владетеля, который для пользы и благополучия своих подданных сносил великие труды, тот может в теме своей предложить, что он похвалить хочет подданного монарха или орла, малых птиц хранителя и питателя. Истолкование предлагается в панегирике тремя образы: 1) когда прежде вообще показано будет, что похвалы достойная особа, место или действие иметь должны, а потом присовокупляется партикулярно, что похваляемая особа, место или действие все оное в себе имеют; 2) когда в похвале особы поступлено будет натуральным порядком времени, исчисляя все добродетели, которые она имела в младенчестве, в юношеском возрасте, в мужестве и старости; 3) когда только самые знатнейшие свойства и добродетели похвалены бывают. Утверждения особливого как части слова панегирики не требуют, но вместо оного служат замысловато и пространно предложенные дела, свойства и добродетели. Заключение должно в себе иметь побуждение к любви и почтению похваленныя особы или места, к подражанию достохвального действия. Некоторые заключают панегирик желанием и молитвою о благополучии похваленныя особы. Иные обнадеживают оную о любви и почтении, которое к ней пород имеет. Иные поздравляют тем, что она толикими добродетельми от бога одарованна.

## § 126

Штиль в панегирике, а особливо в заключении, не меньше как и в проповеди, должен быть важен и великолепен и притом уклонен и приятен. Слов подлых и невежливых надлежит удаляться, но такие употреблять, которые чести и достоинству похваляемыя особы приличны. Во всем сложении слова должно употреблять замыслы, тропы, высокие и приятные фигуры, как отвращение, представление, разговор, вымысл. А сильных и устремительных фигур, н. п. сообщения, заятия, должно чужаться.

§ 127

Надгробное слово есть, которое в похвалу усопшего человека предлагается. Вступление бывает по большей части внезапное: 1) от жалобы, полной неудовольствия, на самую смерть, которая человека, толь всем любезного, нужного или полезного, рано нас лишила; 2) от восклицания жалостного о краткости жизни человеческой, о суетной и тщетной надежде; 3) от негодования на то, что было смерти усопшего причина; 4) от плачевныя погребальныя церемонии; 5) от обыкновения, у древних народов при погребении в употреблении бывшего. Истолкование и утверждение заключают в себе похвальные усопшего дела, почему надгробная речь не разнится от панегирика, кроме того, что в панегирике радость, а здесь печаль возбуждать должен ритор. Заключение содержит желание и молитву о упокоении и о вечной памяти усопшего или увещание к слушателям, чтобы они его добродетелям последовали, к чему присовокупляется утешение сродников. Слова и мысли должен пригробный ритор употреблять плачевные и самой материи пристойные.

§ 128

Академические речи называются те, которые говорят ученые люди в академиях публично. Они бывают: 1) при вступлении в профессорство; 2) при принятии ректорства; 3) при отложении оного; 4) при произведении в градусы; 5) при диспутах. В первом случае должно похвалить свою профессию, которую профессор на себя принимает, или избрать из оной науки, к которой он определен, некоторую трудную главу, которая еще недовольно протолкована, и, предложив в своей речи, протолковать. Во вступлении представить можно свое рачение о той же науке и оного причину, общую пользу. Заключить можно обещанием всегдашнего старания в приращении наук. Во втором и третием случае может ректор или президент похвалить академии основателя, или покровителя, или цветущее оныя состояние. В заключении увещать академиков и ободрять к большему расширению наук. Четвертого рода речь не разнится от первой. При диспутах бывающие речи больше можно назвать комплиментами, для того что в них предлагается кратко: 1) содержание диспутов; 2) учтивое призывание оппонентов перед диспутами или благодарение за полезное и мирное словопрение по диспутах.

## Глава третия

## О РАСПОЛОЖЕНИИ ПРИВАТНЫХ РЕЧЕЙ И ПИСЕМ

### § 129

Приватные речи знатнейшие и употребительнейшие суть: поздравление, сожаление, прошение и благодарение равной или высшей особе, словесно или письменно предлагаемое. В составлении и расположении оных должно наблюдать три вещи: 1) состояние особы, к которой речь говорить или письмо писать должно; 2) материю, которая предлагается; 3) состояние самого себя.

### § 130

Поздравление бывает о каком-нибудь благополучии оныя особы, которой приветствуем. Итак, по § 129 должно упомянуть: 1) радость, от оного благополучия ей происшедшую, и что она того счастия ради своих заслуг и добродетелей (которые кратко упомянуть можно) достойна; 2) присовокупить, что оное счастие ей самой или обществу, или и тому, кто поздравляет, приятно, нужно и полезно; 3) заключить тем, что о благополучии оныя особы и сам поздравитель радуется и поздравляет, желая оным чрез свой век, долговременно, по желанию оныя и пр. наслаждаться.

### § 131

Сожаления имеют в себе все прежнему противно, ибо они прилагаются при каком-нибудь противном случае, где должно: 1) о печальной особе соболезновать, что не по заслугам и добродетелям ей оное приключилось; 2) упомянуть, что сего неблагополучия и сам тот участник, который сожалеет, к чему присовокупить можно благодеяния печальныя особы, сожалетелю показанные, как причину общия с нею печали, к чему приложить можно (ежели состояние особы и несчастие требует), что от того обществу убыток учинился; 3) утешать печальную особу, что сие неблагополучие предвозвещает ей большее счастие и радость, или предложить непостоянство переменныя фортуны, которая жизнь человеческую обыкновенно обращает, или укреплять в постоянстве, чтобы несчастие сносить терпеливо и великодушно и тем показать непоколебимую свою добродетель.

### § 132

В письме или речи просительной должно: 1) представить добродетели, а особливо милость и великодушие тоя особы, которую просить должно, к себе или другим показанное; 2) присовокупить свою нужду и требование с причиною оных; 3) предложить самое прошение с обещанием почтения, благодарности и обязательства.

§ 133

Благодарственное письмо или речь состоять должно: 1) из представлений о великости самого благодеяния; 2) из похвалы благодетеля; 3) из благодарения и обещания взаимных услуг или всегдашнего воспоминания и обязательства.

## ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

# О ПРОИЗНОШЕНИИ

§ 134

Хотя предложенные правила в трех первых частях довольно служить могут к познанию изобретения, украшения и расположения слова, однако требуют они притом прилежного чтения славных и в красноречии искусных авторов и частого упражнения в сложении слов разного рода. Оным должно подражать в красном их сложении, а чрез сие привыкать к скорому изобретению, к пристойному украшению и порядочному расположению слова.

§ 135

Больше упражнения, нежели теории и предписанных правил, требует произношение, которое имеет великую силу в предложении слова, когда преизрядными замыслами наполненный ум на язык, очи, лице, руки и на весь стан ритора красоту свою изливает и свое великолепие чувствам слушателей ясно представляет. Для того, кто подлинный ритор быть желает, тот в приличном слову произношении должен часто упражняться и наблюдать следующие правила.

§ 136

Слово произносить должно голосом чистым, неперерывным, не грубым, средним, то есть не очень кричным или весьма низким, равным, то есть не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и вдруг книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить одним тоном, без всякого повышения или понижения, но, как произносимый разум требует, умеренно повышать и понижать должно и голос. В вопрошениях, в восклицаниях и в других сильных фигурах надлежит оный возносить с некоторым стремлением и отрывом. В истолковании и в нежных фигурах должно говорить равняе и несколько пониже; радостную материю веселым, печальную плачевным, просительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном. И словом, голос свой управлять должен ритор по состоянию и свойствам предлагаемыя материи.

## § 137

Каждый период должно произносить отдельно от прочих, то есть, окончив оный, несколько остановиться; части его, разделенные двоеточиями и запятыми, отделять малою переменою голоса и едва чувствительною остановкою; каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно и в один дух излишно не захватывать, ибо сие понуждает часто в непристойном месте остановиться или, несколько складов не договоря, пропустить. Ненадобно очень спешить или излишнюю протяжность употреблять, для того что от первого слова бывает слушателям невнятно, а от другого скучно.

## § 138

Что ж надлежит до положения частей тела, то во время обыкновенного слова, где не изображаются никакие страсти, стоят искусные риторы прямо и почти никаких движений не употребляют, а когда что сильными доводами доказывают и стремительными или нежными фигурами речь свою предлагают, тогда изображают оную купно руками, очами, головою и плечьми. Протяженными кверху обеими руками или одною приносят к богу молитву или клянутся и присягают; отвращенную от себя ладонь протягая, увещевают и отсылают; приложив ладонь к устам, назначают молчание. Протяженною ж рукою указуют; усугубленным оныя тихим движением кверху и книзу показывают важность вещи; раскинув оные на обе стороны, сомневаются или отрицают; в грудь ударяют в печальной речи; кивая перстом, грозят и укоряют. Очи кверху возводят в молитве и восклицании, отвращают при отрицании и презрении, сжимают в иронии и посмеянии, затворяют, представляя печаль и слабость. Поднятием головы и лица кверху знаменуют вещь великолепную или гордость; голову опустивши, показывают печаль и унижение; ею тряхнявши, отрицают. Стиснувши плечи, боязнь, сомнение и отрицание изображают.

## § 139

Больше всего должно рассуждать обстоятельства и персону, пред которою слово представляется, ибо проповедник народу предлагает слово божие со властию, и для того имеет он больше вольности употреблять в произношении голоса и тела движение. Но, напротив, того, кто читает речь похвальную пред высокою особою, тот в оных движениях должен поступать весьма умеренно и как самою речью, так управлением голоса показывать оной почтение, а особливо не должно много руками размахивать, но лучше стоять прямо, тихо и благочинно.

## § 140

А чтобы в произношении не запнуться или и совсем не стать, для того должен ритор свою речь твердо изусть выучить, к чему в некоторых риториках правила и способы предлагаются, однако, по моему мнению, не приносят они никакой пользы, кроме того, что по той тетрате, на которой речь сочинена, скорее оную вытвердить можно, нежели по переписанной. Тот скорее и больше изусть выучить может, кто часто свои и чужие слова изусть учит.

# ПРИМЕЧАНИЯ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ О МНОЖЕСТВЕННОМ ОКОНЧЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ИМЕН

## На § 4

Хотя в славенском языке мужеские прилагательные имена множественного числа в именительном падеже кончатся на *и*, однако из того не следует, чтобы в великороссийском языке имели они такое же окончение, ибо славенский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончениями речений. Например, по-славенски единственные прилагательные мужеские именительные падежи кончатся на *ый* и *ій* — *богатый старший, синій*, а по-великороссийски кончатся на *ой* и *ей* — *богатой, старшей, синей*. По-славенски: *сыновóмъ, дѣлóмъ, рýцѣ, мене, пихомъ, кланяхуся*, по-великороссийски: *сыновьямъ, дѣламъ, рýки, меня*, (мы) *пили*, (они) *кланялись*. Таким же образом и множественные прилагательные мужеские в именительном падеже славенские разны от великороссийских.

От малороссийского диалекта для установления великороссийских окончений ничего ж не следует, ибо, хотя сей диалект с нашим очень сходен, однако его ударение, произношение и окончения речений от соседства с поляками и от долговременной бытности под их властию много отменились или, прямо сказать, попортились. Итак, ежели вам в сем случае малороссиянам последовать, невзирая на общее употребление, то великороссийский язык тем больше испортится, нежели исправится. То же надлежит разуметь и о других великороссийскому сродных языках.

## На § 5 и 6

По местоимениям, именам существительным и усеченным прилагательным, во множественном числе именительном падеже кончащихся на *ы* и *и*, прилагательных мужеских множественных в именительном падеже кончиться на *и* принудить нельзя, ибо всякое надлежит к своему собственному склонению, в котором каждое от употребления положено.

Из сего всего явствует, что к постановлению окончений прилагательных множественных имен никакие теоретические доводы недовольны, но как во всей грамматике, так и в сем случае одному употреблению повиноваться должно.

## На § 8 и 9

Подлинно, что употребление множественного окончения великороссийских прилагательных имен в именительном падеже непостоянно, однако не так, как в сих параграфах предложено, ибо на *е* множественное окончение во всех родах употребительнее, нежели на *я*, что явствует во всех печатных и рукописных гражданских книгах, от великороссиян сочиненных, каковы суть уложение, указные книги и другие печатные и письменные права и указы, а на *и* окончения множественного прилагательного в книгах, от великороссиян сочиненных и переведенных, нигде видеть мне не случилось. Что ж надлежит до неявственного произношения последнего письмени в тихих разговорах, то хотя слухом и трудно распознать, однако сие бывает явно в двух случаях: 1) когда один другому издали кричит, 2) в письмах. Например, хотя в обыкновенных тихих разговорах речения *человѣкъ, сударь* произносятся глухо и почти *члекъ, сдарь,* однако в громких разговорах произносят, равно как и пишут, *человѣкъ, сударь.* Подобным образом и в произношении прилагательных множественного числа в именительном падеже всяк услышит у всех великороссиян, когда они громко говорят, и у всех увидит, которые, не думая о правилах, пишут, что оные кончатся на *е* или на *я* во всех родах без разбору, но больше на *е*, нежели на *я,* а на *и* никогда.

Итак, выведенное следствие в конце § 9 есть неправильно, ибо 1) из славенских, малороссийских и других диалектов окончение множественных прилагательных не следует, а потому и с разумом несогласнее и от него не защищается; 2) в великороссийском языке как на письме, так и в громких разговорах неупотребительно, а следовательно, и на употребление основания не имеет. Сверх сего помянутое окончение на *и* немало воспящает употреблять какофония, то есть звон, слуху противный от стечения гласных, подобное произношение имеющих, ибо легче выговорить и приятнее слышать *истинные свидѣтели,* нежели *истинныи свидѣтели.*

## На § 10 и 11

Окончение множественных прилагательных женских в именительном на *е* утверждается особливо на требуемом различии родов. Однако я рассуждаю, что такого различия родов, которого в российском языке нет, вновь замышлять не надлежит.

Наконец, мое мнение в том состоит, что введенное за 10 и больше лет в академической типографии употребление множественных прилагательных окончений мужеского на *е,* а женского и среднего на *я,* хотя довольного основания не имеет, однако свойству нынешнего великороссийского [языка не] противно. А предложенное в сих пунктах мужеское прилагательных множественных на *и* употреблению великороссийского языка противно.

Итак, лучше буду я в прозе употреблять оное как уже несколько старое, нежели сие новое и незрелое, а в стихах *е* и *я* во всех родах класть без разбору, смотря как потребует оных сложение, ибо сие свойству великороссийского языка не противно.

# ИЗ РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ

Пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу голстейн-шлезвигскому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому и прочая, милостивейшему государю.

Пресветлейший государь, великий князь, милостивейший государь!

Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим язы́кам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским язы́ком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому язы́ку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского язы́ка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском язы́ке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не язы́ку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обшир-



Russische
Grammatick

verfaßet
von
Herrn Michael Lomonoßow
Kayserl. Staats-Rath, der Kayserl.
Academie der Wißenschafften zu St. Petersburg
wirklichem Mitgliede und Professorn der Chymie,
wie auch der Kayserlichen Academie der Künste
daselbst, der Königlichen Academie der Wißen-
schafften in Schweden und der Academie
des Bononischen Instituts Ehren-
Mitgliede.

aus dem Rußischen übersetzt
von
Johann Lorenz Stavenhagen.

St. Petersburg,
Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wißen-
schafften 1764.

*Титульный лист немецкого перевода «Российской грамматики» Ломоносова*

ности — Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую. Сие невеликое дело в. и. в. принести в дар весьма бы я усумнелся, если бы оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому смелости. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она сиянием, от пресветлого имени в. и. в. приобретенным, привлекла российское юношество к своему наставлению, всеуниженнейше приношу оную в. и. в., преисполнен истинного веселия о всевожделенном течении вашего здравствования, преисполнен усердного желания о многолетнем оного продолжении. Всевышний промысл, споспешествующий попечению о вас великия Елисаветы и дражайших родителей в. в., да благоволит укрепить ваше младенчество, просветить отрочество, возвеселить юношество, прославить мужество и продолжить в бодрости премудрую старость. И когда под вышнего рукою лета ваши процветая купно с общею нашею радостию возрастают, да возрастет и российского слова исправность в богатстве, красоте и силе, к описанию славных дел предков ваших, к прославлению благословенного дому Петрова и всего отечества, к удовольствию в. и. в. и ваших потомков, которых число да продолжит господь непрерывно вовеки, от искренней верности желаю, пресветлейший государь, великий князь, в. и. в. всенижайший раб

Михайло Ломоносов

Сентября 20
1755

# О НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ СЛОВЕСНЫХ НАУК В РОССИИ

Коль полезно человеческому обществу в словесных наук[ах] упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы. Умолчав о толь многих известных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства или науками, особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей. Военную силу ее чувствуют больше соседние народы, употребление языка не токмо по всей Европе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам, как единоплеменным, для сообщения их по большой части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетеньем хотят прослыть искусными и, охуждая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно. Примеров далече искать нет нам нужды: имеем в своем отечестве. Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствуют довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

# ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитаются, о том довольно свидетельствуют сло-

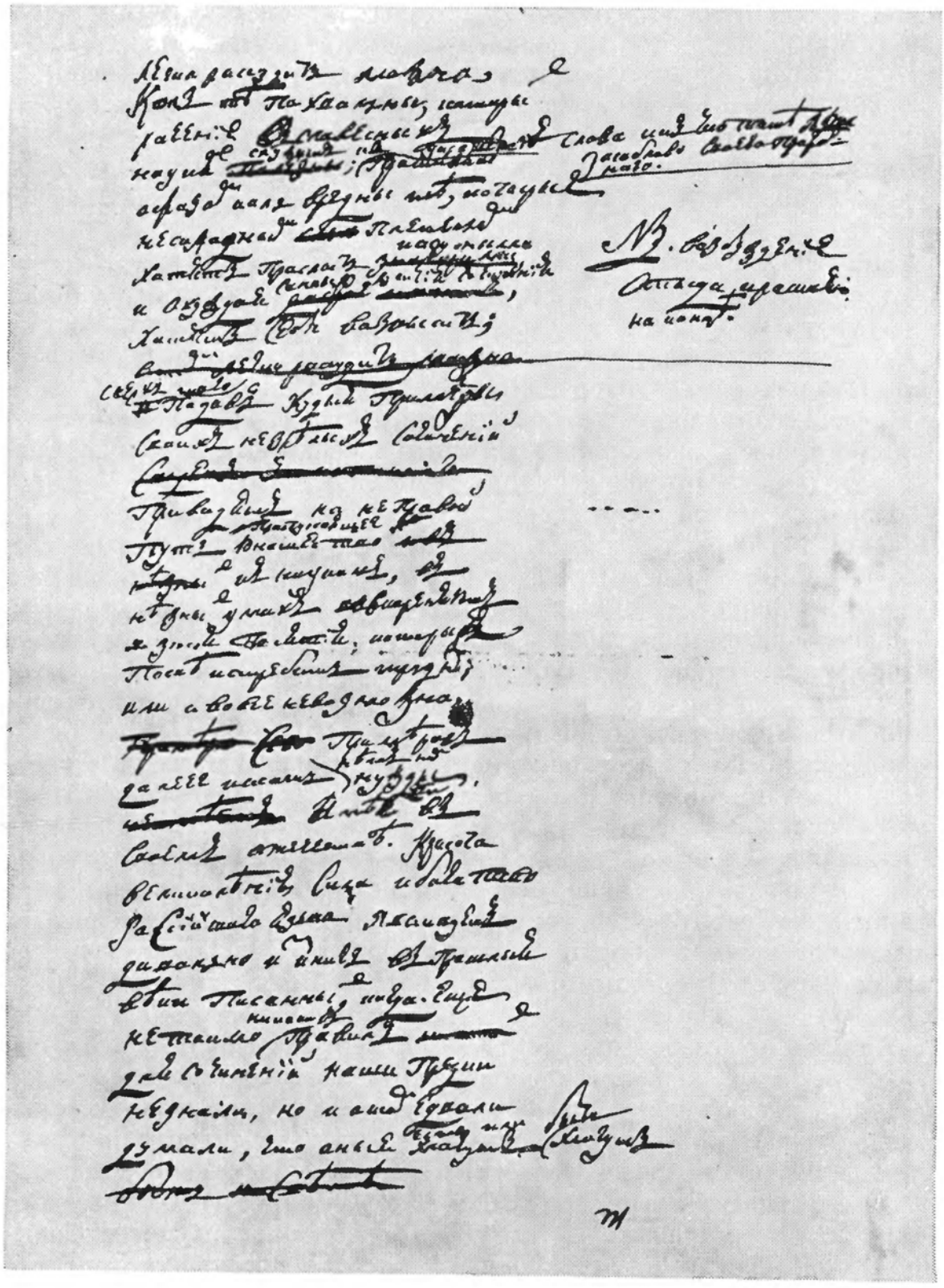
весных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При сем хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большой части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось и произошли искусные писатели. Напротив того, в католицких областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю.*

Ко второму принадлежит, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю.* Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.



*Страница из рукописи «О нынешнем состоянии словесных наук в России» Ломоносова*

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь.* Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат однем речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя

велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

1) По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание; чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний язык ишпанский, галский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздные потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастие оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда притти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Виргилиям и Горациям? Царствует Авгу́ста Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечный залог усердия к отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

# ПОЭЗИЯ И ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА



## ОДА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

1

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключь молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом в низ с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

2

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр Музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастильской очи.
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери.
Где всходит день по темной ночи.

3

Корабль как ярых волн среди,
Которыя хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити,
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,—
К Российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы Татар;
Скрывает небо конский пар!
Чтож в том? Стремглав без душ валятся.

4

Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом.

5

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрый ток на огнь дерзает.

6

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов здирает;
Но чтоб орлов здержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухия степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

7

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть
Желает для щастливой Анны.
Уже ваш к Ней усердный жар
Быстро́ проходит сквозь Татар,
И путь отворен вам пространный.

8

Скрывает лучь свой в волны день.
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух Татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в Турецкий полк.
Иной, в последни видя зо́рю:
«Закрой,— кричит,— багряной вид
И купно с ним Магметов стыд,
Спустись поспешно с солнцем к морю».

9

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странный шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь;
Небесная отверзлась дверь;
Над войском облак вдруг развился;
Блеснул горящим вдруг лицем,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

10

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны Россам стены?
И Персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к Готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь Его скакал,
Когда Он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам деннщу.

11

Кругом Его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, Сей при вас
Селима гордаго потряс,
Наполнил степь голов поганских.


СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ
Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.
КНИГА ПЕРВАЯ
второе изданіе съ прибавленіями.
Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1757 года.

*Титульный лист Полного собрания сочинений Ломоносова. 1757 г.*

**12**

Герою молвил тут Герой:
«Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целый свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,

Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух нечует.

13

Крутит река Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и мечь, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови другов своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

14

Шумит с ручьями бор и дол:
«Победа, Росская победа!»
Но враг, что от меча ушол,
Боится собственнаго следа.
Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И Россов плеску отвещает;
Ярясь волнами, Турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь
В последний раз заносит ногу.
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

16

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? Где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тот час чаял победить;

Яны́чар твой свирепо злился,
Как Тигр на Росский полк скакал.
Но что? Внезапно мертв упал,
В крови своей пронзе́н залился.

17

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, Агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря,
К своим любовию горя,
Вам казнь и милость обещает.

18

Златой уже десницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От встока скачет посту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал
Коль долго круг веков катится».

19

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветр не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадо́в,—
Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

20

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,

Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух серца кичливы.

21

О как красуются места,
Что иго лютое сброси́ли
И что на Турках тягота,
Которую от них носили;
И варварския руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже́ несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

22

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам недала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп згорит,
Обставят Росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

23

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском проницает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги.
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль Ея заслуги.

24

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчаеб Фивы обвинили,
За тем что о победах сих
Ониб громчае возгласили,

Как прежде о красе Афин.
Россия, как прекрасный крин,
Цветет под Аннииной державой.
В Китайских чтут Ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

25

Россия, коль щастлива ты
Под сильным Аннииным Покровом!
Какия видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных нестрашися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык ярясь грызет;
То наша радость презирает.

26

Козацких поль заднестрской тать,
Разбит, прогнан, как прах, развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницой, где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Ни где незнал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

27

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Салдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит,
И Ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

28

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь брегов

Надежда, радость и Богиня.
Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит, что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул не красной стих
В подданства знак Твоей державе.

## УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

1

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!

2

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло приближившись возреть,
Тогдаб со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

3

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

4

Сия ужасная громада —
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

5

От мрачноїї ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»

6

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

7

Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

## ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКАГО СЕВЕРНАГО СИЯНИЯ

1

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

2

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом, как перо, огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

3

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

4

Но гдеж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнцель ставит там свой трон?
Не льдистыль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

5

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

6

Что зыблет ясный ночью лучь?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных тучь
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы раждал пожар?

7

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в ефир.

8

Сомнений полон наш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажитеж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажитеж, коль велик Творец?

# ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

1

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

2

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земныя красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме Той всего превыше;
Душа Ея Зефира тише
И зрак прекраснее Рая.

3

Когда на трон Она вступила,
Как Вышний подал Ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец,
Тебя прияв облобызала:
«Мне полно тех побед,— сказала,—
Для коих крови льется ток.
Я Россов щастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток».

4

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас.

О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик,
Когда Ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт Твоих прекрасный лик!

5

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения Твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает:
Он брег с весельем оставляет,
Летит корма меж водных недр.

6

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет Лира восхищенна
Гласить велики имена.

7

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства Он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

8

В полях кровавых Марс страшился,
Свой мечь в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чюдился,
Взирая на Российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с онаго пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

9

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему Монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в Российском роде новы
Чистейшаго ума плоды».
Монарх к Себе их призывает;
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

10

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный Муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

11

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, естьлиб жизнь Ея продлилась,
Давноб Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой.

12

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнасс?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
«Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство Муз усугубляет
И к щастью отверзает дверь».

13

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полка́х со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ея мешает
Плачевный побежденных стон.

14

Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля Свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью Твоей цветет.

15

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в щастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Инди́я;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату́ очистит жилу,
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

16

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напаяет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

17

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокия леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком,
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

18

Широкое открыто поле,
Где Музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар Твой до небес прославим
И знак щедрот Твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В Твою державу от Манжур.

19

Се мрачной вечности запóну
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм!
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

20

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

21

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием,
Сребро и злато истекает
Во всем наследии Твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневнаго светила
Он мрачный отвращает взор.

22

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать.

23

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В щастливой жизни украшают,
В нещастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и на едине,
В покое сладки и в труде.

**24**

Тебе, о милости Источник,
О Ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
С числом щедрот Твоих сравнит.

# СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ГОВОРЕННОЕ НОЯБРЯ 26 ДНЯ 1749 ГОДА

Естьли бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в которой под благословенною державою всемилостивейшия Государыни нашея покоящиеся многочисленные народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространнаго Ея Владычества и слышать от восходящаго до заходящаго солнца беспрерывно простирающияся восклицания и воздух наполняющия именованием Елисаветы, коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось! Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градех крепче миром, нежели стенами, огражденных, в селах, плодородием благословенных, при морях, от военной бури и шума свободных, на реках, изобилием протекающих между веселящимися брегами, в полях, довольством и безопасностию украшенных, на горах, верьхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах, радостию препоясанных, разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разныя племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся. Там, со благоговением предстоя олтарю господню, чин священный с курением благоуханий возвышает молитвенные гласы и сердце свое к богу о покрывающей и украшающей церьковь его в тишине

глубокой; инде при радостном звуке мирнаго оружия достигают до облаков торжественные плески Российскаго воинства, показующаго свое усердие к благополучной и щедрой своей Государыне. Там, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане в любовной беседе воспоминают труды Петровы, совершаемые ныне бодростию августейшия его Дщери; инде, по прошествии плодоноснаго лета при полных житницах ликуя, скачут земледельцы и простым, но усердным пением Покровительницу свою величают. Там плаватели, покоясь в безопасном пристанище, в радости волнение воспоминают и сугубым веселием день сей препровождают; инде, по пространным полям Азийским разъежжая, степные обитатели хитрым искусством стрелы свои весело пускают и показуют, коль они готовы устремить их на врагов своея Повелительницы. Но хотя естественны пределы сил человеческих не дозволяют радостному взору нашему до толикаго возвышения достигнуть и толиким зрением насладиться, однако духом возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаем и всеобщия увеселения повсюду видим умными очами, которыя наипаче к древнему царствующему граду, вожделенным присутствием Всепресветлейшия Государыни нашея осиянному, простираются. Часто мысленный взор наш, обозрев разные торжеств образы, благословенное Ея владение в день сей украшающие, на пресветлое Ея лице обращается и рассеянныя повсюду увеселения на нем едином находит. На нем истинное благочестие, веселящее церьковь, на нем мужественную бодрость, укрепляющую воинство, на нем кроткое правосудие, пример судящим и отраду судимым дающее, на нем прозорливую премудрость, на отдаленныя места и на грядущия времена взирающую, ясно и в отсутствии видим и равно как в присутствии благоговейно почитаем. Но кто ревностным усердия зрением яснее оный видит, как сие, для распространения наук в России Петром Великим установленное общество, несказанным Ея великодушием обновленное? Ни горы, ни лесы закрыть не могут божественнаго Ея зрака, начертаннаго в душах наших. Обращаются пред нами живо Ея сладчайшия уста, повелевающие нас восставить, и очи, человеколюбно к нам сияющия, и щедрая рука, подписующая благополучие наше. Ободрить начинающияся науки, не щадя своих иждивений, утвердить их благостояние, предписав полезные законы, оградить своею милостию, приняв в собственное свое покровительство, отворить им к себе свободной доступ, поручив их доброхотному Предстателю из своих ближайших,— есть толь великое благодеяние, которое в мыслях и сердцах наших во веки незагладимо пребудет и за которое мы, по всей возможности и силе нашей стараясь о приращении наук и превознося великую благодетельницу похвалами, делом и словом благодарение приносить должны.

Но когда наипаче к изъявлению благодарности нашей должно быть нам возбужденным, как в сей торжественный день пресветлым Ея на Отеческий престол восшествием осиянный, в который с нашим особливым веселием общее празднество соединяется? Не может неописанная радость наша в тесных пределах сердца ныне удержаться, но на лице и на язык изливается. Напрягаются крайние силы разума и слова изобразить Монаршеския Ея добродетели, увеселение подданных, удивление света, славу и украшение времен наших.

Велико дело и меру моего разума превосходящее предприемлю, когда при толь знатном собрании именем сего ученаго общества за несказанное благодеяние величайшей на свете Государыне благодарение и похвалу приносить начинаю. Но, рассудив прилежно, обретаю оное легко и способно, ибо где обильнейшую материю сыскать красноречие, где обширнее разпространиться разум, где быстрее устремиться искренняя ревность может, как в преславных добродетелях толь великия Монархини? Когда язык мой, щедротами Ея ободренный, удобнее обращаться, когда голос мой, великодушием Ея укрепленный, громчае возвыситься может, как проповедуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканием многословнаго мыслей распространения увеличено, не витиеватым сложением замыслов или пестрым преложением речений украшено, ниже риторским парением возвышено будет сие мое слово, но все свое пространство и величество от несравненных свойств Монархини нашея, всю свою красоту от прекрасных Ея добродетелей и все свое возвышение от устремления к Ней искренния ревности примет, ибо приносится благодарение Государыне благочестивейшей — свидетельствуют созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощения, молебства и трудныя путешествия благоговения ради; приносится благодарение Государыне мужественной — свидетельствуют над внутренними и внешними врагами Ея преславныя победы; приносится благодарение Государыне великодушной — свидетельствуют прощенныя преступления внутренних и продерзости внешних неприятелей и кроткое наказание Ея злодеев; приносится благодарение Государыне премудрой — свидетельствуют прозорливо предприемлемыя учреждения, внутреннее и внешнее спокойство утверждающия; приносится благодарение Государыне человеколюбивой — свидетельствует матернее к подданным Ея снисходительство и возлюбленная к ним кротость; приносится благодарение Государыне премилосердной — свидетельствует безчисленное множество свобожденных от смерти и данный Ей от бога мечь на казнь повинных, кровию еще не обагренный; приносится благодарение Государыне прещедрой — свидетельствует преизобильное снабдение верности, избыточествующее заслуг награждение, споможение добродетельной скудости и восстановление нещастием раззоренных. В приятном и великолепном раю

разум мой ныне обращается и от одной цветущей добродетели отвлекается красотою другия! Все преславны, все прелюбезны. Изо всех явствует, коль благороден есть корень, от котораго сей насажденный добродетельми виноград произрасши процветает. Изо всех достоинств Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, восставленная, укрепленная, возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит, которых славныя дела и заслуги к отечеству неменьше надлежат к похвале Ея Величества, нежели кровь оных к Ея рождению послужила. Для того описал бы я ныне вам младого Михаила, для стенания и слез прадедов наших приемлющаго с венцем Царским тяжкое бремя поверженныя России, обновляющаго рассыпанныя стены, сооружающаго раззоренные храмы, собирающаго расточенных граждан, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступных хищников Российскаго престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исцеляющаго; изобразил бы я ныне премудраго и мужественнаго Алексея, бодрым своим духом ободряющаго Россию, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучие подданных спасительными законами, полки военною наукою, церьковь истреблением ереси, простирающаго победоносный мечь свой на Сармацию и России издревле принадлежащия великия княжества праведным оружием России возвращающаго; представил бы я Петра именем Великаго, делами большаго, влиянною себе от Бога премудростиею просвещающаго Россию и мужеством вселенную устрашающаго, единою рукою мечь и Скипетр обращающаго, к художествам простирающаго другую, правлением всех земных Монархов, трудами рабов своих превосходящаго, искореняющаго невежество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новым флотом покрывающаго, военные свои законы собственным примером утверждающаго и славу свою со славою отечества до небес возносящаго; начертал бы я в умах ваших Героиню, прекрасную Августейшую Екатерину, среди варварских набегов, среди гремящаго оружия, среди шумящих ядр непоколебиму духом, премудрому Государю премудрые советы дающую, венчаему потом Его рукою и пресеченныя смертию предпринятыя дела многотрудившагося Российскаго Геркулеса на рамена свои приемлющую; но слово мое к собственным добродетелям и достоинствам Монархини нашея поспешает; на них единых истощит всю свою силу, не исчисляя подробну, но токмо знатнейшия представляя. Того ради не изображаю словом блистающия лепоты лица Ея, являющия прекрасную душу, ни сановитаго возраста, Монархине приличнаго, ни величественной главы, к ношению венца рожденной, ни уст, щедроту источающих, ни очей, возрением оживляющих, ибо ко всем человеколюбивая Государыня взор свой обращает.

Всяк видит, всяк в уме своем изображает, что так Великий Петр обращал свои очи, взирая на обновляющуюся Россию; так произносил свой голос, укрепляя воинство и ободряя к трудам подданных; так простирал Свою руку, учреждая художества и науки, повелевая устроить полки ко брани и выходить флоту в море; так возносил главу въежжая в побежденные грады и попирая поверженное неприятельское оружие; толь бодро шествовал, осматривая свои начинающиеся стены, строящиеся корабли, исправляющиеся суды и среди моря со дна востающия пристани и крепости; не представляю внешних Монархини нашея достоинств, но внутренния душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарования, которых лику предходит любезное Богу, любезное человеком благочестие, крепкое утверждение государств, красота венцев Царских, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединение человеческаго общества. Коль великия нестроения, брани и человекоубийства в народах единой крови и единаго языка от разделения веры происходят, толь, напротив того, крепко взаимным любви союзом сопрягает их единство веры, которая, хотя много учением, однако больше примерами укрепляется. Благополучна Россия, что единым языком едину веру исповедует и, единою благочестивейшею Самодержицею управляема, великий в Ней пример к утверждению в православии видит. Видит повсюду, как звезды небесныя, блистающия и Ею сияние свое умножающия церькви; с удивлением взирает, что толь многих государств Повелительница, которой земля, море и воздух к удовольствию служат, часто, твердостию веры укрепляема, строгим пощением и сухоядением тело свое изнуряет, которой не токмо великолепныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сынов Российских к ношению готовы, вперенна усердием купно с подданными далекий путь к местам священным пешествует. Коль горячим усердием воспаляются сердца наши к Вышнему и коль несомненно милосердия Его себе ожидаем, когда купно с нами предстоящую и молящуюся с крайним благоговением свою Самодержицу пред очами имеем! Коль мужественно дерзают против сопостатов Российские войны, зная, что Бог, крепкий во брани, Бог, благочестивейшую их Государыню любящий, купно с ними на сражение выходит! Коль великою радостию восхищаются места священныя, посещаемыя часто Ея богоугодным присудствием! Украшенная святым Ея усердием, аки невеста, в день брачный торжествующая, Российская церьковь, блистая порфирою и златом и паче радостию сияя, возвышается, окруженна славою, к пресветлому жениха своего престолу и, показуя ему свое великолепие, вещает: «Так украшает меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета — украси державу и венец Ея не увядающею добротою славы; возносит рог мой в поднебесной — вознеси Ея над всеми обладательми земными; посещает меня посещением усердным — посети Ея благодатию

твоею неотступно; утверждает столпы мои в России — утверди здравие Ея непоколебимо; споспешествует мне в побеждении неверия — споспешествуй Ей в побеждении гордых и завистливых сопостатов и благословением твоим и силою твоею свыше осени Ея воинство». Сему священному церькви святыя гласу согласуется всех подданных желание; по сему веруем, что непобедимый благочестивых поборник славы, Господь, во всех предприятиях и делах Августейшия Единодержицы нашея есть предводитель и защитник, и высокою десницею своею управляет Ея мужество, которому ни внутрь России вкоренившиеся, ни отвне наступающие неприятели не могли стать противу. Сии побеждены в едино лето, а оные в едину ночь низвержены. Окруженный крепкою стражею венец отеческий и Скипетр, сильною рукою держимый и великою властию объятую Россию взять в свое повелительство, есть дело и мужескому сердцу страшное, и великому Герою едва преодолимое. Но Богом предводимая Героиня наша с малым числом верных сынов отечества презирает все препятства, без пролития крови торжествует и к общей нашей радости приемлет свое наследство. Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, когда себе представляю, что предходит со крестом Девица, последуют вооруженные воины. Она отеческим духом и верою к Богу воспаляется, оне ревностию к Ней пылают; Она исполнить желание всех Россиян, они изволения Тоя совершить поспешают; Она, приближаясь к победе, кровопролитной победы не желает, они всему свету стать противу за Оную усердствуют. Но что сему последует? Омертвели стрегущие, видя пришествие Петровой Дщери, и бесчувственное оружие пред законною своею Государынею, из трепещущих рук падши, преклонилось! Просветился Монаршеский дом Ея входом, воссиял престол вступлением, и веселящимся Россиянам казалось, что и стены Петровы двигались, радостию оживленны. Ужаснулись тогда вероломные Балтийские бреги, приступающие уже к пределам нашим кичливые сопостаты оцепенели и, завистливый взор свой вспять обращая, больше о бегстве, нежели о сражении помышляли. Изображался в устрашенных умах их Петр Великий, в мужественной Своей Дщери живущий, представлялись им отцы их в мысли, лежащие в крови своей на полях Полтавских, и многия тысячи их народа, ведомаго в плен на отделенныя половиною света степи; мечтались им горящие их грады и веси, приготовленныя Российския галеры ходить по сýху, как по морю, Российския галеры и выежжающие против них из волн морских всадники. Правда, что побеждены уже были неприятели при стенах Вильманстрандских, однако сражение было жестоко; чувствовали храбрыя Российския руки сопротивление, и победа куплена немалым пролитием крови. Но когда Отеческий скипетр и мечь приняла мужественная Елисавета, тогда, как некоторым бурным дыханием возметаемы, неприятели с трепетом в бегство обра-

тились и при защищениях своих, при крепких стенах, при непроходных за́секах и при реках, быстрыми водами стремящихся, не токмо противиться не дерзнули, но и оглянуться на них едва смели, видя, что ни топкия болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крутыя не могут препятствовать праведному Елисаветину гневу и ревности молниеносных Ея воинов. Наконец, так утеснены отвсюду, так окружены были морем и землею от Российской силы, что естьли бы не толь великодушную Победительницу имели, то никто бы из них спасен не был и о конечной бы их погибели в отечестве их возвестить было некому, кроме звучныя славы Ея Величества. Сия победа тем паче протчих была предивна, что казалось, якобы и Марс, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидел пролития человеческия крови, и вся Европа рассуждала, что Россия не войну с непреятельми имела, но токмо продерских вероломцов за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитает поступать со врагами великодушно. Сего не токмо при совершенном внешних неприятелей посрамлении, но еще во время преславнаго Ея на Отеческий престол вступления великий пример над внутренними сопостатами Ею показан. Прибегла к Ней смущенная Россия и гласом избранных сынов своих вещала: «Приими меня в материя Твои объятия, приими наследную Твою державу и врожденным Тебе бодрым Отеческим духом презирай все препятства. Надейся на Бога — он праведному Твоему предприятию предводитель будет. Надейся на Себя — Ты едина истинная наследница. Ты Дщерь моего Просветителя. Надейся на меня — я все свои силы подвигну к Твоему защищению и чрез главы и трупы Твоих неприятелей отворю путь к престолу». Но великодушная Государыня паче изволила наследной Своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролитием крови, и, наконец, больше опасаясь бедствия Отечеству, нежели себе Величества желая, склонилась к правлению или вящше к сохранению государства. Восшед на высоту толикия власти, отлучившим Ея от законнаго наследства, согрубившим неистовою гордостию и бессовестным утеснением огорчившим кое мщение наносит? По закону Божию, по государственным правам и по желанию Российскаго народа на лютую смерть и на растерзание осужденных токмо отдалением от пресветлаго лица Своего наказует, недостойных жизни токмо самовольныя жизни лишает и великое восшествия Своего геройское дело украшает крайним Своим великодушием, которым так обильно одарена Монархиня наша, что оное в пространной России не вмещается, но истекает и ко внешним народам. Побеждена Швеция Ея оружием, но больше побеждена великодушием; страшится Ея непобедимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу, ибо, приобретши толь великия преимущества, непобедимая Государыня с побежденными в конец мир заключает, но,

справедливее сказать, преступившим вину прощает. Кто всю врага своего силу в руках имеет и всю свою волю над ним исполнить может, однако отдает все обратно и уже поверженнаго и противиться не могущаго восставляет,— тот не больше ли прощает, нежели примиряется? Но далее простирается прехвальная сия Монархини нашея добродетель, бóльший пример великодушия показует Российская Героиня, ибо, не токмо отпустив врагам своим предерзость, мир, и тишину, и земли покоренныя возвращает, но и оружие свое простирает к их защите, отвращает с другой страны грозящую им войну и наследство их престола купно с вольностию утверждает. Сие рассуждая и взирая на цветущее состояние Российскаго государства, на изобилие пространнаго нашего Отечества и на умеренность, которою Государыня наша толикое множество поклоняющихся Ей народов управляет, возможно ли помыслить вам, соседы наши, чтобы Ея благородное сердце к присвоению чужих земель склонилось? Имеющая толикое пространство полей плодоносных болот ли непроходимых пожелает? Простирающая Скипетр Свой на протекающия в Ея послушании изобильныя и великий Нил превосходящия реки на зыбучие ли мхи польстится? Господствующая в земли, мед и млеко точащей, на камни ли неплодные с желанием взирать будет? Что храброе Российское воинство ко брони устроено, что флот готов к покрытию вод Балтийских, что все военныя приуготовления успевают,— сие все не войну, от России наносимую, предвозвещает, но показует премудрость прозорливыя нашея Героини. Искусный мореплаватель не токмо в страшное волнение и бурю, но и во время кротчайшия тишины бодрствует, укрепляет орудия, готовит парусы, наблюдает звезды, примечает перемены воздуха, смотрит на восстающия тучи, исчисляет расстояние от берегов, мерит глубину моря и от потаенных водою камней блюдется. Подобным образом премудрая Елисавета, хотя радуяся взирает на своих подданных, наслаждающихся дарованным от Ней возлюбленным покоем, однако и о будущей их безопасности печется: ограждает их распростертым по земли и по морю оружием и тех, которые мечем не могут, мыслями воюющих проницательным оком назирает; открывает потаенныя тихими струями лести неприятельския коварства; рассуждает о прошедшем, рассматривает настоящее и будущее предвидит. Того ради, естьли кто из завистников благополучия нашего дерзнет неистовым или коварным озлоблением миролюбивое Монархини нашея сердце на гнев подвигнуть, то познает о всем премудрый Ея промысл и, хотя он пространными морями, великими реками или превысокими горами от нас покрыт и огражден будет, однако, почувствовав свое наказание, помыслит, что иссякло море, прекратили течение реки и горы, опустившись в равныя поля претворились; помыслит, что не флот Российский, но целая Россия к брегам его пристала. Покойся в радости, возлюбленное

отечество, и безмятежным веком под кровом премудрыя Твоея Повелительницы наслаждайся. Коль безопасно твое благополучие! Коль несравненно с протчими твое блаженство! Другие на дымящияся развалины раззоренных от неприятеля градов своих со слезами взирают, но ты на восходящия к облакам новыя великолепныя здания радостный взор возводишь. Другие, день и ночь страхом объяты, трепещут, видя с обнаженными мечами бегающих друг за другом граждан и единородную кровь по стогнам проливающих, но ты единодушных сынов единыя общия всех Матери согласным подданством украшаешься. Иные от пресечения купечества, от разрушения художеств, от попрания земледельства наготу и алчбу претерпевают, но в тебе купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатством торжища, возрастают науки и художества, и житницы твои преизобилуют. Иные, хотя от военнаго шума и страха свободились, однако видят плачевные следы своих сопостатов, и суровый оных вид ясно еще изображается в их мыслях, но тебя, в беспрерывной тишине покоящуюся, ниже́ в сонных привидениях военные страхи возмущают. Сие твое дражайшее и святое спокойство от единаго премудраго попечения прозорливыя твоея Государыни происходит. Ея провидение и промысл довольствует тебя изобилием, увеселяет общим согласием, обогащает купечеством и безмятежным земледельством, украшает возлюбленным миром и громкою славою вселенную наполняет. Сие совершенное наше удовольствие, общее увеселение, обильное обогащение, приятное украшение, сию всемирную нашу славу умножает несравненная Монархиня божественным Своим человеколюбием, когда, возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человеческое могущество превзотти не может, крайним к подданным Своим снисходительством превыше смертных жребия восходит. Что приятнее человеческому сердцу и что чрезвычайнее на свете быть может, как Государыню, Повелительницу величайшей части света, от всех племен и владык земных почитаемую, ласковым взором, кроткою беседою и милосердным приятием рабов своих удостоевающую видеть? Но мы таковым приятным зрением услаждаемся по вся дни. Отличается человеколюбивая Государыня наша от великаго множества окружающих Ея подданных не кичливым возрением, не уничтожительным гласом, не страшным повелением, но прекрасным Величеством, тихою властию, благородным снисходительством и некоторою божественною силою, вливающею несказанную радость в сердца наши. Обращается при вратах пресветлаго Ея дому не ужас и трепет, но кроткое человеколюбие, привлекающая сердца всех милость и надежный страж Величества — верная любовь подданных. Входящие в него не озираются беспрестанно, стен самих ужасаясь, ниже́ трепещущия стопы́ сомнительно простирают, но предваряющему их веселию едва в след успевая, в священныя Ея чертоги светлым

лицем шествуют. Нет нужды испытать сокровенныя их мысли: является на каждаго очах красота общаго удовольствия и на распростертых челах радостных сердец знаки написаны. Коль приятным чувствием обливаются сердца взирающих на толь снисходительное Величество! И кое прохлаждение втекает в кровь оцепеневающих повинных, когда о милосердии своея Государыни помышляют, к котораго изображению человеческое слово едва довольно быть может! Ничто есть толь похвально, как кротость, ни единой добродетели благоутробия нет любезнее, ничем естество человеческое к божественным свойствам не подходит ближе, как прощением повинных и свобождением от надлежащей казни. Но где велегласнее милость на суде хвалится, где крепче объемлется правосудие и милосердие, где обвинение и прощение теснее сопрягаются, где осуждение и свобождение союзнее друг друга лобзают, как пред высочайшим Ея Величества престолом? Пускай другие, лишая жизни, обагряя мечь свой кровию, умаляя число подданных, повергая пред народом растерзанные человеческие члены, устрашить злых и пороки истребить тщатся, но премилосердая Монархиня наша больше благоутробием и щедротою успевает. Пускай другие ужасными, но Мати Российская радостными примерами исправляет человеческие нравы. Иные строгою и нередко бесчеловечною казнию хотят искоренить злобу, но Она щедрым награждением вкореняет добродетель. Естьли кто, имея великий сад, только об одном истреблении терния печется, забыв плодоносныя древа и прекрасные цветы напаять потребною влагою, тот не в долгом времени увидит древá свои сухи и бесплодны и цветы, увянувшие от зноя. Напротив того, кто древа плодоносныя и процветающия травы в пристойное время орошает, презирая плевы и токмо прохождением попирая, тот насладится изобилием древ плодоносных и красотою цветов возвеселится, которые усилившись иссушат тучность и соки негодных и вредных прозябений, прекратится тех ращение и корень истлеет. Подобным образом, хотя и полезно есть строгое над повинными исполнение законов, но без награждения добродетели тщетно и больше приводит в уныние добрых, нежели злых исправляет; напротив того, награждение добродетели и снабдение заслуг при кротком наказании пороков едино сильно, едино к исправлению нравов человеческих довольно, ибо, чувствуя себя презренных и попранных злые и видя возвышенную добродетель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистью угрызаемы истают или, обратившись ревностным подражанием того же, достойными себя учинить стараться будут. Таковым благоразумным милосердием щедрая Государыня в широко распростирающейся России расплодить добродетель и пороки искоренить тщится! Наказует матерски, Монаршески снабдевает, исправляет без строгости, с избытком награждает, воскрешает избавлением преступивших, заслуживших благодеянием ободряет.

Таковую Ея Величества особливую добродетель хотя всяк верный подданный, хотя все российское государство чувствует, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливает, так что скорее голос мой ослабеет, язык притупится и слово оскудеет, нежели подробну Ея благодеяния исчислит, однако, учрежденное от дражайших Ея Родителей сие собрание, великодушным щедролюбивыя Государыни призрением так удовольствовано и так снабдено, что, крайнейшею благодарностию усердствуя, ни вящшаго себе благополучия представить, ниже к засвидетельствованию своего удовольствия и рабской искренности удобных способов изобрести может. Сие благодеяние тем больше, тем преславнее и Петровой Дщери достойнее, что не токмо до нас единых, не токмо до учащагося здесь юношества, но до всякаго чина и звания, до всего Российскаго государства, до всего рода человеческаго касается, ибо не токмо мы, довольствуясь Ея Величества щедротами, иные в откровении естественных таин и в исследовании пречудных дел премудраго Создателя в спокойстве услаждаемся, иные, преподая наставление учащимся, с радостию чувствуем являющиеся плоды трудов наших; не токмо учащиеся, питаемы обильною Ея рукою, без попечения о своих потребностях только о научении стараться могут, но общее благополучие предлагается. Нет ни единаго места в просвещенной Петром России, где бы плодов своих не могли принести науки; нет ни единаго человека, которой бы не мог себе ожидать от них пользы. Что святее и что спасительнее быть может, как, поучаясь в делах Господних, на высокий славы его престол взирать мысленно и проповедывать его величество, премудрость и силу? К сему отворяет Астрономия пространное рук его здание: весь видимый мир и чудных дел его многообразную хитрость Физика показует, подая обильную и богатую материю к познанию и прославлению Творца от твари. Что полезнее есть человеческому роду к взаимному сообщению своих избытков, что безопаснее плавающим в море, что путешествующим по разным государствам нужнее, как знать положение мест, течение рек, расстояние градов, величину, изобилие и соседство разных земель, нравы, обыкновения и правительства разных народов? Сие ясно показует География, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергает. Чем военныя сердца вящше к мужественному против врагов действию и к храброму защищению отечества побуждаются, как славными примерами великих Героев? Сии приводит на память История и Стихотворство, которое, прошедшия деяния живо описуя, как настоящия представляет: обоими прехвальныя дела великих Государей из мрачных челюстей едкия древности исторгаются. Что превосходнее себе представить можно, как такое средство, которое управляет разум, показует непрелестный путь произволению, укрощает человеческия страсти и естественные и гражданские законы утверждает? Сие исполняет философия. Что есть

человеку жизни своей дороже и что любезнее здравия? Обои сии Медициною сохраняются и продолжаются. Что в человеческом обществе нужнее есть употребления разных махин и знания внутренняго вещей сложения? Сие открывает Химия, Механика опыя составляет. Все сии точною и осторожною Математикою управляются. Все к приращению блаженства человеческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служат. Но все сии чрез особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодеяние в России умножатся, процветут и принесут обильные плоды в свое время. Произрастет здесь насажденное Петром, огражденное милостию и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя Дщери прекрасное премудрости древо, возрастет и ветьви свои распростpет по всей вселенной. Отверста богатою Ея Величества рукою широкая дверь наукам в пространную Россию, в которой оне, во всяком довольствии и в полной безопасности распростираясь, новое приращение, новое украшение, новое просвещение и новую славу приобрящут и в новом великолепии на нечаянной высоте, на самом верьху своего совершенства поставленных себя всему свету покажут и полным своим сиянием оставшуюся ночь варварства из самых отдаленных и ныне еще едва известных мест рассыплют; ибо где удобнее совершиться может звездочетная и землемерная наука, как в обширной Ея Величества державе, над которою солнце целую половину своего течения совершает и в которой каждое светило, восходящее и заходящее, в едино мгновение видеть можно. Многообразные виды естественных вещей и явлений где способнее исследовать как в полях, великое свое пространство различным множеством цветов украшающих, на верьхах и в недрах гор, выше облаков восходящих и разными сокровищами насыпанных, в реках, от знойныя Индии до вечных льдов протекающих, и на многих пространных морях, полных дивными Божиими чудесами, под Елисаветиною державою волны свои преклоняющих? Где безопаснейшее жилище Музы обрести могут, как в пространной и безмятежной России, прозорливостию Монархини нашея успокоенной и непобедимою Ея силою огражденной? О, коль великое благодеяние от сего Монархини нашея щедролюбия во весь свет распространится! О, коль вожделенно благополучие ваше, Российские юноши, которые толико милостию щедрыя Государыни питаемы, в радостных трудах упражняетесь! Представьте себе будущее ваше состояние, к которому вы избраны, со благоговением внимайте, что Августейшая Императрица, довольствуя вас своею казною, матерски повелевает: «Обучайтесь прилежно. Я видеть Российскую Академию, из сынов Российских состоящую, желаю; поспешайте достигнуть совершенства в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение Моих Родителей, сего Мое произволение требует. Не описаны еще дела Моих предков и не воспета по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь в обогащении

разума и в украшении Российскаго слова. В пространной Моей державе неоцененныя сокровища, которыя натура обильно производит, лежат потаенны и только искусных рук ожидают. Прилагайте крайнее старание к естественных вещей познанию и ревностно старайтесь заслужить Мою милость». Сие щедрое Ея Величества повеление слыша, дерзайте, бодрствуйте, успевайте в течении вашем. И вы, которым вход к наукам свободно отворен, употребляйте сию щедроту в пользу сынов ваших и намерения Петрова, попечения Екатеринина и Елисаветина великодушия тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукам воздвигнуто, но чтобы управляющие гражданския дела из мест судебных, упражняющиеся в военном деле со стен Петровых, предстоящие Монаршескому лицу из пресветлаго Ея дому, строящие и управляющие флот Российский с верьхов корабельных и обращающиеся в купечестве с судов и с пристанища на сие здание взирали, среди своих упражнений о науках помышляли и к ним любовию склонялись. Правда, что прекрасное сие муз жилище к несказанной нашей крайней горести, печали и сокрушению нечаянным злоключением от грознаго пожара приятный вид свой на плачевное позорище пременило, на которое мы едва без стенания и слез взирать можем, но в сей нашей скорби едино имеем утешение, на едино щедролюбие всемилостивейшия Государыни нашея уповаем, ведая, что нет такой напасти, нет такого нещастия, которое бы великодушием Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбие несравненныя Монархини нашея. Толикою добродетелью украшен престол Всероссийский! Таковых Монархов посылает Бог на землю, когда он смертных милует; толь благочестивых, когда моления их слышать и приношения приимать соизволяет; толь мужественных и великодушных, когда врагов их повергнуть и посрамить хочет; толь премудрых, когда блаженство их умножить предприемлет; толь человеколюбивых, толь милосердных и толь щедрых, когда их утешить, умножить и ущедрить преклоняется. Красуйся великими сими вышняго дарами, Всемилостивейшая Государыня, и божественными Твоими благодеяниями увеселяйся. Куда Твое пресветлое око ни обратится, везде радостныя лица Твоих подданных, везде избавленных Твоим великодушием и только милосердием Твоим живущих, везде обильно Тобою награжденных и Тобою возвышенных, видит. Вся северная страна хотя во всякое время, однако особливо в сей пресветлый праздник, по прошествии плодоноснаго лета и при окончании благословенной осени, от земли плодами, от моря богатством, отвсюду Твоим щастием изобилующая, многочисленными торжествующих гласы превозносит Твое преславное на отеческий престол восшествие, и оныя восклицания, которыя тогда от внезапной радости и от истинной любви происходили, ныне многократно повторяет. Наше неописанное удо-

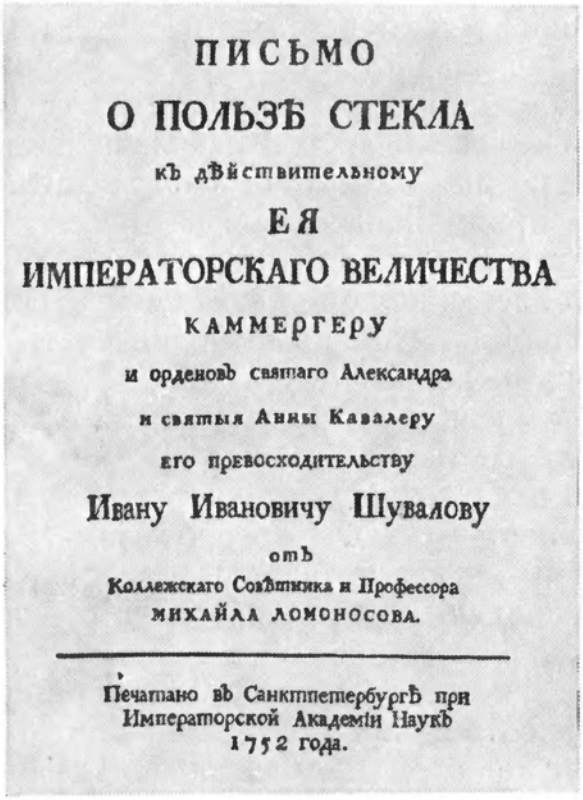
вольствие и крайняя благодарность хотя никоим красноречием изображены быть не могут, однако искреннюю ревность и рабскую верность нашу Величеству Твоему сим засвидетельствовать тщимся по мере сил наших, ведая, что Бог и Божию власть на земли имеющие не столько на хитросплетенныя риторския сложения, сколько на чистое усердие взирают.

## ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

к высокопревосходительному господину генералу порутчику,
действительному Ея Императорскаго Величества каммергеру,
Московскаго университета куратору
и орденов Белаго Орла, Святаго Александра и Святыя Анны
кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову,
писанное 1752 году

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Не редко я для той с Парнасских гор спускаюсь,
И ныне от нея на верьх их возвращаюсь,
Пою перед Тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огнь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.

С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя
Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живет и борется с водою,
Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В которы Океан на брань к нему входил;
Напрягся мышцами, и рамена подвинул,
И тяготу земли превыше облак вскинул.
Внезапно черный дым навел густую тень,
И в ночь ужасную переменился день.
Не баснотворнаго здесь ради Геркулеса
Две ночи сложены в едину от Зевеса,
Но Етна правде сей свидетель вечный нам.
Которая дала путь чудным сим родам:



ПИСЬМО
О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА
къ дѣйствительному
ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАММЕРГЕРУ
и орденовъ святаго Александра
и святыя Анны Кавалеру
его превосходительству
Ивану Ивановичу Шувалову
отъ
Коллежскаго Совѣтника и Профессора
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Печатано въ Санктпетербургѣ при
Императорской Академіи Наукъ
1752 года.

*Титульный лист первого издания «Письма о пользе Стекла»*

Из ней разжженная река текла в пучину,
И свет отчаясь мнил, что зрит свою судьбину!
Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец.
Прогнали долгу ночь и жар своїі погасили
И солнцу ясному рождение открыли.
Но чтож, от недр земных родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев смертные о как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились.
И было в деле сем удачно мастерство:
Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам щастливо:
Из чистаго Стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого льзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу.
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! Сие твоих достоинств лишь начало,
Которы мастерство тебе с природоїі дало.

Исполнен слабостьми наш краткий в мире век:
Нередко впадает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличныя лекарства предписать,
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют:
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу.
Какую надлежит ему принесть хвалу!
Хоть вместо онаго замысловаты Хины
Сосуды составлять нашли из чистой глины:
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобратив в Фарфор.
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают,—
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от Стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.

Искусство, коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистовой свирепствуя Борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толсты́я стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть,
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть —
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом, как человек зимой стал безопасен
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад,

Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимою за Стеклом цветы хранятся живы,
Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, Красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, Любитель Муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И Музы с оными единаго сродства:
Подобна в них краса и нежныя слова.
Щастливой младостью Твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренесть не возбранят.
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но былоб ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когдаб вы в зеркале не видели себя:
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены:
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росою.

Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила:
Вы также украшать желаете себя.
За тем, прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другия времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют?
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам недало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Так в бисере Стекло, подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных степях,
Им красится Арап на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем, простаки,
Что там драгой металл из сребреной реки
Дают Европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчотно,
Но тем, я думаю, они разумне нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз.
Им оны времена не будут в век забвенны,
Как пали их отцы, для злата побиенны.
О коль ужасно зло! На то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшол кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепаго врага?
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят Царей там древния жилища,
Венцы врагам корысть и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены падают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут несытые и златом, и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тиранны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные или по истинне блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!

Оставив Кастиллан невинность так попранну,
С богатством в отчество спешит по Океану,
Надеясь оным всю Европу вдруг купить.
Но златом волн морских не можно утолить.
Подобный их сердцам Борей, подняв пучину,
Навел их животу и варварству кончину:
Погрязли в глубине с сокровищем своим,
На пищу преданы чудовищам морским.

То бури, то враги толь часто их терзали,
Что редко до брегов желанных достигали.
О коль великой вред! От зла раждалось зло!
Виной толиких бед бывало ли Стекло?
Никак! Оно везде наш дух увеселяет:
Полезно молодым и старым помогает.

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг,
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие — досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем?
Что честь достойную воздать ему коснеем?

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огнь возжженный,
Иные Божеску ему давали честь,
Иные, знать хотя, кто с неба мог принесть,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различныя казал искусством чудеса;
За то Минервою был взят на небеса,
Похитил с солнца огнь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки,
Продерскаго к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал:
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит,
И кровь чрез камни в низ текущая шумит.
О коль несносна жизнь! Позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты, украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курим табак;
И только лишь о том мы думаем жалея,
Не сверглаль в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк

На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд щастливой Европы?
Не огнь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от Варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесныя страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести,
Дерзнувшим научать, что все домашни Боги
Терпят великой труд всегдашния дороги:
Вертится в круг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерсской Иксион,
И неподвижная земли Богиня Веста
К упокоению сыскать не может места!
Под видом ложным сих почтения Богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единаго Творца весь мир сей сотворила,
Что Марс, Нептун, Зевес, все сонмище Богов
Не стоят тучных жертв, ниже́ под жертву дров,
Что агньцов и волов жрецы едят напрасно:
Сие одно, сие казалось быть опасно!
Оттоле землю все считали посреде.
Астроном весь свой век в бесплодном был труде
Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник;
В средине всех Планет он солнце положил.
Сугубое земли движение открыл:
Однем круг центра путь вседневный совершает,
Другим круг солнца год теченьем составляет.
Он циклы истинной Системой разтерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
Преломленных лучей в Стекле познав законы,

Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник, что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истинне они противятся напрасно;
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной;
Везде Божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем,
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что Бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое —
Кто чудо сотворит, кроме Его, такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, Божий некогда описывая град,
Вечерний Августин душею веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когдаб разумну тварь толь тесно не включал,
Под намиб жителей, как здесь, не отрицал,
Без Математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
Доказывает то подземной Католик,
Кадя златой его в костелах новых лик.
Уже Колумбу в след, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном
И видим множество Божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей и птиц, и рыб, плодов и трав несчотных.
Возмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ:
Он слово Божие употреблял напрасно.
В Системе света вы тож делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал Творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую, хотя весьма пространну знаем,
Но, к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше Божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Он на малой шар сотти,
Что бы погибшаго страданием спасти.
Чем меньше мы Его щедрот достойны зримся,

Тем больше благости и милости чудимся?
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны
Поставлены Творцем: другие невозможны.
В благословленной наш и просвещенной век
Чего не мог дотти по оным человек?

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок онаго конец имеет сила:
Кроме, что в далеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не досягает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик Создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем Он наполнил Понт, и воздух, и леса.
Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно.
Коль много Микроскоп нам тайностей открыл
Невидимых частиц и тонких в теле жил!

Но что еще? Уже в стекле нам Барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:
Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил;
Чрез тож откроется в погодах разность сил.
Коль могут щастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной, ни дождь опасен в поле!
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам
И плавать по морю безбедно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!

Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целой год едва бы мне достал.
За тем уже слова похвальны оставляю

И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.

Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапной треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум,
От гневнаго часа желает гдеб укрыться,
Причины онаго исследовать страшится,
Дабы истолковать что́ молния и гром,
Такия мысли все считает он грехом.
«На бичь,— он говорит,— я посмотреть не смею,
Когда грозит Отец нам яростью своею».
Но как Он нас казнит, подняв в пучине вал,
То грех ли то сказать, что ветром Он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не родился,
То грех ли то сказать, что Нил там не розлился?
Подобно надлежит о громе разсуждать.
Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
Держал ученых смысл в смущении толиком,
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,
Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стеклянный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственны сверьканием и треском.
Дивился сходству ум, но, видя малость сил,
До лета прошлаго сомнителен в том был;
Довольствуя одне чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи
И больше в том одном рачения имел,
Чтоб силою Стекла болезни одолел,
И видел часто в том успехи вожделенны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила тучь гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что, зная правила, изъисканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром.
Единство оных сил доказано стократно.
Мы лета ныне ждем приятнаго обратно:
Тогда о истинне Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас?
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.

Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Ходя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе.
Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златыя времена! О кроткие законы!
Народу Своему прощает милионы
И, пользу общую отечества прозря,
Учению велит расшириться в моря,
Умножив бодрость в нем с щедротою Своею!
А Ты, о Меценат, предстательством пред Нею
Какой наукам путь стараешься открыть,
Пред светом в том могу свидетель верной быть.
Тебе похвальны все, приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто перед Ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшим слухом
Есть новым в бытии животвориться духом!
Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.
Кто склонность в щастии и доброту являет,
Тот щастие себе недвижно утверждает.
Всяк чувствует в Тебе и хвалит обое,
И небо чаемых покажет збытие.

## СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 26 ДНЯ 1755 ГОДА

Священнейшее помазание и венчание на Всероссийское государство всемилостивейшия Самодержицы нашея празднуя, Слушатели, подобное видим к Ней и к общему отечеству Божие снисхождение, каковому в Ея рождении и в получении отеческаго достояния чудимся. Дивно Ея рождение предзнаменованием царства; преславно на престол восшествие покровенным свыше мужеством; благоговейныя радости исполнено приятие отеческаго венца с чудными победами от руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, от Бога ли на земли́ обладатели поставляются или по случаю державы достигают, однако единым рождением



*Мозаичный портрет Петра I. Работа Ломоносова*

Великия Государыни нашея увериться о том должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать над нами. Не астрологическия сомнительныя гадания, от положения планет произведенныя, ниже́ другия по течению натуры бывающия перемены и явления, но ясные признаки Божия Провидения послужат сему в доказательство. Преславная над неприятельми Петрова под Полтавою победа с рождением сея Великия Дщери Его в един год приключилась и въежжающаго в Москву с торжеством Победителя приходящая в мир встретила Елисавета. Не перстом ли здесь указующий является Промысл? Не слышим ли мысленным ухом вещающего гласа? Видите, видите исполнение обетованнаго вам предзнаменованиями благоденства. Петр торжество-

вал, победив внешних неприятелей и своих искоренив изменников; Елисавета для подобных родилась триумфов. Петр, возвратив законному Государю корону, в отеческий град шествовал; Елисавета в общество человеческое вступила для возвращения Себе потом Отеческой короны. Петр, сохранив Россию от расхищения, вместо мрачнаго страха принес безопасную и пресветлую радость; Елисавета увидела свет, дабы пролить на нас сияние отрады, избавив от мрака печалей. Петр вел за собой многочисленных пленников, не меньше великодушием, нежели мужеством побежденных; Елисавета от утробы разрешилась, дабы после пленить сердца подданных человеколюбием, кротостию, щедротою. Коль чудныя Божия судьбы видим, Слушатели: с рождением победу, с облегчением Родительницы — избавление отечества, с обыкновенными при рождении обрядами — чрезвычайное торжественное вшествие, с пеленами — победительныя лавры и с первым младенческим гласом — всерадостные плески и восклицания! Не всеми ли сими рожденной тогда Елисавете предвозвещены отеческия добродетели, предвозвещено отеческое царство?

В доступлении онаго сколь много Всемогущий Промысл споспешествовал Ея Геройству, о том радостныя воспоминания во веки не умолкнут, ибо, Его силою и духом подвигшесь, Героиня наша Всероссийскому государству, достодолжной Его славе, великим делам и намерениям Петровым, внутреннему сердец наших удовольствию и общему блаженству знатной части света принесла спасение и обновление. Велико дело есть избавление единаго человека, то коль несравненно больше спасение целаго народа! В тебе, дражайшее отечество, в тебе видим сего довольные примеры. Междуусобными предков наших враждами, неправдами, граблениями и братоубийствами раздраженный Бог поработил тебя некогда чужому языку и на пораженное глубокими язвами твое тело наложил тяжкие вериги! Потóм, стенанием твоим и воплем преклоненный, послал тебе храбрых Государей, свободителей от порабощения и томления, которые, соединив твои раздробленные члены, возвратили тебе и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго падения избавила Российский народ предводимая Богом на отеческий престол Великая Елисавета, но большаго удивления достойным образом. Внутреннія болезни бывают бедственнее наружных; так и в недрах государства воспитанная опасность вредительнее внешних нападений. Удобнее наружныя язвы исцеляются, нежели внутреннія повреждения. Но, сличив исцеление России от поражения, варварским оружием извне нанесеннаго, с удивительным крыющагося внутрь вреда врачеванием, Елисаветиною рукою произведенным, противное находим. Тогда для исцеления ран наружных обагрены были поля и реки не меньше Российскою, нежели Агарянскою кровию. В благословенные дни наши великодушная Елисавета

вкоренившийся вред внутрь России без всех наших томлений истребила в краткое время и болезнующее Отечество яко бы единым, божественною силою исполненным словом исцелила, сказав: «Восстани и ходи, восстани и ходи, Россия. Оттряси свои сомнения и страхи и, радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся».

Таковыя изображения в мыслях представляет нам, Слушатели, воспоминание тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслим, что мы не токмо от утеснения, но и от презрения тогда свободились. Что прежде избавления нашего народа о нас рассуждали? Не отзываются ли еще их речи в памяти нашей? Россияне, Россияне, Петра Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздают должнаго благодарения, не возводят Дщерь его на престол Отеческий. Она оставлена — не помогают; Она отринута — не возвращают; Она пренебрегаема — не отмщают. О, коль велик стыд и посмеяние! Но несравненная Героиня восшествием Своим отняла поношение от сынов Российских и перед всем светом оправдала, что не нашего усердия не доставало, но сносило Ея великодушие; не наша ревность оскудевала, но Она не хотела пролития крови; не нашему малодушию оное приписывать должно, но Божескому промыслу, которой благоволил показать тем Свою власть, Ея мужество и нашу радость усугубить. Таковыя благодеяния устроил нам Вышний вступлением на Отеческий престол Великия Елисаветы! Чтож нынешний праздник? Верьх и венец преждереченных. Венчал Господь Ея чудное рождение, венчал преславное восшествие, венчал бесприкладныя добродетели, венчал благодатию, ободрил благонадежною радостию и благословил громкими победами, победами восшествию Ея подобными, ибо, как внутренние враги побеждены без пролития крови, так и внешние с малым уроном преодолены были.

Облачается Монархиня наша в порфиру, помазуется на Царство, венчается, приемлет Скипетр и Державу. Радуются Россияне и плесками и восклицаниями воздух наполняют; ужасаются сопостаты и бледнеют, уклоняются, дают хребет Российскому войску, укрываются за реки, за горы, за болота, но везде утесняет их сильная рука венчанныя Елисаветы: от единаго Ея великодушия ослабу получают. Коль ясныя предзнаменования благословеннаго Ея владения во всем вышереченном видим и вожделенному збытию их с радостию чудимся! По примеру великаго Своего Родителя дает государям короны, успокоевает мирным оружием Европу, утверждает Российское наследство; истекает злато и сребро из недр земных к Ея и к общему удовольствию, избавляются подданные от тягостей; земля не обагряется Российскою кровию ни внутрь, ни вне государства; умножается народ, и доходы прирастают; возвышаются великолепныя здания; исправляются суды; насаждаются науки среди государства — повсюду возлюбленная тишина и Монархине нашей подобное время господствует.

И так, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное в рождении, полученное мужеством, утвержденное победоносным венчанием и украшенное преславными делами отеческое царство возвысила, то по справедливости всех дел и похвал Его истинная Наследница. Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображениями; давно желали в нарочном торжественном собрании превознести несравненныя дела своего Основателя. Но ведая, коль великое искусство требуется к сложению слова, их достойнаго, поныне умолчали, ибо о сем Герое должно предлагать, чего о других еще не слыхано. Нет в делах ему равнаго, нет равных примеров в красноречии, которым бы мысль последуя могла безопасно пуститься в толикую глубину их множества и величества. Однако, наконец, рассудилось лучше в красноречии, нежели в благодарности, показать недостаток, лучше с произносимыми от усердной простоты разговорами соединить искренностию украшенное слово, нежели молчать между толикими праздненственными восклицаниями, наипаче, когда Всевышний Господь всех торжеств наших красоту усугубил, послав во младом Государе Великом Князе Павле Петровиче всевожделенный залог Своея к нам Божественныя милости, которую в продолжении Петрова племени почитаем. И так, оставив боязливое сомнение и уступив ревностной смелости место, сколько есть духа и голоса должно употребить или паче истощить на похвалу нашего Героя. Сие предпринимая, откуду начну мое слово? От телесных ли Его дарований? От крепости ли сил? Но оные явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неизсчетных и в разрушении ужасных препятствий. От Геройскаго ли виду и возраста, с величественною красотою соединеннаго? Но кроме многих, которые начертанное в памяти его изображение живо представляют, удостоверяют разныя государства и городы, которые, славою Его движимы, во сретение стекались и делам Его соответствующему и великим Монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдение, без котораго не возможно было произвести дел толь многих и великих. Того ради не посредственно приступаю к их предложению, ведая, что удобнее принять начало, нежели конца достигнуть, и что великий сей Муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислит, есть ли бы только исчислить возможно было.

И так, сколько сила, сколько краткость определеннаго времени позволит, важнейшия токмо дела Его упомянем, потом преодоленныя в них сильныя препятствия, наконец, его добродетели, в таковых предприятиях споспешествовавшия.

К великим Своим намерениям премудрый Монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, что бы всякаго рода знания

распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить, о чем Его отеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако, ежели оное описать обстоятельно, то целое мое слово еще к тому не достанет, ибо, не однократно облетая на подобие Орла быстропарящаго Европейския государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время отечество и искусством увериться, коль великая происходит польза человеку и целому государству от любопытнаго путешествия по чужим краям. Тогда отворились широкия врата великия Россия, тогда через границы и пристани, на подобие прилива и отлива, в пространном Океане бывающаго, то выежжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах сыны Российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные беспрестанным текли движением. Тогда Математическому и Физическому учению, прежде в чародейство и волхвование вмененному, уже одеянному порфирою, увенчанному лаврами и на Монаршеском престоле посажденному, благоговейное почитание в освященной Петровой Особе приносилось. Таковым сиянием величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли нам пользу, доказывает избыточествующее изобилие многоразличных наших удовольствий, которых прежде великаго России Просветителя предки наши не токмо лишались, но о многих и понятия не имели. Коль многия нужныя вещи, которыя прежде из дальных земель с трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутрь государства производятся и не токмо нас довольствуют, но избытком своим и другия земли снабдевают. Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военнаго дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетнаго тиснения, но и нужнейшаго железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Изчезло сие нарекание от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются из них металлы и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются. Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками.

О сем для защищения отечества, для безопасности подданных и для безпрепятственнаго произведения внутрь государства важных предприятий, о сем нужном учреждении порядочнаго войска коль великое имел Великий Монарх попечение, коль стремительное рвение, коль рачительное всех способов, всех путей изыскание, тому всему когда надивиться довольно не можем,

возможем ли изобразить оное словом? Родитель премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великий Государь Царь Алексей Михайловичь между многими преславными делами положил начало регулярнаго войска, котораго спомоществованием сколько на войне имел успеху, свидетельствуют счастливые его походы в Польше и приобретенныя обратно к России провинции. Но все Его о военном деле попечение с жизнию пресеклось. Возвратились старинные безпорядки, и Российское воинство больше в многолюдстве, нежели в искусстве показать могло свою силу, которая сколько потом ослабела явствует из бывших тогда против Турок и Татар безполезных военных предприятий, а более всего из необузданных и пагубных стрелецких возмущений, от неимения порядочной расправы и разположения произшедших. В таковых обстоятельствах кто мог помыслить, что бы двенатцати лет Отрок, отлученный от правления государства и только под премудрым покровительством чадолюбивыя Своея Родительницы от злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на Его родственников и доброжелателей и на Него самого обнаженными, начал учреждать новое регулярное войско, котораго могущество в скором после времени почувствовали неприятели, почувствовали и вострепетали, и которому ныне вся вселенная по справедливости удивляется. Кто мог помыслить, что бы от детской, как казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дело? Иные, видя несколько молодых людей, со младым Государем обращающих разным образом легкое оружие, рассуждали, что сие одна Ему только была забава, и потому сии новонабранные люди Потешными назывались. Некоторые, имея бóльшую прозорливость и приметив на юношеском лице цветущую геройскую бодрость, из очей сияющее остроумие и в движениях сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россия! Но набрать многие и великие полки, пехотные и конные, удовольствовать всех одеждою, жалованьем, оружием и протчим военным снарядом, обучить новому артику́лу, завести по правилам артиллерию, полевую и осадную, к чему немалое знание Геометрии, Механики и Химии требуется, и паче всего иметь во всем искусных начальников казалось, по справедливости, не возможное дело, ибо во всех сих потребностях знатной недостаток и лишение Государевой власти отняли последнюю к тому надежду и малейшую вероятность. Однако, что потом последовало? Паче общенароднаго чаяния, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и явительнаго роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных Россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили. Не возможное учинилось возможно чрезвычайным рачением, а паче всего не слыханным примером. Взирая некогда Сенат Римский на Траяна

Кесаря, стоящаго пред Консулом для принятия от него Консульскаго достоинства, возгласил: «Тем ты более, тем ты величественнее!» Какия восклицания, какие плески Петру Великому быть долженствовали для Его бесприкладнаго снисхождения? Видели, видели отцы наши венчаннаго своего Государя не в числе кандидатов Римскаго консульства, но меж рядовыми солдатами, не власти над Римом требующаго, но подданных своих мановения наблюдающаго. О вы, места прекрасны, места благополучны, которыя толь чудным зрением насладились! О как вы удивлялись дружественному неприятельству полков единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелевающаго и повинующагося. О как вы удивлялись осаде, защищению и взятию домашних новых крепостей не для настоящия корысти, но ради будущия славы, не для усмирения сопротивных, но ради ободрения единоплеменных учиненному. Мы ныне, озираясь на оныя минувшия летá, представляем, коль великою любовию, коль горячею ревностию к Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его в своем сообществе, за однем столом, туюже приемлющаго пищу, видя лице Его, пылью и потом покрытое, видя, что от них ничем не разнится, кроме того, в обучении и в трудах всех прилежнее, всех превосходнее. Таковым чрезвычайным примером премудрый Государь, происходя по чинам с подданными, доказал, что Монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением. Таковым поощрением укрепилось Российское воинство и в дватцатилетнюю войну с короною Шведскою и потом в другие походы наполнило громом оружия и победоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое под Нарвою сражение было не удачливо, но противных преимущество и Российскаго воинства уступление к их прославлению и к нашему уничижению больше от зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещию, ибо, хотя Российское войско было по большей части двулетное против стараго и к сражениям необыкшаго, хотя несогласие учинилось между нашими полководцами и злохитрой переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана и хотя Карл вторыйнадесять скоропостижным нашествием не дал времени Россиянам построиться, однако они и по отступлении отняли у неприятеля смелость продолжать бой и докончать победу, так что оставшаяся в целости Российская Лейбгвардия и немало протчаго войска за тем только напасть на неприятеля не отважились, что не имели главных предводителей, которых Он, призвав для мирнаго договора, удержал как своих пленников. Того ради гвардия и протчее войско с оружием, с военною казною, распустив знамена и ударив в барабаны, в Россию возвратились. Что сия не удача больше для показанных нещастливых обстоятельств, нежели для неискуства войск Российских приключилась и что Петрово новое войско

уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, доказали в следующее лето и потом многия одержанныя над ними преславныя победы.

Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи, когда вы сии похвалы военных дел нашего Героя, когда вы превозносимыя мною победы Российскаго воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишите, ибо стоять долгое время против сильнаго Российскаго народа, стоять против Петра Великаго, против Мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенныя, и, наконец, быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла и по согласию всего света утверждайте, что едва бы кто возмог устоять пред лицем его гнева, когда бы чудною Божескою судьбою не был в Отечестве нашем против Его воздвигнут Петр Великий. Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки воспоследовавшими в скором времени победами доказали, коль горяча их ревность, каково в военном деле искусство, приобретенное от премудраго наставления и примера. Оставляя многочисленныя победы, которыя Российское воинство сражениями числить приобыкло, не упоминая великаго множества взятых городов и твердых крепостей, имеем довольное свидетельство в двух главных победах, под Лесным и под Полтавою. Где более удивил Господь свою на нас милость? Где явственнее открылось, коль сильные имело успехи в заведении новаго войска благословенное начинание и ревностное рачение Петрово? Что сего чуднее, что не вероятнее могло воспоследовать? Войско, к регулярству давно приобыкшее, из областей неприятельских дерзостию к бою славных приведенное, под предводительством начальников, в воинском упражнении все время положивших, войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется от сражения с новыми Российскими полками, числом много меньшими. Но оне, не дая сопротивным отдохновения, быстрым течением постигли, сразились, победили, и главной их предводитель с малыми остатками едва пленения избыл, чтобы принести своему Государю плачевныя вести, которыми хотя он сильно возмутился, однако мужественным и стремительным духом бодрствуя, еще поощрялся против России, еще не мог увериться, что бы малолетное войско Петрово могло устоять против его возмужавшей силы, наступающей под его самого предводительством и, надеясь на дерзостныя обнадеживания бессовестнаго России изменника, не усомнелся вступить в украинские пределы нашего Отечества. Обращал высокомерными размышлениями Россию и весь Север чаял уже быть под ногою своею. Но Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенною победою над сим презрителем его рачений, которой противу своего чаяния не токмо очевидным был свидетелем не вероятных Ге-

роя нашего в военном деле успехов, но и бегством своим не мог избегнуть мечтающейся в мыслях стройной храбрости Российской.

Толь знатными победами прославив с Собою Великий Монарх во всем свете свое воинство наконец доказал, что Он сие больше для нашей безопасности учредить старался, ибо не токмо узаконил, чтобы оное никогда не распускать, ниже́ во время безмятежнаго мира, как то при бывших прежде Государях не редко к немалому упадку могущества и славы Отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности. О, истинное Отеческое попечение! Многократно напоминал Он своим ближним верным подданным, иногда со слезами прося и целуя, что бы толь великим трудом и с толь чудным успехом предприятое обновление России, а паче военное искусство не было после Него в нерадении оставлено. И в самое то всерадостное время, когда благословил Бог Россию славным и полезным миром со Шведскою короною, когда усердныя поздравления и должные ему титулы «Императора», «великаго», «отца отечества», приносились, не преминул подтвердить публично Правительствующему Сенату, что, надеясь на мир, не надобно ослабевать в военном деле. Не сим ли назнаменовал ясно, что Ему сии высокие титулы не были приятны без наблюдения и содержания впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрев скорым оком на сухом пути силы Петровы, в младенчестве возмужавшия и обучение свое с победами соединившия, простремим чрез воды взор наш, Слушатели, посмотрим там дела Господни и чудеса его в глубине, Петром показанныя и свет удивившия.

Пространная Российская держава на подобие целаго света едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новыя пристани едва вмещают судов множество, инде стонут волны под тягостью Российскаго флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и на подобие весны процветающие корабли, в тихой поверьхности вод изображаясь, красоту свою усугубляют, инде, достигнув спокойнаго пристанища, плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новые Колумбы к неведомым берегам поспешают для приращения могущества и славы Российской, инде другой Тифис между сражающимися горами плыть дерзает, со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить восток с западом. Откуду толикая слава и сила Российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуда материи? Откуду искусство? Откуду махины и орудия, нужныя в толь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по брегам по-

вергли к строению? Не Амфион ли сладким лирным игранием подвигнул разновидныя части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, есть ли бы такое не вероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось и не былоб в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в писменных без всякаго изъятия достоверных известиях. В сих мы с удивлением читаем, от оных не без сердечнаго движения в дружелюбных разговорах слышим, что не льзя определить, сухопутное ли или морское войско учреждая больше труда положил Петр Великий. Однако о том нет сомнения, что в обоих был неутомим, в обоих превосходен, ибо, как для знания всего, что ни случается в сражениях на сухом пути, не токмо прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством, дабы ни над кем не просмотреть упущения должности и ни от кого излишества свыше сил не потребовать. Подобным образом и во флоте не учинив опыта ничего не оставил, в чем бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упразднiться. С того самаго времени, когда онаго вещию малаго ботика, но действием и славою великаго, изобретение побудило неусыпный дух Петров к полезному рачению основать флот и на морской глубине показать Российское могущество, устремил и распростер великаго разума Своего силы во все важнаго сего предприятия части, которыя рассматривая уверился, что в толь трудном деле успехов иметь не возможно, ежели он сам довольнаго в нем знания не получит. Но где оное постигнуть? Что Великий Государь предприемлет? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видеть восхищающее позорище на полях Московских, когда наш Герой, едва выступив из лет младенческих, в присудствии всего Царскаго дома, при знатных чинах Российскаго государства и при знатном собрании дворянства, то радующихся, то повреждения здравию Его боящихся, трудился, размеривая регулярную крепость, как мастер, копая рвы и взвозя землю на раскаты, как рядовой салдат, всем повелевая, как Государь, всем дая пример, как премудрый Учитель и Просветитель. Но вящшее возбудил удивление, вящшее показал позорище пред очами всего света, когда с начала на малых водах Московских, потом на большой ширине озер Ростовскаго и Кубинскаго, наконец, в пространстве Белаго моря уверясь о несказанной пользе мореплавания, отлучился на время из своего государства и, сокрыв Величество Своея Особы, между простыми работниками в чужой земли корабельному делу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному делу прилучившиеся с ним купно в обучении, как Россиянин толь скоро не токмо простой плотнической работе научился, не токмо ни единой части к строению и сооружению кораблей нужной не оставил, которой

бы Своими руками не умел зделать, но и в морской архитектуре толикое приобрел искусство, что Голландия не могла уже удовольствовать Его глубокаго понятия. Потом коль великое удивление во всех возбудилось, когда уведали, что не простой то был Россиянин, но сам толь великаго государства Обладатель к тягостным трудам простер рожденныя и помазанныя для ношения скиптра и державы руки. Но только ли было что для одного любопытства или, по крайней мере, для указания и повелительства в Голландии и в Британии достиг совершенной теории и практики к сооружению флота и в мореплавательной науке? Везде великий Государь не токмо повелением и награждением, но и собственным примером побуждал к трудам подданных! Я вами свидетельствуюсь, великия Российския реки, я к вам обращаюсь, щастливые береги, посвященные Петровыми стопами и пóтом Его орошенные. Коль часто раздавались на вас бодрые и ревностные клики, когда тяжкие, к составлению корабля приуготованные члены, не редко тихо от работающих движимые, наложением руки Его к скорому течению устремлялись, и оживленное примером Его множество с невероятною поспешностию совершали великия громады. Коль чудным и ревностному сердцу чувствительным зрением наслаждались стекшиеся народы, когда оныя великия здания к сошествию на воду приближались! Когда неусыпный их Основатель и Строитель, многократно то на верьху оных, то под ними обращаясь, то кругом обходя, примечал твердость каждой части, силу махин, всех предосторожностей точность и усмотренные недостатки исправлял повелением, ободрением, догадкою и неутомимых рук Своих поспешным искусством. Сим неусыпным рачением, сим непобедимым в труде постоянством баснословная древних поспешность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикие в морском деле успехи, к несказанной пользе и славе государства рачением Его произведенные, легко из того усмотреть можно, что не токмо воздаянием удовольствовал спотрудившихся с Собою, но и безчувственному дереву показал преславной знак благодарности. Покрываются Невския струи судами и флагами, не вмещают береги великаго множества стекшихся зрителей, колеблется воздух и стонет от народнаго восклицания, от шума весел, от трубных гласов, от звука огнедышущих махин. Какое щастие, какую радость нам небо посылает? Кому на сретение Монарх наш с таковым великолепием выходит? Ветхому ботику, но в новом и сильном первенствующему Флоте. Представив сего величество, красоту, могущество и славныя действия и купно онаго малость и худость, видим, что сего никому в свете произвести не было возможно, кроме исполинской смелости в предприятии и неутомимой в совершении бодрости Петровой.

Превозходен на земли, несравнен на водах силою и славою военною был Великий наш Защитник!

От краткаго сего и часть некоторую трудов Его содержащаго исчисления уже чувствую утомление, Слушатели, но великое и пространное похвал Его вижу поле пред собою! И так, дабы к совершению течения слова моего силы и определеннаго времени достало, употреблю возможную поспешность.

К основанию и произведению в действо толь великой морской и сухопутной силы, сверьх сего к строению новых городов, крепостей, пристаней, к сообщению рек великими каналами, к укреплению пограничных линей валами, к долговременной войне, к толь частым и дальным походам, к строению публичных и приватных зданий новою архитектурою, к сысканию искусных людей и всех других способов для распространения наук и художеств, на содержание новых чинов придворных и штатских коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и рассудить, что к тому не могли достать доходы Петровых Предков. Того ради премудрый Государь крайнее приложил старание, как бы внутренние и внешние государственные зборы умножить без народнаго раззорения, и по врожденному Своему просвещению усмотрел, что не токмо казне великая прибыль воспоследует, но и общее подданных спокойство и безопасность единым учреждением утвердится, ибо, когда еще не было число всего Российскаго народа и каждаго человека жилище известно, своевольство не пресечено, каждому, куда хочет, преселиться и странствовать по своему произволению не запрещалось, наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою, дороги и великия реки не редко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не токмо села, но и городы разорялись. Превратил премудрый Герой вред в пользу, леность в прилежание, раззорителей в защитников, когда исчислил подданных множество, утвердил каждаго на своем жилище, наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение. Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за отечество.

Сколько другия к сему служащия премудрыя учреждения спомоществовали, о том умолчеваю; упомяну о приращении внешних доходов. Всевышняго промысл споспешествовал добрым намерениям и рачениям Петровым: отворил рукою Его новыя пристани на Варяжском море при городах, храбростию Его покоренных и собственным трудом воздвигнутых. Совокуплены великия реки для удобнейшаго проходу Российскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческие договоры с разными народами. И так, прирастая внутрь и вне, довольство

сколько спомоществовало, явствует из самаго начала сих учреждений, ибо, продолжая дватцать лет трудную войну, Россия от долгов была свободна.

Чтож, уже ли все великия дела Петровы изображены слабым моим начертанием? О коль много еще размышлению, гласу и языку моему труда остается! Я вам, слушатели, я вашему знанию препоручаю, коль много требовало неусыпности основание и установление правосудия, учреждение Правительствующаго Сената, Святейшаго Синода, государственных коллегий, канцелярий и других мест присудственных с узаконениями, регламентами, уставами, расположение чинов, заведение внешних признаков для оказания заслуг и милости, наконец, политика, посольства и союзы с чужими державами. Вы все сие сами в просвещенных Петром умах ваших представьте. Мне только остается предложить едино краткое всего изображение. Когда бы прежде начала Петровых предприятий приключилось кому отлучиться из Российскаго отечества в отдаленныя земли, где бы Его имя не загремело, буде такая земля есть на свете, потом бы, возвратясь в Россию, увидел новыя в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новой флот и войско; всех сих не токмо иной образ, но и течение рек и морских пределов усмотрел перемену, чтоб тогда помыслил? Не мог бы рассудить иначе, как что он был в странствовании многие веки, либо все то учинено в толь краткое время общими силами человеческаго рода, или творческою Всевышняго рукою, или, наконец, все мечтается ему в сонном привидении.

Из сего моего, почти тень едину Петровых славных дел показующаго слова видеть можно, коль они велики! Но что сказать о страшных и опасных препятствиях, бывших на пути исполинскаго Его течения? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковым переменам состояние человеческое, что из благополучных противныя, из противных благополучныя следствия раждаются. Что приращению нашего благополучия могло быть сего противнее, когда Россию обновляющему Петру и купно отечеству извне нападения, извнутрь огорчения, отовсюду опасности грозили и пагубныя следства приуготовлялись? Война дела домашния, домашния дела войну отягощали, которая еще прежде нача́ла своего начала́ быть вредительна. Подвигнулся великий Государь из отечества с великим посольством видеть Европейския государства, познать их преимущества, дабы, возвратясь, употребить их в пользу своих подданных. Только лишь прешел владения Своего пределы, везде ощутил великия и тайно поставленныя препоны. Однако оных как по всему свету извещенных ныне не упоминаю. Мне кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся к Российской надежде, чувствовали струи Двинския и будущему своему Повелителю между густым

льдом к спасению от устроенных коварств стезю открыли и преодоленныя им опасности Балтийским берегам, разливаясь, возвестили. Избыв от опасности, поспешал в радостном пути Своем, довольствуя очи и сердце и обогащая разум. Но ах! Не волею пресекает свое преславное течение. Какую имел сам с Собою распрю! С одной стороны, влечет любопытство и знание, отечеству нужное, с другой стороны, само бедствующее отечество, которое к Нему, к единому своему упованию простерши руки, восклицало: «Возвратися, поспешно возвратися: меня терзают внутрь изменники! Ты странствуеш для моего блаженства — со благодарением признаваю, но прежде укроти свирепых. Ты растался со Своим домом, со Своими кровными для приращения моей славы — с усердием почитаю, но успокой опасное нестроение; оставил данный Тебе от Бога венец и скипетр и простым видом скрываешь лучи своего Величества для моего просвещения — с радостною надеждою того желаю, но отврати мрачную грозу неспокойства с домашняго горизонта». Такими движениями сердца проницаясь, возвратился для утоления страшныя бури! Таковыя противности воспящали Герою нашему в славных подвигах! Коль многими отвсюду окружен был неприятелями! Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта, извнутрь — стрельцы, раскольники, козаки, разбойники. В доме от самых ближних, от своей крови злодейства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его приуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболезненно! К радости в радостное время обратимся. Помог Всевышний Петру преодолеть все тяжкие препятствия и Россию возвысить. Споспешествовал Его благочестию, премудрости, великодушию, мужеству, правде, снисходительству, трудолюбию. Усердие и вера к Богу во всех Его предприятиях известна: первое Его веселие был дом Господень; не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам чиноначальник. Умножал внимание и благоговение предстоящих Своим Монаршеским гласом и вне государскаго места с простыми певцами на ряду стоял перед Богом. Много имеем примеров его благочестия, но один ныне довлеет. Выежжая в сретение телу святаго и храбраго Князя Александра, благоговения исполненным действием подвигнул весь град, подвигнул струи Невския. Чудное видение! Гребут Кавалеры, сам Монарх на корме управляет и к простых людей труду пред всем народом помазанныя руки простирает веры ради. Ею укрепляясь, избыл многократнаго стремления кровожаждущих изменников. Осенил Господь над главою Его силою свыше в день Полтавския брани и не допустил к Ней прикоснуться смертоносному металлу! Рассыпал перед Ним, как некогда Ерихонскую, Нарвскую стену, не во время ударов из огнедышущих махин, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестием одарил Бог не-

сравненною премудростию. Какая важность в рассуждениях, безпритворная в словах краткость, в изображениях точность, в произношении сановитость, жадность к познанию, прилежное внимание благоразумных и полезных разговоров, в очах и на всем лице разума постоянство. Чрез сии Петровы дарования приняла новой вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав против нашего Отечества и Государям — иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая неприятельми корона. Изовсего предреченнаго довольно явствующей, свыше влиянной Ему премудрости споспешествовало Его Геройское мужество: оною удивил вселенную, сим устрашил противных. В самом своем нежном младенчестве показал при военных обучениях безстрашие. Когда все смотрители новаго дела — метания бомб на означенное место — весьма опасались повреждения, младый Государь в близости смотреть всеми силами порывался и слезами Своея Родительницы, прошением Братним и знатных персон молением едва был одержан. Странствуя в чужих государствах для учения, коль многия презирал опасности для обновления России. Плавание по непостоянной морской пучине служило Ему вместо увеселения. Коль много крат морския волны, возвышая гордые верьхи свои, непревратной смелости были свидетели, быстро текущим флотом рассекаемы, в корабли ударяли и с ярым пламенем и ревущим по воздуху металлом в едину опасность совокуплялись — Его не устрашили! Кто без ужаса представить может летящаго по полям Полтавским в устроенном к бою Своем войске Петра между градом пуль неприятельских, около главы Его шумящих, возвышающаго сквозь звуки глас Свой и полки к смелому сражению ободряющаго. И ты, знойная Персия, ни быстрыми реками, ни топучими болотами, ни стремнинами гор превысоких, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набегами непостоянных народов не могла препятить нашествию нашего Героя, не могла удержать торжественнаго въезда в наполненные потаенным оружием и лукавством городы.

Больше примеров о Геройском Его духе для краткости не предлагаю, Слушатели, не упоминаю многих сражений и побед, в Его присудствие и Его предводительством бывших, но представляю Его великодушие, великим Героям сродное, которое украшает победы и больше движет сердца человеческия, нежели храбрые поступки. В победах имеет участие храбрость воинов, споможение союзников, места и времени удобность и больше всего присвояет себе счастие, как бы некоторое собственное свое достояние. Великодушию победителеву все принадлежит единому. Славнейшую получает победу кто себя побеждает. Не имеют в ней ни воины, ни союзники, ни время, ни место, ни само господствующее делами человеческими счастие ни малей-

шаго жребия. Правда, победителям разум удивляется, но великодушных любит сердце наше. Таков был Великий наш защитник. Отлагал гнев Свой купно со оружием и не токмо из неприятелей никто живота лишен не был, как только против Его ополченный, но и безприкладная честь им показана. Скажите, Шведские военачальники, под Полтавою плененные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связания, препоясаны были поднятыми против нас мечами своими; ожидая посаждения в темницы, посаждены были за столом Победительским; ожидая посмеяния, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Победителя вы имели!

Великодушию сродно и часто сопряженно есть правосудие. Первое звание поставленных от Бога на земли обладателей есть управляти мир в преподобии и правде, награждать заслуги, наказывать преступления. Хотя военныя дела и великия другия упражнения, а особливо прекращение веку много препятствовали Великому Государю установить во всем непременные и ясные законы, однако, сколько на то трудов Его положено, несомненно удостоверяют многие указы, уставы и регламенты, которых составление многочисленные для отдохновения, многочисленные ночи сна Его лишили. Докончать и принести к совершенству судил Бог подобной таковому Родителю Дщери в безмятежное и благословенное Ея владение.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако в сердце Его написано было правосудие. Хотя не все в книгах содержалось, но делом совершалось. При всем том милость на суде хвалилась в самых тех случаях, когда многим Его делам препятствующия злодеяния к строгости принуждали. Из многих примеров один докажет. Простив многих знатных особ за тяжкия преступления, объявил Свою сердечную радость приятием их столу Своему и пушечною пальбою. Не отягощает Его казнь стрелецкая. Представьте себе и помыслите, что ему ревность к правде, что сожаление о подданных, что своя опасность в сердце говорила: «Пролита неповинная кровь по домам и по улицам Московским, плачут вдовы, рыдают сироты, воют насилованныя жены и девицы, сродники мои в доме моем пред очами моими живота лишились и острое оружие было к сердцу моему приставлено. Я Богом сохранен, сносил, уклонялся, я вне града странствовал. Ныне полезное мое путешествие пресекли, вооружась явно против отечества. За все сие ежели не отмщу и конечной пагубы не пресеку казнию, уже вижу наперед площади, наполнены трупов, расхищаемые домы, разрушаемы храмы, Москву, со всех сторон объемлему пламенем, и любезное отечество повержено в дыму и в пепеле. Все сии пагубы, слезы, кровь на мне Бог взыщет». Такого конечнаго правосудия наблюдение принудило Его к строгости.

Ничем не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, как безприкладным снисходительством к Его подданным, Превосходен дарованиями, возвышен величеством, возвеличен преславными делами, но все сие больше безприкладным снисхождением умножил, украсил. Часто межь подданными своими просто обращался, не имея великаго и монаршеское присудствие показующаго великолепия и раболепства. Часто пешему свободно было просто встретиться, следовать, итти вместе, зачать речь, кому потребуется. Многих прежде Государей раби на плечах, на головах своих носили. Его снисхождение превознесло выше самих Государей. Во время самаго веселия и отдохновения предлагались дела важныя: важность не умаляла веселия, и простота не унижала важности. Как ожидал, принимал и встречал своих верных! Какое увеселение за столом Его было! Спрашивает, слушает, отвечает, рассуждает как с друзьями; и сколько время стола малым числом пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межь толь многими государственными попечениями жил, как с приятельми, в прохлаждении. В коль малыя хижины художников вмещал Свое Величество и самых низких, но искусных и верных рабов ободрял Своим посещением. Коль часто с ними упражнялся в художествах и в трудах разных, ибо Он привлекал к тому больше примером, нежели принуждал силою. И ежели что тогда казалось принуждением, ныне явилось благодеянием. За отдохновение почитал себе трудов Своих перемену. Не токмо день или утро, но и солнце на восходе освещало его на многих местах за разпыми трудами. Государственныя, правительствующия и судебныя места, им учрежденныя, в его присудствии дела вершили. Различныя художества не токмо Его присмотром, но и рук Его вспоможением к приращению поспешали; публичныя строения, корабли, пристани, крепости всегда видели и имели Его в основании показателя, в труде ободрителя, в совершении наградителя. Чтож Его путешествия или, лутче, быстропарящия летания? Едва услышало глас повеления Его Белое, уже чувствует Балтийское море. Едва путь кораблей Его скрылся на водах Азовских, уже шумят уступающия ему Каспийския волны. И вы, великия реки, Южная Двина и Полночная, Днепр, Дон, Волга, Буг, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Рен и протчия, скажите, сколь много крат вы удостоились изображать вид Великаго Петра в струях ваших? Скажите! Я не могу исчислить! Мы ныне только с радостным удивлением смотрим, по каким путям он шествовал, под которым древом имел отдохновение, из котораго источника утолял жажду, где с простыми людьми, как простой работник, трудился, где писал законы, где начертал корабли, пристани, крепости и где, между тем, как приятель, обращался с подданными своими. Как небесныя свети-

ла течением, как море приливом и отливом, так Он попечением и трудами для нас был в непрестанном движении.

Я в поле межь огнем, я в судных заседаниях межь трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристанéй, каналов, между бесчисленным народа множеством, я межь стенанием валов Белаго, Чернаго, Балтийскаго, Каспийскаго моря и самаго Океана духом обращаюсь. Везде Петра Великаго вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени — и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие и некраткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню Великаго Государя? Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы. Иной завоевал многия государства, но свое отечество без призрения оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованнаго, но с обеих сторон пролил кровь своих граждан ради одного своего честолюбия и вместо триумфа слышал плачь и рыдание своего отечества. Иной многими добродетельми украшен, но вместо чтоб воздвигнуть, не мог удержать тягости падающаго государства. Иной был на земли воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земли пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, однако человеческаго достояния и наследства не имел разума. Других не употребляю примеров, кроме Рима. Но и тот недостаточен. Что в двести пятьдесят лет, от первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципионы, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петр зделал в краткое время своея жизни. Комуж я Героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, каков Тот, который всесильным мановением управляет небо, землю и море: дхнет дух Его — и потекут воды, прикоснется горам — и воздымятся. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют его в человеческом виде. И так, ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великаго, не обретаю.

За великия к отечеству заслуги назван Он Отцем Отечества. Однако мал ему титул. Скажите, как Его назовем за то, что Он родил Дщерь всемилостивейшую, Государыню нашу, которая на Отеческой престол мужеством вступила, гордых врагов победила, Европу усмирила, благодеяниями Своих подданных снабдила?

Услыши нас, Боже, награди Господи! За великие труды Петровы, за попечение Екатеринино, за слезы, за воздыхание, которыя две Сестры, две Дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всех к России благодеяния, награди долгоденствием и Потомством!

А ты, великая Душа, сияющая в вечности и Героев блистанием помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствует, Внук —

наследник, Правнук по желанию нашему родился. Мы Тобою возвышены, укреплены, просвещены, украшены. Ею избавлены, одобрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!

## ГИМН БОРОДЕ

1

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвалну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди разпространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.
Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

2

Попечителна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первой взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.
Борода предорогая...

3

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы.
Кержинцам любезной брат
С радостью двойной оклад
В збор за оную приносит
И с поклоном ниским просит
В вечной пропустить покой
Безголовым с бородой.

4

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лиш разгладит он усы,

Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы:
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.
Борода предорогая...

5

О коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы;
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.
Борода предорогая...

6

Естли правда, что планеты
Нашему подобны светы,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,
В струбе там того сожгут.
Борода предорогая...

7

Естли кто не взрачен телом
Или в разуме не зрелом,
Естли в скудости рожден,
Либо чином не почтен,—
Будет взрачен и разсуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ея плоды!
Борода предорогая...

8

О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,



*Ломоносов в Синоде. Рисунок В. В. и Л. Г. Петровых*

О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?
Борода предорогая...

9

Через многие расчосы
Заплету тебя я в косы
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошелки
И крупичатой муки.
Борода предорогая. .

10

Ах, куда с добром деватся?
Все уборы не вместятся:
Для их многаго числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти!
Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

## ЗУБНИЦКОМУ

Безбожник и ханжа, подметных писем враль!
Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль:
Печаль, что ты язык российской развращаешь,
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Наплюем мы на страм твоих поганых врак:
Уже за 20 лет ты записной дурак;
Давно из гага всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючия лисички;
Никто непоминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробин, на злость твою взирая, улыбался:
Учения ево и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

# ПЕТР ВЕЛИКИЙ

## ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА

Его высокопревосходительству,
милостивому государю Ивану Ивановичу Шувалову,
генералу-порутчику, генералу-адъютанту,
действительному каммергеру, Московскаго университета
куратору и орденов Белаго Орла,
Святаго Александра, Святыя Анны кавалеру

Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново,
Тобою поощрен, в сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспешник и судья.
И многи и сия дана Тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит твой и просвещенный ум,
Где мысли важныя и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкой слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием Твоим восстану ободрен.
Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольнаго примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О, естьлиб было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Еней
Едваб с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Виргилий устыдился.
Уликсовых Сирен и Ахиллесов гнев
Во век бы заглушил попранный ревом Лев.
За кем же я пойду? В след подвигам Петровым
И возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.
Хотя за знание служил мне в том талан,
Однако скажут все: я был судьбой избран.
Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описаны в моих стихах прочтут потомки.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРЬВАЯ.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полкы и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И мiръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Къ тебѣ я вопiю, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
*Петра* Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;



***Титульный лист поэмы Ломоносова «Петр Великий»***

Обильные луга, прекрасны реки брега
И только где живет Российской человек
И почитающи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О, как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым,
Однакож я отнюд надежды не лишен:
Начатой будет труд прилежно совершен.

Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас, как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте Твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.
И естьли в поле сем, прекрасном и широком,
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,
Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь былиб завсегда защитники такия,
Каков Ты промыслом в сей день произведен,
Для счастия наук в отечестве рожден.
Благополучная сияла к ним планета,
Предвозвещая плод в Твои прекрасны лета.
В благодеяниях Твои проходят дни.
О, коль красно цветет Парнасс в Твоей тени!
Для Музы моея Твой век всего дороже;
Для многих счастия продли, продли, о, Боже.

Ноября 1 дня 1760 года

## ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

### СОКРАЩЕНИЕ

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить раззорение и отвратить Государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприемлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинския устья обращает в бегство флот Шведской. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения укрывается в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе сказывает Государь настоятелю тамошния обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничей.

Пою премудраго Российскаго Героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, Премудрость бесконечна:
Пролей свой лучь ко мне, где искренность сердечна

И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великаго гласить вселенной в слух
И показать, как Он превыше человека
Понес труды для нас неслыханны от века,
С каким усердием, Отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя,
Да на Его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки
Познают, что Монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой,
Дабы Российский род во веки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика Дщерь Его щедротой оживит.

Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише
И к подданным любовь всех вышший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабой лирной звон.
Склони, склони свой слух, когда я пред Тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! О земля! О тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от варвар был Азов;
До Меотиских Дон свободно тек валов,
Нося ужасноїї флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром неимоверной.
Уже Великая покоилась Москва,
Избыв от лютаго злодеев суровства,
Бунтующих стрельцов достойной после казни
Простерла вне свой мечь без внутренней боязни.
От дерсскоїї наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасной гром.
От Нарвскоїї обуяв сомнительной победы,
Шатались мыслями и войск походом Шведы,
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем веселилась
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена!
Ты тем всех выше рек, что устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.

О холмы красные и островы зелены,
Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден
И тем толикаго веселия лишен?
Не зрех, как он сиял Величеством над вами
И шествовал по вам пред новыми полками,
Как новы крепости и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли,
Смотрел и утверждал противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому брегу,
Дабы Российскую тем силу разделить,
От Ингерских градов осады отвратить.
Но вдруг пришествия Петрова в север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.

Уже белея пент перед Петром кипит,
И влага уступить шумя ему спешит.
Там вместо чаянных бореи флагов Шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
На Запад и на Юг, на Север и Восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
Перуны мрак густой сверкая разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют;
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает,
К трудам и к крепости на предки ободряет.
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея Бог скоро пошлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,

Едина истинна возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских неугодна;
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды Его поя.
В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой.
В убежища сии склонитесь вы со мной,
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкия вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась, свирепый конь полях
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздохнул, кончает бег, льет токи потовые,—
Так север, укротясь, впоследни восстенал.
По усталым валам понт пену расстилал;
Изчезли облака; сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в мокрых берегах крутясь, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна,
В числе Российских рек безвестна и мала,
Но Предков роком злым Петровых прослыла:
Когда коварнаго свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как Праотцев Его он в север заточил,
Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись береги, зря в славе оных Род.
Меж тем способной ветр в свой путь ззывает флот.
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.

Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана — протти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама,
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новыя светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила;
Бездонный Океан травой, как луг, покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгой зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.
Но ныне пастоит в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящаго не скрыло;
Как пламенна гора казалось меж валов
И простирало блеск багровой из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верьхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.
От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят и к верьху бьют,
Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недосягаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами.
Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол.
На том сего Царя палаты и престол.

Столпы округ его — огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы;
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги межь тучь густых,
Что кажет укротясь нам громовая буря;
Помост из аспида и чистаго лазуря;
Палаты из одной иссечены горы;
Верьхи под чешуей — великих рыб бугры;
Уборы внутренни — покров черепокожных,
Безчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон — жемчугами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен Царь,
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда Царская — Порфира и виссон,
Что сильныя моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни Борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
Воздвигли радостной морския птицы клик.
Он в след к пловущему Герою обратился
И новости судов Петровых удивился:
«Твои,— сказал,— моря; над ними Царствуй век,
Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великой флот; поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобноб сему,
Что должен Океан Монарху своему.

Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен с высокими верьхами
Пречудных стен округ из диких камней град,
Где вольны пленники спасаяся сидят,
От мира отделясь и морем, и святыней
(Пример отеческих от древних лет пустыней),
Лишь только лишены приятнейших плодов
От древ, что подают и пищу и покров:
Не может произвесть короткое их лето,
Снегами в протчи дни лице земли одето.
Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас и ум.
К сим строгим берегам великий Петр приходит.
Внимательный свой взор на здания возводит.
Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена,
Его и воинов с веселием приемлет:

Стрельбе и пению пустыня купно внемлет.
Навстречу с ликом Фирс усердствуя спешит
И, Гостя осенив, в восторге говорит:
«Благословен Твой путь Всевышняго рукою:
Могущество Его предходит пред Тобою.
Он, к сей с высот своих обители смотря,
О именем своем возвеселит Царя.
Живущия Его в сем месте благодати
Причастны новыя Твои да будут рати».
Монарх, от Промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек.
Победы прежния Его благословляет
И к новым торжествам духовно ободряет.

Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел,
Спросил Наставника: «Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?» —
«Великий Иоанн, Твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер.
Он жертву принося за помощь в бранях Богу,
Меж протчими и здесь дал милостыню многу:
Пятьсот изменников, поиманных Татар,
Им в казнь, обители прислал до смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись стены
И, Праотцев твоих усердием снабденны,
В холодной сей стране от бурь покров дают,
Безмолвно бдение и безнаветен труд».
Сие в ответ дал Фирс и, указав на следы,
Где церьковь над врагом семь лет ждала победы,
Сказал: «Здесь каменны перед стеной валы
Насыпаны против раскола и хулы.
Желая ереси исторгнуть, Твой Родитель
Исправить церькви чин послал в сию обитель,
Но грубых тех невежд в надежных толь стенах
Не преклонил ни глад, ни должной казни страх.
Крепились, мнимыми прельщенны чудесами,
Не двигнулись своих кровавыми струями,
Пока упрямство их унизил Божий суд:
Уже в церьковной все послушности живут».

Монарх воспомянул, коль много от раскола
Простерлось наглостей и к высоте престола;
Вздохнув, повествовал ужасную напасть
И властолюбную Софии хитрой страсть.

Ах, Музы, как мне петь? Я тех лишу покою,
Которых сродники, развращены мечтою,
Не тщились за Петром в благословленной путь,
Но тщетно мыслили против Его дерзнуть.
Представив злобу их, гнушаюсь и жалею,
Что род их огорчу невинностью своею!

Какой бодрит меня и лучь, и жар, и шум
И гонит в скорости смущенных тучу дум?
С прекрасной высоты, с великаго Парнасса
Наполнился мой слух пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлон и девять сестр зовут
И нудят совершить священный спешно труд:
«Ты хочешь в землю скрыть врученно смысла злато?
Мы петь тебе велим; и что велим, то свято».
Уже с горы глашу Богинь великих власть:
В спокойстве чтите вы предписанную часть.
Когда похвальных дел вы ходите по следу,
Не подражая в зле ни сроднику, ни деду,
Когда противна вам неправда, злоба, лесть
И в сердце царствует правдивость, совесть, честь;
Премена зла в добро явится дело чудно.
И за попрек хвалу вам заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцев,
Отнюдь отеческих достоинств не имев,
Не мните о себе, когда их похваляю:
Не вас, заслуги их по правде прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради вас пою: для правды, для Петра.

«Пять крат против меня,— Он сказывал,— восстала
И царствовать сестра чрез кровь мою искала.
Измена, с злобою на жизнь мою сложась,
В завесу святости притворной обвилась,
Противников добру крепила злы советы,
На сродников моих и на меня наветы.
Перед кончиною мой старший брат, признав,
Что средний в силах слаб и внутренне не здрав,
Способность предпочел естественному праву
И мне препоручил Российскую державу.
Сестра под образом, чтоб брат был защищен
И купно на престол со мною посажден,
В нем слабость, а во мне дни детски презирала
И руку хищную к державе простирала.
Но прежде, притворясь, составила совет,
К которому бояр и все чины зовет
И церькви твердаго столпа Иоакима;

Душа его была от ней непобедима.
Коварную начав с притворной скорбью речь,
Свои принудила и протчих слезы течь:
«Когда любезнаго Феодора лишились,
В какой печали мы, о небо, погрузились!
Но сверх той вопиет естественный закон,
Что меньший старшему отъемлет брату трон.
Стрельцы и весь народ себя вооружают
И общей пагубой России угрожают.
Все ропщут: для чего обойден Иоанн?
Возложат на него убийством Царской сан!»
Познав такую злость, ответствовал Святитель:
«От жизни отходя, и Брат твой и Родитель
Избрание Петра препоручили нам:
Мы следовали их Монаршеским словам».
Несклоннаго сего ответа ради гневна:
«С народом выбирать,— сказала им Царевна,—
С народом выбирать, не запершись в чертог,
Повелевает вам и общество и Бог».
Толстой к Софиину и Милославской слову,
По особливому сошедшиеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей,
Что нет правдивее премудрых сих речей.
Иоаким со всем представил купно ликом:
«Мы избрали Петра и сердцем и языком.
Ему здесь вручена державы вышней часть:
С престола низвести уже не наша власть».
София, видя их против себя упорство,
Склонила замыслов к иной стезе проворство;
В надежде досягнуть своих желаний злых,
Совет дала венчать на Царство обоих.
Однако Патриарх отнюдь не колебался
И сими от того словами отказался:
«Опасно в обществе многоначальству быть,
И Бог мне не велел того благословить».
И так, восстав от Ней, с Святительми отходит.
Софию страсть владеть в безчувственпость приводит.
Делят на скопищах Москву бунтовщики,
Готовясь ток пролить кровавыя реки.
Предходит бешенство, и наглость, и буянство,
И едка ненависть, и вождь раздоров — пьянство;
Обсели улицы, торги и ворота́;
На расхищение расписаны места.
Без сна был злобный скоп, не затворяя ока;
Лишь спит незлобие, не зная близко рока.

Открылся тайный ков, когда исчезла тень.
Багровая заря кровавый вводит день.
Наруж выходит, что умыслила София
И что Советники ея велели злыя.
Уже изменники-стрельцы збежались в строй
И Милославскаго орудие — Толстой;
Толстой в бунтующих шеренгах разъежжает
И дерзских ложными словами поощряет:
Кричит, что Иоанн, младый Царь, удушен,
Нарышкиными, ах! толь горько умерщвлен.
Тогда свирепствуя жестокие тиранны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней, оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.
Внезапно в ужасе Москва зрит изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.
Колеса тяжкие под пушками скрыпят,
Глаза отчаянных кровавые горят.
Лишь дому Царскаго, что должны чтить, достигли,
Как звери дикие, рыкание воздвигли:
«На месть спешите нам Нарышкиных отдать.
Или мы станем всех бить, грабить и терзать».
Бояре старшие Матвеев, Долгорукой,
Представ, давали в том стрельцам себя порукой,
Что все волнуются, напрасно обуяв,
Что Иоанн с Петром без поврежденья здрав
И только лишь о сем смущении печален.
Сим словом дерзкий бунт был несколько умален:
Все ждали, что бы им младых Царей узреть
И в домы возвратясь, спокойствие иметь.
Увидев из своих чертогов то София,
Что пресекаются ея коварства злыя,
Подгнету буйности велела дать — вина,
Чтоб, снова воспылав, горела внутрь война.
Тут вскоре, разъярясь, стрельцы, как звери дики:
Возобновили шум убийственной музыки.
Подобно как бы всю Москву съедал пожар.
Царица, Мать моя, прошением Бояр
Для утоления всеобщия напасти,
Презрев толь блиской рок, презрев горящи страсти,
Выводит нас с собой на красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнев покрыл ея лицо;
И Брата, и Меня злодеям показала
И, чтоб спокоились, со властью увещала.
Толпами наглые на верьх взбегали к Нам
И, мыль то, кликали обейх по именам.
Обличены в конец и правдой, и присутством,

Хотят оставить злость неправедну с безстудством,
И часть бунтующих в обратной бьют поход.
Царевна, усмотрев, что тихнет злобный род,
Коварство новое в погибель составляет
И искры яркия в сердца стрельцам всыпает,
Сказав им собственну опасность и боязнь,
Что завтра лютая самих постигнет казнь
И те им отомстят, что ныне в оных воле;
Пропущены часы не возвратятся боле.
Как на полях пожар в начале утушен,
Но вдруг дыханием из пепла оживлен,
Сухой тростник траву в дни летни поядает,
И пламень слабыя препятства превышает,—
Подобно так стрельцы, страх с лютостью смешав
И поощрением злодейским воспылав,
В чертоги Царские насильно устремились,
Убийством, наглостью неистово вломились.
Царица, мать моя, среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Где праотцев престол — в палату грановиту,
Ко святости его и к Вышнему в защиту.
В чертогах жалкой стон, терзанье и грабеж,
И раздается крик: «Коли, руби и режь!»
Одни Софиины покои лишь свободны,
И двери Варварам бунтующим невходны.
Для убиения ненужен был в них иск:
На сродников Моих направлен был их рыск.
Внезапно большей шум сердца в нас утесняет:
В злодейственных руках Нарышкин возрыдает.
Не мог ево закрыть и жертвенник святый:
Летит на копия, повержен с высоты.
Текущу видя кровь, рыкают: «Любо, любо!»
Пронзеннаго подняв, сие гласят сугубо.
Сего невинный дух, предтеча к небесам,
Оставил тленну часть неистовым врагам.
Немедленно мечи сверкают обнаженны,
И раздробляются трепещущие члены!
Царицей посланных к стрельцам увещевать,
Чтоб, кровь сию пролив, престали бунтовать,
Подобной лютостью злодеи похищают,
На копия, с крыльца низвергнув, прободают.
Старейших стольников и знатнейших бояр
Подобный умертвил судьбины злой удар.
Там Ромодановский, о горькая кончина!
В последней раз взглянул на страждущаго сына.
Там Долгорукаго почтенный сан и вид
Меж членами других окровавлен лежит.

И красноречием несчастливой Матвеев,
Котораго речьми пронзалась грудь злодеев,
Убит, но в смерти жив: что бледная глава
Движеньем кажет уст нескончаны слова.
Коль много после них не винно пострадали;
С Царицыных очей злодеи дерзско брали,
На беззаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.

О скорбный лютый день и варварством ужасный,
День, Мне и сродникам для пагубы опасный!
Не помрачился он, как дерзостный Борис,
Сей смертоносной змей, Димитрия угрыз,
Когда убивец злой вертел в гортани жало,
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мне чувства изострил мой собственной пример:
Лишь вспомню, вижу я, как злится изувер.
В младенческом уме взор лютый вкоренился.
И, ныне вспомянув, я духом возмутился;
Волнуется во Мне о том со гневом страх,
Как Рождьшая Меня, держа в своих руках,
Мой верьх и грудь Свою слезами обмывала.
Последняго часа бледнея ожидала,
Когда бесчувственной в продерзости злодей,
Гортани копием касаяся Моей,
Ревел: «Скажи, где брат, или Тебя и Сына
Постигнет в миг один последняя година».
О промысл! В оной час ты чудо сотворил,
Злодейску руку прочь злодейской отвратил:
Из жаждущих Моей погибели сыскался,
Ктоб о Моем тогдаж спасении старался.

В то время с Федором и Мартемьяном Лев,
По селам странствуя, скрывались межь дерев,
Вообразив своих невинну страсть, рыдали
И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный муж, при старости Кирил,
Последни Дед Мой дни в затворах тесных крыл.
Других, не своего терзания боялся,
Чтоб крови ток сынов пред ним не проливался.

В отчаяньи, в тоске, в степании, без сна
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущих зверской взор и осажденных бледность
Изображали вдруг насилие и бедность.
Злодейской вольностью плененная Москва
Казалась в пропасти погребена жива.

Как неусыпной червь, тоска всем грызла груди,
Но с светом больше скорбь почувствовали люди.
Везде тревогу бьют. Мятежнической крик,
Наполнив слезный град, до облаков достиг.
Рыканья зверския неистово возносят,
Нарышкина на смерть, ярясь, Ивана просят.
Грозят, что скоро всех постигнет строгой рок,
Прольется по Москве и слез и крови ток.
Но не дошла еще несчастнаго година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду из Кремля разсыпался мятеж:
В рядах, в домах, в церьквах насильство и грабеж.
Там жадность с наглостью на зло соединилась
И к расхищению богатства устремилась.
Презрение святынь, позор почтенных лиц,
Укоры знатных жен, ругательства девиц,
Лишение всего богатства превышали.
В сердцах правдивых стыд превсходит все печали.

Коль вечера сего благословен был мрак,
Что буйство прекратил и скрыл злодеев зрак.
Уже, отяготясь весь день питьем излишним
И из несчастливых домов богатством хищным,
Шатаются, спешат своих достигнуть нор.
Градски врата блюдет их стража и запор.

Царевна, усмотрев, что время протекает,
А умысел ея конца не достигает,
Стрельцам назавтрее велела приступать
И наглость с ковом злым начав соединять,
К Царице шлет больших Бояр для уговору,
Чтоб брата и отца стрельцам дала без спору:
«Уже чинят приступ ко красному крыльцу:
Без выдачи не быть смятения концу».
Для уважения в совете слов Боярских
Представила особ опасность Государских.
Нарочно якобы для утоленья зла
Сама в Родившия Меня чертог пришла.
«Для собственной Твоей и для Детей избавы
Свирепы укроти Стрельцов,— сказала,— нравы,
Спаси Себя и их, опасность отложи
И брата и отца для миру покажи.
Здесь дом Спасителев, защита есть велика,
Кто смеет их отнять от Божескаго лика?»
Последуя судьбе и льстивым толь словам,
Из потаенных мест Нарышкин входит в храм,
В слезах святой олтарь целует и объемлет

И службе Божией усердным духом внемлет:
Готовится принять страдалческий конец.
«Невинность,— говорит,— рассудит сам Творец».
Тут руки Мать Моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданием Свою перерывала речь;
Изсякнув не могли уж слезы больше течь:
«Для отческой к тебе, супружней Мне любови
Не проливай еще Моей невинной крови.
Представь, что сей по мне и Алексею брат.
И дядя, и отец его оставших чад».
София следовать велела за собою
Нарышкину к Стрельцам, подняв его рукою
С притворной жалостью. Царица от тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Как волки хищные, на Агньца наскочили
Стрельцы, невинного внезапно ухватили,
Презрев Царицыных и власть и святость рук,
Бесчестно за власы влекут на горесть мук.
Меж тем сестра себя пред чернью извиняла,
Что братей кровью сей от смерти избавляла.
Царица вне Себя, не зная, что отец
В отсутствие ея неволей стал чернец,
Полуумершим в след на брата смотрит взором
Терпящего толь зло мучение с позором.
Несчастнаго на торг злодеи привлекли
И ложны клеветы, оставя стыд, взвели,
Что будто по своей он безрассудной страсти
Монаршеской искал продерзостию власти.
Без доказателей потом его, терзав,
На копья подняли и кинули стремглав;
Отсекли варварски и руки и главу,
По злости слышат все в народе уж молву.
Там верные рабы преступникам грозили:
«Вы горьку казнь себе изменой заслужили.
Вас мстительный пожрет не укосненно мечь,
И крови, как воде, достойно вашей течь.
Начала только ждем: велика вся Россия
Исторгнет корень ваш за возмущенья злыя».
Стрельцы, хотя рабам сулили дать свободу
И, крепости подрав, сказали то народу,
Однако никакой не следовал успех.
Уже уразумев, что трудно встать на всех,
Свирепость праздником всеобщим окончали,
На царство брата вдруг со Мною увенчали.
София воздала преступным мзду и честь,
И граматы Москвой на злых главах пронесть

Велела в торжестве, чтоб скрыть свои затеи:
Безвинные звались по смерти их злодеи.
Побитых имена читались на столпах
И верным Отчеству в сердца вливали страх.

Едва сей бурный вихрь несчастьем укротился,
И Я в спокойствии к наукам обратился,
Искал, где знания сияет ясной лучь,
Другая мне гроза и мрак сгущенных тучь
От суеверия и грубости восходит
И видом святости сугубой страх наводит.
Ты ведаешь раскол, что начал Аввакум
И пустосвят-злодей, его сообщник дум,
Невежество почет за святость старой веры,
Пристали ко стрельцам ханжи и лицемеры:
Хованской с сыновми, и Мой и церькви враг,
Не устыдился быть в совете побродяг.
Здесь камни сношены к стенам на Капитонов;
Там камни бросаны против святых законов.
О церковь! О святынь исполненный олтарь!
О как дерзнула к вам коснуться злобна тварь!
Не можно их почесть в сообществе словесных,
Что смысл, и совесть их, и честь в пределах тесных.

Приносит службы долг муж свят Иоаким;
Мятежники вошли в храм сонмищем своим
К лицу Святителя для вреднаго раздора,
Скрывая крамолу под именем собора.
Когда от дерзости их кротко отвращал
И мирной разговор о вере обещал,
«Ты волк, ты хищник злой»,— бесстыдно с шумом лают
И каменьем в него и в клир его бросают.
От наглых Патриарх тогда еретиков
К Монархам принужден склониться был в покров».

## ПЕСНЬ ВТОРАЯ

### СОКРАЩЕНИЕ

От Белаго моря путешествуя, Петр Великий к Шлиссельбургу через Олонец осматривает горы и, приметив признаки руд и целительных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожского озера, пожирающего волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению новаго великаго

города и корабельной пристани на Балтийском море, подает Ему мысль соединить Волхов с Невою впредь великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде, окружена новыми Его войсками и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женской пол присылают из города просить о выпуске, на что отказано: Российское-де войско не затем город обступило, что бы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному приготовлению дан знак к приступу. Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лествицы коротки, и Шведы, обороняясь храбро, причиняют немалой вред Россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лествицами наступление учинить благополучнее. Посланному главной предводитель на приступе Князь Голицын ответствовал, что уже большая трудность преодолена, а естьли снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре, чиненым разорваным бревном зброшен с приступной лествицы, упал за мертво на землю. Между тем почти без предводительства Россияне на город стали всходить, и Шведы, спасения отчаясь, подают знак к здаче. По вступлении оных выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тех Героев,
Что, следуя Петру по жатве многих боев,
Торжественные в век приобрели венцы,
Отечество в земны прославили концы,
Я вашим мужеством в труде сем ободряюсь
И сердцем и умом меж вами обращаюсь:
Воюйте счастливо, сравните честь свою
Со предков похвалой, которую пою.
Военны подвиги Петровы начинаю,
В отцах и дедах вам примеры представляю.
Неустрашимость их изобразит мой глас,
Что чувствуете вы наследственную в вас.
Ступая мужески в похвальные их следы,
Монархине своей приносите победы,
Где ваш оружный звук восходит до небес
И по путям везде растет лавровой лес.
Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпрея,
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом Его встречали Короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя Его в Великой Дщери.
Противныя страны геройством и трудом
Вы в собственной себе преобратили дом,

И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багряницe,
Чтоб нашей радостью украсить новый год,
Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежныя, рожденныя весною,
Повеют, бодрому споспешествуя строю;
Прохладная роса от благовонных трав
К отраде вам прольет обилие забав.
Богатые плоды в дни летние пожните.
Монархине своей сторичный принесите.
Завистникам своим не оставляйте зерн;
Оставьте плевы им, сухой тростник и терн,
Чтоб чувствуя в груди язвление, их злоба
Несноснее почла затворов мрачных гроба;
Чтоб гордостью своей наказанный Берлин
Для беспокойства царств не умышлял причин
И помнил бы, что Петр ему был оборона:
Его десницею удержана Корона,
Чем ныне красится среди земных Владык.
Великим он Петром на свете стал велик.
Всех ныне дел Его имеет Дщерь наследство;
Пусть Карловых он дней себе представит бедство.
О коль бы в жизни я благополучен был,
Когда бы действие усердых ваших сил,
Изобразив в водах прохладной Ипокрены,
Воспел, с подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветиных певцом бы стал побед;
Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.

Где Ладога в Неву вливает быстры воды,
Стеною огражден тут остров в древни годы.
Российска сей оплот поставила рука.
С негодованием шумела вкруг река,
Что проливалася в чужую власть насильно:
Спасенна ныне к нам несет дары обильно,
Во влаге начертав Петрова града вид,
Что красит Дщерь Его, покоит и живит.
Блаженныя струи брег туком напаяют,
Прохладной влагой всю окрестность ободряют
Защитникам своим похвальной внемлют стих,
Всю тягость позабыв отверженных вериг.

В нещастье некогда Россия утомленна
Вечерних сих брегов крушилася лишенна,
Как Готские полки для помощи пришед,
В противность нанесли странам Российским вред;

Как тягость сил своих Москву повергла к низу,
Дряхлея, сетуя, оделась в мрачну ризу,
Лишенна красоты Монаршаго венца,
Злощастью своему не видела конца.
Измена, зависть, злость, раздор, братоубивство
Преобратили все в погибель, в кровопивство.
Изчезло истинных рачение похвал;
Везде свирепый рок отечество терзал,
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
Смотря на праотцев, на славну Россов древность,
Пресекла наконец победою напасть,
И обществом дана Петрову Деду власть.
Младый Монарх во град поверженный приходит
И на развалины плачевный взор возводит.
Отрада Россов всех по скорби, Михаил,
О, как крушился Ты, рыдал и слезы лил!
Что мыслил ты, ступив на высоту престола,
Стоящаго среди плачевнаго всем дола?
Там храмов Божиих старинный труд — верхи
По стогнам и по рвам повергнули враги.
Еще восходит дым от хищнаго пожара,
И воздух огустел от побиенных пара.
На торжищах пустых порос колючей терн,
Печальной Кремль стоит окровавлен и черн.
Чертоги Царские, церковныя святыни
Подобно сетуют, как скучныя пустыни.
О горесть! Но Твоя великая душа,
В геройской младости утешить нас спеша,
Присутством и трудом печальных ободряет,
Отечество из бездн глубоких воздвигает.
К приумножению благословенных днеи
Наследовал Тебе подобный Алексей.
Он Россам возвратил старинное наследство.
Злодеев истребил и усмирил соседство.
Обратно приобресть вечерния страны
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Ореховец стесняется в осаде
И в каменной крепясь противится громаде;
Российским воинством отвсюду окружен,
Но Готской гордостью в надежде вознесен.
На бреги, на валы, на множество взирает
И, видя новые полки, пренебрегает;
К пособству призывать старается с границ.
Поставив знамена на высоте стрельниц.
Тогда Кексгольмская уразумев Корела
К осадным на судах притти не укоснела.

Прибывшим воинством противник подкреплен
И пищей и ружьем избыточно снабден,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
Надеясь получить от Карла помочь скору.

Монарх наш, преходя Онежских крутость гор,
Свой проницательной кругом возводит взор
И, видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны метáллически соки,
Богатства, здравия являются ключи,
Блестят из мрачных мест сокровищей лучи,
Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотыя,
Но ныне для твоей бессмертной похвалы
Спешу против врагов чрез горы и валы.
Железо мне пролей, ражженной токи меди;
Пусть мочь твою и жар почувствуют соседи
И вспомнят, сколько нам произвели обид».
Надеждой, ревностью блистал Геройский вид.

Принесши плод, земля лишилась летней неги;
Разносят бледной лист бурливых ветров беги;
Летит с крутых верхов на Ладогу Борей,
Дожди, и снег, и град трясет с седых кудрей,
Наводит нá воду глубокия морщины.
Сквозь мглу ужасен вид нахмуренной пучины;
Смутившись тягостью его замерзших крыл,
Крутится и кипит с водой на берег ил.
Волнами свержены, встречают гору волны
И скачут круг нея, печальных знаков полны;
Между запасами колеблется там дуб,
Между снарядами пловцев Российских труп;
Там кормы, дна судов рассыпаны, разбиты.
Монарх, узрев в пути, коль злобен рок несытый,
Вздохнул из глубины и буре запрещал
И в сердце положил великий труд — Канал.
Дабы Российскою могущею рукою
Потоки Волхова соединить с Невою.

О реки блиския, но прежде разделенны,
Ликуйте, тщанием Петровым сопряженны;
Струями по томуж играючи песку,
Забудьте древнюю друг ó друге тоску.
Вливайте Вы себе взаимную отраду,
Благодаря, плоды к Его носите граду.

На свой ты, Волхов, рок негодовал в пути,
Что не в Неву тебе, но в Ладогу итти
Судьбой поставлено и бурями терзаться
И, силы потеряв, едва в нее вливаться.
Коль часто ты вздыхал, чтоб вкупе завивать
Струи и в море вдруг течение скончать.
Ты выше берегов, смущаясь, поднимался,
То под землей сыскать ход тайной покушался.
Везде против любви поставлен был оплот.
Не мог ты одолеть ни хлябей, ни высот,
Пока Великий Петр, презрев упругость рока,
Тебе дал путь и нам довольство от востока.

Он, оком и умом в округ места обшед,
Избранные полки к Ореховцу ведет.
Животворящему Его прихода слуху
От Ладоги в Неву флот следует по суху.
Могущих Росских рук не воспящает лес;
Пример изображен тут Ольговых чудес:
Пред Цареградскими высокими стенами
Он по полю в ладьях стремился парусами.
Здесь вместо ветра был усердый наших дух
И вместо парусов спряженны силы вдруг.
Уже суда, ходя по собственной Стихии,
На Шведской брег везут защитников России;
Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, к торжеству.
На ров, па вал бегут, врагами укрепленный,
Даются Шведы в бег, от Россов устрашенны.
И Шереметев, став на оном берегу,
Отвсюду запер путь к спасению врагу.
Уже к начальнику под крепость посылает,
Свободный выход всем без бою обещает.
Что им против Петра не можно будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду проливать.
И здача города не будет им зазорна.
Но Готы, помощи надеяся от Горна,
Сказали: от него приказу к здаче ждут.
На лживой их ответ громады вдруг ревут,
Пылают всех сердца, присутствием разжженны,
От сил их потряслись упорства полны стены.
Обширность воздуха курению тесна,
И влажная огнем покрыта быстрина.
Гортани медныя рыгают жар свирепый;
Пылая, зелие железны рвет заклепы.
Представь себе в пример стихий ужасный спор,
Как внутренность кипит воспламененных гор,

Дым, пепел и смола полдневну ясность кроют,
И выше облаков ражженны холмы воют,
Трещат, расседавшись во облачной воде,
Сугубят гром и страх, сражаясь в высоте,
Грознее, как в земном ярились прежде чреве.
В таком трясении, во пламени и реве
Стоит, отчаявшись, противу Росса Швед,
В ничто вменяет кровь и презирает вред.
Однако в пагубе, в смятении великом
Подвигнут женским был рыданием и криком.
Растрепанны власы и мертвость бледных лиц,
И со младенцами повергшияся ниц
Мужей к смягчению Россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
И дух ваш на мужщин пусть будет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».
От предводителя осады дан ответ,
Что толь свирепаго у Россов нраву нет:
Между супругами неучинят разлуки;
Вы, вместе выступив из стен, избавьтесь муки.
С отказом зашумел из жарких тучей град,
Перуны Росские и блещут и разят.
Напрасно из дали противны подъежжают
Осадных выручать: ни в чем не успевают.
Готовится везде кровопролитной бой,
И остров близ врагов под нашей стал пятой.
Приемлет лествицы охотная дружина;
Перед очами их победа и кончина.
Иным летучей мост к течению готов,
Иные знака ждут меж Ладожских валов.
Дивятся из дали в стенах градских пожару,
Призывнаго на брань неслышавши удару.

Как туча грозная, вися над головой,
Надута пламенем, сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет, почернев, путь дневному светилу,
Внезапно разрадясь, стисняет громом слух,
И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух,
Сугубят долы звук и пропасти глубоки,
И дождь и град шумит, и с гор ревут потоки —
Земля, вода, леса, поколебались так,
Когда из многих вдруг жерл медных подан знак
И Ладога на дне во глубинах завыла.
Стоящая над ней самоизвольна сила,

Удара и часа урочнаго дождав,
Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
Им к разным путь смертям, течение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище ужасно!
От весел шум и скрып, свист ядр и мáхин рев
Гласят противникам Петров и Божий гнев.
Они, упрямством злым еще ожесточенны,
Покрыв смертельными орудиями стены,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Как вихри сильные, стесненные грозою,
Полки Российския сперлися пред стеною.
К приступу Карпов, вождь Преображенских сил,
Всех прежде начал бой, всех прежде смерть вкусил.
Свинцом лежит пронзен сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись дал знать с душей и с храбростью разлуку.

Сквозь дым, сквозь кровавых сверкание мечей
Вперяет бодрых Петр внимание очей
И лествиц краткость зрит, поставленных к восходу,
В приступе Своему губительны народу;
Не могут храбрые стен верьху досягнуть
И тщетно верную противным ставят грудь,
Стремяся отвратить ражение их встречно.
О коль велико в Нем движение сердечно!
Геройско рвение, досада, гнев и жаль,
И для погибели удалых глав печаль!
Смотря на воинства упадок бесполезный,
К стоящим близ Себя возвел зеницы слезны:
«Что всуе добрых Мне,— сказал,— сынов губить?
Голицыну спеша велите отступить».
Примером показал Монарх наш, что Герои
Не радостию чтут кровопролитны бои:
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след.

Меж тем подвижники друг друга поощряют
И лествиц мужеством короткость дополняют.
Голицын пламенем отвсюду окружен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим совершен;
Чрез отступление от крепости обратно
В другой еще приступ погибнет войск двукратно.
И есть ли Государь желает город взять,
Позволил бы нам бой начатый окончать».
С ответом на стену пред всеми поспешает,
Салдатам следовать себе повелевает:
«Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат;

Преславно торжество, конец ваш будет свят.
Дерзайте мужеством отечество прославить,
Монарха своего победою поздравить».
На копья, на мечи, на ярость сопостат,
На очевидну смерть Россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало разжжено.
Он сринут, побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченной болезнью нудит глас.
Ревнители его и слову и примеру,
Держа в уме Царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег,
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав, ярятся,
И скачущих верьхи кудрявые крутятся,
Старинных корни древ и тяжки камни рвут.
С обеих сторон стоял сомненный рока суд.

Меж тем ревнительны сердца к звездам восходят.
Святаго с горних мест Героя в мысль приводят.
Поборник Александр из древле сих брегов
Зрит, грозно ополчен над ними, на врагов.
Уже высокий всход с землей быть мнится равен,
И Ярославов сын, среди зарей преславен,
Являя сродный зрак Великаго Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра.
Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильнаго плеча,
Броней, копья, щита, и шлема, и меча
Воспомянув, места веселый плеск воздвигли,
Что избавления желаннаго достигли;
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен.

В священной дерзости то представляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия достоин,
Высок усердием, надеждою легок,
Чрез мертвыя тела на свой ступает рок.
По крепких подвигах, к успеху не удобных,
И по волнениях противных и способных
Взливается на стен кровавых высоту,
Наводит на врагов боязнь и тесноту.
Наполнился весь град рыдания и плача.

Уже не Нарвская, о Готы, вам удача,
Не местничество здесь и не оплошной Крой,
Не старой брани вид, не без порядка строй:
Великий правит Петр рожденное им войско,
И Шереметева рачение Геройско
Отмщеньем дышущих бодрит напор сердец.
Увидев крепости в сражении конец,
Вы неизбежну смерть покорством предварили
И белой к здаче знак по ветру распустили.

Умолкнул грозный звук со обоих сторон,
Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
Вандалы выпуску с военной честью просят
И городских ворот ключи Петру приносят,
На Победителя в восторге взводят взор
И укрепляют свой о здаче договор.
Коль радостная там, коль красная премена!
Ужь веют на стенах Российския знамена,
Изображаются, Нева, в твоих струях.
Тимпанов мирный шум при радостных трубах
Забыть велит сердцам минувших тучей громы;
И Шведы тщатся в путь свои достигнуть домы.

Обычай воины из древних лет хранят,
Чтоб храбрых почитать по здаче сопостат:
Признаки мужества в руках их оставляют
И славу тем своей победы уважают.
Победоносец наш жар сердца отложил
И первый кротостью успех свой посвятил:
Снабдил противников к отшествию судами.
Оставив стену, зрят прискорбными очами.
Распущенны на ветр знамена, трубный шум
Печальной радостью теснят их вольной ум.
На волю им пути прискорбны — стен проломы,
Что отворили им из рук Российских громы.
По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.

В Отечестве сказать сей случай поспешайте,
И побежденны быть от Россов привыкайте;
Скажите ваш домой почтительный возврат,
Что выпущены вы пространством новых врат;
И Карлу вашему победу возвестите,
Что Петр Отечеству и к славе и к защите
Над вами получив, наследство возвратил
И ближе к Швеции простер шум орлих крил.
Пускай в Германии Герой ваш успевает,

Отверсты городы свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать,
Неспорит межь собой развратна прежде рать:
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят в полках единодушны.
Движением своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову;
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.

Разливы Невские на устиях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят.
Там Нимфы по брегам в веселии ликуют,
И в осень Зефиры между древами дуют,
Вменяя, что лице земное разцвело.

Тогда возвел Монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости другов своих обратных.
Отрада всех живит стократно выше бедств;
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, Государь, Твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты,
И промысл дал Тебе земли и моря ключь:
По их обширности распростирай Свой лучь.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,
Лишь только бы Твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает Твой».
Усердным толь речам Петр радостно внимает,
Но, к городским стенам приближась, воздыхает,
Смотря на разныя повержения тел,
Кому как умереть предписан был предел;
Прощается у них печальными устами:
«О други верные, я вашими кровями
И общих и Своих преодолел врагов;
Небесных радуйтесь сподобившись венцов.
Примером с высоты другим по вас сияйте
И мужество в сердца полкам Моим вливайте».
Рыдание конец был жалкой речи сей,
И манием дал знак к сокрытию костей.

Чрез стены проходя, от древности наследны,
Что были долго нам междоусобства вредны,

Он оком облетел преодоленный град;
Рассмотривает Сам все множество громад:
Между различными едина изваянна
Великим именем являет Иоанна.
Сей бодрый Государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя, Татары
Во век отчаялись над Россами побед:
Скончался с гордостью Ордынскою Ахмет.
Сие старинное орудие военно
В смущенны времена осталося плененно.
На выгоды свои, на знаки наших бед
Смотря с веселием, тогда гордился Швед.
Теперь против него обратно пусть пылают
И вместо радости во брани устрашают.
Коль многи тягости оружий роковых,
Что в приступлении вредили нас и их,
Лежат по улицам и бомб и ядер кучи,
Наметанные там из грозной Россов тучи.
Меж целыми число расседшихся громад,
Что выше сил своих на нас пускали град.
Там потрясенный дом на дом другой склонился,
Иной, на улицу повержен, разрушился.
По всходам, по стенам, по кровлям — угли, прах
Показывают вид, каков был самой страх,

О смертные, на что вы смертию спешите?
Что прежде времени вы друг друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи, вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним во веки затворил.
Готовому вступить во брачныя чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В средине лутчих лет иной, устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь здрав пребыть умом:
«Отныне поживу и наслаждусь трудами»,—
Но час последней был, скончался со словами.
Коль многи обстоят болезни и беды,
Которым, человек, всегда подвержен ты!
Кроме что немощи, печали внутрь терзают,
Извне коль многия напасти окружают:
Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
Трясение земли, свирепы звери, глад.

Падение домов и жрущие пожары,
И град, и молнии гремящие удары,
Болота, лед, пески, земля, вода и лес
Войну с тобой ведут и высота небес.
Еще ли ты войной, ещель не утомился
И сам против себя во век вооружился?
Но оправдал тебя военным делом Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и щедр,
Притом и мечь простер и на море и в поле.
Сомнительно, чем Он, войной иль миром, боле.
Другие в чести храм рвались чрез ту вступить,
Но ею он желал Россию просветить.
Когда без опыя не ввел к нам просвещений,
Не может свет стоять без сильных воружений.
На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул Храм наук!
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.

Посмотрим мыслепно на прежни времена:
Народам первенство везде дает война,
Науки с вольностью от зверства защищает
И храбрых мышцею ростит и украшает.
Оружие дано природою зверям,
Готовить хитростью судьба велела нам.
Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют пращами и напрягают луки.

Открой мне бывшия, о древность, времена!
Ты разности вещей и чудных дел полна.
Тебе их бытие известно все единой:
Что приращению оружия причиной?
С натурой сродна ты, а мне натура — мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.

Уже далече зрю в курении и мраке
Нагово тела вид, не явственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывныя слова:
«Так должно древности простой быть и не ясной,
С народов наготой, с нетщанием согласной!»

Велит: «Ты зрение по свету обведи
По мест различности, и веки рассуди,
И мыслыми обратись на новые народы».
Простерла руку в даль из облаков чрез воды:

«Там вместо знания военных всех наук
Довольна мнится быть едина твердость рук;
Там знают напрячись коленом и бедрою.
Нагая грудь и лоб, броня и шлем есть к бою;
Иные, камни взяв с земли, друг друга бьют,
Сломив уразину, нагия члены рвут.
Дреколия концы огнем там прижигают
И заострившн их, противников пронзают.
Там тучи страшныя на воздуха предел
Терновых, костяных, железных воют стрел.
При накрах движут дух свирели, барабаны,
И повость стен трясут пороки и тараны.
Но инде с ужасом трудолюбивой ум
Услышал для войны огня приличной шум.
Европа тем гремит, сама в себе пылая;
Коль часто фурия свиреиствует в ней злая!
Кровавая война от века так течет,
Так хитрость бранная от первых дней растет.
Рок кровью присудил лице земли багровить;
Монархам надлежит оружие готовить.
Ваш Петр за широту пределов мечь простер,
Блаженству Росскому завиствующих стер.
И ныне Дщерь торжеств бессмертность утверждает,
Огней ражение искусством умножает.
Елисаветины военные дела,
Как мирные, во век венчает похвала».

Уже Россияне мест дряхлость очищают
И рухлость стен, стрелниц прилежно укрепляют,
Дабы лежащий град восстал и был готов
Оружие поднять и отвратить врагов.
Преславный в путь вступил Вандалов Победитель
Во град, где Праотцы и храбрыи где Родитель
Оставили своих заслуг великих знак.
Коль радостен там был Москвы священный зрак!

Но, муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:
Безмерно больше труд на предки настоит,
Тогда представь сея Богини светлыи вид.

# СТИХИ, СОЧИНЕННЫЯ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,

## когда я в 1761 году ехал просить о подписании привиллегии для Академии, быв много раз прежде за тем же

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истинне ты перед нами царь:
Ты Ангел во плоти иль, лучше, ты безплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому;
Не просишь ни о чем, не должен ни кому.

## НОЧНОЮ ТЕМНОТОЮ

Ночною темнотою
Покрылись небеса.
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон.
Приятной перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал;
«Согрей обмерзло тело,—
Сквозь дверь он отвечал,—
Чего ты устрашился?
Я — мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши ни мало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,

Лук стянут тетивой.
Жалея о нещастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
До суха выжимал.
Он чуть лиш ободрился:
«Каков то,— молвил,— лук?
В дожже, чать, повредился».
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Оп громко засмеялся
И тот час заплясал:
«Чего ты испугался? —
С пасмешкою сказал,—
Мой лук еще годится:
И цел, и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отныпь, хозяин мой».

## РАЗГОВОР С АНАКРЕОНТОМ

### АНАКРЕОНТ

#### ОДА I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли по неволе
Любовь мне петь велят,
О Вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

## ЛОМОНОСОВА ОТВЕТ

Мне петь было о нежной,
Анакреонт, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови.
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны по неволе
Звучат геройскиї шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум.
Хоть нежности сердечноі
В любви я не лишен,
Героев славоі вечноі
Я больше восхищен.

## АНАКРЕОНТ

### ОДА XXII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала.
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог!
Не лучшель без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезноі посылать?

## ЛОМОНОСОВА ОТВЕТ

Анакреонт, ты, верно,
Великоі Философ:
Ты делом равномерно
Своих держался слов;
Ты жил по тем законам,

Которые писал,
Смеялся забабонам,
Ты петь любил, плясал.
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить.
Возьмите прочь Сенеку:
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

## АНАКРЕОНТ

### ОДА XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».
Я не тужу нимало,
Ещель мой волос цел.
Иль темя гладко стало.
И весь я побелел.
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

## ЛОМОНОСОВА ОТВЕТ

От зеркала сюда взгляни, Анакреонт,
И слушай, что ворчит нахмурившись Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреонт, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок;
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой:
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножем он сам себе был смертный супостат;

Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдруг и сходства понял я.
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

## АНАКРЕОНТ

### ОДА XXVIII

Мастер в живописте первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри чорны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И, как снег, представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну с другою,
Не разставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали,
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь.

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям разцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усмиенной взгляд.

Надевай же платье ало
И нетщись всю грудь закрыть,

Чтоб, ея увидев мало,
И о прочем разсудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молвиж, дорогоїї портрет.

## ЛОМОНОСОВА ОТВЕТ

Ты счастлив сею красотою
И мастерством, Анакреонт,
Но счастливее ты собою
Через приятной лиры звон.
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную мать.

О мастер в живописстве перьвоїї,
Ты перьвой в нашеї стороне
Достоин быть рожден Минервоїї.
Изобрази Россию мне.
Изобрази ей возраст зрелоїї
И вид в довольствии веселоїї,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.

Потщись представить члены здравы,
Как должны у Богини быть:
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить;
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи
И брови выведи дугоїї,
Что кажет после тучь покоїї.

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедеїї,
Коль можно хитростью твоеїї.

Одень, одень Ее в порфиру,
Даїї скипетр, возложи венец,

Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец.
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви Мать
И повели войнам престать.

## ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

**на преславное ея восшествие на всероссийский императорский престол июня 28 дня 1762 года, в изъявление истинной радости и верноподданнаго усердия искренняго поздравления приносится от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова**

[1]

Внемлите, все пределы света,
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церьковь и чертог.
Она или Екатерина!
Она из обоих едина!
Ея и бодрость, и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род.

[2]

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов,
Толь дом твой в недрах безопасен:
Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь,
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь — тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
От трех в сей век Богинь дана.

[3]

Петра Великаго Супруга,
Взведенная самим на Трон,
Краса и честь земнаго круга
И слава скиптров и корон,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго строю
Дает спасительный совет,
Военно сердце умягчает;
И, мир прияв, облобызает
Ражженный яростью Магмет.

[4]

Елисавета царством мирным
Российския мягчит сердца
И, как дыханием зефирным,
Взираньем кроткаго лица
Вливает благосклонность в нравы,
В войнах не умаляя славы.
Возложенной себе венец
Победой, миром украшает,
Трофеями превозвышает
Державы своея конец.

[5]

В сии прискорбны дни природным
Российским истинным сынам
Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам.
Мы, кротости Богинь навыкнув
И в счастье, ими данно, вникнув,
Судбину тщимся отвратить.
Уже для обществу покрова
Согласно всех душа готова
В Ней Дщерь Петрову возвратить.

[6]

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных? —
О стыд, о странной оборот! —
Чтоб кровью купленны Трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар

И данную залогом веру?
В тебе, Россия, нет примеру,
И ныне отвращен удар.

[7]

Любовь Твоя к Екатерине,
Екатеринина к Тебе
Победу даровала ныне;
И Небо верной сей Рабе
Без раздробляющаго звуку
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

[8]

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он, взором смутен, пробудился
И произносит глас таков:
«Я мертв терплю несносну рану!
На толи вселюбезну Анну
В супружество Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

[9]

На толь, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возрасли беды?
На толь воздвиг Я град священный,
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальныя границы,
Которы Я распространил?»

[10]

О Тень великая, спокойся:
Мы помним тьмы Твоих заслуг;
Безмолвна в вечности устройся:
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим Твоей любови,
Не пощадим последней крови:

Спешим Отечество покрыть
Во след премудрой Героине,
Любезной всем Екатерине,
Любезны Ей и верны быть.

[11]

Что чаяли вы, Невски Музы,
В великий оный громкий час?
«Согласны мыслей всех союзы
Веселый возвышали глас!»
Как звали ревностну присягу?
«Благословенную отвагу!»
Что зрели, как закрылся день?
«Нам здешние брега и волны
Величества, приятства полны
Сквозь тонкую казались тень!

[12]

Среди избраннейших Героев
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев
Сверкает Красота мечем
И нежность пола уважает
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за Нею,
Гласит устами и душею:
Так шла на Трон Елисавет!»

[13]

Гряди, Российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опаснстям конец.
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная Триумфов брань
Постыждена поносным миром
И сопостат, почтен Кумиром,
От нас приемлет в жертву дань.

[14]

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.
Туманы, мраки разгоняя

И радость нашу предваряя,
Поля, леса, брега живит;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет
Избавившей Богини вид.

[15]

В удвоенном Петрополь блеске
Торжественный подъемлет шум,
При громком восхищаясь плеске,
Отрадой возвышает ум;
Взирая на свою избаву,
На мысль приводит прежню славу.
В церьквах, по стогнам, по домам
Несчетно множество народу
Гремящу представляет воду,
Что глас возносит к небесам.

[16]

Теперь злоумышленье в яме,
За гордость свержено, лежит:
Екатерина в Божьем храме
С благоговением стоит,
Хвалу на Небо воссылает,
И купно сердце всех пылает
О целости Ея и нас;
Что Вышний крепкою десницей,
Богиню нам подав Царицей,
От гибели невинных спас.

[17]

Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Бог благословит ваш дом.

[18]

О коль велико, как прославят
Монарха верные раби!
О коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!

Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру:
Она — свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякаго щита.

[19]

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседам дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На толь склонились к вам Монархи
И согласились Иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить.

[20]

И вместо, чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей?
Искусство нынешне доводом,
Что было над Российским родом
Умышлено от ваших глав
К попранью нашего закона,
Российскаго к паденью Трона,
К рушению народных прав.

[21]

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святаго олтаря.

[22]

О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен

И всех сердца в руке иметь.
Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдруг:
Щедроты, веру, справедливость,
И с постоянством прозорливость,
И истинной Геройской дух.

[23]

Осмпатцать лет Ты украшала
Благословенный дом Петров;
Елисавете подражала
В Монарших высоте даров,
Освобождая утесненных
И ободряя оскорбленных,
Склонила высоту небес
От злой судьбы Тебя избавить,
Над нами царствовать поставить
И отереть нам токи слез.

[24]

Науки, ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на Престол.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам;
Скажите, что для просвещенья
По всюду утвердит ученья,
Создав прекрасны храмы вам.

[25]

А Ты, о Отрасль вожделенна,
Спасенная от сильных рук,
Будь жизнь Твоя благословенна,
Прекрасна посреде наук;
Дражайший Павел наш, мужаїся,
В объятьях Рождьшей утешайся
И бывши скорби забывай.
Она все бури успокоит,
Щедротой, ревностью устроит
Тебе и нам прекрасный рай.

[26]

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил

Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.

## СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ Е[Я] ИМП[ЕРАТОРСКОМУ] В[ЕЛИЧЕСТВУ] НА ОСВЯЩЕНИЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, ИМЕНЕМ ЕЯ ГОВОРЕННОЕ

Радеть о благоденствии общества, защищать оное прозорливым мужеством, управлять милосердым правосудием, обогащать домостройством и купечеством, просвещать науками, украшать художествами есть великих монархов упражнение, каковаго довольные радостные примеры в двулетное еще только время благославеннаго царствования вашего императорскаго величества оказанныя, ободряют благополучную Россию.

Нынешний день умножает ясныя доказательства неусыпнаго попечения вашего о приращении общих удовольствий торжественным освящением сего важного учреждения, простирающагося к украшению Отечества, к увеселению народа, ко введению в России дивных дел, почитаемых издревле от всего света к похвальному употреблению домашних избытков, к поселению в России трудолюбия и ко всеконечному истреблению невежества.

Коль великаго уважения достойно таковое благодеяние, за которое тем большее должно воздавать благодарение, чем обширнее распространяется пользою! Хотя опую и не всяк ныне объемлет и мыслям представляет, чего со временем ожидать должно, однако просвещенное сие собрание любителей, почитающих искусства, а паче сама сия расцветающая под всемилостивейшим покровом вашего императорскаго величества Художеств Академия изображает ясно и благодарности своея чувствия по достоинству изъявить усердствует, что не токмо слабым моим словом, но ниже самым полным красноречием начертано быть может.

Ибо когда помыслим о само́м великом сем даре, врученном от премудрыя и щедрыя благодетельницы, находим в нем усугубление внутренняго богатства, доброхотным промыслом даннаго в участие возлюбленному нашему Отечеству.

Лишь только посмотрим в пространные пределы обширнаго вашего владычества, везде богатыя видим материи, которыя из неупотребления в пользу, из грубости в приятность, из простоты в великолепие, из презрения в славу превратить может трудолюбие художеств, вашею монаршескою щедротою питаемых, вашею властию покрываемых и оживляемых люблением вашим.

Архитектурное искусство, напрягая сильныя плечи и обращая великия дерева и тяжкие камни, воз[д]вигнет здания, к обитанию удобныя, для зрения прекрасныя, для долговременности твердыя.

Скульптурнаго художества удобообращательныя мышцы, оживляя металл и камень, представят виды Героев и Героинь Российских в благодарность заслуг их к Отечеству, в пример и в поощрение потомкам к мужес[т]венной добродетели.

Живописныя хитрости зиждительные персты, отменою цвéтов, света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением зрения, принесут в настоящее время минувшия российския деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливыя и противныя обращения и случаи и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе.

О коль великое удивление и удовольствие произвести может Россия помощию художеств в любопытном свете, которой едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древния Греческия и Римския, по большой части баснотворныя деяния. Украсятся домы вашего величества и другия здания не чужих, но домашних дел изображениями, не наемными, но собственными рабов ваших руками. Коль сладко вкушение плодов собственнаго насаждения! Коль приятно удовольствие, устроенное своими трудами!

И сие о великости благодеяния вкратце, посмотрим же, кому оное оказано? Российскому народу, народу остротою понятия, поворотливостию членов, телесною крепостию, склонностию к любопытству, а паче удобностию к послушанию перед прочими превосходному. Никто в сем не усумнится, кто оглянется на минувшее время нынешняго столетия от начавшагося просвещения Петрова и рассудит, чему Россияне перед прежним научились. Подробно все исчислить краткость сего слова не позволяет. Посмотрите, посмотрите на все многоразличныя ремесленныя искусства и фабрики, коих требуют тмочисленныя новоучрежденныя Российския войски, на разных морях флоты и пристани, отменныя гражданския учреждения и строения; посмотрите на сию новую Российскую столицу. Не ясно ли воображаете способность нашего народа, толь много предуспевшаго во время, едва большее половины человеческаго веку?

Но все его учение в художествах происходило токмо по требованию нужных дел, как оныя случались не по расположенному

порядку надлежащаго правильнаго учения, не по наставлениям нарочных и самых искусных учителей, без предводительства славных примеров, без строгаго надзирания в исправности и прилежании, без надежнаго ободрения награждениями и без отменнаго покровительства высочайшия монаршеския десницы. Не изображаю здесь препятствий, происходивших от зависти учащих и от опасения, чтобы искусство их в России неразмножилось, неунизилась бы плата и приобретение бы их неумалилось. Чтож мы и какого плода чаять можем, когда материим попечением вашего Императорскаго величества соединится острое понятие с независтным наставлением, с довольством славных образцов рачительное внимание, с прилежностию надзирание, с охотою награждение, с надеждою покровительство? Что таковому учреждению следовать долженствует? Не иное что, как божиим благословением поспешествованные вожделенные успехи, возвышающие народ Российский на высочайшую степень благополучия и славы, на которой поставлен быть достоин.

Уже важность толь полезнаго дара увеличенную видим достоинством принимающаго, но коль несравненно больше украшается оный и возвышается величеством подающия, коея благонамеренныя предначинания вливает любовь к подданным, предводит премудрость, управляет прозорливость, укрепляет непоколебимость сердца, споспешествует благодать свыше.

Красуйся, новонасажденный в России сад художественных произращений, о своей августейшей покровительнице в безопасности, в довольствии, в радости. Небойся никакова поколебания: утверждает твои основания содержащая великую часть света. Неопасайся хитростных нападений от зависти: отвращает их щитом своим премудрая Российская Минерва. Непекись о довольстве: снабдевает тебя богиня, которой великия и обильные земли и моря посвящают свои достатки в приношении. Ликуй и веселись о настоящем благоденствии и в незыблемом уповании будущаго блаженства: умеет наградить достойные труды правосудная и щедрая Государыня, ведая, что все то дарует отечеству, что воздает трудящимся для пользы и славы отечества.

Всякаго дара, всякаго благодеяния цена и достоинство уважается еще и временем.

Народ Российский, приемлющий сей великий дар от щедрот вашего величества, никогда не мог приличнее быть обогащен оным, как в течение вашего века, когда Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным сопостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойнаго и равномернаго великолепия, каковаго ниоткуду приобрести невозможно, как от почтенных художеств, вашим

монаршеским благоволением к распространению утверждаемых и снабдеваемых.

Наконец, рассуждая место сего учреждения, возможноли представить другое пристойнее и удобнее сего великаго и прекраснаго города во всем Российском государстве. Во-первых, примечая состояние сего места, находим, что пользуемся великим доброхотством натуры, которая на востоке распространяет великия через целое отечество реки для сообщения с дальными асийскими пределами, кое природное дарование усугубить тщится ваше величество разными соединениями водянаго пути к несказанной пользе сея преславныя столицы и пристани. На западе разливается море, отверзая ход во все страны вечерния. Обое служит к соединению внутренних и внешних избытков.

Главную потребность содержания человеческой жизни, воду, источает природа чистую и здоровую невскими струями, собрав прежде оную в ладожския недра, от стекающихся быстрых рек внесенную мутность на дно испуская и отливая предосторожно, якобы через край несколько принаклоненнаго сосуда, отделяет для нашего употребления прозрачнейшую часть благорастворительныя стихии. Воздух движется ветрами по большой части с прилежащаго от Запада моря, якобы с намерением — для умягчения зимних морозов и для прохлаждения летняго зноя, и обще стремлениями своими рассыпает пары, из сырых мест восстающия, и приносит сверх всего корабли в Отечество наше с довольствами. Ровную и низкую земли плоскость подостлала натура, как бы нарочно, для помещения гор, рукотворенных для доказания исполинскаго могущества России, ибо хотя нет здесь натуральных возвышений, но здания огромныя вместо их восходят. Взирая на великолепныя Монаршеския домы и при них знаменитых богатых особ, подумать можно, что здесь обитают многих держав владетели. Распростертыя рядом по главным берегам невским и меньших протоков государственныя и обывательския палаты великолепием восхищают зрения, усугубляя красоту в струях спокойных изображением, пресекающимся то от волнения, то от плавающих многочисленных судов разнаго рода, отнимающих любезное мечтание на время, якобы для увеличения приятности и смотрящих жадности. Взойдет кто на высокое здание, увидит, кругом осматривая, якобы плавающия на водах домы и токмо разделенныя прямыми линеями, как бы полки, поставленныя урядными строями. При сем каналы, сады, фонтаны, перспективы в самом городе и в увеселительных домах, окрест его лежащих. Церквей благоговейное множество, хотя числом старинной столице уступает Петрополь, но красотою превосходит. Она древностию благороднее, сей новостию счастливее, чуднее скорым возращением, основателем преславнее. Оживление сего прекраснаго места от множества разных обывателей и гостей, невидав, по слуху всяк уже изобразить может, когда представит разные

чины, разныя мастерства и торги и стечение разноплеменных народов и языков, чего толь великий город, чего купечество, пристань, училища, сухопутное войско, флот, судебныя места, посольства, само и царство требует. Соответствуют сему многоразличныя народныя увеселения и удовольствия своими переменами по местам и по временам года. По вступлении весны выезды в увеселительные домы, приход кораблей с довольствиями, летание по открытым водам судами, где зимою по твердым хребтам их стремились быстрым конским течением. Препятственны сообщению, но не без приятности суть два обыкновенныя в году позорища: скрытие и отверстие рек, обтекающих и напаяющих град сей, многих зрителей на береги привлекают. Чтож в сердцах производят звучныя обучения полков и торжественных дней изъявление пальбою? Что огненныя по оным ночам представления и блистания? Что в монаршеских чертогах увеселения? Все сие разве тех неповосхищает, кои пользоваться неумеют своими чувствами!

Сие благословенное обитание Российскаго величества, Петром избранное, основанное, укрепленное и потомками, паче же дщерию его распространенное и украшенное, коль великою радостию объемлется, взирая на торжественное начало, к совершенному своему украшению полагаемое, и представляя, коль пресветлыми монументами своего Основателя, Его Дщери и наконец изображениями Геройских дел вашего величества возвеличен и превознесен будет перед протчими городами в поднебесной.

Счастлив, кто благодетельствовать может, счастливее, кто благодеяния оказывать умеет, пресчастлив, кто благодетельствует сердцем благодарным. Божественный промысл, поручив вашему величеству многочисленные народы, сотворил пространное поле милосердием удобрить оное, насеять щедротами, согревать призрением, орошать благотворениями и возрастить общее удовольствие. И ваша человеколюбивая природа преклоняется всегда ко благодетельству, радение о пользе привлекает, и благорассудная прозорливость открывает и указывает, где и каковым благодеянием помогать подданным. Благодарность их несумнительна и тем вяще возрастет, чем чувствительнее окажется возрастающая польза, каковую обещает сие прехвальное учреждение.

Приносят, во-первых, вашему величеству усерднейшую жертву всеподданническаго благодарения трудившиеся и ныне трудящиеся в начинании и в приращении сего здания, радуясь о бесприкладных монаршеских щедротах, что усердное их рачение и патриотическое усердие укрепляется и возрастает оказанием толь великаго вашего благоволения и снисхождения. Сообщает и все Академии собрание своего крайняго удовольствия чувства за толикия данныя им преимущества и в трудах покой

и безмятежие. Приносит благодарение и сия великая столица, царствующий град ваш, за новое свое украшение торжественными изъявлениями своея радости, коим соответствует целое Отечество, преславное владычество ваше. Принесут неумолчное благодарение и будущие роды, вкушая сладкия плоды вашего насаждения. Принесут благодарение и призренные ныне вашим милосердием младенцы в свое время, ибо смотря на свое благополучное состояние и представляя рождения своего неблагополучие, скажут: «По недоброхотной судьбине родились мы в бедности и воспитание наше подлежало по порядку нашей доли нужному происхождению, но мы тщивостью Всемилостивейшия нашея Питательницы нечувство[ва]ли, что есть нужда, невидели скудости, воздыхания и слез маломочных родителей наших. И когда протчие наши сверстники наготу, голод и холод претерпевали и, лишаясь всякого наставления и добрых примеров, возрасли бы в подлости почти безполезными обществу, на против того, без попечения о наших потребах воспитаны мы в благородных поведениях, в полезных отечеству наставлениях и ныне уже обращаемся в сообществе людей честных и знаменитых, как нужные члены государства». За все сие должны по бозе признавать и приписывать высокоматернему Екатерининy попечению и щедроте. Велико есть увеселение в жизни обращать умное зрение на действия своих добродеяния, видеть от них общую пользу и удовольствие, видеть счастие состоящих под своею рукою и видеть радостныя их лица, и слышать благодарственныя гласы, каковыя от истинной ревности сия Академия художеств вашему И[мператорскому] в[еличеству] особливож на пресветлое сие Государственное торжество вашего на всероссийский престол венчания, сиречь на священнейшую главу вашу снисхождения божественныя благодати, которая, ограждая от всех налогов необоримою силою, да сохранит и продолжит нам в дражайшей особе вашей удовольствие сердец наших, венчанную добродетель, соединение правосудия с милосердием, процветание наук и художеств, украшение Российскаго престола, удивление вселенныя, целость и тишину всего отечества.

## НА САРСКОЕ СЕЛО
## АВГУСТА 24 ДНЯ 1764 ГОДА

Луга, кустарники, приятны высоты,
Пример и образец Едемской красоты,
Достоïно похвалить я ныне вас желаю,
Но выше почему почтить, еще не знаю.
Не тем ли, что везде приятности в садах

И нежны Зефиры роскошствуют в цветах?
Или что ради вас художеств славных сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?
Или что мещет с вас златая блеск гора,
Откуда видим град Великаго Петра?
Гора, или то дом, Богам земным пристойной,
К отдохновению Величества спокойной?
Всех больше красит сей Екатерина край:
При Ней здесь век златой и расцветает рай.
Она все красоты присудством оживляет,
Как свет добротами и славой восхищает.

# ПИСЬМА



1740 ноября 5.

## И.-Д. ШУМАХЕРУ

Высокородный и высокоблагосклонный
господин библиотекарь!

Могу себе легко представить, как негодует на меня Академия наук за то, что я без ее ведома ушел из Фрейберга. Я почти уверен, что мой гонитель станет радоваться моему дальнейшему несчастию, ибо (как я недавно узнал из Фрейберга) вашему высокородию ничего не известно о жалобе, посланной мною 21 мая из Лейпцига, и, следовательно, этим временем воспользовались, чтобы при помощи лжи возбудить против меня ненависть Академии наук, но если бы последняя знала о той зависти, притеснениях и презрении, какие проявил в отношении меня г. горный советник Генкель, сколько несчастия и нужды я должен был вследствие этого перенести, то она, наверное, сочла бы меня гораздо более заслуживающим сострадания, чем наказания. Мой проступок (который следует приписать скорее тягостным и несчастным обстоятельствам, соблазнительному обществу и весьма длительному непоступлению всемилостивейше назначенной мне стипендии, чем моей беспорядочной жизни), конечно, немало будет способствовать моему настоящему безвинному осуждению; но я твердо надеюсь, что ваше высокородие, как верный слуга нашей всемилостивейшей императрицы и как высочайше поставленный ее величеством судья, терпеливо прочтете настоящее мое всеподданнейшее доношение и жалобу и соизволите вынести приговор без лицеприятия. Вашему высокородию, полагаю, известно, что я со времени прибытия в Фрейберг с охотой и прилежанием обучался горному делу и химии, оказывал горному советнику Генкелю должное почтение и послушание и притом вел пристойную жизнь, чему являются свидетелями не только надворный камеральный советник Юнкер, но и он сам. Я всемерно старался ему угождать, но все это не помогло, а, напротив, его злость, алчность, лукавый и завистливый нрав вскоре выступили наружу. Ибо как только мы распростились с г. надворным камеральным советником, так он, горный советник Генкель, начал задерживать назначенные нам Академией наук деньги. Мы принуждены были раз по десяти к нему ходить, чтобы хоть что-нибудь себе выклянчить. При этом он каждый раз по полчаса читал нам проповедь, с кислым лицом говоря, что у него

денег нет; что Академия уже давно обещала выслать половину следующей ему платы, 500 рублей, и все же слова своего не держит. Между тем он по всему городу сообщил, чтобы нам совершенно ничего в долг не давали, а сам (как я узнал) на наши деньги покупал пай в рудниках и получал барыши. При таком положении вещей мы вынуждены были почти всегда оставаться без денег и отказываться от знакомства с людьми, у которых могли бы поучиться в горном деле. Что же касается до курса химии, то он в первые четыре месяца едва успел пройти учение о солях, на что было бы достаточно одного месяца; остального времени должно было хватить для всех главнейших предметов, как то: металлов, полуметаллов, земель, камней и серы. Но при этом большая часть опытов вследствие его неловкости оказалась испорченной. Подобные роковые происшествия (которые он диктовал нам с примесью своих пошлых шуток и пустой болтовни) составляют половину содержания нашего дневника. В то же время он презирал всю разумную философию, и когда я однажды, по его приказанию, начал излагать химические явления, то он тотчас же, ибо это было сделано не по его перипатетическому концепту, а на основе принципов механики и гидростатики, велел мне замолчать и с обычным своим умничаньем поднял мои объяснения на смех, как пустую причуду. Между тем я узнал, что г. граф Рейсский платит ему за химию 150, а г. фон-Кнехт и магистр Фрейеслебен каждый только по 100 рейхсталеров, почему я тайно пожаловался некоему лицу на то, что горный советник берет с нас несправедливую цену, мы же вследствие этого должны терпеть нужду и отказываться от некоторых вещей, полезных при изучении химии и металлургии. Слова мои, однако, не остались в тайне, а были ему переданы, на что он сказал: царица богата и может заплатить еще столько же. После того я приметил, что злость его не имеет пределов. Первый случай к моему поруганию представился ему в лаборатории в присутствии гг. товарищей. Он понуждал меня растирать сулему. Когда я отказался, ссылаясь на скверный и вредный запах, которого никто не может вынести, то он не только назвал меня ни на что не годным, но еще спросил, не хочу ли я лучше сделаться солдатом, и наконец с издевательскими словами выгнал меня вон. С горем и досадой я вынужден был переварить подобный комплимент, да к тому еще попросить у этого господина прощения. Вскоре после того он без всякой причины прогнал меня из прежней моей квартиры в другую, которая была не дешевле и не лучше, а причина была следующая: хозяином был доктор медицины, с которым он по какому-то поводу поссорился; я же принужден был заплатить 2 рейхсталера за переноску вещей, да сверх того столько же дать хозяину, поскольку еще не истек срок, на который я нанял комнату. Этим он, однако, не удовольствовался, а искал случая задеть меня еще силь-

нее, в чем и успел. Ввиду того что все нужные нам припасы он брал у своего тестя, платя ему за них очень щедро, он в конце концов решил сберечь деньги и отделаться от нас в месяц 4 рейхсталерами, на которые нам совершенно невозможно было себя содержать. Поэтому я в лаборатории стал просить его о прибавке, но он отвечал, что если бы нам даже пришлось просить милостыню, он все же ничего нам больше не даст. Тогда мы все трое собрались и в надежде упросить его отправились к нему на дом. И когда я изложил ему наше бедственное положение и со всем смирением начал просить о выдаче назначенных нам денег, то он ответил только: ни одного пфеннига больше!, а потом начал осыпать меня всеми ругательствами и проклятиями, какие только мог придумать, и выпроводил меня кулаками из комнаты и притом, не знаю почему, угрожал мне городской стражей. При подобных обстоятельствах я не знал, что и делать. Во всем городе запрещено было верить нам в долг, и я опасался подвергнуться еще худшему гонению и несчастию. Поэтому я решился отправиться к г. барону Кейзерлингу, который в то время находился в Лейпциге на ярмарке. Но, прибыв туда 19 мая, я к своему огорчению и несчастию узнал, что он уехал в Кассель, чтобы присутствовать на предстоящем бракосочетании принца Фридриха. Найдя в Лейпциге некоторых добрых друзей из Марбурга, предложивших взять меня с собой в Кассель, я решил туда отправиться. Ибо во Фрейберге мне не только нечего было есть, но и нечему было более учиться: пробирное искусство я уже изучил; химия была закончена; инспектор Керн не хотел начинать, потому что Генкель вздумал вычесть у него слишком много из суммы, назначенной ему Академией наук. А у маркшейдера тот, кто лучше его знает математику, может обучаться только натягиванию межевого шнура, чему можно научиться, не платя 50 талеров. Прибыв на место, я вновь к крайнему своему огорчению узнал, что и там ничего не было известно о нашем г. посланнике. Я очень удивился, так как дорогой я в нескольких местах слышал о его поездке. В таком отчаянном положении, не зная, где находится означенный господин, я почел за наиболее благоразумное отправиться в Петербург через Голландию (если не смогу найти убежища у г. графа Головкина). Сначала я отправился в Марбург, чтобы у своих старых приятелей запастись [деньгами] на дорогу. Быть в тягость г. Вольфу я не осмелился, узнав от него, что он лишь несколько недель тому назад получил из Петербурга остальные деньги, причем я заметил, что он в это дело совершенно не хочет вмешиваться. Итак, отсюда я отправился во Франкфурт, а оттуда водою в Роттердам и Гаагу. Господин граф совсем отказал мне в помощи и не хотел вовсе вмешиваться в это дело. Затем я отправился в Амстердам, где нашел нескольких знакомых купцов из Архангельска, которые мне совершенно отсове-

товали возвращаться в Петербург без приказания; они изобразили мне кучу опасностей и несчастий, и потому я опять должен был возвратиться в Германию. Сколько опасностей и нужды я претерпел в пути, мне самому страшно даже вспомнить, и так как писать об этом было бы слишком долго, то для краткости лучше вовсе умолчу. В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге у своих друзей и упражняюсь в алгебре, намереваясь применить ее к химии и теоретической физике. Утешаю себя пока тем, что мне удалось побывать в упомянутых знаменитых городах и поговорить при этом с некоторыми опытными химиками, осмотреть их лаборатории и ознакомиться с рудниками в Гессене и Зигене. Если я позволил себе слишком откровенно и подробно говорить о своих злоключениях и утруждать вас подобными скучными вещами, то прошу ваше высокородие меня извинить, ибо к тому меня побуждает необходимость. Я живу с уверенностью, что вы по природной доброте вашей не захотите отвергнуть меня, несчастного и преследуемого, и погубить человека, который уже в состоянии служить ее величеству и приносить пользу отечеству, а дадите мне возможность почувствовать вашу благосклонность. Правда, мне кажется, что вы подумаете, что с Генкелем дело уже испорчено и я не имею более никакой надежды научиться чему-либо основательному в химии и металлургии. Но сего господина могут почитать идолом только те, которые хорошо его не знают, я же не хотел бы поменяться с ним своими хотя и малыми, но основательными знаниями и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным своим спасением; самые обыкновенные процессы, о которых говорится почти во всех химических книгах, он держит в секрете и вытягивать их приходится из него арканом; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою провел в шахте, чем у него. Естественную историю нельзя изучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящичков; нужно самому побывать на разных рудниках, сравнить положение этих мест, свойства гор и почвы и взаимоотношение залегающих в них минералов. Потому я умоляю ваше высокородие освободить меня от тиранической власти моего гонителя и при пересылке всемилостивейше пожалованной мне стипендии приказать мне отправиться в какое-либо место, как, напр[имер], в Гарц и т. д., где я бы мог изучать горную науку. Если бы вашими заботами просьба моя была удовлетворена и я при этом позволил бы себе промотать доверенные мне деньги или стал бы небрежно относиться к своим занятиям, то я сам заранее присуждаю себя к наистрожайшему наказанию; уверен, однако ж, что никогда этого не совершу, а, напротив, в непродолжительном времени не только представлю надлежащие свидетельства по всем предписанным мне наукам, но надеюсь и дать вам образец моего в них искусства. Впрочем, ни-

жайше прошу простить мне все то, в чем я, может быть, по необдуманности в сем случае провинился, и пребываю

вашего высокородия

всепокорнейший слуга

Михайло Ломоносов

Марбург, 16 ноября
1740 г.

1753 января 4.

## И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Неоднократное вашего превосходительства к сочинению «Российской истории» ободрение хотя я всегда принимал за истинный знак вашего обо мне милостивого мнения, однако вашего превосходительства полученным от 28-го числа декабря ко мне письмом, преисполненным вашего снисхождения и склонности к наукам, столько я об оном удостоверился, что, в крайней моей к вам благодарности погружен, почитаю ваше справедливое желание, которое соединено с пользою и славою отечества. Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовольствовать, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастием я себе почесть могу, ежели моею возможною способностию древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую. И читая от вашего превосходительства ко мне писанные похвалы, которые мое достоинство далече превосходят, благодарю от всего сердца и, радуясь, по предприятому моему намерению со всякою ревностию в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в истории предприять невозможно. Могу вас, милостивого государя, уверить в том заподлинно, что первый том в нынешнем году с божиею помощию совершить уповаю. Что ж до других моих в физике и в химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостьми или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение «Российской истории» и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и

химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой. Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы. Что ж до кончания моего всепокорнейшего прошения надлежит о фабрике, то не думайте, милостивый государь, чтобы она могла мне препятствовать, ибо тем оканчаются все мои великие химические труды, в которых я три года упражнялся и которые бесплодно потерять мне будет несносное мучение и много большее препятствие, нежели от самих оных опасаться должно. Итак, уповая чрез милостивое ваше предстательство прошению моему скорого решения достигнуть, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

В Санктпетербурге
Генваря 4 дня
1753 мая 10.

**1753 мая 10.**

## И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Милостивое вашего превосходительства меня письмом напоминовение уверяет к великой моей радости о непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашим отеческим предстательством имею, может ли меня отвести от люблення и от усердия к наукам, когда меня крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела. Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство, что я в свое защищение представить смелость принимаю. Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей, кроме меня, не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти

чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санктпетербург и послан за море и жалованье получал против прежнего в сорок раз. Оно меня от наук не отвратило, но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют.

Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать можно. Оне кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример, с его стороны, Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны, Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы, Волфа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство, Слоана в Англии, который после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить, и для того парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов. По приказанию вашему все исполнить не премину, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Майя 10 дня
1753 года

**1754 июня — июля.**

## И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

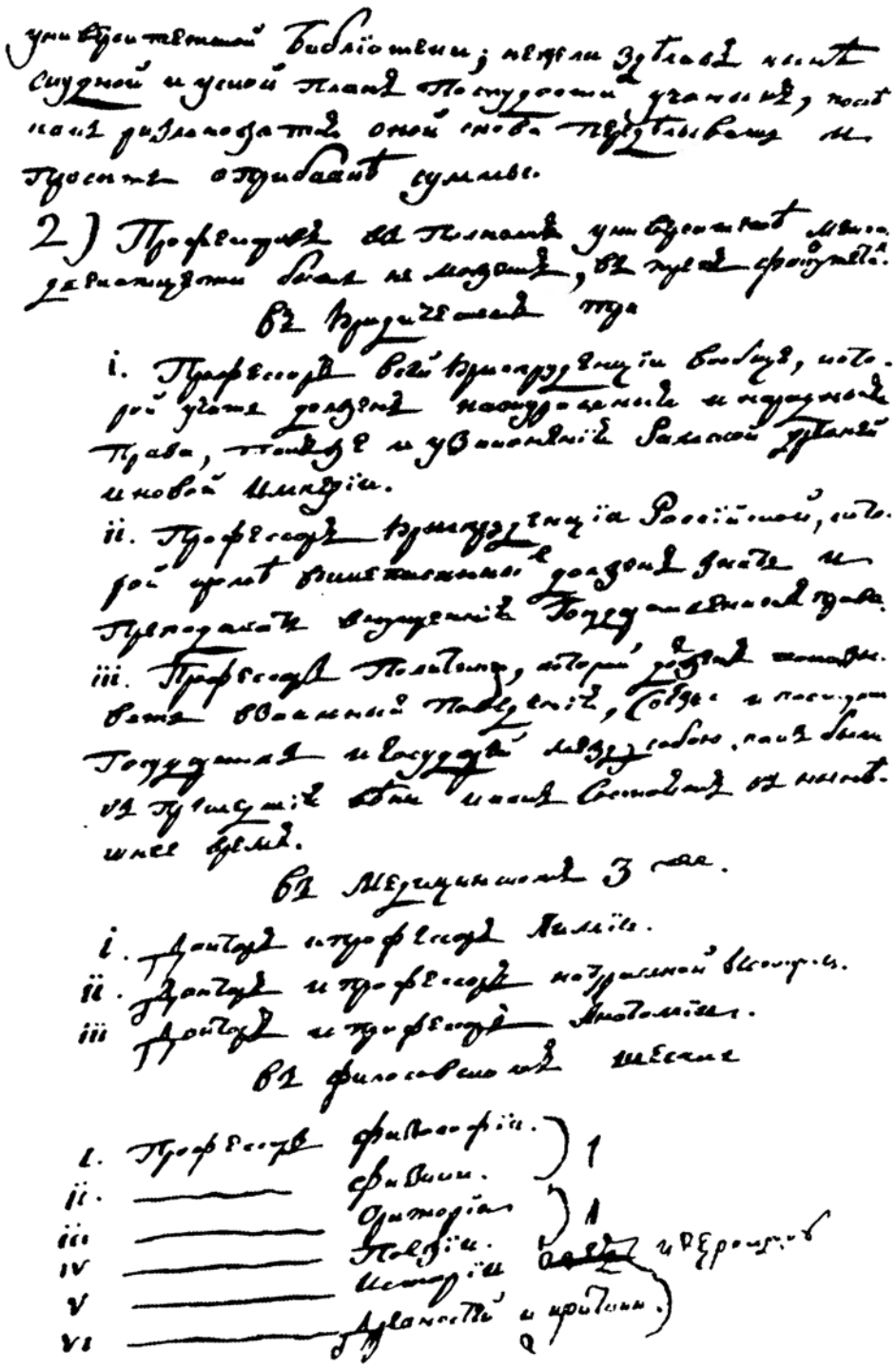
1) Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплет наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после, как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

### *В Юридическом три*

I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.

II. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права.



*Из письма Ломоносова И. И. Шувалову*

III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

*В Медицинском три же*

I. Доктор и профессор химии.
II. Доктор и профессор натуральной истории.
III. Доктор и профессор анатомии.

*В Философском шесть*

I. Профессор философии.
II. [Профессор] физики.
III. [Профессор] оратории.
IV. [Профессор] поэзии.
V. [Профессор] истории.
VI. [Профессор] древностей и критики.

3) При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как нашия без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

**1759 декабря 30.**

## М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

В надежде на высокую вашего сиятельства милость принимаю дерзновение утруждать вас, милостивого государя, всеуниженным прошением, касающимся больше до общей, нежели до моей, пользы, в котором уповаю милостивейшего от вашего сиятельства извинения, когда вам усердные мои труды представлю. Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии, то есть в обоем красноречии, в истории, в физике и в химии, и оные отправлял не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения: в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматически-

ми и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; в физике разные публичные речи и диссертации в «Комментариях», от великих ученых людей вес[ь]ма похваленные; в истории показанное истинное происхождение российского народа в первом томе «Истории российской»; в химии, кроме других изобретений, мусия. Сверх сего уже три года отправляю дела канцелярские, стараясь о распространении наук в отечестве. В Гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние, что учащиеся ходили в классы в толь нищетском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли об учении думать и сверх сего хождением домой чрез дальное расстояние и служеньем дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того не дивно, что с начала Гимназии не произошли не токмо профессоры или хотя адъюнкты доморощен[и]ые, но ниже достойные студенты. Ныне по моему представлению и старанию все гимназисты чисто одеты одинаким зимним и летним платьем, имеют за общим столом довольную пищу, время употребляют на учение и ведут себя порядочно, и потому были в один уже год несколько в классах произвождений и восмь человек от Профессорского собрания удостоены в студенты по строгом экзамене. Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом и о Университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету. Товарищи мои по Канцелярии, имея в смотрении людей нижних чинов, легко могут с ними управиться. Напротив того, мне в нынешнем чине не сметь и напомянуть профессорам о исполнении должностей, что почитают за обиду и ходят по знатным домам с ложными жалобами. Нынешний отъезд его сиятельства, милостивого государя графа Кирила Григорьевича необходимо требует особливого учреждения, затем что два иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращения ученых россиян. Великий Академический корпус, состоящий из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах. К сему ежели кто определен будет извне Академии, то никакой не воспоследует почти пользы, затем что он долго будет должен признаваться ко внутреннему академическому состоянию и между тем чужих умов слушать, которые в Академии коль несогласны, довольно известно. Напротив того, будучи двадцать лет в сем корпусе в разных чинах и уже девять лет советником, три года членом Канцелярии и прежде в нескольких бывших в ней комиссиях быв судьею и сверх того отправляя разных профессоров должности и чрез то вызнав и высмотрев во всей Академии, где есть излишества и недостатки, совершенное право имею всенижайше просить о про-

изведении меня в оное достоинство, представля[я] при том истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце. Для сих причин не сомневаюсь, что ваше сиятельство будете мне в получении оного по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вяще ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток. В ожидании такой вашей высокой отеческой милости с глубоким высокопочитанием пребываю

милостивый государь
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 30 дня
1759 года

**1761 января 30.**

## Г. Н. ТЕПЛОВУ

Неоднократно писал я к его сиятельству и к вашему высокородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых непорядков. Однако не по мере монаршеской к наукам щедроты воспоследовали решения и успехи, за тем что не отнято прежнее самовольство недоброхотам приращению наук в России; а когда злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вред чинится. Кроме многих, недавнейший пример сами довольно помните и в совести своей представить можете, что вы, осердясь на меня по бессовестным и ложным жалобам двух студентов, кои отнюд требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами от Университета вовсе отстали и из коих, как я после уведомился, один вам сват, сделали неправое дело. Не спрося от меня ответу и оправдания, присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мне публичный выговор: человеку, который больше достоинств и услуг имеет, нежели за такую мелочь перед командою был обруган. И того еще вам было мало: в досаду мне прибавили Миллеру жалованья, якобы он отправлял три дела исправно, а именно за то, что он, будучи профессором тридцать лет, никогда лекций не читывал и не сочинил ничего, что бы профессора было достойно; 2) что он, будучи конфе[ре]нц-секретарем, задерживает «Комментарии» неисправностию в сочинении сокращений, ведет тайную, непозволенную и подозрительную с иностранными переписку; 3) что в «Ежемесячные сочинения» вносит не токмо вещи, какие студент может и кадеты с похвалою исправляют, но и

везде, где только можно, предосудительные нашему отечеству мысли вносит.

Все сие показалось вам заслугами. А мое представление, что я через шестнадцать лет одами, речьми, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству и всегда о добре Академии и о праведной, а не подложной чести его сиятельства усердствую, вы приняли за погрешность, для того что не удовольствовал бесстыдных требований вашего свата. Поверьте, ваше высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведанное слезными опытами академическое несчастие. Я спрашивал и испытал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать вам ныне всю истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже.

Некогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы к нему: L'Académie sans académiciens, la Chancel[l]erie sans membres, l'Université sans étudians, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusque à présent sans remède [Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без власти и в итоге беспорядок, доселе безысходный]. Кто в том виноват, кроме вас и вашего непостоянства? Сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мне? В том больше вы следовали стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе, и чрез таковые повседневные перемены колебали, как трость, все академическое здание. Тот сегодни в чести и в милости, завтре в позоре и упадке. Тот, кто выслан с бесчестием, с честию назад призван. Из многих примеров нет Миллерова чуднее. Для него положили вы в регламенте быть всегда ректором в Университете историографу, сиречь Миллеру; после, осердясь на него, сделали ректором Крашенинникова; после примирения опять произвели над ним комиссию за слово Académie phanatique [Академия фанатичная], потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули вы его в адъюнкты и тотчас возвели опять в секретари Конференции с прибавкою вдруг великого жалованья, представили его в коллежские советники, в канцелярские члены; и опять мнение отменили; потом прибавили 200 рублев жалованья и еще с похвалами в ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сие производили вы по большей части под именем охранения президентской чести, которая, однако, не в том состоит, чтобы делать вышепомянутые перевороты, но чтобы производить дело божие и государево постоянно и непревратно, при-

носить обществу беспрепятственную истинную пользу и содержать порученное правление в непоколебимом состо[я]нии и в неразвратном и бесперерывном течении. Представьте себе, что знающие думают, а знают все; представьте, что говорят? Миллер, штрафованный за вздорную диссертацию о российском народе и оному предосудительную и за то в определении подозрительным признанный, имеет уже позволение писать и печатать на немецком языке российские известия безо всякой опасности. Изобличенный в непозволительной переписке и за то арестованный, учинен секретарем Конференции и пишет, что хочет, без ее ведома! Всеватель недоброхотных и занозливых мыслей в «Месячные сочинения» получает за то похвалы и награждения. Все сие происходит чьим старанием? — Вашего высокородия. И надеясь на вас, не хочет и не думает отстать от своих наглых глупостей и презирает указы, посылаемые из Канцелярии.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько раз вы мне на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и российскому народу предосудительное «Сибирской истории» предисловие, которое вы сами опровергли; представьте его споры в комиссиях с Шумахером, со всеми профессорами, с вами, с президентом; вспомните, с другой стороны, ваши споры с Шумахером, между тем письмо о моем уничтожении к Эйлеру и ответ, что вы мне сообщили. Вспомните сто рублев перед вашею первою свадьбою, и между множеством подобных дел воспомяните, что вам благоразумный муж, ваш благодетель, князь Алексей Михайлович Черкаский говаривал о сапожнике: не бывать-де добру, пока он... А ныне его наследник и подражатель то ж и еще дерзновеннее делает. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обесславленную Академию вывесть из нарекания отпущен был Бургав в чужие краи, и нарочный пункт о том написан в его инструкции.

На все несмотря, еще есть вам время обратиться на правую сторону. Я пишу ныне к вам в последний раз, и только в тоїї надежде, что иногда приметил в вас и добрые о пользе российских наук мнения. Еще уповаю, что вы не будете больше ободрять недоброхотов российским ученым. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего иного не ищу, как только чтобы закоренелое несчастие Академии пресеклось. Буде ж еще так все останется и мои праведные представления уничтожены от вас будут, то я забуду вовсе, что вы мне некоторые одолжения делали. За них готов я вам благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю. Итак, ныне изберите любое: или ободряйте явных недоброхотов не токмо учащемуся российскому юношеству, но и тем сынам отечества, кои уже имеют знатные в науках и всему свету известные заслуги! Ободряйте, чтобы Академии чрез их

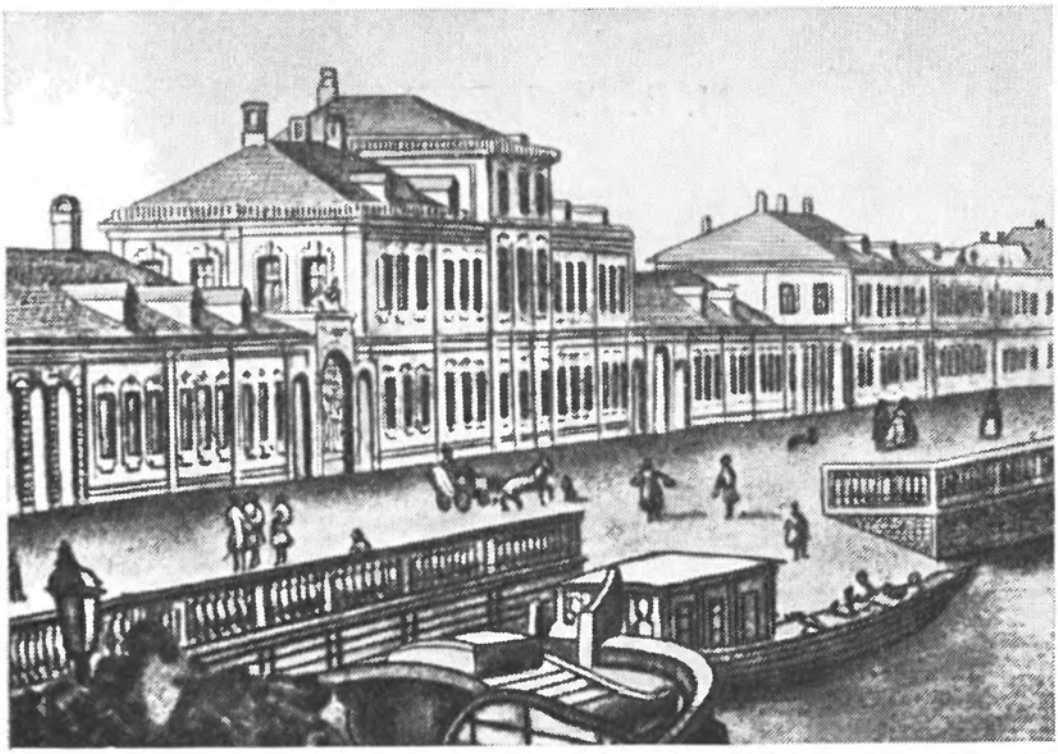
противоборство никогда не бывать в цветущем состоянии, и за то ожидайте от всех честных людей роптания и презрения или внимайте единственно действительной пользе Академии. Откиньте льщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте божиего дела для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого. Тем заслужите не токмо в прежнем прощение, но и немалую похвалу, что вы могли себя принудить к полезному наукам постоянству.

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину.

**1765 не ранее февраля 21.**

## Л. ЭЙЛЕРУ

В высшей степени удивился я тому, что ваше высокородие, великий ученый и человек уже пожилой, а сверх того еще и великий мастер счета так сильно просчитались в последнем своем вычислении. Отсюда ясно видно, что высшая алгебра — жалкое орудие в делах моральных: столь многих известных данных оказалось для вас недостаточно, чтобы определить одно маленькое, наполовину уже известное число. Вы достаточно хорошо знали, каким плутом был в отношении ученых Шумахер, и знали, что его ученик, зять и преемник еще хуже его; что Миллер — невежда и самыми первыми профессорами прозван бичом профессоров; что он сущий Макиавель и возмутитель мира в Академии, каковым был и всегда. И при всем том вы не сумели разобраться в их лживых инсинуациях, касающихся Таубертовой комнатной собачки — Румовского. Тауберт, как только увидит на улице собаку, которая лает на меня, тотчас готов эту бестию повесить себе на шею и целовать под хвост. И проделывает это до тех пор, пока не минует надобность в ее лае; тогда он швыряет ее в грязь и натравливает на нее других собак. Прилагаю при сем извлечение из того, что написано вашим высокородием заклятому врагу всех честных людей, Миллеру, с присовокуплением моих замечаний. Вы не поставите мне в вину резких выражений, потому что они исходят из сердца, ожесточенного неслыханной злостью моих врагов, о безбожных нападках коих хочу дать вашему высокородию краткое представление... Плутовское правило Шумахера «divide et imperabis» [разделяй и будешь властвовать] доныне в превеликом ходу у его преемника. Вашему высокородию очень хорошо известно, что Шумахер всегда натравливал молодых профессоров на старых. Кроме всего прочего, сообщаю, что сам я претерпел: 1) Когда Конференция из-



*Дом Ломоносова на набережной р. Мойки*

брала меня в профессоры и аттестовала и покойная императрица это утвердила, Шумахер послал вам мои, уже одобренные диссертации, надеясь получить дурной отзыв. Но вы поступили тогда, как честный человек. 2) Я получил из Кабинета сумму, чтобы устроить при Академии лабораторию; все это, равно как и должность профессора химии, хотел он доставить Бургаву; но это ему не удалось, а я произвел удачные опыты по части мозаики, чем стяжал почет, поместья и милость. 3) Шумахеру, Миллеру и Тауберту это было страшной колючкой в глазу. Они улучили случай, когда я, выполняя полученный приказ, должен был писать историю, и, чтобы выгнать меня из Лаборатории и из казенной квартиры, выписали для химии жалкого Сальхова. Но бог помог мне сразу же обзавестись собственным домом в центре Петербурга, поместительным, устроенным по моему вкусу, с садом и лабораториею, где я проживаю уже восемь лет и по своему усмотрению произвожу всякие инструменты и опыты. 4) Так как я восемь же лет заседаю в Канцелярии (не для того, чтобы начальствовать, а чтобы не быть под началом у Тауберта), то эта сволочь неизменно старается меня оттуда выжить.

**1765 марта 2.**

## М. В. ГОЛОВИНОЙ

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и с детьми.

Весьма приятно мне, что Мишенька приехал в Санктпетербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребенка нарочито. С самого приезду сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил, не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здешней Академии наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчерашнего вечера был я в школах нарочно смотреть, как он в общежитии со школьниками ужинает и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой

Михайло Ломоносов

Марта 2 дня
1765 года
из Санктпетербурга

Я часто видаюсь здесь с вашим губернатором и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или еще и без нужды можете его превосходительству поклониться, Евсей Федорович или ты сама.

Жена и дочь моя вам кланяются.

# ДОКУМЕНТЫ



1758—1759.

# ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

## ПРИСТУПЛЕНИЕ

В благословенное время государствования всемилостивейшия самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея к нам, подданным, благодеяниями, с радостною надеждою ожидаем полного благополучия, то есть всесовершенного установления непоколебимых и ясных законов, которыми отвратятся все вредительные в судах беспорядки и пагубные ухищрения.

Высочайшее повеление е. и. в. из Правительствующего Сената о рассмотрении и исправлении всех российских законов по справедливости касается и до имп. Академии наук. Того ради высокопомянутый Правительствующий Сенат повелел учинить Академического регламента рассмотрение. Всевожделенный случай к исправлению бедного состояния Академии! Однако вкоренившееся и застарелое в ней злочастие чинит препоны и сему великому матернему и божественному попечению и желанию всемилостивейшия монархини нашея, ибо все оное рассмотрение пресеклось коварными происками и наглыми поступками, которыми самозванный сочинитель, а следовательно, и защи[ти]тель оного регламента старался от него отвести высочайший указ е. в., данный из Правительствующего Сената о исправлении законов.

Стоя за пользу и важность высокопомянутого указа, принужден я был претерпеть неправедное и несносное огорчение, однако как прочих поношений и гонений, мною претерпенных, так и сего не упоминаю обстоятельно. Ныне в рассуждении Академии предприял я отдать отечеству последнюю должность, ибо ежели сим ничего не успею, твердо уверен буду, что нет божия благоволения, дабы по мере желания и щедролюбия великия нашея государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процветали в отечестве.

Сим предприятием побуждаю на себя без сомнения некоторых негодования, которых ко мне доброжелательство прежнее чувствительно, однако совесть и должность оного несравненно сильнее. Чем могу я перед правосудием извиниться? Оно уже заблаговременно мне предвещает и в сердце говорит, что, имея во многих науках знание, ведая других академий поведение, видя великий упадок и бедное состояние здешней Академии, многие

недостатки и неисправности в регламенте и бесполезную трату толикой казны е. в., не представлял по своей должности. Что ответствовать? Разве то, что я боялся руки сильных? Но я живота своего не жалеть в случае клятвою пред богом обещался.

Итак, ежели сим истинной своей ревности не удовольствую и, может быть, себя опасности подвергну, однако присяжную должность исполню.

Для лучшего изыскания способов, как исправить Академию наук, должно, во-первых, предложить ее состояние, потом показать причины такового оныя упадку; наконец, объявить способы к исправлению и к приведению ея в цветущее состояние.

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

# О ХУДОМ СОСТОЯНИИ АКАДЕМИИ НАУК

### Глава первая

### О СОСТОЯНИИ АКАДЕМИИ НАУК ПРЕЖДЕ НОВОГО РЕГЛАМЕНТА

1) С начала Академии наук, от 1725 по 1733 год, ни единого российского студента при ней не было, который бы лекции у профессоров слушал. А приехавшие из Москвы тогда 12 человек из Спасских школ лучшие посланы в Камчатскую экспедицию, и там, кроме Крашенинникова, стали негодными, будучи без всякого призрения; оставшиеся в Санктпетербурге, скитавшись несколько времени в бедности, для худого содержания определились по художествам и в Канцелярию.

2) Взяты из Москвы в Академию из Спасских школ в 1736-м году 12 человек, из которых Ломоносов и Виноградов посланы для науки за море. Оставшиеся принуждены были немалое время терпеть крайнюю нужду и не иметь долгое время в науках наставления. Затем просили о том в Правительствующем Сенате, и библиотекарю Шумахеру учинен был сильный выго[во]р. После того лекции начались студентам и деньги кормовые в малом числе выдавались. По окончании лекции некоторые определены в переводчики, прочие остались студентами и по большей части без призрения и доброго смотрения, будучи в уничтожении, от уныния и отчаяния опустились в подлость и тем потеряны. Ломоносов и Виноградов с третьим, Рейзером, определены были кабинетским указом 1736 года марта 18 дня учиться за морем на сумме особливой, из Статской конторы, сверх академической. Однако Канцелярия академическая, получив оную, употребила на другие расходы, а оные три студента принуждены были жить в Санктпетербурге с 19 марта до половины сентября месяца, затем что денег на дорогу долго ждали и в

осень глухую на море едва не потонули. За морем будучи, претерпевали великую нужду за удержкою жалованья и, живучи в долг и беручи деньги в проценты, великие понесли убытки. Наконец, как они в Фрейберге горным делам учились, и советник Генкель не получил наперед шестисот рублев обещанных, половины своей за них платы; также и им, студентам, весьма скудно деньги и то через него, Генкеля, присылались, которые он у себя стал удерживать и, не надеясь от Академии себе награждения, по прошествии десяти месяцев, при окончании химического курса совсем оным студентам отказал в деньгах. В таких обстоятельствах принужден был Ломоносов искать случая в Россию возвратиться и по прошению оного, а по ордеру Академии президента фон-Бреверна в Санктпетербург приехал. Оставшие после его товарищи близко три года не могли для долгов в отечество возвратиться, пока их Горная коллегия по представлению вице-президента Рейзера выкупила, хотя между тем в Академию сумма на троих оных студентов каждый год наперед отпускалась.

6) В Гимназии каково расположение было, из того видно, что ни един школьник в студенты из ней не выпущен, кроме одного или двух, которые прежде в других школах доброе положили основание.

7) Набрано было столько художников и по приватным причинам приняты были люди, к определенным делам неспособные или совсем негодные. Кроме других примеров, принят был в академическую службу егер якобы для стреляния птиц и зверей в Кунсткамеру, а подлинно для удовольствия чьей-то поварни. Сим множеством излишних и негодных служителей так отягощена была Академия, что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от Типографии и от Книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений недоставало, которых до ста десяти тысяч рублев сверх положенной суммы блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна в разные времена Академии пожаловала. Итак, была в деньгах всегдашняя нужда, и не токмо нижние академические служители, но и профессоры нередко принуждены были брать жалованье книгами и оные продавать весьма дешевою ценою, уступая рублевую книгу за 70 копеек и меньше, отчего пришли в убытки и в бедность. Иностранные почетные члены, которым обещано именем Академии жалованье, не получали того многие годы. Не упоминаю здесь о Типографии и о Книжной лавке, где с самого начала никакого надлежащего счету не бывало, о чем ясно свидетельствуют на то учиненные от разных академических служителей протесты и доносительства.

Подарки от Канцелярии книгами как здесь, так и за морем в дорогих переплетах принесли казне несказанный убыток и всегдашней академической скудости были не последнею причиною и крайним препятствием обучению природных россиян.

Сие все только один пример. Еще многого не упомню, однако думаю, сие может подать некоторую идею о бедном состоянии Академии прежде нового стата.

Какое из сего Академии бесславие учиниться должно было, то как здравым рассуждением заключить можно, так и само искусство показало. В самое то время, когда политическое состояние России почиталось у иностранных еще сомнительным, когда они думали, что просвещение Петр Великий только лишь вводить в наше отечество начинает, многие славнейшие ученые люди во всей Европе, иные уже в глубокой своей старости, в Россию приехать не обинулись. Ныне, когда почти весь свет уверен о нашем большем прежнего просвещении, а особливо, что несравненная монархиня наша высокоматернею щедротою и богатым снабдением и высочайшим покровительством наук повсюду прославлена, когда милосердие, человеколюбие и великодушие сияет на престоле всероссийском, не токмо знатные профессоры, но и те, которые недавно из студентов вышли, не хотят к нам в академическую службу, не взирая на знатную сумму, которая им предлагалась. Близ десяти человек из Германии призываны были, однако все отказали. Итак, посылан был от Канцелярии Тауберт и Бургав в чужие краи не столько для других причин, сколько для того, чтобы иностранных ученых уверить, якобы академическое состояние было в лучшем цвете.

Адъюнктов хотя девять числилось, однако действительно едва одного имели. Пять за морем обучались, здесь Красильников только лишь геодезист и обсерватор добрый, Трескот у географического дела, еще Шестаковский — все и первых оснований в словесных и высоких науках не знают, один — Клейнфельд, который по большой части переводил Бургаву при больных и в науке своей анатомической далее простираться не имел времени.

В Университете хотя по стату недоставало только одного профессора математики и физики, однако не было в нем ни подобия университетского по примеру других государств, не было факультетов, ни ректора, по обычаю выборного повсягодно, не было студентов, ни лекций, ниже лекциям каталогов, ни диспуты, ниже формальные промоции в лиценциаты и в докторы, да и быть не могут, затем что Санктпетербургский университет и имени в Европе не имеет, которое торжественною инавгурациею во всем свете публикуется; и словом главного дела не было — университетского регламента.

Не меньшего сожаления было достойно бедное состояние Гимназии. Учители русские только были латинского языка в нижних классах, да и те недостаточны. Французского языка и немецкого учители по большой части ленивы и недостаточны и часто переменялись по приватным причинам. Школьников хотя число и нарочито было, однако пользы от них, как прежде, не было, ибо,

как показано, 1) учителей надлежащих не имелось, 2) ученики все жили по своим домам и не имели доброго смотрения и, будучи заочью, извиняли свою леность и гулянье то отдалением дому, то болезнию притворно и другими случаями, 3) не бывали строгие экзамены настоящим образом и в установленное время, 4) словом, никакого о Гимназии распорядку не было.

Каково состояние Типографии и Книжной лавки, то показывает долговременное печатание книг, высокие их цены. О исправлении Типографии и Книжной лавки в бывшей прошлого 1754 года комиссии довольно мы рассуждали, однако все без успеху осталось.

Художества хотя имели некоторые успехи, однако ученому корпусу тягостны, ибо по табели академической прошлого 1754 года исходило из академиков, на Университет, на Гимназию, на почетных членов, на переводчиков и на Библиотеку едва двадцать тысяч рублев, а достальные тридцать две тысячи и сверх того доходы от Книжной лавки как по здешней Типографии, так и по торгу заморскому книгами и купферштихами, притом продажа математических инструментов и других художных вещей исходит на Канцелярию и на художества. Не упоминаю о тех капиталах, которые на строение от Правительствующего Сената и от других команд получаемы были.

Из помянутых тридцати трех тысяч ежели бы равномерно исходило на Канцелярию и художества, присокупляя к тому другие доходы, осталось бы по последней мере на каждый год по 13-ти тысяч рублев с лишком, и остаточная сумма с 1747 года июля от 24 числа была бы с лишком сто тысяч рублев, за которую не токмо академическое здание починить, но вновь бы много прибавить и украсить и погорелые книги и вещи в осмь лет наполнить возможно было.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

# О ПРИЧИНАХ ИСПОРЧЕННОГО СОСТОЯНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

### Глава первая

### О ПРИЧИНАХ ХУДОГО СОСТОЯНИЯ АКАДЕМИИ ПРЕЖДЕ НОВОГО СТАТА

Главные причины худого академического состояния две: первая — искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало ученых, вторая — недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении. Сии причины не токмо прежде нового стата, но и после оного много вреда принесли благосостоянию академическому.

Когда первые славные профессоры в Россию приехали, нашли при тогдашнем президенте Блументросте у Библиотеки Шумахера, состоящего у него в поверенности. Вскоре почувствовали, что он столько ж над ними власти требует, сколько президент, и почти все, что вздумает, на то его приводит часто противу добрых намерений профессорских, которые о том негодовали и приносили бесполезные жалобы. Потом, как Блументрост в Москву отъехал, все осталось в руках Шумахеровых, который для своего вспоможения в Канцелярии, без указа учрежденной, и для произведения в действо своих намерений против профессоров принял к себе в Канцелярию студента Миллера (был он тогда за адъюнкта). Его посредством выведывал профессорские на себя советы, всевал между ними ссоры, пользовался их несогласием и чинил всякие им огорчения. Наконец, им же в досаду выпросил у Блументроста, чтобы с Ейлером, Гмелином, Вейтбрехтом и Крафтом, свидетельствованными и удостоенными, неудостоенный Миллер произведен был в профессоры.

Однако сим своим обманом сам обманулся, ибо Миллер, получив профессорство, больше усилился и стал волю брать у Шумахера, склоняясь на профессорскую сторону. Шумахер, покрыв ласкательством коварство, присоветовал Миллеру ехать в Германию, якобы для заведения корреспонденции с книгопродавцами на академическом коште, притом для получения Миллеровых отцовских пожитков. По возвращении своем из-за моря Миллер увидел, что хитрости, в которые он употреблен был от Шумахера, все профессорам известны, а Шумахер нашел способы его унизить, показав, что Миллер много для своего тщеславия и корысти в не показанные в инструкции места ездил и издержал казенные деньги излишно и прочая. В таких обстоятельствах Миллер притеснен искал случая, как бы ехать в Камчатскую экспедицию, что и учинилось. Между тем Шумахер для приведения профессоров в ссору между собою прибирал себе всегда из них по обстоятельствам партию, вооружал и ободрял молодых профессоров против старых, надобных себе привлекал выдачею наперед или прибавкою жалованья, а других томлением, удерживая оное, сегодня того лаская, кого угнетал вчерась, переменял, как попадобится; президентов и других знатных особ улещая то подарением разных книг в хороших переплетах, грыдорованных листов, на что многие тысячи рублев истрачены, то дачею оных в долг из казенной Книжной лавки, которых, чаятельно, много пропало. Все сие делал для удержания и укрепления своего самовластия, о приращении наук и о чтении лекций не имея ни малого попечения. По приезде Миллеровом из Сибири, где он разбогател и приобрел великую гордость, какие ссоры, споры, тяжбы с Шумахером были, описать невозможно: все профессорские собрания происходили в ссорах. И сие есть первая причина.

Вторая причина отчасти немало соединена с первою, ибо Шумахер ведал, что профессоры, читая российским молодым людям лекции, а особливо детям людей знатных, притти могут в знакомство в господских домах и чрез то сыщут себе патронов, которым они состояние свое и академическое показать могут. Того ради чтение надлежащих лекций весьма началось поздно, было редко и краткое время без окончания продолжалось.

Кроме того, Шумахеру было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения. Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессоры. И недавно зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении российских студентов: разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость.

## [Глава вторая]

### РАССУЖДЕНИЕ О АКАДЕМИЧЕСКОМ РЕГЛАМЕНТЕ И СТАТЕ

Для желаемого произведения предприемлемых важных учреждений должно полагать и предписывать себе неложные правила, дабы не подвергнуть себя каким преткновениям, не пропустить ничего нужного и не ввести бесполезного или еще и вредного. Учреждение имп. Академии наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к рассмотрению академического стата и регламента, должно положить в начале общие основания, на которых надлежало сочинителю утвердить и расположить всю великого сего государственного и всему свету полезного здания систему, ибо без оных подвержено все колебанию и скорому падению и разрушению.

Оные основания в следующих пунктах кратко предлагаются.

1) Регламент академический таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он имел свою силу и был приличен в будущем времени и во всяких обстоятельствах мог стоять непременен. Того ради не должно смотреть на настоящие при сочинении оного обстоятельства, ниже на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при худых обстоятельствах.

2) Дабы Академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но и размножать оных и распространять по всему государству.

3) При сочинении регламента должно прилежно смотреть на учреждение славных академий в других государствах, из давных времен процветающих, как на добрые примеры, выключая то, что с прочими главными узакопени[ям]и Российского государства несогласно.

4) Дабы между равными, а особливо между высшими чинами было всегда согласие, от нижних к старшим — пристойное почтение, от подчиненных к начальникам — законное послушание, для того наблюдать в сочинении регламента все надобные к тому обстоятельства и стараться о добром порядке, ибо сие необходимо нужно к беспрепятственному приращению наук и приобретению от народа к ним почтения и люблепия.

5) Дабы добрые имели ободрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания.

6) Чтоб в учреждении разных академических департаментов положено было пропорциональное разделение. В противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неравное питание членов производящей, имеет те части больше и тучнее, которые в здравом состоянии должны быть равны или меньше.

7) Дабы Академический регламент был наблюдаем строго и порядочно, для того положить и утвердить, чтоб не делать в противность опого отмен без высочайшей монаршеской воли по примеру других команд и предписать точные и обстоятельные пределы, до которых главные командиры в нечаянных приключениях отмену чинить могут, и что с общего членов согласия, что сами собою.

Сочинитель академического стата и регламента, приняв сие важное дело на себя, не имел перед собою таковых необходимо нужных оснований, что из следующих явствует.

В противность первого основания большая часть нового стата и регламента сочинена по бывшему прежде, а особливо в краткое время пред оным испорченному академическому состоянию. Например:

1) Канцелярия учреждена таким образом, как тогдашние обстоятельства, а не самая справедливость по приличности ученого корпуса требовала на все будущее время, ибо члены в ней положены советник и асессор, которые в науках и языках некоторое понятие имеют, то есть Шумахер и Теплов. Но если бы оба они были люди великого учения и, как ныне, оба статские советники, то бы конечно, в стате тогда положены были в Канцелярии два статские советники, оба великого учения.

2) В Астрономическом классе положен калкулатор только для того, что был тогда профессор Винсгейм, который ни к чему больше, как календари сочинять, был способен. В других академиях такие члены под сим именем не бывают, и у нас адъюнкт астрономии то исполнять должен.

3) Ректором Университета положен историограф, то есть Миллер, затем что он тогда был старший профессор, и сочинитель был об нем великого мнения. И если б Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в стате ректором был бы назначен юрист или стихотворец.

4) Историографу придан переводчик китайского и маньчжурского языков, то есть Ларион Россохин. Однако если бы Россохин вместо китайского и манчжурского языков знал, например, персидский и татарский, то бы, конечно, в стате положен был при историографе переводчик персидского и татарского языка.

5) В европейских государствах, которые ради отдаления от Азии меньшее сообщение с ориентальными народами имеют, нежели Россия по соседству, всегда бывают при университетах профессоры ориентальных языков. В академическом стате о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно.

6) Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство и неравенство профессорского знания, ибо иногда может быть в числе их чрезвычайного учения физик, иногда ботаник, иногда механик или другие, иногда в тех же профессиях — пошлые люди, а иногда и один многие науки далеко знает, хотя определен к одной профессии. Итак, вообще рассуждая, должно положить всем профессорам равное жалованье, а прибавку чинить по рассмотрению достоинств и службы, ибо весьма бы обидно было великому ботанику, каков ныне Линней, иметь по штату 860 рублев, а высшему математику, каковые нам весьма из посредственных рекомендованы, дать 1800 рублев. Притом для неравности положенного жалованья студенты больше стараются о тех науках, где оное велико, что уже примером оказалось, затем что большая часть студентов к математике старание приложили, ведая, что высшему математику жалованье велико и притом, сидя в своей камере или гуляя в саду, может отправлять свое дело. Химику жалованье положено 860 рублев, и притом должен он в уголье, в саже и в вредных парах обращаться. Сие произведено, смотря на тогдашние обстоятельства, что сочинитель жалованье положил алгебраисту 1800 рублев для Ейлера или Бернулия, астроному 1200 для выписания славного ж человека, анатомику 1000 для Бургава; прочим по 860 и 660-ти. Но если б Ейлер (или Бернулий) был таков химик или ботаник, каков он математик, то

без сомнения положено бы жалованье было 1800 рублев химику или ботанику.

7) О небытности президентской весьма часто в регламенте упоминается, яко бы то было нужное и законами утверждено быть достойное дело. Мне кажется, что сочинитель воображал себе твердо тогдашнее самовластие шумахерское, при котором президентов по большей части не было или когда и были, да всегда почти его слушали, что и ныне удержать всякими мерами старается его наследник.

8) Вредительнее всего и поносительнее российскому народу (а напечатан Регламент на иностранных языках), что сочинитель в должных постоянными быть российских государственных узаконениях положил быть многим иностранным в профессорах и в других должностях, которые сначала по нужде выписываются, и тем дал повод рассуждать о нас в других государствах, якобы не было надежды везде иметь своих природных россиян в профессорах и в некоторых других должностях, затем что смотрел на тогдашнее состояние, а законы служить должны в будущие роды. Что иное подумать можно, читая в регламенте о выписании высшего математика и других профессоров, о бытии адъюнктов переводчиками у иностранных профессоров, о переводе книг профессорских, о контрактах с иностранными профессорами, о иностранных канцеляристах и провизоре типографском (смотри 5, 9, 13, 26, 50 пункты и табель стата) [а]. Что можно подумать как сие, что Санктпетербургская Академия наук ныне и впредь должна состоять по большей части из иностранных, то есть что природные россияне к тому неспособны.

В противность второго основания, против распространения наук в России в регламенте отнята вся надежда к произведению в высшие чины профессоров. В других государствах, несмотря на их множество, ниже на то, что большая часть не из дворянства, производят профессоров в советники правительства, в статские и тайные, и сверх того в знатное дворянство, то есть в бароны, и даются им кавалерии. В регламенте академическом капитанские ранги по-старому профессорам оставлены, адъюнктам и никаких не дано, и словом рангов не расположено, чем бы к учению иметь ободрение. И для того дворяне детей своих охотнее отдают в Кадетский корпус, нежели в Академию, ибо, положив многие годы и труды на учение, не иметь почти никакой надежды далее произойти, как до капитана, есть главное отчаяние всему дворянству и опасность вступить в Академию, а если бы ранги расположены были, то дворяне, возымели бы охоту не меньше к наукам, как к военному искусству, и чрез то бы

[а] Речь идет о соответствующих параграфах «Регламента Академии наук и художеств в Санктпетербурге 1747 г.». См. в кн.: Уставы Академии наук СССР. М., 1974, с. 40—61.

из Академии в статских чинах ученые дворяне размножились и честь наук возвысили.

Хотя ж бы дворяне в академическую службу вступить не похотели, то по последней мере вступали бы охотнее разночинцы; однако размножению наук по силе нового стата быть почти нельзя. Во-первых, студентов положено 30 человек: весьма мало по великой сумме. В немецкой земле университеты наполнены многими тысячьми и хотя по большой части учатся на своем коште, однако и в самых посредственных содержатся на жалованье больше, нежели здесь.

Школьники в Гимназии не по пропорции студентов положены. Сочинитель не рассуждал здесь обще о человеческом роде, 1) что молодых больше умирает, нежели кои старее, так что едва сороковый человек до 30 лет доживает, для чего школьников много больше надобно, нежели студентов; 2) не рассудил того, что не всякий школьник в студенты годен быть может по разности понятия и прилежания; 3) хотя иной остроумен, да по разным обстоятельствам далее произойти не может. По всему сему должно было положить больше школьников, нежели студентов, однако в стате положено студентов 30, а школьников 20 человек. Ежели сочинитель думал о безжалованных школьниках, то должен был думать и о безжалованных студентах, а жалованные школьники должны иметь перед жалованными ж студентами всегда свою пропорцию.

Другие европейские государства наполнены людьми учеными всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды. Здесь, в Российском государстве, ученых людей мало: дворянам для низкости и неимения рангов нет ободрения; в подушный оклад положенным запрещено в Академии учиться. Может быть, сочинитель думал, что Российскому государству великая будет тягость, ежели оно 40 алтын в год потеряет для получения ученого россиянина, но пусть хотя бы и 40 алтын жаль было, а не жаль бы 1800 руб., чтобы иноземца выписать; однако чем те виноваты, которые, состоя в подушном окладе, имеют такой достаток, что на своем коште детей своих в науку отдать могут? И для чего выключены все глухо, не различив хороших людей посадских от крепостных помещичьих?

В противность третьего основания не смотрел сочинитель на примеры других академий, а больше всего:

1) В расположении академических классов, которое не токмо с чужестранными академиями несходно, но и здравому рассуждению противно и ясно показывает незнание его в науках. Ибо в астрономическом положен калкулатор, которого имени в других Академиях не слыхано, физический класс разделен на два, на физический и на физико-математический, якобы астроно-

мия также в математике купно и в физике участия не имела, равно как механика! Для алгебраиста одного целый класс сделан.

2) В Университете положил учиться просодии, школьному делу, и точно до Гимназии надлежащему, а опустил разделение профессоров на факультеты: нужное дело.

3) О расположении и содержании Гимназии ничего в регламенте не упомянуто, быдто бы голова и верхние части тела могли стоять без ног, или лучше все бы тело не требовало для своего питания и содержания пищи.

В противность четвертого основания, первое, запрещено академикам в другие науки вступать, кроме своей профессии, чрез что пресекается не токмо нужное сношение, но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механикова и физикова совета, ботаник и анатомик — химикова, алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю, и так далее. Того ради, советуя друг с другом, всегда должны будут иметь дружеское согласие. Сверх того, разве то противно наук происхождению, чтобы анатомик знал химию и писал свои в ней изобретения? Или что он выдумал, то отдать химику и чрез то потерять часть своей славы? Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного сообщения и беззавистного позволения в том, что кто знает упражняться. Слеп физик без математики, сухорук без химии. Итак, ежели он своих глаз и рук не имеет, у других заимствовать должен, однако свои чужих лучше и нельзя запретить их употребления.

В противность пятого пункта не положено в академическом штате ни добрым ободрения, ни злым наказания, без чего никакое учреждение стоять не может, но всегда к развращению и разрушению клонится, что и самым делом в Академии оказалось, в которой напрасные штрафы наглым образом налагаются; напротив того, заслужившие достойного награждения лишаются, недостойные снабдеваются.

В противность шестого пункта что учинено, то весьма явствует, ибо ежели кто сличит Академию, Университет и Гимназию с художествами, ясно увидит уродливое тело. О сем обстоятельно показано в приложениях № ... [6]

В противность седьмого пункта позволено главному командиру в отменении пунктов в регламенте, чего в других регламентах и уставах не дозволяется. Ибо таковые пункты, каков есть последний пункт в Академическом регламенте, приписываются только в инструкциях, а особливо в тех, которые даются в дальные посылки, где в трудных и крутых обстоятельствах невозможно спроситься высшей команды или высочайшей монаршеской воли.

---

[6] Приложения не сохранились.

По сему дозволению воспоследовало, что от начала сего стата и регламента по сие время едва ли оставлены несколько пунктов в своей силе. Большее число оных отменялись и нарушаемы были отчасти для трудного исполнения, ибо не в силу дела положены, отчасти и по маловажным причинам для приватных намерений отменены, что все служило к великим в Академии беспорядкам и к пресечению желаемой пользы.

## Глава третия

### О НЕИСПОЛНЕНИИ ПО НОВОМУ РЕГЛАМЕНТУ И О НЕПРАВИЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПОСЛЕДНЕГО ПУНКТА

Хотя некоторые неисполненные пункты в самом деле трудны, чтоб их исполнить, однако сочинителя не извиняют, много меньше его облегчают, но паче отягощают.

1) Актов публичных в год положено три — § 29, однако с нуждою по одному бывает.

2) Три конференции в неделю по три часа назначено, не в силу и некстати, ибо профессоры дома трудятся, а читают свои изобретения только в собраниях. А без чтения напрасны собрания.

3) Опыты, учиненные профессорами, повторять при президенте (§ 22): исполнить невозможно ни президенту, ни профессорам.

4) У книг припечатывать президентскую апробацию (§ 26): никогда не исполнено.

5) Три экзамена в год студентам в президентском присутствии положено (§ 49): никогда не было.

6) Присяга иностранным по силе §[44]: не всегда исполнено.

7) Награждений иностранным за решение задач пять должна Академия ученому свету.

8) Университетский регламент, учреждение Типографии и Книжной лавки, также и других всех департаментов по 44, 54, 55, 65-му пунктам: ничего не исполнено.

9) Хотя мало пунктов исполнено по строгости, однако один 55-й наблюден весьма точно, то есть чтобы адмиралтейский регламент до Книжной лавки не касался и о приходах и расходах и о числе книг знать только Канцелярии, а в ревизию счетов не посылать. Однако ежели бы по тому ж пункту содержать Книжную лавку по примеру иностранных, то должно бы вести точный расходам и приходам и числу книг расчет, следовательно, не надобно бы было в справедливом деле оного регламента страшиться.

10) Но не токмо пункты многие не исполнены, но многие и в противное отменены, без всякой причины, под однем видом и покрытием последнего пункта, по произволению. И спорные

между собою дела происходили, например журналы в Конференции членам подписывать и не подписывать, за прогульные часы вычитать и не вычитать из жалованья, членов производить без академиков и не производить без их согласия. В отсутствии президентском доволен был в Канцелярии один Шумахер, в присутствии — понадобились в ней многие члены. Сколько ж чудных перемен учинено со членами, некоторые примеры то покажут. Профессор Браун против своего желания и напрасно отлучен от Академической конференции и Обсерватории, а ныне опять по временам с академиками заседает, как захотят; за долговременные прилежные лекции не получил никакого ободрения. Напротив того, Бургав, не быв в Конференции близ четырех лет из упрямки и ничего для Академии не сделав, получил прибавку жалованья 500 р. Секретарство Конференции взято от Винсгейма к Штрубу, от Штруба опять к Винсгейму, после дано Рихману, Гришеву, от Гришева взято и дано Миллеру — все по пристрастиям, без причин и без совета, а особливо Миллеру, который был изобличен в подозрительных переписках и в недоброхотных рассуждениях о российском народе. Прибавлено ему 500 рублев жалованья и поверена должность российского географа; сие учинено определением, которое явные само себе противности содержит.

От сего всего не токмо многие академики, не токмо вся Академия, но и все отечество страждет, лишаясь плода, чаемого от бесприкладной щедроты великодушныя монархини нашея.

Все сие рассудив, ясно видеть можно, коль близко стояла Академия при конечном своем разрушении, которое вместо славы российской к посмеянию, вместо пользы к ущербу, вместо радости любящим науки к печали служило.

## ЧАСТЬ ТРЕТИЯ

# О ИСПРАВЛЕНИИ АКАДЕМИИ НАУК

### Глава первая

### О ИСПРАВЛЕНИИ АКАДЕМИИ ВООБЩЕ

Рассуждая таковое Академии состояние, невозможно сыскать к ее исправлению лучшего способа, как пресечь оные причины, которые привели Академию, то есть: 1) не попустить больше властвовать над науками людям мало ученым, которые, однако, хотят, чтоб их за ученых почитали, каковы показаны выше в первой и второй части; 2) чтобы не дать великой власти чужестранным тем, в которых некоторое к ученым россиянам недоброжелательство примечено; 3) вышепомянутый регламент отменить,

для того что 1) не утвержден на крепких основаниях, как выше показано, 2) что излишествами не по своей краткости наполнен, 3) не внесены самые нужные пункты, и словом во всем недостаточен, 4) нет в нем доброго порядка: часто заднее напереди, переднее назади поставлено, и смешаны материи разного рода, например пункты, до регламента надлежащие, смешаны с статом.

Приступая к важному сему делу, во-первых, должно сверх вышеписанных оснований в уме и в сердце твердо положить, чтобы во всем его произведении наблюдать высочайшее намерение е. и. в., простирающееся к пользе и славе отечества, и всегда иметь в памяти беспримерное ея к наукам щедролюбие, и ради того всячески стараться и блюстись, чтобы не дать ни малейшего места какому пристрастию или небрежению, и ничего не упустить, что к скорому распространению наук в России и к сравнению или паче превышению иностранных академий, в Европе процветающих, служить может, ибо нам помыслить нельзя, чтобы когда благополучнейшего времени к совершенному своему возвращению науки могли дождаться, каким ныне под великодушным царствованием великия Елисаветы пользоваться могут. Пропустив без пользы сей от бога дарованный случай, сие несказанное его благодеяние и благоговение, в толь щедрой и человеколюбивой монархине нам дарованное, не токмо в своей совести грызения терпеть принуждены будем, но и перед всем светом, у всех будущих родов прослывем ленивыми, малодушными, неблагодарными и таковых великих благодеяний и щедрот недостойными.

## Глава вторая

### О СТАТЕ АКАДЕМИЧЕСКОМ

Академические департаменты суть следующие:

1. Канцелярия.
2. Академическое собрание.
3. Университет.
4. Академия художеств.
5. Библиотека и Кунсткамера.
6. Гимназия.
7. Географический департамент.
8. Переводческая экспедиция.

### *Стат Академического собрания*

В Академическом собрании должно быть для высоких наук трем классам: математическому, физическому, историческому. Сие разделение имеет свое основание на познании человеческом, из которых нижнее представляет вещи просто, без изыскания

причин и без выкладки, однем историческим описанием, второе, или среднее, познание представляет вещи с причинами, по физическому рассуждению, третие, или высшее, познание сверх показания причин, утверждает оные математическим исчислением.

Должность сего собрания состоит главно в том, чтобы изобретать новые в высоких науках вещи и изобретенные рассматривать общим советом. Никак не можно тому быть, чтоб всякий профессор мог рассуждать о всех других науках. Для того надлежит быть во всякой науке трем членам, как то по большой части состоит в Парижской академии наук.

### *Канцелярия*

Президент 3000
Вице-президент 1800
Проректор Университета.
Старший академик.
Инспектор Гимназии.
Библиотекарь.
Эконом из профессоров.
Членам заседать по рангам, считая старшинство.
Два секретаря — один по наукам, другой по экономии.
Протоколисты.
Регистраторы.
Два канцеляриста.
Два подканцеляриста.
Десять копиистов.
Сторожей шесть.
Комиссар.
Счетчик.

### *Академическое собрание*

Математический класс
- Ординарный член высшей математики.
- [Ординарный член] астрономии.
- [Ординарный член] механики.

Физический класс
- Ординарный физик.
- [Ординарный] медик.
- [Ординарный] химик.

Исторический класс
- Ординарный анатомик.
- [Ординарный] ботаник.
- [Ординарный] металлург.

Секретарь Конференции не надобен, затем что есть Канцелярия. У каждого класса по одному экстраординарному. У каждой профессии по адъюнкту.

Нотариус.
Архивариус.
Канцелярист.
Три копииста.
Два сторожа.
Сверх сего к вышеписанным принадлежат:
Лаборатор.
Садовник.
Просектор из адъюнктов.
Почетных членов 10.

### *Университет*

Проректор.

В Юридическом факультете
Профессор общих прав.
[Профессор] российских прав.
[Профессор] истории и политики.

В Медицинском факультете
Три профессора из академиков.

В Философском факультете
Профессор философии и физики.
[Профессор] математики из академиков.
Профессор красноречия и словесных наук.
Профессор древностей и ориентальных языков.

Тридцать студентов.
Два неделя.
Писарь при университетских собраниях.
Четыре сторожа.

| | |
|---|---|
| През[иденту] и вице-през[иденту] | 4 800 |
| Ордин[арным] | 7 740 |
| Экстр[а]орд[инарным] | 5 940 |
| Адъюнкт[ам] | 3 340 |
| Юрид[ический] фак[ультет] 3 | 2 580 |
| Мед[ицинский] факул[ьтет] приб[авки] по 200 3-м | 600 |
| В Филоз[офском] фак[ультете] 3 по 860 | 2 580 |
| Тридцати студ[ентам] | 3 000 |
| Шестидесяти гимназ[истам] | 2 160 |
| Учителям | 2 000 |
| | 34 740 |

| | | |
|---|---|---|
| Мат[ематический] | Географ[ии]. | |
| | Астрон[омии]. | |
| | Механики. | |
| | Вы[с]ше[й] математ[ики]. | |
| Физ[ический] | Физики. | |
| | Анат[омии]. | |
| | Хим[ии]. | |
| | Ботан[ики]. | |
| Истор[ический] | Истории. | |
| | Юриспруд[енции]. | |
| | Ориент[альных] яз[ыков]. | |
| | Филоз[офии] и красноре[чия]. | |
| Академиков 12 по 660 | | 7 920 |
| Экстраординарных 3 по 50[0] | | 1 500 |
| Адъюнктов 12 по 360 | | 4 320 |
| | | 13 740 |
| Почетных жалованных членов | | 2 000 |
| Президент. | | |

## Глава третия

### О РЕГЛАМЕНТЕ АКАДЕМИИ НАУК

Из предложенной табели академического штата довольно явствует, что толь разных департаментов распорядок требует не токмо больше, нежели Теплова, знания и смыслу (которые он притом по большей части в коварства употребляет), но и самому ученому человеку, главное свое старание к пользе отечества простирающему, одному тягостен будет. Итак, не токмо по моему мнению, но и по прехвальному и высочайшему примеру, данному от всемилостивейшей монаршескоїї воли в сочинении нового российского уложения, надлежит поручить сочинение Академического регламента нескольким ученым людям, в которых смотреть следующего: 1) чтобы они были те, которые порядочно продолжали свое учение здесь и в других государств академиях или университетах и тем приобрели знание состояния оных; 2) чтобы они были природные россияне или отдали себя в российское подданство вечно, ибо от сих больше должно ожидать усердия; 3) чтобы они не были участниками нынешнего испорченного академического состояния, ибо опасно, чтобы не стали защищать своих прежних поведений; 4) чтобы в академической службе не имели своих родственников, для которых бы не стали стараться о должностях и чинах, в Академии негодных, или прибавлять в стате жалованья.

Итак, хотя я имею к Академическому регламенту довольно материи, однако оное до нарочного всемилостивейшего учреждения оставляю. Ныне только предлагаю оного план, или оглавления, по департаментам.

## Часть 1
### О АКАДЕМИЧЕСКОМ СОБРАНИИ

Глава 1. О упражнениях всех академиков вообще и каждого особливо.
Глава 2. О должности секретаря Конференции и других при ней служителей.
Глава 3. О приватных собраниях.
Глава 4. О «Комментариях» и других сочинениях.
Глава 5. О публичных торжествах.
Глава 6. О задачах и награждениях вне Академии.

## Часть 2
### О УНИВЕРСИТЕТЕ

Глава 1. О ректоре университетском.
[Глава] 2. О лекциях.
[Глава] 3. О диспутах.
[Глава] 4. О произведениях в градусы.
[Глава] 5. О произведении студентов в Гимназии.
Глава 6. О сочинениях университетских.
[Глава] 7. О приеме студентов извне Академии.
[Глава] 8. О посылке студентов в чужие краи на академическом содержании и на их собственном под протекциею и смотрением академическим.

## Часть 3
### О АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Глава 1. О собраниях и заседаниях.
[Глава] 2. О должности каждого члена и о смотрении над художествами.
[Глава] 3. О сношениях с академиками.
[Глава] 4. О произведениях в мастеры.

## Часть 4
## О РОССИЙСКОМ СОБРАНИИ

Глава 1. О упражнениях и должностях членов.
[Глава] 2. О собраниях и заседаниях.
[Глава] 3. О сочинениях их и изданиях.
[Глава] 4. О приеме членов извне Академии.

## Часть 5
## О ГИМНАЗИИ

Глава 1. О учителях.
[Глава] 2. О расположении часов, в которые учить, и чему, и по каким книгам.
[Глава] 3. О школьных и домашних задачах.
[Глава] 4. О приеме школьников.
[Глава] 5. О содержании школьников.
[Глава] 6. О свидетельстве школьников и о переводе по классам.

## Часть 6
## О БИБЛИОТЕКЕ И КУНСТКАМЕРЕ

Глава 1. О содержании и расположении Библиотеки и Кунсткамеры.
[Глава] 2. О пускании гостей.
[Глава] 3. О употреблении книг от академических служителей.
[Глава] 4. О выписке книг и всяких вещей в Библиотеку и Кунсткамеру.

## Часть 7
## О КАНЦЕЛЯРИИ

Глава 1. О должности канцелярской.
[Глава] 2. О заседаниях.
[Глава] 3. О порядках.
[Глава] 4. О смотрении наук и художеств.
[Глава] 5. О содержании жалованной суммы.
[Глава] 6. О содержании и поведении книжной продажи.
[Глава] 7. О прочих делах, до комиссарства и экономии надлежащих.
[Глава] 8. О награждениях и штрафах по всем департаментам.

**1764 Не ранее сентября 10—не позднее марта 1765**

# ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

## НОВОЕ ПРИМЕРНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ И УЧРЕЖДЕНИЕ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, НА ВЫСОЧАЙШЕЕ РАССМОТРЕНИЕ И АПРОБАЦИЮ СОЧИНЕННОЕ

# РЕГЛАМЕНТ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### О СОБРАНИИ АКАДЕМИИ НАУК

#### Глава I

#### О ДОСТОИНСТВЕ, ИЗБРАНИИ И ПРИНЯТИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ

§ 1. Прежде установления и распоряжения академических членов должно определить первейших персон сего общества требуемые качества, дабы оных достоинством, знанием и рачением вся академическая система в добром и порядочном движении обращалася. Сколько же от них к сему правлению требуется, можно уже из того рассудить, что они предпоставляются к распоряжению людей, коих знания и изыскания простираются во все пределы человеческого разума.

§ 2. Президент Академии наук, не токмо главный правитель и начальник, но и оберегатель оныя от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы, чтоб мог представлять академические надобности, коих без высочайшего повеления произвести Академия власти не имеет. Сверх того, должен быть знающ нужнейших языков и общевникателен во все науки, природный россиянин. Еще ж превосходнее было б и полезнее, когда б президент был при знатности своей и люблении наук достаточен в разных науках.

§ 3. Вице-президенту хотя и прилично быть в обществе знатным, однако же знаемость его требуется больше по наукам, нежели по другим преимуществам, дабы он удобнее мог видеть все состояние Академии, достоинство членов и других служителей, труды и склонности и прочее и о том изъяснять президенту и с ним дела обще рассматривать. Того ради вице-президент дол-

жен быть знающ в разных науках, из ординарных академиков, служивших в здешней Академии немалое время и показавших свое в науках отменное знание изданными в свете сочинениями.

§ 4. Главная должность президентская, а с ним и вице-президентская в том состоит, чтобы, наблюдая все, их чинам предписанное в генеральном регламенте, всячески старались сохранять в Академии наук порядок и чтобы происходило все, как узаконено в сем регламенте, и для того не чинить в нем никакой отмены, разве ими что усмотрено и общим согласием всего собрания в сем регламенте признано будет яко с практикою не согласное и препятственное дело: о том представлять монаршескому благорассмотрению от общего лица Академии, по чему и поправление может воспоследовать особливым указом.

§ 5. Членов Академического собрания, а особливо ординарных академиков достоинство главное состоит в довольном знании своей науки, которыя он профессор, но притом чтобы такой член не совсем чужд был и неискусен в других, сродных с его профессиею науках, состоящих в том же классе, что из следующих явствует по классам.

§ 6. Геометр сверх искусства в высшей математике должен иметь хорошее знание всех частей практической геометрии, употребляемой в испытании натуры и в надобностях обществу, например в астрономии, в навигации. Астроному нужна высшая геометрия для выкладок, механика для сведения своих инструментов, география для расположения самих наблюдений. Географу астрономия во всем служит основанием, механика — для инструментов землемерительных, алгебра — для исчисления сил и точности инструментов. И сие в математическом классе.

§ 7. В физическом классе физик должен притом иметь изрядное знание в химии, которая испытателю натуры нужна как средство, коим единым уповательно сыскать причины видимых свойств, в телах на поверхности происходящих от внутреннего сложения. Анатомия и ботаника полезны физику, поелику могут подать случай к показанию причин физических. Химик без знания физики подобен человеку, который всего искать должен ощупом. И сии две науки так соединены между собою, что одна без другой в совершенстве быть не могут. Анатомик, будучи притом физиолог, должен давать из физики причины движения животного тела, а поелику медик — разуметь химию и в ботанике лекарственные травы. Ботаник для показания причин растения должен иметь знание физических и химических главных правил.

§ 8. В историческом классе историограф требуется человек, кроме своего знания в универсальной истории, особливо же российской, который бы не был чужд знания практической философии, прав, политики и прозаичного красноречия. Юрист должен быть притом историк и политик, антиквариЙ, историк древностей и достаточно знающ в греческом и латинском языке. Ориенталь-

ных языков профессор — искусен в древней греческой истории и восточных народов.

§ 9. Обще от всех академиков неотменно требуется знание хотя элементарных наук математических. Разумеются здесь профессии, в коих высокое знание математических наук не так много нужно, ибо и в академиях примечено, что иногда химики, анатомики, ботаники, историки почти никакого знания первых математических оснований не имеют и для того не могут своей практики и расположить порядочно и сообразить рассуждением, которым купно с логикою надежная предварительница есть геометрия.

§ 10. Еще же примечено в академиях, что весьма знающие в своих науках профессоры мало притом искусны в словесных науках, так что их сочинения излишними распространениями, неявственными, сомнительными и ненатуральными выражениями в чтении скучны и невразумительны. Для того академики должны быть достаточны в чистом и порядочном штиле, хотя и не требуется, чтобы каждый из них был оратор или стихотворец.

§ 11. Не может никто быть ординарным академиком, не показав в ученом свете изданных опытов своего искусства и знатными учеными людьми одобренных. Экстраординарные и адъюнкты производятся по свидетельству и избранием Академического собрания.

§ 12. В прочем во всех должно смотреть, чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностию. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры.

§ 13. Когда будет довольство ученых людей, тогда ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты быть должны природные росснане по доброму примеру Парижской академии, где все академики — природные французы. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний.

§ 14. А пока же ныне сего исполнить не можно, выписывать в ординарные и экстраординарные члены из других земель со всякою предосторожностию людей достойных, как выше предписано, причем наблюдать должно: 1) чтобы сие было не по приватным одобрениям от знатных персон и без порядочного избрания от Академии, 2) чтобы приехавших в Россию за другими нуждами и по случаю вздумавших вступить в академи-

ческую службу не принимать без особливой предосторожности, без строгого экзамена и без ведома о его подлинном отечестве и поведении. И сию статью исполнять до времени, пока из природных россиян ученые умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать. Адъюнктов всегда производить из природных россиян.

§ 15. Вообще избрание чинить по освидетельствовании таким образом. Когда избирается кто баллотированием в класс математический, члены оного кладут баллы в особливый ящик и с ними президент и вице-президент и так их оставляют. Академики прочих двух классов кладут свои баллы в особливый сосуд. Потом оба сосуда должны быть отворены. В первом сосуде, в коем преимуществующего класса баллы купно с президентским и вице-президентским, имеют силу целого голоса, прочих же классов — силу половинного голоса. Таким образом поступать, когда физический или исторический класс преимуществует для избрания в оный члена. При сем наблюдать, что президент кладет два балла, а вице-президент — один, а за отсутствием или небытностию президентскою и он кладет два же. 1) Адъюнкты имеют голос только в удостоении в адъюнкты, а в избрании академиков ни голосов, ни баллов им не позволяется.

§ 16. Дипломы давать ординарным и экстраординарным академикам за подписанием государским, адъюнктам — за подписанием президентским и секретаря Конференции; у академиков прикладывать академическую печать большую с серебряным и позолоченным ковчежцем, у адъюнктов — меньшую просто. Реченным дипломам сочинить форму в Академическом собрании.

## Глава II

### О ДОЛЖНОСТЯХ И ТРУДАХ АКАДЕМИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ

§ 17. Когда производится кто в адъюнкты, то бывает в надежде, что он достигает достоинства экстраординарного и ординарного академика. Для того первое его упражнение есть вникать в ученые дела ординарного академика, вспомогать ему в делах, как своему надлежит предводителю, второе, читать сочинения по своей науке, славными учеными собраниями изданные, особливо же Парижскою, Берлинскою, Болонскою и Шведскою академиею, Лондонским ученым собранием и другими, сочинения особенные славных ученых людей и знатнейшие ученые ведомости. Сим должен адъюнкт приуготовляться в академики, дабы, уже будучи в оном достоинстве, знал, что изобретено в ученом свете и чего ему яко достоїному академику вновь искать должно, дабы сделанного не делать и не терять напрасно времени и расходов.

§ 18. Адъюнкт, приобретший хорошее сведение о состоянии в ученом свете своей науки и по оказании опыта, что он в состоянии подать в ней впредь приращения, в экстраординарные академики произведенный, должен еще вяще стараться о большем приобретении знания и привыкать к изобретениям, между тем приходить в хорошее знакомство с другими сродными науками в своем классе. Наконец, полезно, чтобы он смотрел, какое есть или впредь скоро быть может порожее место ординарного академика в том же классе, и к той науке прилежал больше, дабы в случае мог заступить оного место.

§ 19. Ординарного академика должность всячески стараться смотреть в своей профессии, в которой части она еще слаба и не доведена до такой степени, как ее же другие части, и где позволяют обстоятельства, и место и время обещают лучшие в новых изобретениях успехи и приращения, что усмотрев, надлежит ему объявить в Академическом собрании. И для того каждый академик ординарный должен всякую полгода объявлять и в собрании к записке отдавать таковые свои предприятия.

§ 20. Кроме новых изобретений для «Комментариев», полезно, чтобы академики издавали особливо книги по своей профессии на российском языке, однако ж как не всяк одарован систематическим смыслом, хотя в частных изобретениях удачлив, и притом есть излишнее дело, чтобы каждый академик издавал новые в своей науке наставления, то отдается каждому на произволение, чтоб, испытав свои силы, принялся за труд с успехом.

§ 21. Нередко случаются в ученых людях полигисторы, то есть разные науки знающие так довольно, что могут в них производить новые приращения. Для того им сие не токмо не запрещается, но еще за полезное и надобное дело почитается, а особливо, чтоб было кому рассуждать о предлагаемых сочинениях собранию. Например, когда астроном подаст в Собрание свою диссертацию и ежели нет из других профессий знающего сию науку, то не может быть оное сочинение рассмотрено и останется верить одному сочинителю, почему бы и Собрание было бесполезно.

§ 22. Наконец, все академики, ординарные, экстраординарные и адъюнкты, должны везде наблюдать обще честь Академии, своих предпоставленных и свою собственную, а паче славу и пользу отечества и высочайший интерес императорского величества трудами и честными поведениями и стараться исполнять свою должность. И сие о должностях и трудах собрания Академическаго вообще. Ныне о каждом ординарном академике особливо.

§ 23. В математическом классе геометр хотя должен приращения чинить в чистой высшей математике, однако много полезнее, когда стараться будет о сокращении трудных выкладок, кои часто употребляют астрономы, механики и обще, где в испытании натуры и в художествах требуются исчисления. Товарищам

своим, кои в других науках упражняются и требуют иногда для поверения выкладки, кои превосходят их силы, может спомогать по-дружески.

§ 24. Астроном, имея Обсерваторию в своем распоряжении, должен оную снабдевать исправными инструментами, особливо ж теми, кои вновь изобретены другими или им самим и признаются лучшими для употребления в наблюдениях, на что и сумма в стате положена и Мастерская палата учреждена, дабы оные орудия за морем у славных мастеров куплены или здесь были сделаны. Имея при себе адъюнкта и, как ниже сего окажется, обучая элева, должен им вверить для их употребления некоторую часть инструментов, кроме тех, кои сам употребляет, и сие для двоякой пользы: 1) чтобы оные вяще и вяще в наблюдениях навыкли обращаться, 2) чтобы и его наблюдения тем подтверждались, ибо и они могут быть счастны в наблюдениях для острого зрения и для постоянного внимания. Сие разумеется и о экстраординарном академике того же класса и о адъюнктах и элевах астрономии и географии.

§ 25. Географу поручается Географический департамент, в коем главное упражнение есть сочинение и исправление «Российского атласа», который труд есть почти необходимый, ибо многие века требуются, к сожалению, совершенно исправного атласа, и для того должно стараться издавать новые атласы российские, чем далее, тем исправнее, через двадцать лет, употребляя на исправление новейшие специальные чертежи и известия по выбору. Для сего не пропускать никакого случая, когда от другой команды посылаются землеописатели, давать от Академии инструкции и оным командам принимать и посылающимся давать для исполнения безоговорочно, о чем географу иметь прилежное рачение и наведываться везде специальных новых, а особливо российских карт и оные доставать и копировать для снабдения географической архивы в Академии.

§ 26. Для надежнейшего исправления «Российского атласа» должна Академия отправлять каждую двадцать лет, а особливо во время ревизии посылать географические экспедиции для описания и для астрономических определений мест знатных и нужных, куда отправлять нарочных от астрономической и географической профессии и присовокуплять со стороны из других команд знающих геодезию на вспоможение. Ревизионное время тем для сих экспедиций способно, что академическим землеописателям, проезжающим назначенными местами, могут ревизоры подать с окрестных мест известия лучше, нежели в другое время крестьяне, и сверх того соединены быть могут с новыми географическими сведениями новые по переписным книгам мест и числа жителей отмены.

§ 27. Для случающихся чрезвычайных на небе явлений, требующих наблюдения на разных местах, когда они будут не во

время географических экспедиций, посылать нарочных обсерваторов от двух реченных профессий, людей надежных, притом препоручать им исправление других надобностей, как измерение градусов, нивеллацию рек, осмотр сообщения вод знатных и прочая.

§ 28. Механику, кроме рачения в изобретении новых машин, полезных в общем употреблении для облегчения трудов человеческих, должно в Инструментальной палате, состоящей в его ведении, приказывать делать и исправлять под его смотрением астрономические, физические и географические инструменты и где только для академических профессий что механическое потребуется, а что куплено будет, того доброту осматривать и подавать в Собрание свидетельствование с оценкою.

§ 29. В физическом классе ординарный академик физики, имея в своем расположении Физическую экспериментальную палату, должен стараться, чтоб она была снабдена довольными инструментами, а особливо новейшего изобретения других и его собственного, и содержать все в добром порядке и исправности, употреблять оные для приращения натуральной науки новыми опытами. Помянутые инструменты, рассуждая по возможности, иные делать здесь, в Механической палате, под смотрением механики профессора и самого физика, а иные покупать, смотря по надобности. Экстраординарный того же класса адъюнкт и элев с согласия и дозволения ординарного физика могут делать опыты для уверения или доказательства своих сочинений, подобно как для Обсерватории предписано.

§ 30. Химик, который должен притом знать часть натуральной истории, а особливо минеральных тел и в рудном деле быть не чужд, имеет в свом ведомстве и расположении Химическую лабораторию, содержит оную в порядке, с довольством материалов, посуды и прочих потребностей, при чем должен быть и небольшой минералогический кабинет, и в оной старается, во-первых, доискиваться новых приращений сея науки, особливо в показании причин в химических переменах, дабы сию науку вяще и вяще приближить к физике и, наконец, поставить оную с нею в равенстве, притом не оставлять и других трудов химических, кои простираются до дел практических, в обществе полезных, чего от химии ожидают краски, литейное дело, медицина, экономия и прочее. В поступках с принадлежащими до химии персонами и с профессиями, требующими от химии взаимного вспоможения, каковы суть физика, ботаника, механика, поступать, как предписано выше.

§ 31. Ботаник, он же купно и всей натуральной истории профессор, содержит в своем смотрении и расположении Академический Ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные травники, все в исправном и надобном числе и количестве. Семена стараться собирать через корреспонденцию откуда возможно, паче

же изо всех областей Российския империи и со всех соседственных земель, особливо ориентальных, и через то приводить ботаническую часть натуральной истории нашего отечества к совершенству, дабы оное служило к лучшему исправлению прямой ботанической общей системы. Между тем стараться о познании здешних медицинских трав для удовольствия здешних аптек домашними материалами. Наконец, чтобы сад был по мере украшен и порядочен, дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержать иностранные травы, сколько допустит здешний климат и сколько требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся.

§ 32. Анатомик, сверх своих новых изысканий и свидетельств тел человеческих, будучи физиолог, должен доходить подлинных причин состояния здорового и больного человеческого тела, притом заготовлять анатомические препараты частей человеческих и других животных, отчасти ради приращения медицины, отчасти для Кунсткамеры, когда в ней что из таковых вещей обетшает или попортится. До него надлежит не токмо порядочное расположение и содержание Анатомического театра, но по сродству с медициною знание зоологии, то есть натуральной истории животных: должен описывать внешний вид и внутреннее строение зверей, птиц, рыб и гадов, особливо здешних, рознящихся от иностранных или и совсем инде неизвестных.

§ 33. В историческом классе историограф первую должность наблюдает собирать всякого рода исторические известия для Академической библиотеки и для своего сведения, надлежащие до деяний российских и до порученных ей и соседних народов, особливо же коих история мало или недовольно на свете сведома. Сочинение российской истории полной по примеру древних степенных историков, каков был у римлян Ливий, Тацит, есть дело, не всякому историку посильное, ибо таковых не много было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии. Для того довольно для ординарного академического историографа, когда он для сохранения древностей издаст в народ некоторые части простым, но порядочным штилем, выключая всякие мелочи, достойные ничего больше, как вечного забвения; есть довольно и знатных приключений в российских деяниях, чем историограф может удовольствовать свою и любопытных людей охоту. Для исполнения должности надлежит дать ему позволение входить в государственные архивы для справок в своих сочинениях, только смотреть прилежно: 1) чтоб он был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния, 2) природный россиянин, 3) чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию.

§ 34. Юриспрудент, наподобие историографа, должен собирать все, что надлежит до российских новых и древних прав и для их объяснения, и приводить в систематическое расположение для пользы при сочинении прав российских. Паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузнаменательных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам. Оные дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобрения, в форме диссертации Собранию быть представлены на рассуждение и по апробации оного в «Комментариях» напечатаны с оговоркою, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились, но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впредь законов.

§ 35. Древностей ординарный академик по знанию своему старинных языков, которые уже из употребления вышли, и по искусству в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов должен в оных все изыскивать, что надлежит к сведению древнего состояния российских предков, также единоплеменных славянских и других, с ними смешанных народов, дабы приобрести большее просвещение в российских древностях, в чем, с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение. Обращаясь для древностей в чтении греческих и римских писателей, не может сей академик по мере своего таланта не навыкнуть красноречию, ибо они суть самый лучший и надежный пример в словесных науках. Для того, сочиняя скучные о древностях критические материи, должен им придавать приятность умеренным украшением витийским. Ему ж принадлежит должность академического оратора для публичных собраний, хотя могут оную исполнять и другие академики, ибо случиться может геометр, анатомик или и химик, в красноречии искусный.

§ 36. Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение подавать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения.

## Глава III

### О ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНАХ И КОРРЕСПОНДЕНТАХ

§ 37. Почетные члены жалованные и безжалованные, также и корреспонденты должны быть избраны общим Академическим собранием по баллотированию и, как в штате показано, из разных народов, дабы Академия могла пользоваться успехами наук от всего ученого и просвещенного света и свои труды распространять по оному.

§ 38. Жалованные почетные члены должны быть приняты из ученых людей первого ранга, кои славными изобретениями и сочинениями учинились в свете знамениты, коих должно быть в Германии и Франции по два, в Италии, в Испании, в Англии, в Швеции, в Славянских владениях, в Китае по одному. Потом смотреть, чтобы они были в рассуждении своих главных знаний разделены на три академических классов и не было б одной профессии больше двух персон.

§ 39. Безжалованных почетных членов число хотя полагается неопределенное, однако не должно быть излишнее, причем наблюдать надлежит, чтоб не принимать людей, в ученом свете безымянных, только по приватному знакомству или по рекомендации знатных людей, чего и во всех случаях убегать должно, ибо требуются здесь люди, способные к приращению наук новыми изобретениями, а не сочинители только известных дел новою формою. В таковые члены принимать и российских подданных, в ней находящихся достойных людей. А жалованные неотменно должны быть вне государства.

§ 40. Корреспонденты избраны быть могут не токмо ученые люди, но и любители наук, у которых известна охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили. Таковые люди полезны вне и внутрь государства, и для того не токмо в отдаленных чужих землях иметь их должно, но и по всем российским губерниям нарочно приискивать надежных, разумных и любопытных людей, кои бы в Академию пересылали свои наблюдения в натуре [и?] в истории, на что им давать с дипломами инструкции от Академии и способы к их изысканиям, кои ни Академии, ни тамошнему жителю не тягостны.

§ 42. Чужестранные члены, особливо же жалованные, должны сообщать всякие в ученом свете новости, собственные и чужие, то есть книги, наблюдения, опыты и знатные с учеными людьми приключения, объявлять Академии, в каких они изысканиях и сочинениях упражняются, дабы видеть можно было, какую взаимную пользу академии или Академия им подать может и нет ли надобности для ускорения и верной исправности дела производить общими трудами.

§ 43. Изданиям трудов академических споспешествовать должны жалованные члены присылкою диссертаций новых изобретений или поправления в прежних, которых по справедливости требуется хотя по одной на год. От безжалованных того не требуется точно, однако прилежные большую имеют надежду к принятию в число жалованных, когда себя при том достойными покажут перед ученым светом.

§ 44. Когда понадобится выписать в Академию действительного члена, то почетные члены должны представлять кандидатов, описав верно их знание, изданные сочинения, лета, службу, нравы и поведения. Для сего должна Академия писать ко всем почетным членам в Европе, чтоб всяк учинил представление о принятии в члены кого кто за способнейшего найдет.

§ 45. Должность почетных, а паче жалованных членов, чтоб принимали от Академии следующие комиссии: 1) ежели какие обстоятельства не допускают учинить здесь нужного изыскания, которое представлено будет здешним каким членом и Собранием апробовано, оное учинить почетному члену, где способно, на что ему Академии заплатить издержку, ежели она не тягостна будет, и о чем прежде надлежит описаться; 2) в трудных для решения между академиками споров, буде здесь не можно, требовать голосов от почетных членов, кои принадлежат к оному классу, где спор происходит, однако главным командирам стараться, чтобы они внутрь Академии прекращены были; 3) над присылающимися от Академии для обучения студентами иметь смотрение и правление их учения и поведения, о чем и присылать известия в Академию.

§ 46. Присылаемые от почетных членов сочинения рассматривать академикам той профессии и того же класса и об ней подавать в Собрание ведомость, которую издавать в печатаемых известиях о ученых делах при академических «Комментариях». Присылаемые сочинения от ученых, кои не члены Академии, таким же образом рассмотрев, и по важности и достоинству материй выбирать авторов в члены. Известия, от корреспондентов сообщенные, издавать в «Академической истории».

§ 47. Корреспонденты, ежели будут люди, основательно ученые в университетах, достигнут до степени способности в новых изобретениях и покажут к тому опыты, могут быть избраны в почетные члены баллотированием, а из почетных членов приняты в жалованные по достоинству, кое выше показано, и по баллотпрованию. Всех снабдевать от Академии дипломами жалованных за президентскою, вице-президентскою, ординарных академиков и конференц-секретарскою рукою, безжалованных — президентскою и секретарскою, корреспондентов — за конференц-секретарскою, первых и вторых — на пергаменте за большею академическою печатью в серебряном и позолоченном ковчежце, последним — за малою печатью просто, на пергаменте же,— все по пред-

писанной форме вообще и особливое вписание достоинств каждому по его трудам и знаменитости в науках.

## Глава IV

### ОБ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОБЫКНОВЕННЫХ СОБРАНИЯХ И О ИЗДАНИИ В СВЕТ СОЧИНЕНИЙ

§ 48. Обыкновенные заседания академические суть двоякого рода: 1) для рассмотрения трудов академических членов, 2) о правлении и расположении дел экономических. Чрезвычайные собрания определяются для отправления дел посторонних, до наук надлежащих по другим командам. Обыкновенные собрания быть должны по дважды в неделю — по понедельникам и пятницам. Чрезвычайные назначаются от главных командиров, особливо когда дело не терпит умедления. Впрочем, и посторонние дела могут отправляться в определенные дни, ежели не так нужно поспешение, и время остается от текущих дел академических.

§ 49. В заседаниях наблюдать следующий порядок: по президенте и вице-президенте заседают ординарные академики по старшинству вступления в Академию, потом экстраординарные также по старшинству, а ниже их адъюнкты подобным порядком. Таким же образом подписывать журнал и прочее. Выбранные чины, как проректор Университета, библиотекарь, конференц-секретарь и другие, в старшинстве не имеют преимущества, как только проректор в университетских заседаниях.

§ 50. Всем академикам и адъюнктам собираться в Академии в уреченные дни и по чрезвычайным повесткам, в начале одиннадцатого часа и не позднее, как одною четвертью. Ежели же кто не будет присутствовать, тот должен в тот же день поутру объявить письменно секретарю причину своего отсутствия. У небывших в присутствии без законного и заблаговременного извинения вычитать из жалованья по силе генерального регламента.

§ 51. Сочиненные диссертации от членов отдаются секретарю, который вписывает их в журнал с надписанием времени, когда каждая получена, и по тому порядку посылаются к членам по домам для прочтения. Таковых диссертаций никому не держать у себя долее недели, а по возвращении к секретарю читать их тем же порядком — одну за другою, как в Собрание вступили.

§ 52. Диссертации читать в Собрании самому автору, разве за болезнию или законною отлучкою присутствовать не может, и кому из своих товарищей поверит; буде же того учинить не похочет, то оную отложить до его присутствия, а между тем без остановления читать следующие ей других сочинения.

§ 53. При чтении о замеченных на дому местах по порядку рассуждать, и кто какое сомнительство или другое мнение имеет,

должен от автора диссертации требовать объяснения или доказательства. И на таковые требования должен автор ответствовать и свое изыскание очистить или, признав неисправность, беззазорно поправить, ежели не до главного дела всей материи ошибка касается и поправить можно. Для напечатания в «Комментариях» разбирают главные командиры, секретарь и ординарные члены того класса.

§ 54. Во многих диссертациях практических наук часто случаются новые опыты и наблюдения, при коих наблюдать академикам должно следующее: 1) действительно ли они новые и нет ли их уже прежде другими изобретенных и в свете изданных, чтобы старого не почесть за новое; 2) кои опыты можно повторить в конференцкой палате без потеряния многого времени, то учинить перед Собранием, что ж будет не способно, то академикам собираться к автору или отрядить нарочных для освидетельствования на место изыскания. Буде ж такое наблюдение случается не всегда или в отдалении, то положиться на честность авторову, буде нет довольных причин к сомнительству.

§ 55. Что в какой диссертации автор изобразит неясно или недовольно докажет, и будет у него требовано на то справедливое удовольствие, то дозволено ему прежде издания прибавлять изъяснения и пополнения, ибо диссертация читается в Собрании не ради того, чтоб автора постыдить опровержениями, но чтоб изыскать самую правду, причем убегать надлежит всяких шумов и досадительных речей, что главные командиры всячески отвращать должны увещаниями, выговорами и наложением молчания, а буде и того не послушают — денежным штрафом. Ежели какое сочинение будет спорного достоинства и автор покажет довольные причины, что по пристрастиям оное не приемлется в «Комментарии», то сие решить взятием голосов от иностранных членов, чего, однако, для чести Собрания убегать должно. Когда же и от оных не апробуется, главные командиры автору приказать должны, чтобы он свою диссертацию переделал или вовсе оставил или б издал вне «Комментариев».

§ 56. Новые изобретения издавать в свет следующим порядком: напереди печатать дедикацию (когда требуется по прежнему обыкновению), и ежели нет дедикации, то должно быть краткому предисловию по приличности того года, на который том издается; после того история Академии, в которой сверх кратких содержаний каждой диссертации присовокупить экстракт из академического журнала, в коем особливо показать переписки академиков с учеными людьми и присылки новостей от корреспондентов и другие приключения, служащие к чести Академии; самые диссертации по порядку классов и вступления их в Собрание. На каждый год припечатывать имена академиков, почетных членов и корреспондентов.

§ 57. Дедикации и предисловия сочинять секретарю или ис-

правляющему ораторскую должность академику. Сокращения диссертаций сочинять каждому автору своей собственной, а исторические приключения — секретарю, что все в Собрании прочитано, рассмотрено и апробовано быть должно.

§ 58. Издавать в свет свои сочинения имеет Академия в состоящих на казенном коште типографиях, а особливо в той, которая произошла и возросла из академической суммы и должна Академии чинить всякое угождение и поспешествование, ибо она по нынешнему новому стату хотя совсем от Академии отделяется, дабы течению наук и ученому обществу покупками материалов, инструментов, продажею книг, перепискою с иностранными типографщиками для книжного торгу и прочих мелочных дел никакого помешательства ни учинилось, каковое прежде искусством изведано, однако тем оная должна иметь сообщение печатанием дел академических по нижеследующему: все издаваемые для Академии и для Университета и Гимназии книги, также календари, ландкарты и атласы печатать в оной Типографии на академическом коште с умеренными барышами, а от Академии продавать оные книги из состоящей при оной Типографии Книжной лавки порознь или оптом купцам повольною ценою, чему всему быть в смотрении академического казначея и в ведомстве Академическаго собрания. Сие разумеется и о сочинениях приватного труда академических членов с академическою апробациею, которую в оных сочинениях и припечатывать, а без оной не почитать того труда академическим.

§ 59. Печатание помянутых книг и сочинений производить прежде всех прочих, считая со вступления в Типографию и только то принимая в рассуждение, что прислано будет для напечатания в оную Типографию по именному высочайшему повелению или от Правительствующего Сената с изображенным выключением книг академических из порядка вступления.

§ 60. Посторонних с делами допускать в Собрание, как водится в других местах присутственных. Почетным членам, кои здесь в Санктпетербурге обращаются, когда в Собрание пригласятся или сами с делом придут, давать места по старшинству рангов между академиками. Иностранных членов, кои не в здешней службе, когда здесь случатся, также почитать как гостей местом по их достоинствам по рассуждению главных командиров. Приезжающим корреспондентам давать стулы, как водится в других коллегиях, смотря по рангу.

§ 61. Когда получит Академия от ученых обществ или персон письма, оные по рассмотрению надобности прочитаны быть должны в Собрании прежде диссертаций и положено мнение, какой ответ должен секретарь писать именем Академии. На письма приватной переписки членов приватно ответствуют члены, к кому что писано, однако, буде до наук касаются, прочитаны быть должны в Собрании и в журнал записаны.

§ 62. Всем происхождениям в Академических обыкновенных собраниях содержать журнал и наблюдать порядок секретарю Конференции, что его главная должность. Притом главным командирам наблюдать и строго смотреть, чтобы оный секретарь, переписываясь с иностранными учеными собраниями и членами именем Академии, ничего б не сообщал, ни требовал и не обещал или и действительно не пересылал чего из Академии без общего согласия от всего Собрания и всех своим по ученым делам писем присовокуплял к журналу академическому верные копии, а журнал подписывать всему Собранию академиков.

## Глава V

### О ПУБЛИЧНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ, О ЗАДАЧАХ И О НАГРАЖДЕНИЯХ

§ 73[а]. Для показания обществу трудов академических должны быть при Академии публичные собрания дважды или по малой мере однажды в год, рассуждая по довольству материй, достойных торжественного предложения ученому свету и всем наук любителям. Оные быть должны в начале нового года, в первых числах генваря месяца, или в шесть месяцев спустя, то есть после праздника св. апостол Петра и Павла, около первого числа июля. Позволяется же производить оные действия и в другие месяцы на торжественные праздники государские или на знатные радостные государственные приключения, только то наблюдать, чтоб от одного публичного собрания до другого не пропустить долее одного года.

§ 74. Предлагаемых сочинений в таковых Собраниях должны быть всегда по три, из каждого класса по одному. Очередь хотя и должна следовать по старшинству членов, однако ежели кто покажет материю важнее, то отдается на рассмотрение Собрания и решить баллотированием; позволяется ж читать сочинение в Собрании и мимо очереди, ежели очередной не имеет материи, которая требуется всегда новая, в коем числе разумеются и ораторские речи, когда в них есть новых знатных дел приличные витийские изображения.

§ 75. Предлагать одно или два сочинения на российском языке, третие может быть и на латинском. Ежели ж присутствие весьма знатных иностранных персон, ни латинского, ни российского языка не разумеющих, потребует, то читать одно сочинение на немецком или на французском языке, в котором автор должен быть совершенно искусен в рассуждении исправного штиля и чистого выговору. Природные россияне должны свои речи предлагать на российском языке. Приезжим почетным членам

[а] Параграфы 63—72 в оригинале отсутствуют.

позволяется говорить речи на латинском языке или по требованию нужных обстоятельств на своем природном, только же чтобы она была прежде в Собрании прочтена и апробована баллотированием.

§ 76. Предлагаемые в публичных собраниях сочинения должны быть прежде в Конференции прочитаны по просмотрении по домам и баллотированием апробованы, причем наблюдать: 1) чтобы материи глубокого изыскания изображены были ясно и понятно по крайной возможности, 2) чтобы сочинения не были излишно долги, дабы все действие с объявлением задач и награждений больше двух часов не продолжалось.

§ 77. В таковых публичных собраниях служат для ясности и для возбуждения любления к наукам в слушателях показания опытов. Для того стараться, чтобы при диссертациях практических профессий представлять оные опыты, кои не требуют великого места и времени и не производят ничего противного, также показывать новоизобретенные инструменты или по последней мере оных чертежи, крупно и явственно нарисованные, с истолкованием.

§ 78. Для ободрения ученых людей во всем свете к полезным новым изысканиям в науках определяется, как и прежде, награждение, состоящее во сте червонных, которое ежегодно выдавать за решение предложенной задачи, содержащейся в трудной материи, которая еще в ученом свете сомнительна или и совсем новая; оную должно объявлять повсягодно в публичном собрании программою, сочиненною академиком той профессии, до которой задача надлежит, или секретарем Конференции, который оную объявляет как новую впредь задачу, так и академический приговор, кому присуждено награждение за прежнюю задачу. Присылаемым диссертациям определять сроки за шесть недель до собрания публичного.

§ 79. Когда Академия для решения задачи не получит больше одной диссертации, то награждение не выдавать, ибо сие награждение определено лучшему сочинению, а одно не может быть себя самого ни лучше, ни хуже, и потому задачу отсрочить до будущего публичного собрания. Однако ежели Общим собранием академиков, особливо того класса, к коему оное принадлежит, признается за совершенное и не требующее ни малого поправления или дополнения, в таком случае давать награждение и за одну присланную диссертацию.

§ 80. Заседать Собранию на публичном действии так же, как и в обыкновенных конференциях, с тою отменою, что стол должен быть поставлен однем рядом, дабы из членов никто не сидел хребтом к слушателям, но все бы к ним лицем были. Читающий свое сочинение должен стоять, а ежели какое Собрание удостоится монаршеского всемилостивейшего присутствия, то и всему Собранию стоять, каждому члену у своего места.

§ 81. В публичное собрание призывать программою, от секретаря или от члена академического по приличности материи сочиненною и в Собрании рассмотренною, апробованною и напечатанною. Во время Собрания посторонних не пускать одетых неблагопристойным образом и первые места уступать знатнейшим особам. Студентам быть при публичных собраниях должность требует.

§ 82. Ни в начале, ни в конце Собрания не раздавать ни программ, ни сочинений, кроме удостоившей Академию присутствием высочайшей особы и государской фамилии: после Собрания по расположению главных командиров разошлет или кому сам похочет персонально конференц-секретарь или авторы помянутых сочинений.

**1753 мая 1.**

# ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ВЫПУСКЕ «САНКТПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ О ДЕЛАХ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ»

## В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

### ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

По силе апробованного от е. и. в. Академического регламента, по 24-му пункту повелено: всяк из академиков читать должен новых авторов в своей науке и, как скоро о книге какой уведает, то оные требовать должен из Библиотеки, а потом, сделав на оную свои примечания, объявить в Собрании, и буде что достопамятно, то президент прикажет перевесть на российский язык и напечатать. Сие ничто иное есть, как чтобы выдавать от Академии ведомости о делах ученых людей, как иностранных, так и здешних. Но понеже сие полезное дело поныне было упущено и в недействии оставлено, а его высокографское снятельство Академии наук г. президент определением поручил мне особливое смотрение над науками, для того Канцелярии Академии наук о том следующее представляю: 1-е. Дабы определить и указать, чтобы гг. профессоры и адъюнкты книгам и диссертациям, которые при Академии недавно отпечатаны и впредь печатаны быть имеют, сочиняли сокращения и притом о их доброте прилагали правдивые рассуждения без всяких пристрастий и оные бы, прочитав в Собрании и апробованные, присылали в Канцелярию, которая печатать по рассмотрению прикажет. 2-е. Читать

им иностранные о делах ученых людей ведомости и записанные хорошие новые книги ежемесячно представлять в Канцелярию для выписывания оных. Между тем, кто из них имеет приватно какую новую книгу, может из ней экстракт со мнением сделать. Притом можно вносить артикулы из иностранных ведомостей о делах ученых людей, объявив, из которого университета или города и притом выкинув все неприличности и убегая насмешек и ругательств. Из помянутых иностранных ведомостей для того иногда брать артикулы, чтобы книга ранее учинилась в России известна. 3-е. Академических здешних сочинений, которые в Конференции при собрании прочитаны и апробованы, делать краткие содержания и публиковать в вышепоказанных ведомостях, ибо легко случиться может, что прежде, нежели «Комментарии» из печати выйдут, в другом месте здешнего академика изобретение изданием преду[с]корено будет к его неудовольствию. 4-е. Оные ведомости издавать также на немецком или на французском языке. 5-е. Выпускать таковые ведомости еженедельно по листу в четверть дести, начиная с сего маия месяца, а титул дать «Санктпетербургские ведомости о делах ученых людей».

Сие новое учреждение сколь много к распространению и знанию наук и к увеселению охотников и к изъявлению академических трудов наших в российском народе служить будет, представляю прочим гг. присутствующим на рассуждение.

Михайло Ломоносов

Маия 1 дня
1758 году

**1761 февраля 3.**

# ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ УСКОРЕНИИ ВЫПУСКА «КОММЕНТАРИЕВ» АКАДЕМИИ И О ПЕЧАТАНИИ ВСЕХ ДИССЕРТАЦИЙ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

## В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

### ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Известно Канцелярии академической, коль коснительно «Комментарии» здешние в свет издаются, от чего следующий вред происходит: 1) ученый свет не может пользоваться тем, что новое наша Академия найдет; 2) новые изобретения остаются без объявления в свете и передко в других академиях те же выхо-


NOVI
COMMENTARII
ACADEMIAE SCIENTIARVM
IMPERIALIS
PETROPOLITANAE

TOM. I.

ad annum MDCCXLVII. et MDCCXLVIII.

PETROPOLI
TYPIS ACADEMIAE SCIENTIARVM
MDCCL.

*Гитульный лист 1-го тома «Новых комментариев»*

дят прежде здешнего; 3) академики ради коснения теряют охоту, чтобы в чем трудиться, не надеясь себя скоро показать свету; 4) Академия носит на себе нарекание здесь, затем что здешние охотники не видят прямых трудов академических. Для отвращения и избежания помянутых непристойностей и вреду Канцелярии сим представляю, чтобы 1) диссертации академические издавать на всякую треть по частям, а по прошествии года, сочинив общее предисловие и титул, собирать в один том; 2) сокращения диссертаций должен сочинить сам автор, ибо он свое сочинение лучше, нежели кто другой, разумеет и не сделает остановки печатанью, не имея нужды требовать от других помощи; 3) все диссертации переводить на россиiскиi язык и на оном печатать. Чрез сие избежим роптания, и общество российское не останется без пользы. И сверх того, студенты, коих я на то назначу, будут привыкать к переводам и сочинениям диссертаций с профессорских примеров.

Михайло Ломоносов

Февраля 3 дня
1761 года

1757 июня 6.

# ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ПОСТРОЙКЕ НОВЫХ ЗДАНИЙ ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

## В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

### ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Канцелярии Академии наук довольно известно: 1) что многие академические служители живут от Академии в отдалении не токмо по Васильевскому острову, но и на Петербургской стороне, также близ Невского монастыря и в других частях в немалом расстоянии, а сие чинится оттого, чтобы им квартеры по малому жалованью иметь дешевле; 2) что некоторые академические департаменты, как Лаборатория, Ботанический сад, Библиотека, дом университетский, от главного корпуса стоят в разделении. От сих обстоятельств происходят следующие затруднения: 1) мастеровые люди ради дальнего расстояния приходить не могут в надлежащее время или хотя и придут, однако усталые и отдыху требуют, отчего чинится напрасная трата времени; 2) оные мастеровые люди для дальнего отстояния своих квартир прогульные свои дни свободно могут извинить болезнию, что они о той в Академии объявить не могли, не имея кого послать; 3) и хотя иные действительно больны, что нередко многим в толиком числе вдруг случается, однако ради дальности по разным частям всего города академическому лекарю по всем ходить не токмо для излечения, но и для свидетельства невозможно; 4) ученики, которые в Академии обучаются, а особливо в Гимназии на академическом жалованье, живут по разным местам у своих родителей или свойственников и для того не токмо позным приходом и отговоркою иногда притворной болезни много прогуливают, но и по домашним дурным примерам навыкают неприличным поведениям; 5) многие профессоры университетские для чтения лекций принуждены из квартир своих ходить чрез нарочитое расстояние, а особливо осенью и весною в ненастные дни не без чувствительной трудности, равно как и академические члены для делания опытов и для наблюдения, как физик, астроном, механик, анатомик, для удаленных квартир не могут всегда удобно исправлять своей должности и в извинение какие-нибудь затруднения показать могут; 6) а когда они друг от друга в опытах взаимной помощи требуют, то для разделения по разным в знатном расстоянии квартирам того чинить не могут; 7) для найму профессорам квартир, а особливо иностранным

для незнания их здешних обрядов, принуждена бывает Канцелярия вступать с хозяевами домов в контракты не без излишной заботы, и оные профессоры, живучи в приватных домах, нередко претерпевают беспокойство для полицейских должностей и помешательство в науках; 8) в разных местах в знатном расстоянии разделенные академические департаменты весьма препятствуют, чтобы главные Академии командиры могли везде осматривать, все ли дела должным порядком происходят; 9) для надзирания и рассылок по толь разно рассеянным департаментам и квартирам должна Академия употреблять излишних служителей и расходы; 10) на квартирные деньги профессорам по их контракту, на перестройку и починку разделенных академических и наемных департаментов изошли казны е. и. в. многие тысячи и впредь исходить будут, а от всех вышеписанных великих неудобностей всегда происходить будут тяжкие препятствия в распространении наук в нашем отечестве, ежели оные неудобности отвращены не будут. От всех сих вредных наукам и отечеству неудобностей избавиться ничем не возможно, как только соединением всех академических департаментов в один корпус и всех служителей в одно здание по примеру Шляхетного кадетского корпуса. К произведению сего великого строения в действие без ущербу казны е. и. в. и без отягощения народного нахожу я следующие способы: 1) к толикому множеству каменных департаментов и покоев, в которых бы все служители академические, науки и художества могли вместиться, во-первых, требуется великое количество кирпича, до несколька миллионов, который ныне для многих публичных и приватных строений высокою ценою продается; помянутое множество кирпича может Академия иметь за половинную цену, ежели пожаловано будет ей довольное место неподалеку от Санктпетербурга, в котором для довольства дров можно завести кирпичные заводы, на которых бы не токмо кирпич на академическое строение в довольстве делать, но и на продажу для других можно было, а из суммы за продажный кирпич платить за другие материалы и за работы; 2) ежели в оном месте будет хотя небольшая речка, по которой дрова и лес из академических или из других дач получать льзя будет, то бы построить на ней пильную мельницу, откуду брусья и тес, какой потребен для строения, получать будет Академия, а достальной продавать и деньги употреблять на прочие расходы при строении; и когда с божиею помощию вышепомянутое академическое здание выстроится по намерению, то и впредь обои оные заводы, кирпичный и пильный, будут служить для академических пристроек и починок, а излишек употребляться для новых полезных наукам и художествам учреждений, которые течение времени и приращения наук и художеств покажет. Сверх сего ежели жалованные школьники и студенты содержаться будут в построенном корпусе, а не так, как ныне в рассеянии безо

всякого призрения и смотрения живут и в разброде, то понадобятся им на стол всякие припасы, которые при оных заводах весьма удобно по пропорции заготовляться могут.

Того ради Канцелярии Академии наук представляю, чтобы его сиятельству Академии наук президенту обще доложить, не соблаговолит ли приказать просить в Правительствующем Сенате, дабы для вышеписанных важных причин пожаловано было Академии наук удобное к произведению в действие представленного строения общего и соединенного академического корпуса пристойное и удобное место, где бы вышепоказанные нужные материалы для строения запасать и прочие выгоды для приращения наук иметь можно было. Я твердо уповаю, что все объявленные неудобности, казенные убытки и препятствия наукам и художествам сим отвращены будут и что прочие господа присутствующие с моим к пользе отечества усердием согласны будут и ежели еще что далее к лучшему успеху в сем представлении прибавить или исправить за благо усмотрят, то ко всему тому я готов показать справедливое единомыслие, и ежели желаемое воспоследует, то крайнее старание приложить намерен, как бы сие дело общим советом учредить и привести в совершенство.

Коллежский советник Михайло Ломоносов

Июня 6 дня
1757 года

**1764 не позднее августа 26.**

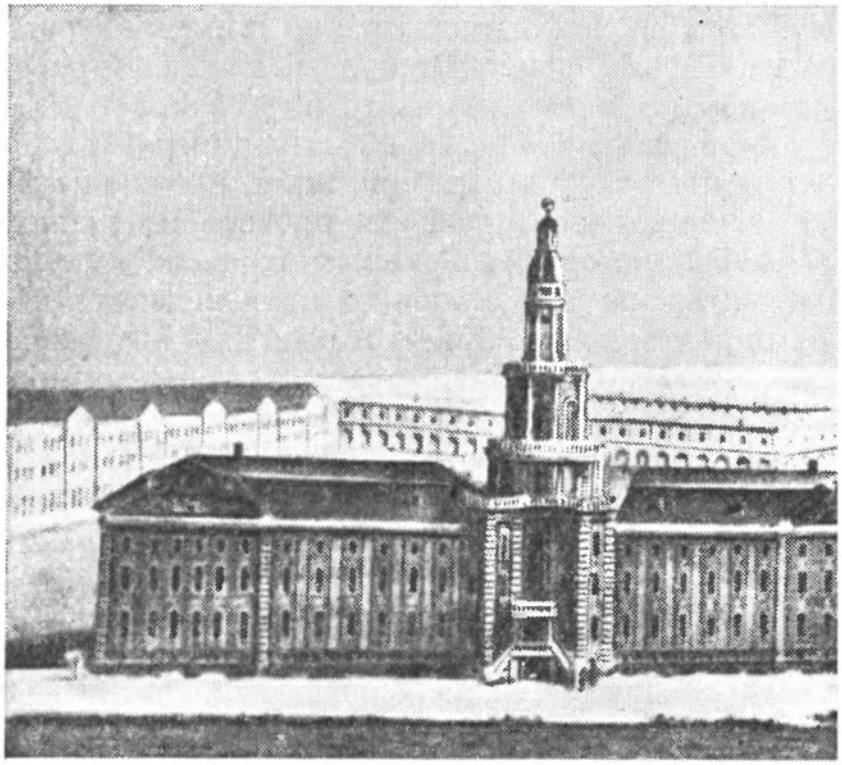
# КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РАССУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ И ДЕЛ С НАЧАЛА СЕГО КОРПУСА ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

## Глава первая

### СОДЕРЖИТ ПОВЕДЕНИЕ ОТ НАЧАЛА ДО НОВОГО ШТАТА

### § 1

Во время приезда в Санктпетербург самых первых профессоров: Германа, двух Бернуллиев, Билфингера, Беккенштейна и других был президент архиатер доктор Лаврентей Блументрост, а у государевой библиотеки приставлен библиотекарем, что после был статским советником, Иван-Данил Шумахер, которому президент отдал под смотрение и денежную казну, определенную на Академию.



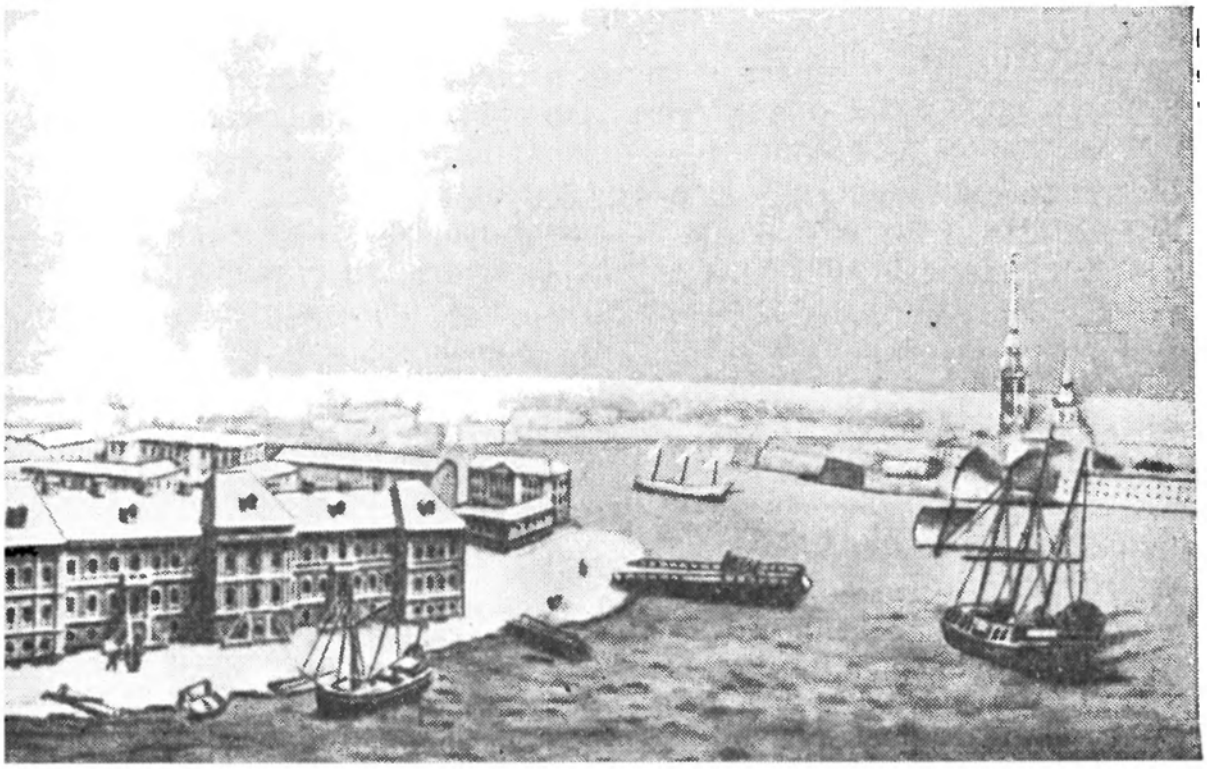
*Стрелка Васильевского острова*

§ 2

Посему выдача жалованья профессорам стала зависеть от Шумахера, и все, что им надобно, принуждены были просить от него же. Сверх сего Шумахер, будучи в науках скуден и оставив вовсе упражнение в оных, старался единственно искать себе большей поверенности у Блументроста и у других при дворе приватными прислугами, на что уже и надеясь, поступал с профессорами не таким образом, как бы должно было ему оказывать себя перед людьми, толь учеными и в рассуждении наук великими, от чего скоро воспоследовали неудовольствия и жалобы.

§ 3

Шумахер для укрепления себе присвоенной власти приласкал на помочь студента Миллера, что ныне профессор, и в начатой безо всякого формального учреждения и указа Канцелярии посадил его с собою, ибо усмотрел, что оный Миллер, как еще молодой студент и недалекой в науках надежды, примется охотно за одно с ним ремесло в надежде скорейшего получения чести, в чем Шумахер и не обманулся, ибо сей студент, ходя по профессорам, переносил друг про друга оскорбительные вести и тем привел их в немалые ссоры, которым их несогласием Шумахер весьма пользовался, представляя их у президента смешными и неугомонными.



§ 4

Сверх сего по высокомерию своему презирал оных почтенных мужей и делал многие досады, почему прозван был flagellum professorum, то есть бич на профессоров, которые между тем, жаловавшись и бив челом в Сенате на своих обидчиков, ничего не успели, затем что приобыкли быть всегда при науках и, не навыкнув разносить по знатным домам поклонов, не могли сыскать себе защищения, и ради того требовали от академической службы абшидов, которые Шумахеровым ходатайством неукоснительно и выправлены.

§ 5

Но чтобы Академия не пуста осталась или, лучше, дабы Шумахер имел под рукою своею молодых профессоров, себе послушных, представил в кандидаты на профессорство пять человек: Ейлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и фаворита своего Миллера, чтобы старые отъезжающие профессоры их на свое место аттестовали. О четырех первых отнюд не обинулись дать свои одобрения, а Миллеру в том отказали, для того ли что признали его недостойным, или что он их много обидел, или и обое купно было тому причиною. Однако в рассуждении сего мнение их не уважено, затем что Шумахеровым представлением Миллер был от Блументроста произведен с прочими в профессоры.

§ 6

Однако ж Шумахер сим своим промыслом чуть ли не больше проиграл, нежели выиграл. Новый сей профессор, ведая из практики и сообщения шумахерские пронырства, везде стал ему ставить на дороге в его покушениях препятства, пристал к некоторым еще оставшим первым профессорам, также и с новыми соединясь, немалые стал наводить Шумахеру упадки в его власти. Но он выискал новый способ, как бы с шеи сбыть сего соперника, ибо, узнав его охоту побывать в других государствах и надобность съездить в отечество для принятия наследства, присоветовал с оказанием удовольствия, с определенным ему профессорским жалованьем и с подорожными деньгами в путь отправиться под именем яко бы для нужд библиотечных и книгопродажных в Германию.

§ 7

После отъезду Миллерова имел случай Шумахер привести прочих новых профессоров к себе в дружбу и управлять их уже как старший, а его сколько можно унизить худыми об нем идеями, коих он мог сыскать довольно. Да и сам Миллер, надеясь на Шумахерово ласкание, без позволения ездил в Англию, чтобы стать тамошнего ученого собрания членом, также, проезжая Пруссию, был на славном там случившемся тогда каруселе и для показания себя излишные сделал из казны издержки, коих Шумахер по возвращении его в Санктпетербург на казенный счет не поставил, отчего произошла великая распря, и Шумахер взял верх, так что Миллер рад был тогдашнему случаю отправиться в Камчатскую экспедицию.

§ 8

Около сего времени взяты были из Московских Заиконоспасских школ двенадцать человек школьников в Академию наук, между коими находился бывший после профессор натуральной истории Крашенинников (ибо в самой Академии о изучении российского юношества почти никакого не было попечения). Оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худого присмотру все испортились. Оставшаяся в Санктпетербурге половина, быв несколько времени без призрения и учения, разопределены в подьячие и к ремесленным делам. Между тем с 1733 года по 1738 никаких лекций в Академии не преподавано российскому юношеству.

§ 9

Хотя между тем Миллер, будучи в Сибири, не мог быть Шумахеровым соперником, однако не без нужды Шумахеру было

от некоторых остерегаться и ради того привводить в ссору. Делиль еще был из самых первых профессоров и не давал собою командовать Шумахеру, ведая, что он не имеет к тому подлинного права. Для того наустил Шумахер на Делилия молодших профессоров Крафта и Генсиуса, чтобы его не почитали и на Обсерватории без его спросу и согласия употребляли инструменты по своей воли, отчего произошли ссоры и драки на Обсерватории.

## § 10

Профессор Вейтбрехт умел хорошо по-латине; напротив того, Юнкер едва разумел латинских авторов, однако мастер был писать стихов немецких, чем себе и честь зажил и знакомство у фельдмаршала графа Минниха. Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неученом, поднял его на досаду, отчего произошла в Конференции драка, и Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и расшиб зеркало. Примечания достойно, что прежде сего Шумахер, как и ныне наследник его — Тауберт, в таковых распрях стоит за молодших, затем чтоб ими старших унизить, а молодших поднять. Но то же и с сими делалось, когда они несколько усилились, и чрез то, кроме других доводов, на себя доказывают, что они таковых ссор причиною, чтобы ловить в мутной воде.

## § 11

В 1735 году истребованные вновь двенадцать человек школьников и студентов в Академию из Московских Спасских школ, в коих числе был и нынешний статский советник Ломоносов, и надворный советник Попов, и бывший потом бергмейстер Виноградов, приехали в Санктпетербург все вместе генваря 1 дня 1736 года и содержаны были сперва на довольной пище, хотя и излишно дорого за то заплачено родственнику Шумахерову — Фелтингу. 19 марта объявлено студентам Ломоносову и Виноградову, что они отправляются по именному указу в Германию для обучения натуральной истории. И с того времени взяты на отпуск определенные из Статс-конторы на содержание их с третьим тысячу двести рублев на год, кои тогда же и употреблены на академические другие нужды за недостатком денег в Академии. А отправляющиеся вышеписанные студенты и с ними Густав Рейзер, бывшего тогда Берг-коллегии советника Рейзера сын, принуждены были ожидать своего отправления до осени, в коем пути, будучи четыре недели на море, в октябре месяце едва не потонули.

## § 12

Всегдашние недостатки в деньгах происходили от худой экономии Шумахеровой, ибо, несмотря на то что сверх положен-

ной суммы 25 тысяч в год, печатание книг заморских и торг иностранными во всем государстве имела одна Академия, сверх того блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна пережаловала на Академию во время своего владения до ста десяти тысяч, академические служители такую претерпевали нужду, что принужены были брать жалованье книгами и продавать сами, получая вместо рубля по семидесят копеек и меньше, что продолжалось до нового штата.

§ 13

По отъезде помянутых трех студентов за море прочие десять человек оставлены без призрения. Готовый стол и квартира пресеклись, и бедные скитались немалое время в подлости. Наконец нужда заставила их просить о своей бедности в Сенате на Шумахера, который был туда призван к ответу, и учинен ему чувствительный выговор с угрозами штрафа. Откуда возвратясь в Канцелярию, главных на себя просителей, студентов, бил по щекам и высек батогами, однако ж принужден был профессорам и учителям приказать, чтобы давали помянутым студентам наставления, что несколько времени и продолжалось, и по экзамене даны им добрые аттестаты для показу. А произведены лучшие — Лебедев, Голубцов и Попов в переводчики, и прочие ж разопределены по другим местам, и лекции почти совсем пресеклись.

§ 14

Отправленные в Германию трое вышепоказанные студенты, приехав в город Марбург, обучались у славного профессора Волфа математики и физики, а химии начало положили у других. И двое российских обучались немецкому языку и во французском положили начало. Между тем для весьма неисправной пересылки денег на содержание претерпевали нужду и пришли в долги. Хотя Шумахер получал на них определенную из Статс-конторы сумму тысячу двести рублев вперед на целый год, отправленным им из Марбурга в Фрейберг для обучения рудных дел определил жалованья только по полтораста рублев, обещанных наперед тамошнему советнику Генкелю за обучение их химии тысячи двухсот рублев не прислал же, почему Генкель присылаемые студентам на содержание деньги стал удерживать за собою, чего они не могли вытерпеть и стали просить своего пропитания, требуя справедливости. Но он с великою запалчивостию в деньгах отказал, а их вон от себя выслал. В таковых обстоятельствах Ломоносов отъехал в Марбург к Волфу как к своему благодетелю и учителю. Рейзер и Виноградов, долго скитаясь, наконец нашли покровительство у графа Кейзерлинга, который их и снабдевал несколько времени.

§ 15

Между тем присылка суммы на содержание студентов в Германии совсем пресеклась, и Рейзер через отца своего исходатайствовал, что деньги на содержание двоих стали присылаться из Берг-коллегии исправно даже до их возвращения. Ломоносов писал в Академию из Марбурга о своем возвращении и через год на проезд и на платеж долгов получил только сто рублев и выехал за Волфовым поручительством в отечество. Подал добрые свидетельства о своих успехах и специмены в Академию, кои весьма от Собрания одобрены. Но произведен не так, как обещано ему при отъезде, в экстраординарные профессоры, но по прошествии полугода в адъюнкты, а профессорства ждал он здесь четыре года. Примечания и смеху достоiйно, что, когда Ломоносов уже давно в отечество возвратился и был по штату в Академии адъюнктом физического класса на жалованье академическом по 360 рублев, Академическая канцелярия на всякий год требовала и получала из Статс-конторы на содержание его по четыреста рублев наперед, и было якобы два Ломоносовых: один в России, другой в Германии. Подобно же происходило и с прочими двумя студентами, на коих до возвращения Шумахер принимал определенную из Статс-конторы сумму, ничего к ним не пересылая. Возвратившегося Рейзера хотя Шумахер и приласкивал в Академию, обещая профессорство химии, чтобы Ломоносова отвести от той профессии, однако Рейзер, ведая худое академическое состояние и непорядки, совсем отказался.

§ 16

Около 1740 года определен был в Академию наук для своего искусства в механике советник Нартов к инструментальным делам, а особливо к махинам, взятым в Академию из токарни блаженныя памяти государя императора Петра Великого, и учреждена Механическая экспедиция, к которой помянутый Нартов требовал себе и приказных служителей, в чем ему Шумахер весьма препятствовал, опасаясь, чтобы его Канцелярия, не утвержденная указом, а следовательно, и власть его не унизилась. Между тем Нартов, уведав от академических многих служителей, а паче из жалобы от профессора Делиля о великих непорядках, напрасных убытках и о пренебрежении учения российского юношества, предприял все сие донести блаженныя памяти государыне императрице Елисавете Петровне, когда она изволила быть в Москве для коронования. Итак, за общим подписанием одиннадцати человек доносчиков, коих главные были комиссар Камер, переводчики Горлицкой и Попов, что ныне надворный советник, и некоторые студенты, приказные, академические служители и мастеровые, советник Нартов отвез в Москву и подал оное доношение е. в., по которому советник Шумахер и

с ним нотариус Гофман и книгопродавец Прейсер взяты под караул, и учреждена в Академии следственная комиссия, в коей членами присутствовали адмирал Николай Федорович Головин, князь Борис Григорьевич Юсупов и бывший тогда здешний комендант Игнатьев.

§ 17

Доносили оные канцелярские служители на Шумахера в непорядочных по Академии поступках, в испровержении наук и в похищении многой казны, что все состояло в 38 пунктах. Первое им было в успехах помешательство, что из них подканцелярист Худяков прежде еще отъезда Нартова в Москву с доношением отстал и объявил тайно Шумахеру все их намерение, почему он принял предосторожности, писал в Москву к своим приятелям, а профессоров и адъюнктов побудил всех читать лекции для виду, так что читающих было числом втрое против слушателей, и то уже по большой части к местам прежде определенных. Несмотря на то, сперва комиссия зачалась было горячо, однако вскоре вся оборотилась на доносителей, затем что в комиссию, а особливо ко князю Юсупову, писал за Шумахера сильный тогда при дворе человек иностранный. Не исполнено ничего, что требовали доносители по силе именного указа и по самой справедливости, то есть не опечатаны все нужные департаменты, на кои большее было подозрение, а в запечатанные ходил самовластно уптер-библиотекарь Тауберт, сорвав печать, и выносил письма. Доносители не допущены были по силе именного указа о той комиссии к разбору писем и вещей, и, словом, никакой не употреблено строгости по правосудию, а доносители без всякой причины арестованы, Шумахер выпущен из-под ареста.

§ 18

Наконец уговорены были с Шумахеровой стороны бездельники из академических нижних служителей, кои от Нартова наказаны были за пьянство, чтобы, улуча государыню где при выезде, упали ей в ноги, жалуясь на Нартова, якобы он их заставил терпеть голод без жалованья. Сие они сделали, и государыня по наговоркам Шумахерова патрона указала Нартова отрешить от Канцелярии и быть в ней Шумахеру главным по-прежнему. Между тем комиссия хотя не могла миновать, чтобы Шумахера не признать виноватым по некоторым пунктам, по коим он изобличен был в первые заседания, однако сочинила доклад в Правительствующий Сенат, весьма доброхотный для Шумахера, а предосудительный для доносителей, кои и осуждены были к страфам и наказаниям, но и прощены, якобы для замирения со шведами. Пункты, в коих Шумахер изобличен, суть следующие: 1) что он содержал у себя под именем кунсткамерских служителей четырех лакеев, водил в своей либерее, кои никакого

в Кунсткамере дела не имели, на академическом жалованье по 24 рубли на год, на что издержал казенных денег с лишним 1400 р.; 2) что определенные деньги по потчивание гостей, в Кунсткамеру приходящих, по четыреста рублев на год держал на себя и присовокупил к своему жалованью, чтобы не давать никакого отчету, чего всего истрачено было больше семи тысяч рублев; 3) что он держал казенную французскую водку, коя имелась всегда для кунсткамерских вещей, употреблял на свои домашние потребы. И словом, если бы комиссия допустила доносителей до счетов, надлежащих до типографской фабрики и до книжного торгу, то бы нашлись, конечно, великие неисправности и траты казенной суммы. Сверх сего доказал советник Нартов, что Шумахер сообщил тайно в чужие государства карту мореплавания и новообретенных мест Чириковым и Берингом, которая тогда содержалась в секрете. А оную карту вынял тогдашний унтер-библиотекарь Тауберт из Остермановых пожитков, будучи при разборе его писем, который ее имел у себя как главный командир над флотом.

§ 19

К избавлению Шумахерову много также способствовали тогдашние профессоры, а особливо Крафт по сродству, Винсгейм по великой дружбе и приехавшие в самое время коммиссии из Сибири Гмелин и Миллер, которым Шумахер обещал выдавать им двойное сибирское жалованье и здесь, в Санктпетербурге, как только посажен будет по-прежнему в Канцелярии. Сии четверо разъезжали по знатным дворам случайных людей, привлекши и прочих профессоров, и просили о освобождении оного, однако вскоре вспокаялись, затем что Шумахер, поманив несколько времени Гмелина и Миллера исполнением обещанного, наконец отказал им вовсе. С прочими стал поступать деспотически. С Делилем древняя вражда возобновилась, а особливо что он был при коммиссии депутатом со стороны доносителей. Какие были тогда распри или, лучше, позорище между Шумахером, Делилем и Миллером! Целый год почти прошел, что в Конференции, кроме шумов, ничего не происходило. Наконец все профессоры единогласно подали доношение на Шумахера в Правительствующий Сенат в непорядках и обидах, почему оный Сенат рассудил и указал, чтобы до наук надлежащие дела иметь в единственном ведении Профессорскому собранию.

§ 20

Но власть их стояла весьма кратко, затем что вскоре пожалован в Академию президентом его сиятельство граф Кирило Григорьевич Разумовской, которому на рассмотрение отосланы из Сената все перед ним бывшие академические распри, которые так решены, что от всех профессоров взяты сказки порознь, стоит

ли кто в своем на Шумахера доносе, на что как ответствовано от каждого, неизвестно, но то ведомо, что Шумахер остался по-прежнему в своей силе и вскоре получил большое подкрепление.

§ 21

Около сих времен многие профессоры отъехали в отечество: Крафт, Гейнсиус, Вилде, Крузиус, Делиль и Гмелин, коих двух отъезду причины и отпуск особливо упомянуть должно. Делиль, будучи с самого начала Академии старший, по справедливости искал первенства перед Шумахером и, служа двадцать лет на одном жалованье, просил себе прибавки и, как ему отказано, хотел принудить требованием абшида, который ему и дан без изъяснения или уговаривания, ибо Шумахер рад был случаю, чтобы избыть своего старого соперника. Гмелину Шумахер чинил многие препятствия в сочинении российской флоры, на что он жаловался. Шумахер выбранил Гмелина письменно бесчестным способом, для чего Гмелин и для отказу в получении двойного, как было в Сибири, жалованья стал отпрашиваться на время в отечество, на что его сиятельство г. президент и склонился, ежели он даст надежных поручителей. Первый сыскался друг его, профессор Миллер, и в товарищи склонил к себе профессора Ломоносова, который сколько ласканием Миллеровым, а больше уверился словами покойного Крашенинникова, который о Гмелинове добром сердце и склонности к российским студентам Ломоносову сказывал, что-де он давал им в Сибире лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал. Гмелин для чего не возвратился, показал причины, а вероятно, и для того, что он через приятельские письма слышал о продолжении худого состояния Академии и о шумахерской большей прежнего власти.

## Глава вторая

### О ПОСТУПКАХ КАНЦЕЛЯРИИ С УЧЕНЫМ КОРПУСОМ ПОСЛЕ НОВОГО СТАТА

§ 22

По вступлении нового президента сочинен новый стат, в коем расположении и составлении никого, сколько известно, не было из академиков участника. Шумахер подлинно давал сочинителю советы, что из многих его духа признаков, а особливо из утверждения канцелярской великой власти, из выписывания иностранных профессоров, из отнятия надежды профессорам происходить в высшие чины несомненно явствует. Оный штат и регламент в Собрании профессорском по получении прочитан однажды, а после даже до напечатания содержан тайно. Все рассуждали, что он хорош, затем что думали быть автором г. Голдбаха. Одна-

ко по напечатании увидели не Голдбаховы мысли и твердость рассуждения, который всегда старался о преимуществах профессорских. Многие жалели, что оный регламент и на других языках напечатан и подан случай к невыгодным рассуждениям о Академии в других государствах. Что по оному регламенту и для него после приключилось, окажется в следующих.

§ 23

Для большего уважения Канцелярии при такой перемене надобно было и место просторнее: прежнее рассудилось быть узко и тесно. Таковых обстоятельств не пропускал Шумахер никогда, чтобы не пользоваться каким-нибудь образом в утеснении своих соперников, и для того присоветовал перенести Канцелярию в Рисовальную и Грыдоровальную палату, а рисовальное дело перебрать в бывшую тогда внизу под нынешнею Канцеляриею Механическую экспедицию, где имел заседание Нартов, который для сего принужден был очистить место, рушить свое заседание, а инструменты и мастеровые разведены по тесным углам. Сие ж было причиною академическаго пожара, ибо во время сей перемены переведены были некоторые мастеровые люди в кунсткамерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашних мастеров либо худо поправлены, или и совсем не осмотрены. Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от топления загорелось. Разные были о сем пожаре рассуждения, говорено и о Герострате, но следствия не произведено никакого. А сторож тех покоев пропал безвестно, о коем и не было надлежащего иску. Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галлерея с сибирскими и китайскими вещами, Астрономическая обсерватория с инструментами, Готторпский большой глобус, Оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами, однако повреждение двору и публике показано весьма малое и о большом глобусе объявлено, что он только повредился, невзирая на то, что оного в целости ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребе. Для лучшего уверения о малом вреде от пожару в «Ведомостях» описано хождение по Кунсткамере некоего странствующего мальтийского кавалера Загромозы, в коем именованы оставшиеся в целости вещи, кои он, Загромоза, видел. Но если бы и то объявлено в тех же «Ведомостях» было, чего уже он в Кунсткамере не видел, то бы едва ли меньший реестр из того вышел.

§ 24

Таким образом, негодование у двора и молву в людях о сем пожаре утолив, начата несколько Академия в 1748 г. и большой глобус починивать новым образом, то есть все новое делать, при-

лагая всякое старание. Положено великое множество казенного иждивения, и каменная палатка, где он ныне стоит, обошлась около пяти тысяч! Между тем как неудовольствие у двора охолодело, так и выстройка глобуса остановилась и в шестнадцать лет еще совсем не окончана.

§ 25

В то же время для исполнения хотя на время по стату истребованы из синодальных семинарий, из Московской, Новогородской и Невскоі, около тридцати человек школьников, затем что своих при Академии воспитанных не было, кроме двух из Невскоі семинарии принятых, что ныне профессоры Котельников и Протасов. Начались университетские лекции и учение в Гимназии с нехудым успехом. Ректором определен в Университете по регламенту профессор Миллер. И сие продолжалось, пока истребованные из духовных школ по большоі части по местам не разопределились. Между тем Миллер с Шумахером и с асессором Тепловым поохолодился и для того отставлен от ректорства, а на его место определен адъюнкт Крашенинников, как бы нарочно в презрение Миллеру, затем что Крашенинников был в Сибире студентом под его командою, отчего огорчение произошло еще больше. Во время Крашенинникова ректорства произведены из Гимназии девять человек в студенты. Только то не хорошо сделал по совету Шумахерову, что для произведения не учинил прежде публичного экзамена, что, однако, профессор Ломоносов исправил, ибо нарекание от Крашенинникова и от студентов отвел экзаменом, учиненным в Профессорском собрании, и новые студенты почти все явились способны к слушанию лекций, которые, однако, не продолжались порядочно, и студенты отчасти по-пустому шатались, живучи по городу в разных отдаленных местах для дешевых квартер, отчасти разопределились по разным академическим департаментам. Четверо из старых посланы были за море. Итак, течение университетского учения вовсе пресеклось, кроме профессора Брауна, который читал беспрерывно философские лекции, несмотря на нелюбление за то от Шумахера и на недоброхотные выговоры и советы.

§ 26

Приведши себя Шумахер в такие обстоятельства и приготовив на свою руку в зяти, в наследники и в преемники тогдашнего асессора (что ныне статский советник) Тауберта, опасался двоих в произведении сего предприятия профессоров: старого своего соперника Миллера и Ломоносова, который тогда своими сочинениями начал приходить в знаемость. И ради того стал Шумахер на сего чинить следующие нападения. Ломоносов с самого своего приезду требовал для упражнения в своей химическоі науке, чтобы построена была при Академии лаборатория, но через че-

тыре года, подавав многократные в Канцелярию о том прошения, не мог получить желаемого. И, наконец, будучи произведен по апробации всего Академического собрания и по именному указу блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны за подписанием собственныя руки, получил двора повеление и сумму на лабораторию из Канцелярии от строения по представлению барона Черкасова. Для отнятия сего всего умыслил советник Шумахер и асессора Теплова пригласил, чтобы мои, апробованные уже диссертации в общем Академическом собрании послать в Берлин, к профессору Ейлеру, конечно, с тем, чтобы их он охулил, а приехавшему тогда из Голландии доктору Бургаву-меньшему было сказано, что он при том и химическую профессию примет с прибавочным жалованьем. И Бургав, уже не таясь, говорил, что он для печей в Химическую лабораторию выпишет глину из Голландии.

§ 27

Между тем Ломоносов, сие о Бургаве услышав, доложил барону Черкасову, и потому выдача денег на Лабораторию приостановлена. Также и Бургав, уведав, что ему химическую профессию поручают в обиду Ломоносову, от того отказался. Сверх сего асессор Теплов, Ломоносову тайно показав аттестат Ейлеров о его диссертациях, великими похвалами преисполненный, объявил, что-де Шумахер хотел его определить к переводам, а от профессорства отлучить, однако-де ему не удалось. А как Ломоносов выпросил Ейлеров аттестат, то прислана к нему тотчас от Теплова цедулька, чтобы аттестат отослать неукоснительно назад и никому, а особливо Шумахеру, не показывать: в таком был он у Шумахера подобострастии. После того под смотрением и по расположению Ломоносова выстроена Химическая лаборатория, в которой он, трудясь многими опытами, кроме других исследований, изобрел фарфоровую массу, мозаичное дело и сочинил о цвéтах новую теорию.

§ 28

Изобретенное мозаичное художество, кое казенным произвождением развести неохотно принимались, не хотя Ломоносов вотще кинуть, просил в Правительствующем Сенате о заведении себе приватно фабрики со вспомогательными заимообразно деньгами и с жалованьем крестьян, что ему и определено. А для испрошения по сенатскому представлению крестьян необходимо ему надобно было ехать в Москву, куда перед тем незадолго двор отбыл. Для сего Ломоносов просил из Канцелярии отпускного письма, но Шумахер отказал, что он без президентского позволения дать не смеет. Но как зимний путь уже стал худеть, и Ломоносов думал, что, может, ему также от президента отказ будет и дело его весьма продлится, то испросил он позволения из Сенатской коп-

торы, от адмирала князя Голицына, пашпорт и в Москву приехал прямо в президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его сиятельство принял ласково и во всю бытность оказывал к нему любление. Всемилостивая же государыня благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшего благоволения и пожаловала по желанию его деревни. Возвратясь в Санктпетербург, Ломоносов увидел в Профессорском собрании от президента оному на общее лицо реприманд в ослушании. А покоiiник адмирал князь Голицын показал Ломоносову также вежливый реприманд от президента в форме письма от советника Теплова, что он в чужую должность вступился, отпустив в Москву реченного Ломоносова: так противны были Шумахеру его успехи.

## § 29

Блаженныя памяти государыня императрица Е[лисавета] П[етровна] на куртаге Ломоносову через камергера Шувалова изволила объявить в бытность его в Москве, что е. в. охотно бы желала видеть россиiскую историю, написанную его штилем. Сие приняв он с благодарением и возвратясь в Санктпетербург, стал с рачением собирать к тому нужные материалы. (Сочиненный первый том поднесен е. в. с дедикациеi в 49-м году письменный.) При случае платы в награждение по задаче ста червонцев за химическую диссертацию Ломоносов сказал в Собрании профессорском, что-де он, имея работу сочинения «Российской истории», не чает так свободно упражняться в химии и ежели в таком случае химик понадобится, то он рекомендует ландмедика Дахрица. Сие подхватя, Миллер записал в протокол и, согласясь с Шумахером, без дальнего изъяснения с Ломоносовым, скоропостижно выписал доктора Залхова, а не того, что рекомендовал Ломоносов, который внезапно увидел, что новый химик приехал, и ему отдана Лаборатория и квартира. Помянутый Залхов был после весьма жалок. Ибо после выезду Ломоносова из квартиры, вступил асессор Тауберт, а Залхов долго скитался по наемным, от Лаборатории удаленным квартерам и не мог за химию приняться. Между тем Ломоносов с ним приятельски обходился и не дал себя привести на неповинного Салхова в огорчение. А Салхов не пристал к шумахерскоi стороне, за что он выгнан из России бесчестным образом, ибо не токмо прежде сроку дан ему абшид, но Тауберт, будучи уже в Канцелярии членом, без спросу и согласия и без подписания своих товарищей, коллежского советника Ломоносова и надворного советника Штелина, послал промеморию в Адмиралтейство, чтобы оная коллегия послала указ в Кронштат и приказала у оного Залхова отнять данный ему диплом как академическому члену.

§ 30

С Миллером происходило следующее около тех же времен. После бывшей комиссии в Академии для прекращения споров между Миллером и Крекшиным, о государственной фамилии Романовых происшедших, в которой для рассмотрения посажены были профессоры Штруб, Тредьяковский и Ломоносов, впал Миллер в некоторое нелюбие у г. президента и у Теплова, и тогда отнято у него ректорство и отдано Крашенинникову. Сие, чаятельно, воспоследовало оттого, что он в первом томе «Сибирской истории» положил много мелочных излишеств и, читая оное, спорил и упрямился, не хотя ничего отменить, со многими профессорами и с самим асессором Тепловым. Также, вместо самого общего государственного исторического дела, больше упражнялся в сочинении родословных таблиц в угождение приватным знатным особам. Сие казалось Шумахеру во власти опасно, и ради того старался асессору Теплову все об нем внушать и искал удобного случая.

§ 31

Между тем издана во Франции карта американских морских путешествий Чирикова и Беринга, о чем Академия немало потревожена, и Миллер должен был делать сему поправление. Около сего времени перехвачено письмо Делилево к Миллеру об академических обстоятельствах, в котором найдены презрительные речи для Академии, и для того учреждена по именному указу в Академической канцелярии следственная комиссия. Ему не велено выходить из дому, и письма его опечатаны, в коих при разборе найдено нечто непристойное. Однако по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей дело без дальностей оставлено.

§ 32

После того велено Миллеру для публичного акта в Академии сочинить речь или диссертацию из российской истории, к чему он избрал материю, весьма для него трудную,— о имени и начале российского народа, которая, как только без чтения перед Профессорским собранием напечатана и в Москву к президенту для апробации отослана, немедленно публичный акт отложен, и речь Миллерова отдана на рассмотрение некоторым академическим членам, которые тотчас усмотрели немало неисправностей и, сверх того, несколько насмешливых выражений в рассуждении российского народа, для чего оная речь и вовсе отставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно,

на иных замахивался в Собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И, наконец, у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего асессора Теплова в глаза обесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились, и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты.

§ 33

При отъезде президентском на Украину, спустя по окончании коммиссии около полугода, пожалованы асессор Теплов и профессор Ломоносов в коллежские советники в Москве, сей при своей профессии, а оный при гетмане, адъюнкт Попов произведен в профессоры и Миллер прощен и из адъюнктов произведен в профессоры. И чтобы его из унижения поднять и укрепить против Ломоносова, который Шумахеру казался опасен, дабы не умалил его самовластия, для того Миллер вскоре определен секретарем и ободрен знатною прибавкою жалованья, и Географический департамент поручен ему же. Сверх того, посажен и в комиссию, которая по президентскому ордеру учреждена была для отрешения излишеств от Академии, в коей члены были коллежские советники Шумахер и Ломоносов, надворный советник Штелин и профессор Миллер.

§ 34

Причина была следующая сея комиссия. Слух достиг и до самых внутренностей двора об излишествах, недостатках и непорядках академических, и президент услышал неприятные там речи о своем правлении. И для того послал о поправлении сего в Академическую канцелярию ордер и к советнику Ломоносову особливый, причем и приватное письмо от советника Теплова, в коих точно и ясно изображены Шумахеровы непорядки. И потому никоею мерою отрещись невозможно, что Шумахеровы непорядки были давно ведомы. С начала сея комиссии дело зачалось было изрядно, однако можно увериться, что Шумахер, будучи членом в той комиссии, которая учреждена для разбору его же непорядков, во всем доброму успеху препятствовал. И надворный советник Штелин за художества стоял больше, нежели за науки. Бывший тогда в Канцелярии секретарь Ханин искал себе асессорства и единственного смотрения над книжным печатаньем и торгом, который был всего тягостнее наукам, старался всячески угождать Шумахеру. Наконец, комиссия кончена, и подан репорт президенту, которого исполнение могло бы хотя несколько поправить академическое состояние, однако он совсем оставлен без внимания. Отрешен только за пьянство архитектор Шумахер, однако после опять принят и поступает по-прежнему.

§ 35

Воспоследовало высочайшее повеление блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны о исправлении статов всех правлений и судебных мест, почему и в Академию наук указ прислан, чтобы академический стат поправить и рассмотреть по идеи асессора Тауберта. Созвано для того общее Профессорское собрание, где присутствовал и советник Теплов, который как сочинитель академического стата стал в том жестоко спорить, что оный еще как новый не подлежит никакой перемене и потому-де его оставить в своей силе. Советник Ломоносов, напротив того, представлял, что в оном стате есть много неисправностей, прекословных и вредных установлений, то-де доказывается тем, что по нему не чинится исполнения. Советник Теплов с презрением слов его не хотел слушать. Отчего дошло с обеих сторон до грубых слов и до шуму. И в Собрании ничего не положено. По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании, однако при дворе законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным. Хотя же академический стат снова по указу из Правительствующего Сената недавно подан, яко не подлежащий к поправлению, к чему Ломоносов не подписался, но как он во всем сем прав, засвидетельствовал сам его сиятельство президент, приказав своим ордером новый академический стат сделать статскому советнику Тауберту и оному Ломоносову.

§ 36

При окончании сея главы для большего уверения худого состояния Академии в сей эпохе показать должно следующее: 1) что для таковых Академической канцелярии поступок никто не хотел из иностранных ученых вступать в академическую службу, и нужда была принимать на упалые профессорские места людей весьма посредственных, но и те склонились нарочным увещанием. Профессор Бургав отпущен был в отечество и в другие места на академическом коште под видом академических нужд, надлежащих до книжного дела, а в инструкции его между главными пунктами было предписано, чтобы в проезде своем истреблял в чужих краях худые мнения о нашей Академии и уверял о ее цветущем состоянии; 2) на письмо профессора Штруба к советнику Теплову, коим Штруб просил прибавки жалованья, ответствовал оный отказом, объявляя, что-де ныне «Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без важности и, наконец, во всем замешательство, даже поныне неисцелимое».

## Глава третия

### О ПОВЕДЕНИИ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОСЛЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОВЫХ В НЕЙ ЧЛЕНОВ

### § 37

При отъезде на Украину определил г. президент в Канцелярию новых членов в прибавление к статскому советнику Шумахеру: коллежского советника Ломоносова и асессора Тауберта; надворный советник Штелин сперва присутствовал по строению академических погорелых палат, а после определен и действительно канцелярским членом. Кроме известных прежде бывших непорядков, странны показались советнику Ломоносову: 1) подряды, происходящие по выстройке погоревших палат и по заведению новой Типографии асессором Таубертом и всяких починок, в коем деле не мог везде соглашаться без нарушения законов и для того записывал свой голос особливо, чему примеры показать можно; секретарь академический протестовал о таковых подрядах после того и в Правительствующем Сенате; 2) великая раздача книг в подарки без высочайшего повеления в богатых переплетах, чему и реестр персон имеется, по которому видеть можно, сколь много истрачено казны с начала Академии доныне; 3) великое множество дел, до наук ничего не надлежащих, покупки разных вещей на Типографию, в Книжную лавку, в мастеровые палаты, а особливо что по мелочам в разбивку, которыми так время тратится, что мало досугов остается стараться о главном деле — о науках, что можно усмотреть из канцелярских журналов и протоколов, на что Ломоносов многократно представлял, чтоб оное прекратить, однако без успеху, затем что товарищи его тем больше могли себя показать многодельными и прилежными, чего они не могли показать по наукам.

### § 38

Подал советник Ломоносов в Профессорское собрание проект о делании трубы, коею бы яснее видеть можно было в сумерках, и представил давно у себя сделанный тому опыт. Физики профессор, что ныне коллежский советник, Епинус делал на то объекции, почитая сие невозможным делом. Ломоносов немного после того спустя получил от камергера Шувалова присланную трубу того же сродства, и он представлял в доказательство своей справедливости. Однако профессор Епинус не токмо слушать не хотел, но и против Ломоносова употреблял грубые слова; и вдруг вместо дружбы прежней стал оказывать неприятельские поступки. Все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по Шумахерскому примеру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончиться, употреблял в свою пользу, портя их дружбу. Все явно оказалось тем, что Епинус

не токмо с Ломоносовым, но и с другими профессорами, ему приятельми, перестал дружиться, вступил в Таубертову компанию и вместо прежнего прилежания отдался в гуляние. Тауберт Епинуса везде стал выхваливать и рекомендовать и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, который бы стал, может быть, ими действовать против него, если бы при науках остался, 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя Ломоносову, что следующими примерами неспоримо доказуется.

§ 39

Пожалован между тем коллежский советник Теплов в статские советники. Для того Ломоносов, как в одно время произведенный прежде, подал и о своем произвождении прошение его сиятельству Академии г. президенту, что он и принял благосклонно. Советник Тауберт, уведав о сем, употребил для помешательства сему профессора Епинуса, приговорив еще к тому профессора Цейгера и адъюнкта Кельрейтера, бывшего в великой любви у Тауберта и у Миллера. Скопом пришед к президенту, просили, чтобы не воспоследовало Ломоносову произвождение, что учинили и у других некоторых особ, имея предводителем Епинуса, а речь вел Цейгер. Почему и остановлено произвождение Ломоносова, несмотря что он уже девятый год тогда был в одном чину, служив близ тридцати лет и отправляв до четырех профессий сверх дел канцелярских; напротив того, Епинус, быв здесь едва три года по контракту, произведен коллежским советником, не показав ни малой услуги Российскому отечеству, по Таубертовой рекомендации и еще мимо старших его иностранных, усердно трудившихся в наставлении российского юношества в Университете, от чего Епинус неосновательными отговорками вовсе отказался.

§ 40

Чтение лекций коль неприятно Тауберту хотя из вышеписанного довольно уразуметь можно, также из следующих неоспоримо окажется, однако не можно не упомянуть и сего поведения. Катедра профессорская стояла в академических палатах, где читал лекции по большой части профессор Браун, которого всегдашнее старание о научении российских студентов и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны. Тогда безо всякого определения и согласия Канцелярии прочих членов и совсем без их ведома асессор Тауберт велел оную катедру вынесть вон, которая после очутилась в Гимназии. И если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, затем что расположение тогдашнее профессорское и студентское житье по разным квартерам требовало, чтоб катедре быть в академических палатах.

§ 41

Для сохранения российских древностей от разрушения и для удовольствия охотников представил советник Ломоносов в Академической канцелярии, чтобы списать портреты прежних государей, кои по разным столичным и удельным городам в бывших княжениях находятся в церквах при гробницах, сняв с них рисунки на бумаге, при Академии переправить чище и, нагрыдоровав, пустить в свет. Согласились все члены, и признан к тому довольно способным рисовальный мастер Андрей Греков. Сделано определение, и от Святейшего Синода истребован позволительный указ, чтобы его допускать для сего дела везде в церкви. Однако Тауберт для пресечения сего дела, для того что не от него, но от Ломоносова получило свое течение, нашел способ, рекомендовав сего Грекова для обучения рисованию его императорского высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неспоримо потому, 1) что можно бы к сему много лучших рисовальщиков сыскать, кроме Академии, и особливо, что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление, 2) что, кроме исполнения своей на Ломоносова злости, отнюд бы он Грекова не рекомендовал к тому знатному месту, затем что он был свидетелем на тестя его Шумахера во время следственной на него коммиссии, почему меньшего брата его, Алексея Грекова, и поныне утесняет чувствительно.

§ 42

Не токмо в академических делах Ломоносову чинены многие препятствия, но и по его приватным трудам оскорбления. Когда мозаичное дело привел он до такого совершенства, что стали многие похвалять его старание, в то время издано в «Ежемесячных сочинениях» некоторое известие о мусии, наполненное незнания о сем деле, а паче презрения сего искусства, которое ныне в Риме и здесь производится из стеклянных составов и превосходнее древнего. Сии ругательства делу, для отечества славному, от кого произошли, видно, что при конце оного сочиненьица стоят буквы В. Т. Собирает сочинения профессор Миллер, печатает Тауберт. Одному Ломоносова стихотворство, другому его «История», третьему обое, а паче всего в Канцелярии товарищество противно.

§ 43

По силе генерального регламента разделены академические департаменты президентским ордером по канцелярским членам в особливое смотрение: коллежскому советнику Ломоносову поручено Профессорское собрание, Университет, Гимназия и Географический департамент, надворному советнику Штелину — Департамент академических художеств, так же грыдорованное, резное и другие мастерства, асессору Тауберту — Типография, Книж-

ная лавка и инструментальное дело. В сем последнем хотя Ломоносов и Штелин тогда ж и представляли, что инструментальное дело должно разделить, то есть для поделок типографских надобностей требуется только столяр, кузнец и слесарь, а прочие, как мастер геометрических, оптических, астрономических и метеорологических инструментов, надлежат к департаменту наук, который дан в смотрение Ломоносову, однако Шумахеров и Таубертов голос больше уважены, и после того инструментальных мастеров труды почти единственно употреблены в приватные угождения, ибо по Канцелярии о происхождении дел в Инструментальной лаборатории ничего почти не известно. Также Астрономическая обсерватория и физика едва ли чем от оной пользовались не токмо в деле новых, но и в починке старых инструментов.

## § 44

Ломоносов первое по своим департаментам принял в уважение Гимназию и Университет, кои были весьма в худом состоянии, а особливо, что жили гимназисты и студенты по городу порознь, не было никакого регламента, который велено уже с начала нового стата сочинить президенту, от чего происходило, 1) что помянутые молодые люди без распорядка в классах и в лекциях профессорских не были обучаемы надлежащим образом, 2) живучи далече от Академии, не приходили в надлежащие часы к учению, а иногда и по нескольку недель отгуливали, жалованье получали многие весьма малое и, тем еще поделясь с бедными своими родительми, претерпевали скудость в пище и ходили по большой части в рубищах, а оттого и досталь теряли охоту к учению. Для отвращения сего сочинил Ломоносов с позволения президентского обоих сих департаментов статы вновь и регламенты, кои его сиятельством и апробованы, и дело пошло лучшим порядком.

## § 45

Однако в надлежащее течение привести невозможно было за невыдачею денег на учащихся, в чем советник Тауберт много противился, ибо, имея казну от Книжной лавки под своим ведением и печатью, с великим затруднением давал на Университет и Гимназию, когда статной казны в наличестве у Комиссарства не было, хотя все книжное дело и доходы произошли из академическаго определенного иждивения с немалым наук ущербом, так что иногда Ломоносову до слез доходило, ибо, видя бедных гимназистов босых, не мог выпросить у Тауберта денег, видя, что не на нужные дела их употребляет. Например, дочь умершего давно пупсонщика Купия принесла после отца своего оставшие старые инструменты, которые тотчас для словолитной за 120 рублев наличных денег взяты, когда гимназистам почти есть

было нечего. Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы Университет и Гимназия отданы были ему в единственное смотрение, и сумму по новому стату на оба сии учреждения отделять особливо с тем, чтобы Канцелярия (сиречь прочие члены) чинила ему в том всякое вспоможение. Сколько ж, напротив того, учинено препятствия, следует ниже. Однако, несмотря на оные, старанием Ломоносова начались в Гимназии экзамены и произвождение из класса в класс и в студенты и в Университете лекции; и в четыре года произошли уже двадцать человек, а в одно правление Шумахерово в тридцать лет не произошло ни единого человека.

§ 46

Успехи Гимназии и Университета коль тягостны были Тауберту, можно видеть из препятствий, учиненных вместо вышепомянутого вспоможения. Профессор Модрах, бывший тогда Гимназии инспектор, принес к Ломоносову канцелярский ордер, им же, Ломоносовым, подписанный и к Модераху посланный для принятия денег на студентов и гимназистов, в котором выскоблено и на том месте написано: «и употреблять их по моим словесным приказаниям», что законам противно и, чаятельно, ничьим другим, как Таубертовым, приказанием для подыску впредь сделано.

§ 47

Когда Ломоносов сочинил статы и регламенты для Гимназии и Университета, то для лучшей исправности сообщил их для просмотрения и делания примечаний советнику Теплову и четырем профессорам. Теплов сделал примечания и трое из профессоров, кои были по большой части справедливы и приняты в уважение. Четвертый, приняв Таубертовы советы, спорил против числа студентов и гимназистов, точно его слова употребляя: что «куда-де столько студентов и гимназистов? куда их девать и употреблять будет?». Сии слова твердил часто Тауберт Ломоносову в Канцелярии, и, хотя ответствовано, что у нас нет природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже своих профессоров в самой Академии и в других местах, но, не внимая сего, всегда твердил и другим внушал Тауберт: «куда со студентами?».

§ 48

В представлении своем к г. президенту Ломоносов о исправлении Университета и Гимназии рекомендовал в профессоры адъюнктов Козицкого и Мотониса, одного философии, а другого греческого языка, и приводил Тауберта, чтобы на то склонился. затем что представление одного не толь важно, однако он отговаривался отчасти недостатком суммы, отчасти полагая причи-

ною, якобы они были не прилежны, не хотят по его приказаниям ничего делать и прочая. Но не так он поступил с угодником своим Румовским и недавно с наглым Шлецером, которого непозволенным образом хочет довести в профессоры истории, о чем ниже.

## § 49

Для твердого основания Санктпетербургскаго университета и для его движения старался советник Ломоносов, чтоб исходатайствовать оному надлежащие привилегии и учинить торжественную инавгурацию по примеру других университетов. Для того с позволения его сиятельства Академии президента сочинил по примеру других университетов привилегию и с его апробациею и Профессорского собрания отдал переписать на пергаменте с надлежащими украшениями и со всеми принадлежностьми подал в бывшую тогда Конференцию, где оная апробована канцлером, его сиятельством графом Михаилом Ларионовичем Воронцовым, контрассигнована к подписанию е. в. блаженныя памяти государыни императрицы Е[лисаветы] П[етровны] и между прочими делами предложено, но приключившиеся тогда болезни и скорая ее кончина сие пресекла. Примечания достойны при сем деле Таубертовы поступки: 1) что он об университетской инавгурации не хотел и слушать и ради того и у проекта привилегии для подания в Придворную конференцию не подписался, которая и представлена за президентскою и Ломоносова рукою; 2) адъюнкту Протасову послан был ордер в Голландию, чтобы, не ставясь там в докторы, ехал в Санктпетербург для постановления при инавгурации; к сему Тауберт не подписался, отзываясь, что «какие-де здесь поставления в докторы, не будут-де его почитать», будто бы здешняя монаршеская власть не была толь важна, как голландская. Правда, что инавгурация за вышеписанной причиною пресеклась, однако Протасов всегда мог быть здесь доктором поставлен, но Тауберт во время тяжкой Ломоносова болезни отослал снова Протасова в Голландию для получения докторства, чем потеряно время и ижидение напрасно и авторитету академическому ущерб сделан, коея президенту в регламенте позволено производить в ученые градусы. Что же Тауберт сие учинил не для пользы Протасова, да в укоснение Университету, то явствует по тому, что после возвращения Протасова доктором при произвождении его в профессоры продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил, отнесши дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сю пору был адъюнктом. Однако Тауберт и еще притом выиграл, что угодника своего Румовского наделя старшинством пред Протасовым.

## § 50

Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порожже. Ломоносов по рекомендации г. Голдбаха и после одобрения в Профессорском собрании (кроме Миллера) представил обер-авдитора Федоровича, который, кроме того что юриспруденции в университетах обучался, был через много лет в статской службе при Медицинской канцелярии и в Адмиралтействе и сверх других изрядно научился российскому языку и прав, почему он и принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и поныне ненавидят и гонят затем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особливо в двух случаях. Научили его недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради учения). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцелярское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и в удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду. После того представлял Федорович оправдание свое в Собрании профессорском, которое опровергая, Миллер не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взашей выбил из Конференции. Федорович просил о сатисфакции и оправдан профессорскими свидетельствами, однако дело еще не окончено. Инако поступил Миллер со студентом Иноходцевым, который, будучи поручен Румовскому для научения астрономии, потом подал в Канцелярию прошение, чтобы его от той науки уволить за недовольною способностию глаз, причем присовокупил, что от Румовского весьма редко слышит лекции. Посему призван сей студент перед Профессорское собрание, и жестокий учинен выговор, а доношение переписать ему велено.

## § 51

Университет и Гимназия почти с начала содержатся на наемных квартирах, на что уже издержано казны многие тысячи. Для того уже после нового учреждения сих департаментов представил Ломоносов, чтобы купить близ Академии находящийся дом Строгановых под Университет и Гимназию, и торг уже в том намерении за несколько лет продолжался, а особливо, что Троицкое подворье, где ныне Университет и Гимназия, весьма обветшало и, сверх того, тесно. Тауберт не казался быть тому противен до нынешней весны, когда Ломоносов за слабостию ног через худую реку в распутицу не мог толь часто в Канцелярии присутствовать и притом упражнялся в делах по повелению от

двора е. в. Тогда Тауберт, без ведома и согласия Ломоносова заготовя ордер, чтобы оный дом купить под типографские и другие дела, а Университет и Гимназию совсем выключил. Оный ордер в чаянии, что заготовлен с общего совета, подписан президентом, и производится уже в нем выстройка по Таубертовым намерениям и расположениям.

§ 52

Причины, кои он показал при покупке Строгановскаго двора под книжное дело, суть следующие: 1) для помещения магазейнов типографских и Книжной лавки, 2) для кунсткамерских служителей, 3) для типографских факторов и наборщиков, 4) для квартиры нововыписанному грыдоровальщику, 5) для Анатомического театра и для профессора анатомии, 6) для профессора астрономии, 7) для помещения рисовальных учеников, 8) для переносу кунсткамерских вещей из дому Демидовых, откуду-де высылают хозяева и просят в Сенате. Сии причины коль неосновательны, из сего видно: 1) что заняты под Типографию и Книжную лавку знатная часть старых академических палат и два целые каменные дома, в один выстроенные, Волкова и Лутковского, в коих многие покои под себя занял советник Тауберт и поместил людей, до Типографии ненадобных и совсем для Академии излишних; 2) кунсткамерские и библиотечные служители могут быть на наемных квартирах, как и другие академические; 3) грыдоровальщик также может жить на наемной квартире, как и прежде его Шмид и другие художники; 4) Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одиноком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? 5) паче же всего анатомику, а особливо с фамилиею, иметь при такой мерзости свою экономию? 6) и астроном не больше имеет права жить на казенной квартире, как другие, притом же и мертвецы не будут ему приятны, когда занадобится идти в ночь на Обсерваторию; 7) рисовальные ученики живут в готовых, нарочно на то построенных квартирах и другой не требуют, к тому же они и заведены сверх стату; 8) для кунсткамерских вещей искать новой квартиры стыдно г. Тауберту, затем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет, и суммы изошло тридцать тысяч, а вещей еще и по сю пору не переносит. Изо всего сего очевидно явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы его фабрика была в лучшем состоянии, нежели науки. Хотя ж покупка учинена из книжных доходов, однако оные все возросли из суммы, определенной на науки, с ущербом оных и по справедливости требуют сии повороту.

§ 53

Столько препятствий учинено Ломоносову в учреждении Университета и Гимназии; но не меньше еще в другом порученном ему, Географическом департаменте. Прежде сего разделения имел профессор Миллер оное дело в своем смотрении около семи лет, где производились только копирования ландкарт оригинальных из архива и деланы карты почтовые, планы баталий и другие, сим подобные; а о главном деле, то есть о издании лучшего «Российского атласа» с поправлениями, ниже какого начала не положено. Ломоносов, вступив в оного департамента правление, неукоснительно предпринял сочинить новый «Российский атлас» несравненно полнее и исправнее. Для сего 1) по представлению его и старанием исходатайствована от Правительствующего Сената рассылка запросных географических тридцати пунктов, в Академии апробованных, на которые и ответов прислана уже большая часть; 2) оттуду ж получен указ для двух географических экспедиций, чтобы для сочинения нового исправного атласа определить знатных мест долготы и широты астрономическими наблюдениями, к чему указы с прочетом, прогоны и спомогательные деньги уже были назначены, а план путешествия оных обсерваторов и места паблюдаемые назначены Географическим департаментом и Собранием профессорским апробованы с каждого члена особливым письменным мнепием; 3) из Камер-коллегии требовано перечневое число душ из каждой деревни для знания разности их величины, чтобы в атласе не пропустить больших и не поставить бы малых и тем не потерять бы пропорции; 4) от Святейшего Синода требованы сведения о монастырях и церквах во всем государстве, поелику требуется для географии. И словом все в оном департаменте получило новое движение, и по новому сему расположению сочинено до десяти карт специальных, несравненно полнее и исправнее прежних.

§ 54

Советник Ломоносов представлял своим товарищам в Канцелярии о напечатании оных, но учинены тому великие сопротивления: 1) отговорки, что других дел много в Грыдоровальной палате, и отданная уже по канцелярскому приказу Сапктпетербургской губернии карта для дела без ведома оного Ломоносова взята от грыдо[ро]вальщика, и велено ему другое делать. После, во время жестокой болезни Ломоносова, отданы сочиненные карты на рассмотрение в Профессорское собрание и хотя все похвалены, однако по мнению профессора Миллера печатания не удостоены, якобы он приметил неисправности в наименованиях чухонских деревень, кои, однако, никакой важности не заключают. После того другой раз оные карты свидетельствованы и апробованы, однако уже времени между тем немало утрачено, и сочинение

далее карт не может быть исправно без астрономических наблюдений, которые остановлены также по зависти, против стараний Ломоносова. Остановлена посылка обсерваторов разными образы. По истребовании от Правительствующего Сената всех надобностей для помянутых экспедиций, Тауберт представил, что оных отправить без позволения президентского не должно, против чего и прочие члены, не хотя спорить, писали от Канцелярии о том к его сиятельству на Украину, на что, однако, не воспоследовало никакого решения. Чаятельно, что Тауберт послал приватно спорное туда ж представление, как по всем его поступкам в рассуждении сего дела заключить можно. Лучший из числа назначенных обсерваторов, Курганов, который был истребован от Адмиралтейской коллегии для сей экспедиции в академическую службу, скучив ожиданием, отпросился в прежнюю команду. Красильников между тем стал старее и дряхлее. Румовский письменно отказался. Кроме сего, недоставало к оным экспедициям астрономических квадрантов: такая скудость астрономических инструментов на Обсерватории! Несмотря на то что от Сената получено после пожара на оные 6000 рублев, на кои куплен только большой квадрант за 180 р., а прочая сумма на мелочи истрачена. Оные квадранты советник Тауберт взялся из Англии выписать, да опять и отказался, хотя то нередко и приватным в угождение делает. А после обещался надворный советник Штелин, но и тот тянул весьма долго; а особливо, что оные квадранты лежали долго в пакгаузе и в Канцелярии, наконец, появились, тогда как паче ожидания получен от его сиятельства ордер, чтобы оные экспедиции приостановить, а Тауберту и Ломоносову сочинить проекты и представить ему снова. Ломоносов оное исполнил, а от Тауберта еще ничего не видно. И так сие дело без произвождений осталось.

## § 55

Когда Ломоносов от своей долговременной болезни несколько выздоровел и стал в 1763 году в Канцелярию для присутствия ездить, тогда объявил Тауберт ордер президентский, чтобы Географический департамент поручить Миллеру, якобы затем, что в оном департаменте происходят только споры и не издается ничего в свет нового. Примечания достойно, что оный ордер дан в августе 1762, когда Ломоносов был болен, а объявлен в генваре 1763 года, когда он стал в Канцелярии и в Конференции присутствовать и стараться о произвождении нового атласа. Причина видна, что Тауберт выпросил у президента такой ордер в запас, что ежели Ломоносов не умрет, то оный произвести, чтоб Миллер мог в географическом деле Ломоносову быть соперник; ежели ж умрет, то бы оный уничтожить, дабы Миллеру не дать случая себя рекомендовать географическими делами. Оба сии тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, в прочем край-

ние между собою неприятели. Оный ордер не произведен в действие, ибо Ломоносов протестовал, что 1) о Географическом департаменте донесено президенту ложно, 2) что оный ордер просрочен и силы своей больше не имеет.

§ 56

В прошлом, 1763 году е. и. в. всемилостивейшая государыня, приняв от Ломоносова апробованный в Собрании план географических экспедиций (§ 53) и рассмотрев оный, благоизволила послать в Академию справиться, что о таком измерении России было ли когда рассуждение. На сие ответствовано мимо оного Ломоносова, чрез статского советника Тауберта от Миллера, якобы того предприятия не бывало при Академии, а об оном апробованном плане ничего не упомянуто, который был причиною сего всемилостивейшего вопроса.

§ 57

При случае явления Венеры в Солнце употребляя Тауберт Епиносово к себе усердие и зная его прихотливые и своенравные свойства, научил в обиду Красильникову и Курганову, старым обсерваторам (кои, конечно, в сей практике ему не уступают и за то почитаемы были от прежних здешних астрономов), дабы он требовал наблюдения чинить себе одному, их не допуская, на что оные просили в Правительствующем Сенате, и было им приказано наблюдать вместе с Епинусом. Однако он, несмотря на то повеление, ниже на прежде бывшие таковых и потом оказавшиеся самых Венериных обсерваций явные примеры, что могут быть и другие искусные обсерваторы вместе с главным, от дела отказался и оное испортил, ибо вскоре по его требованию Тауберт приказал, чтобы часовой мастер Бартело взял лучшие инструменты с Обсерватории, чем учинено Красильникову и Курганову великое препятствие из одного только упрямства и высокоумия Епинусова для отнятия чести у таких обсерваторов, а особливо у Красильникова, коего наблюдения, учиненные для измерения России от дальних Камчатских берегов до острова Дага в Европе, известны и одобрены от двух Делилей, славных и искусных астрономов, и от профессора астрономии Гришева. А советника Епинуса тогда не было и нет еще и поныне таких наблюдений астрономических, кои бы ученый свет удостоил отменного внимания. Сие самолюбие и от того происшедшее помешательство не токмо наукам препятственно, но и нарекательно, ибо злоба Таубертова и Епинусова до того достигла, что они, бегаючи по знатным домам и в дом государский, ложными представлениями или лучше буйными криками заглушали оправдания самой неповинности перед высочайшими особами.

§ 58

Не довольно того, что внутрь домашних пределов произвели они такое беспокоїство, но и во внешние земли оное простерли. Парижский астроном Пингре напечатал о санктпетербургских наблюдениях весьма поносительно, и видно, что он наущен от здешних Красильникову и Курганову соперников, ибо, кроме других примет, в оном поношении присовокуплен к российским обсерваторам и профессор Брауц, который не делал нарочных наблюдений Венеры для публики, но ради своего любопытства, и не издал здесь в печать. А что на Брауна уже не первый раз они нападают за его несклонность к их коварствам, то свидетельствует их поступок, когда он ртуть заморозил, ибо Миллер писал в Лейбциг именем Академии без ее ведома, якобы начало сего нового опыта произошло от профессора Цейгера и Епинуса, и Брауну якобы по случаю удалось, как петуху, сыскать жемчужное зерно.

§ 59

Напротив того, когда Румовской обещаниями и ласканиями Таубертовыми склонился к тому, чтобы помогать оному против Ломоносова и других своих одноземцев, хотя не имел удачи учинить наблюдения проходящей по Солнцу Венеры, как он в своем письме из Нерчинска к Ломоносову признается, однако по возвращении его в Санктпетербург выведено наблюдение, по другим примерам сноровленное, в чем Епинус много больше сделал, нежели сам Румовской, и сверх того требованы наставления от других астрономов вне России. Что же Румовской наущен на Ломоносова, то явствует заключение его оптических известий, читанное в публичном собрании, где некстати прилеплена теория о свете. Но Румовского в сей материи одобрение не важно и охуление не опасно, как от человека в физике не знающего.

§ 60

Выписанный еще при Гришове большой астрономический квадрант, который около десяти лет лежит без употребления, вздумал статский советник Тауберт с общего совета с советником Епинусом поднять на Обсерваторию, что удобному употреблению, практике и самим примерам в Европе противно. И для того статский советник Ломоносов и надворный советник, астрономии профессор Попов представляли, что оный квадрант на высокоі башне поставлен быть не должен для шатости, ибо мелкие его разделения больше чувствуют переменные шатания высокого строения, нежели небольших квадрантов, от коих не требуется таких точностей. На все сие не взирая, намерение их исполнено, и поднят не токмо оный тяжелый квадрант, но и для его укрепления камень около тысячи пуд в бесполезную излишнюю тягость

башне, в излишнюю беспрочную трату казны и в напрасную трату времени, которая и поныне продолжается купно с бесперерывными перепочинками, кои казне стоят многие тысячи, а пользы никакой по наукам нет, кроме тех, коим всегдашние подряды для поделок и переделок прибыль приносят.

## § 61

Для вспоможения в сочинениях профессору Миллеру принят в Академию адъюнктом титулярным некто иноземец Шлецер, который показался Тауберту весма удобным к употреблению в своих происках. И ради того приласкал его к себе, отвратив и отманив от Миллера, везде стал выхвалять и, видя его склонность к наглым поступкам, умыслил употреблять в нападках своих на Ломоносова, а чтобы его подкрепить, рекомендовал для обучения детей президентских. Первый прием на Ломоносова был, чтобы пресечь издание Ломоносова «Грамматики» на немецком языке: дал все способы Шлецеру, чтобы он, обучаясь российскому языку по его «Грамматике», переворотил ее иным порядком и в свет издал, и для того всячески старался останавливать печатание оныя, а Шлецерову ускорял печатать в новой Типографии скрытно, которой уже и напечатано много листов, исполненные смешными излишествами и грубыми погрешностями, как еще от недалеко знающего язык российский ожидать должно, купно с грубыми ругательствами. Сие печатание хотя российским ученым предосудительно, казне убыточно и помешательно печатанию полезнейших книг, однако Тауберт оное производил для помешательства или по малой мере для огорчения Ломоносову.

## § 62

По указу Правительствующего Сената переведены китайские и манжурские книги о состоянии тамошних народов переводчиками Россохиным и Леонтьевым на российский язык для государственной пользы, и велено их напечатать при Академии 1762 года в... Оные книги, как дорогою ценою купленные и немалым иждивением и трудом переведенные и в Европе еще неизвестные, надобно было издать неукоснительно для чести Академии и чрез людей российских, однако Тауберт не обинулся отдать оному же Шлецеру, чтобы сделал экстракт для напечатания, человеку чужестранному, будто бы своих столько смыслящих при Академии не было или в другой какой команде, человеку едва ли один год в России прожившему. Сие ж учинил Тауберт без общего ведома и согласия прочих членов и без позволения от Сената, самовластно. Однакож, что сделано по сему Шлецером, неизвестно. Может быть, сделан экстракт на немецком языке и сообщен в чужие государства.

§ 63

Мало показалось Тауберту и сего дела для Шлецера, ибо он его выхваляет почти всемощным. Присоветовал сочинять ему и российскую историю, дал позволение брать российские манускрипты из Библиотеки, хранящиеся в особливої камере, которые бы по примерам других библиотек должно хранить особливо от иностранных. Оные книги Шлецер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал. Надеясь на все таковые подкрепления от Тауберта, подал в Профессорское собрание представление, что он хочет сочинять российскую историю и требует себе в употребление исторические сочинения Татищева и Ломоносова к крайней сего обиде, который, будучи природный россиянин, зная свої язык и деяния российские достаточно, упражнявшись в собирании и в сочинении российскої истории около двенадцати лет, принужден терпеть таковые наглости от иноземца, который еще только учится российскому языку.

§ 64

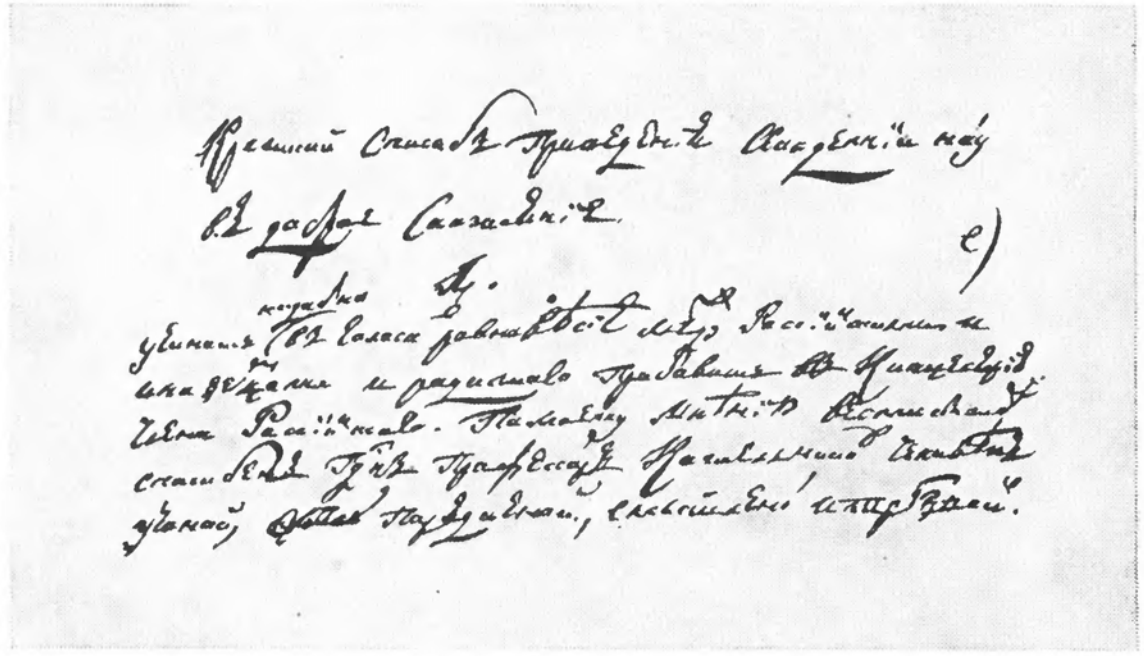
В начале нынешнего лета требовал Шлецер отпуску в отечество на три месяца и как заподлинно уверял, что он с профессором Цейгером вместе поедет. Сверх того и в «Геттингенских ученых ведомостях» напечатано, что Шлецер там объявлен профессором. Наконец искание для него здесь историческое профессорство всякими Таубертовыми мерами, не так, как о Козицком, Мотонисе и Протасове, и несмотря на то, что есть два профессора истории — Миллер и Фишер, также и Ломоносов действительно пишет российскую историю,— не удалось. То скорый отъезд его из России был отнюд не сумнителен. Между тем профессор Миллер неоднократно жаловался на Тауберта в Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлецеру, вверил ему всю российскую библиотеку, так что Шлецер выписывает и переписывает что хочет, на что писцов наймует, а одного-де и нарочно держит, о чем-де он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, а изданием российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги. Ломоносов, ведая все прежнее и слыша Миллеровы основательные жалобы и представления и опасаясь, чтобы не воспоследовали такие ж неудовольствия, какие были прежде от иностранных из России выезжих, не мог для краткости времени, не терпящего ни малого умедления, и для отсутствия президентского и не должен был преминуть, чтобы о том для предосторожности не объявить Правительствующему Сенату, о чем ныне дело производится. Позволение от Тауберта Шлецеру брать и переписывать российские неизданные манускрипты есть неоспоримо. Тауберт, как видно, хочет тем извиниться, что будто бы в сем позволении в переписке не было никакой важности, однако ему противное тому доказано будет.

## Глава четвертая

## ПРИМЕЧАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ

### § 65

Рассматривая все вышеписанное, которое доказывается живыми свидетельми, письменными документами, приватными и публичными, неоспоримо и обязательно удостоверен быть должен всяк, что Канцелярия академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми и после для того утверждена по новому стату и регламенту к великому наукам утеснению,



*Из докладной записки Ломоносова «Краткий способ приведения Академии наук в доброе состояние»*

ибо 1) имел он в ней способ принуждать профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оного; 2) принятием и отрешением по своей воли, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо смотря, кто ему больше благосклонен или надобен; 3) всевал между ними вражды, вооружая особливо молодших на старших и представляя их президентам беспокойными; 4) пресекал способы употреблять им в пользу свое знание всегдашною скудостию от удержки жалованья и недостатком нужных книг и инструментов, а деньги тратил по большой части по своим прихотям, стараясь завести при Академии разные фабрики и раздаривать казенные вещи в подарки, а особливо пользоваться для себя беспрестанными подрядами, покупками и выписыванием разных материалов из-за моря; 5) для того всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые,

а особливо природные россияне, о чем Шумахер так был старателен, что еще при жизни своей воспитал, обучил, усыновил подобного себе коварствами, но превосходящего наглостию Тауберта и Академическую канцелярию и Библиотеку отдал ему якобы в приданое за своею дочерью.

§ 66

Сие было причиною многих приватных утеснений, кои одне довольны уже возбудить негодование на канцелярские поступки, ибо не можно без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернулиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвигались выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы. Утеснение советника Нартова и, кроме многих других, нападки на Ломоносова, который Шумахеру и Тауберту есть сугубый камень претыкания, будучи человек, наукам преданный, с успехами и притом природный россиянин, ибо, кроме того, что не допускали его до химической практики, хотели потом отнять химическую профессию и определить к переводам, препятствовали в издании сочинений, отняли построенную его рачением Химическую лабораторию и готовую квартеру, наущали на него разных профессоров, а особливо Епинуса, препятствовали в произвождении его чрез посольство Епинуса с Цейгером и Кельрейтером, препятствовали в учреждении Университета, в отправлении географических экспедиций, в сочинении «Российского атласа» и в копировании государских персон по городам. Не упоминая, что Тауберт и ныне для причинения беспокойств Ломоносову употребляет Шлецера, не обинулся он прошлого, 1763 года, призвав в согласие Епинуса, Миллера и адъюнкта Географического департамента Трескота, сочинил скопом и заговором разные клеветы на оного и послал в Москву для конечного его опревержения, так что Ломоносов от крайней горести, будучи притом в тяжкой болезни, едва жив остался.

§ 67

Сие все производя, Шумахер и Тауберт не почитали ни во что нарекание, которое наносили президентам, от таких непорядков на них следующее неотменно. Правда, что Блументрост был с Шумахером одного духа, что ясно доказать можно его поступками при первом основании Академии, и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского университета, довольно приметил в нем нелюбия к российским ученым, когда Блументрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санктпетербург, ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса. После Блументроста бывшие Кейзер-

линг и Корф хотя и старались о исправлении наук, однако первый был на краткое время и не мог довольно всего осмотреть, а второй действительно старался о новом стате и о заведении российских студентов, однако больше, нежели надобно, полагался на Шумахера, который сколько об оных радел, явствует из вышеписанного. Наконец, нынешний президент, его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, будучи от российского народу, мог бы много успеть, когда бы хотя немного побольше вникал в дела академические, но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашний асессор Теплов был ему предводитель, а Шумахеру приятель. Главный способ получил Шумахер к своему самовластию утверждением канцелярского повелительства регламентом, особливо последним пунктом о полномощии президентском, ибо ведал Шумахер наперед, что когда без президента ничего нельзя будет в Академии сделать, а он будет во всем на него полагаться, то, конечно, он полномощие при себе удержит. Сей-то последний пункт главный есть повод худого академического состояния и нарекания нынешнему президенту. Сей-то пункт Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что честь президентскую наблюдать должно и против его желания и воли ничего не представлять и не делать, когда что наукам в прямую пользу делать было надобно. Но как президентская честь не в том состоит, что власть его велика, но в том, что ежели Академию содержит в цветущем состоянии, старается о новых приращениях ожидаемыя от ней пользы, так бы и сим поверенным должно было представлять, что к чести его служит в рассуждении общей пользы, а великая власть, употребленная в противное, приносит больше стыда и нарекания.

## § 68

Вышепоказанными вредными происками, утеснениями профессоров, шумами и спорами, а особливо посторонними, до наук не надлежащими делами коль много в сорок лет времени потеряно, то можно видеть из худых в науках успехов, из канцелярских журналов, которые наполнены типографскими, книгопродажными, грыдоровальными и другими ремесленными и торговыми делами, подрядами и покупками, а о ученых делах редко что найдется, хотя они через Канцелярию в действие происходить должны по реченному стату. Если бы хотя Университет и Гимназия были учреждены сначала, как ныне происходят, под особливым смотрением Ломоносова, где в четыре года произведены двадцать студентов, несмотря на чувствительные ему помешательства, то бы по сие время было бы их в производстве до двухсот человек и, чаятельно, еще бы многочисленнее, затем что за добрым смотрением дела должны происходить с приращением. А сие коль надобно в России, показывает великий недостаток природных докторов, аптекарей и лекарей, механиков, юристов,

ученых, металлургов, садовников и других, коих уже много бы иметь можно в сорок лет от Академии, ежели бы она не была по большой части преобращена в фабрику, не были бы утеснены науки толь чувствительно и не токмо бы наставления не пресекались, как выше показано, но и власть бы монаршеская, которая явствует в регламентах Академическом и в Медицинском, употреблена была на поставление в градусы, чего столько Тауберт не хотел, явствует выше из примера с Протасовым.

§ 69

Какое же из сего нарекание следует российскому народу, что по толь великому монаршескому щедролюбию, на толь великой сумме толь коснительно происходят ученые из российского народа! Иностранные, видя сие и не зная вышеобъявленного, приписывать должны его тупому и непонятному разуму или великой лености и нерадению. Каково читать и слышать истинным сынам отечества, когда иностранные в ведомостях и в сочинениях пишут о россиянах, что-де Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался и ныне-де дочь его Елисавета без пользы употребляет на то ж великое иждивение. Что ж таковые рассуждения иностранных происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов российским ученым, то свидетельствует посылка с худым намерением к Эйлеру сочинений Ломоносова и после того бессовестное их ругание в «Лейпцигских ученых сочинениях», несмотря что они уже Академиею апробованы и в «Комментариях» были напечатаны, чего ведомостщики никогда бы не сделали из почтения к сему корпусу, когда бы отсюда не побуждены были. Однакож Ломоносов опроверг оное публично довольными доводами. Какое же может быть усердие у россиян, учащихся в Академии, когда видят, что самый первый из них, уже через науки в отечестве и в Европе знаемость заслуживший и самим высочайшим особам не безызвестный, принужден беспрестанно обороняться от недоброжелательных происков и претерпевать нападения почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления?

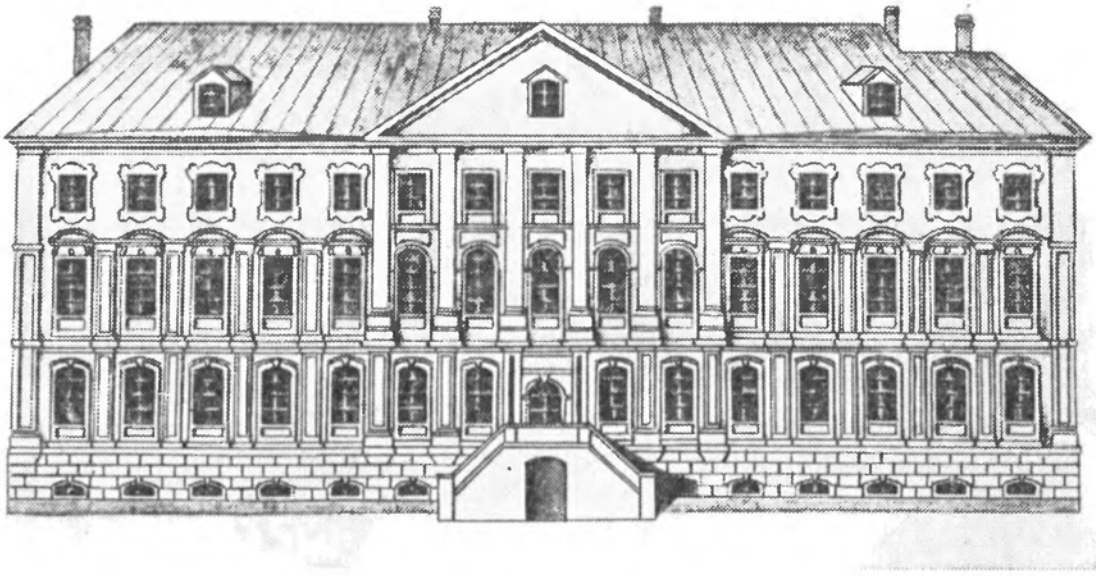
§ 70

Наконец, по таковым пристрастным и коварным поступкам не мог инако состоять Академический корпус, как в великом непорядке и в трате казны не на то, к чему она определена, но на оные разные издержки, до наук не надлежащие. От сего произошло, что хотя Академическое собрание и прочие до наук надлежащие люди при Академии никогда в комплете не бывали и надобности к ученым департаментам почти всегда недоставали, однако претерпевать должны были в выдаче жалованья скудость, что и ныне случается. Между тем в Академическое комиссарство с начала нового стата по 1759 год в остатке должно б было

иметься в казне 65 701 р., а поныне, чаятельно, еще много больше. Но сие все исходит на беспрестанные починки и перепочинки и на содержание излишних людей, ибо на выстройку погоревших палат, кроме двадцати трех тысяч, истребованных на то от Сената, употреблено академических близ трех тысяч рублев по 1759-тый год, за починку домов академических и наемных и за наем семнадцать тысяч в 8 лет, за выстройки каменной палатки под глобус полшесты тысячи рублев, а после того издержаны многие тысячи на разные перестройки и на покупки вещей наместо погоревших в Кунсткамеру, не считая дарения книг, при Академии печатанных, коих нередко расходится даром близ ста экземпляров, немало в дорогих переплетах, не упоминая починки или лучше нового строения глобуса. Для всех сих каковы бывают подряды, можно усмотреть из представления о том Канцелярии академической от Ломоносова и из доношения в Сенат от секретаря Гурьева. Также и о всей экономии заключить из того можно, что Тауберт на своей от президента данной квартере, на Волкова доме чинит постройки и переделки без ведома канцелярского. О состоянии Библиотеки и Кунсткамеры не подаются в Канцелярию никогда никакие репорты, и, словом, нет о том почти с начала никаких ведомостей. Книжная лавка, а особливо же иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых, и книгопродавец Прейссер, который был за двадцать лет под арестом по Нартовской коммиссии, ныне умер безо всякого следствия и счету.

§ 71

Между тем науки претерпевают крайнее препятствие, производятся новые неудовольствия и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Махиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или целому обществу. Едино упование состоит ныне по бозе во всемилостивейшей государыне нашей, которая от истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастие. Ежели ж оного не воспоследует, то верить должно, что нет божеского благоволения, чтобы науки возросли и распространились в России.



*Здание, в котором помещались Академический университет и гимназия*

**1758 марта 24 — мая 27.**

# ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

## РЕГЛАМЕНТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам. Правила и примеры прилежания, постоянства и честности, в особенности же внушения страха божия, как начала премудрости, столь же необходимы в Гимназии, как и ежедневная пища. Это может быть с желаемым успехом приведено в исполнение и введено в круг обычной жизни не иначе, как при помощи твердо установленных основных правил и точного их соблюдения. Когда закон не исполняется, он бесполезен: сила законов не в их множестве, а в точном их усвоении.

## Глава I

## О ПРИЕМЕ ГИМНАЗИСТОВ В ГИМНАЗИЮ

### § 1

Всякий, кто желает отдать для обучения в Академическую гимназию своего сына или ребенка, находящегося под его опекой, должен, независимо от того, дворянин он или нет, представить его в Канцелярию Академии наук при доношении, в котором указать имя представляемого, пол, место и год рождения, а также то, чему он желает обучаться, на казенный или на свой счет, и чему обучался до этого. В первом случае он должен быть принят в комплект и по освидетельствовании определен в соответствующий класс, если будет свободное место; если же такового нет, то должен ожидать его в порядке очереди, причем может обучаться тем временем на свой счет. Во втором случае не получающие жалованья должны быть приняты и по освидетельствовании определены для обучения в соответствующий класс.

### § 2

Сообразно этому, инспектор Гимназии должен вести три списка: один для находящихся на жалованье, другой для обучающихся сверхкомплектно в ожидании вакансии и третий для обучающихся на свой счет, чтобы можно было каждые полгода представлять эти списки в Канцелярию и показывать, сколько времени обучались школьники и каковы их успехи, способности и поведение.

### § 3

Если кто не хочет обучаться латыни, а только французскому или другому европейскому языку, преподаваемому в Гимназии, либо арифметике, геометрии и географии, либо чистоте русского языка, то ему надлежит заявить об этом в доношении, чтобы в соответствии с этим можно было установить распорядок преподавания. Это относится к тем, кто учится на свой счет, ибо казенокоштные ученики должны основательно проходить все школьное обучение, чтобы стать исправными студентами и приобрести возможность слушать высшие науки у университетских профессоров. Поэтому латинские и русские классы, а также классы первых оснований нужнейших наук должны называться ординарными, все же остальные — экстраординарными.

### § 4

В Академическую гимназию не должны быть принимаемы лица, положенные в подушный оклад, и в особенности крепостные люди; если же помещик захочет отдать кого-либо из своих людей в Гимназию по причине его особой сообразительности и ода-

рности, то он должен освободить его навечно и дать Академии подписку, что отныне не имеет на него никаких прав, однако же подушные деньги он должен платить за него до следующей ревизии; и принятый ученик должен также дать подписку, что ни во время учения, ни позднее до конца своей жизни не захочет пойти в холопы ни к своему прежнему помещику, ни к какому-либо другому. Точно таким же образом должны приниматься в Гимназию на жалованье и положенные в подушный оклад дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян при наличии особых способностей и охоты к учению и если посадское общество, округ или родственники обязуются уплачивать за них подушную подать до новой ревизии, при которой они должны быть вычеркнуты из подушных списков. Дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян могут проходить обучение на свой счет, если проявят особые способности и охоту к ученью. Крепостные крестьяне не должны приниматься, если только их господа, как сказано выше, не отпустят их на волю. Против этого не должны быть предубеждены обучающиеся в упомянутой Гимназии юные дворяне, ибо науки являются путем к дворянству и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство. А затем все принятые и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству. На военной службе числятся и дворяне и недворяне, так нечего стыдиться этого и при обучении наукам.

§ 5

Число принимаемых на жалованье великороссов должно составлять не менее четырех пятых. Те же, кто хочет учиться на свой счет, могут быть принимаемы независимо от национальности, являются ли они русскими подданными или имеющими разрешение свободно здесь жить.

§ 6

Не умеющие ни читать, ни писать по-русски не должны быть принимаемы, чтобы не переполнять Гимназию; однако тех, кого можно скоро усовершенствовать в чтении и письме, следует принимать.

§ 7

Не должны быть принимаемы слабые здоровьем, особенно же имеющие поврежденное зрение, страдающие падучей или другими продолжительными болезнями, а равно взрослые, которые еще никогда не ходили в школу.

§ 8

Если гимназист принят в Гимназию в комплект на жалованье, не побывав за недостатком жалованных гимназистов в сверхкомплектных, то он должен два месяца учиться на свой счет и не вступать в общение с остальными жалованными гимназистами, чтобы можно было убедиться, можно ли ожидать от него некоторых успехов в учении, за чем преподаватели должны тщательно наблюдать и сообщать об этом ежемесячно инспектору Гимназии, последний же обязан докладывать об этом Канцелярии.

§ 9

При поступлении в Гимназию каждому гимназисту, принят ли он на жалованье или без жалованья, дается книга, в которой содержатся десять заповедей с присовокуплением церковных заповедей и академических узаконений.

## Глава II

## О СОДЕРЖАНИИ ГИМНАЗИСТОВ

§ 10

О тех гимназистах, которые учатся на свой счет, должны заботиться вне Гимназии их родители или те, кому поручен надзор за ними; в Гимназии же за их поведением должны следить их начальники и учителя. Для тех из них, кто учится на жалованье, должно быть установлено особое содержание и надзор не только за учением, но и за поведением их.

§ 11

Итак, для 60 жалованных гимназистов требуется дом из 14 комнат с залом: 12 комнат для гимназистов, каждая на 5 человек, одна комната для надзирателей, одна для 4 сторожей, зал для еды и для утренней и вечерней молитвы, а также церковь, погреб и кладовая для припасов.

§ 12

На стол, одежду и другие нужды должна расходоваться часть сумм, ассигнованных Гимназии, но так, чтобы сами гимназисты не получали никаких денег на руки, а содержались единственно из кассы, ибо они, когда живут дома, часто имеют случай предаваться мотовству, что представляет много препятствий при обучении. Кроме того, некоторые видят дома много дурных примеров. По этой причине их следует лишь весьма редко отпускать домой и в случае необходимости отпускать их с надзирателем.

§ 13

Ежедневно в зале должен накрываться стол на 60 человек, днем в 11 или 12 часов, вечером в 7; при этом должен присутствовать надзиратель для наблюдения за их нравами и поведением; за столом они должны сидеть в порядке классов; при этом гимназисты по очереди должны читать — при соблюдении другими полной тишины — полезные исторические и нравственные книги, русские или славянские, что весьма способствует распространению добродетели и упражнению в чтении.

§ 14

К обеду должно подаваться 3, к ужину 2 блюда с достаточным количеством браги домашнего изделия.

§ 15

В случае заболевания гимназиста, состоящего на жалованье, его лечит доктор, вызываемый из Академии, хирург же должен утром и вечером, а если болезнь требует, то и днем заходить к нему. Для больных должна иметься особая комната, и, смотря по ходу болезни, больным должна даваться соответствующая пища. В случае опасной болезни доктор должен сам ежедневно посещать пациентов. Доктор может быть назначен из числа академических с увеличением его жалованья.

§ 16

Для надзора за гимназистами в их комнатах, в зале за молитвой и за столом нужно выбирать старых почтенных людей, которым не следует делать ничего иного, как только следить за порядком, поведением и опрятностью гимназистов, а также за тем, чтобы никто из них не выходил из Гимназии без разрешения инспектора.

§ 17

Когда гимназисты приходят из дому в классы, при этом должен присутствовать надзиратель, чтобы они по дороге не шалили, а шли в порядке. Тот же порядок соблюдается и при выходе из класса. Если кто-либо провинился дома или по дороге, то надзиратель должен заявить об этом инспектору Гимназии, и виноватый, смотря по тяжести проступка, должен быть наказан.

§ 18

В каждую комнату на 5 человек назначается, по усмотрению ректора, аудитор, причем к гимназистам первого класса аудитор назначается из второго, к гимназистам второго класса из третьего, к гимназистам третьего класса один из старших гимназистов, лучших по учению и поведению. Обязанности аудитора состоят

в том, что он наблюдает за своими товарищами, приготовили ли они заданные им уроки и не проводят ли время в праздности.

§ 19

Надзирателям надлежит смотреть за тем, чтобы ученики не ходили в другие комнаты, а в своих комнатах не затевали шума и драк, чтобы берегли свои книги, одежду и постели и держали их в чистоте, а также надлежит не позволять им играть в низменные или вредные игры.

§ 20

Ежедневно по утрам, когда гимназисты находятся в классе, надзиратель должен об их состоянии и о качестве пищи, чтобы ни в чем не ощущался недостаток, рапортовать ректору и инспектору Гимназии, которые, в свою очередь, в случае надобности, доводят об этом до сведения Канцелярии.

## Глава III

### ОБУЧЕНИЕ ГИМНАЗИСТОВ

§ 21

При обучении гимназистов следует, во-первых, наблюдать главным образом за тем, чтобы не отягощать и не приводить в замешательство различных способностей. Если, например, какой-нибудь гимназист еще не умеет в совершенстве читать и писать по-русски, то он должен оставаться в первом русском классе, пока не научится читать и писать в совершенстве. При этом нужно следить и за тем, чтобы они учились писать буквы красиво, в чем должен быть искусен и сам учитель этого класса.

§ 22

Если гимназист умеет хорошо читать и писать, его следует обучать в низших классах, а именно в русском классе — орфографии и русской грамматике, в латинском — основным началам латинского языка, то есть склонениям, спряжениям, вокабулам и разговорам; в классе первых оснований наук должна проходиться арифметика.

§ 23

Если кто переведен во 2-й класс, то в русском классе он должен обучаться переводу с латинского языка на русский чистым стилем и перефразировке стихотворной и нестихотворной речи. Во втором же латинском классе даются переводы с русского языка на латинский, толкуются легкие авторы, заучиваются наизусть

латинские фразы и пословицы. В классе первых оснований наук должны проходиться геометрия, тригонометрия, планиметрия и география.

§ 24

В высшем русском классе преподается учение о красоте русского языка в стихотворной и нестихотворной речи и русская история. В латинском толкуются трудные авторы, даются наставления по ораторскому искусству и поэзии, а также проходится введение во всеобщую историю. В классе первых оснований должна вкратце преподаваться философия.

§ 25

Арифметика, геометрия и география должны преподаваться на русском языке, первые же основания философии — на латинском.

§ 26

Все это вообще относится к тем гимназистам на жалованье и без жалованья, которые хотят основательно изучить науки. После того как они пройдут эти необходимо нужные классы, они могут учиться немецкому и французскому языкам, смотря по способностям, возрасту и желанию, а также рисованию и танцам, когда перейдут в низший класс студентов.

§ 27

Каждый гимназист обязан вести особые дневники для переписки набело своих сочинений, переводов и упражнений в том виде, как они были выполнены им самим и как были исправлены учителем, чтобы можно было судить и об его успехах, и об усердии учителя.

§ 28

В классах должен соблюдаться следующий порядок: утром с 7 до 9 часов должно вестись преподавание во всех латинских классах, с 9 до 11 — в русских, а с 2 до 4 пополудни — в классах первых оснований наук.

§ 29

В высших латинских классах гимназисты в последний час, а именно с 10 часов, должны три раза в неделю знакомиться с началами греческого языка с тем, чтобы по переводе в низший студенческий класс быстрее преуспевать у профессоров.

§ 30

Тем, кто поступил в Гимназию без жалованья, чтобы изучать современные европейские языки, должны преподаваться также математика, рисование и танцы в те часы, когда студенты низ-

ших классов не заняты с профессорами. Для этого Университет и Гимназия должны составлять каждые полгода особое расписание.

§ 31

В низших классах должны проходиться основные начала немецкого и французского языков, а именно склонения, спряжения, главнейшие правила синтаксиса, вокабулы и разговоры; математика и арифметика. Во 2-м же классе переводы, стиль во французском и немецком языках, а также математика, геометрия, география и фортификация, рисование же — в Академии художеств.

§ 32

По воскресеньям и в большие церковные и государственные праздники гимназисты должны отстоять в гимназическом зале утреню и вечерню, а также и обедню. Перед обедней священник должен обучать катехизису.

§ 33

В субботу после обеда до начала всенощной им должно ходить на танцы, однако же без принуждения, только тем, у кого есть к этому охота.

§ 34

Когда они научатся в 1-м русском классе чисто читать и правильно произносить, им следует выучить наизусть 10 заповедей и все, что требуется для истинного христианина; при этом нужно читать Новый Завет и другие церковные заповеди, что также весьма полезно для упражнения в чтении. Грамматика должна быть пройдена вкратце и по хорошим русским прописям должны быть преподаны наставления относительно чистого и красивого почерка. При обучении чтению теперешней печати следует пользоваться новейшими шрифтами.

§ 35

Во 2-м русском классе следует учить: 1) чистоте русского языка по правилам, которые должны заучиваться наизусть. 2) Нужно выбрать лучшие из писем Цицерона и переводить их на русский язык, показывая при этом, какими приемами пользуются теперь в различных родах писем. 3) Нужно выбрать лучшие главы из Корнелия Непота, Юстина, Курция и Сенеки и переводить их. 4) Должны быть преподаны указания касательно русского стихосложения и выполнены переводы русскими стихами лучших эпиграмм Марциала и басен из «Метаморфоз». 5) Русские переводы в стихах и в прозе должны делаться перифрастически. 6) При исправлении всего этого следует указывать, против какого правила допущена ошибка.

§ 36

В 3-м русском классе должны даваться наставления относительно произнесения речей и писания русских писем, а также должна проходиться вкратце русская история с хронологией.

§ 37

В низшем латинском классе должна быть употреблена «Латинская грамматика» с русским переводом, а также «Латинские разговоры» с русскими переводами. После этого с одобрения инспектора и ректора можно взять некоторые диалоги из Эразма, в особенности те, содержание которых заключает разнородный материал. При этом диалоги должны разбираться грамматически и излагаться по-русски. Латинские вокабулы должны изучаться двояким способом, во-первых, по разделам, связанным с теми или иными вопросами, и, во-вторых, по алфавиту первообразных слов. Таких вокабуляриев в печатном виде должно быть в Гимназии большое количество.

§ 38

Во втором латинском классе должны проходиться по той же самой грамматике исключения в склонениях и спряжениях и все труднейшие правила синтаксиса. Далее должно толковать избранные письма Цицерона, Корнелия Непота, Светония и Курция, а также должны читаться и заучиваться наизусть пословицы Эразма и переводиться на латинский язык новые русские сочинения.

§ 39

В высшем латинском классе при обучении просодии следует толковать и читать Виргилия или Горация, в прозе Флора, некоторые книги и произведения Ливия, а также избранные произведения Тацита и Цицерона.

§ 40

В классе первых оснований нужнейших наук, в частности во 2-м и 3-м классах, следует преподавать арифметику и геометрию по Вольфову «Сокращению», объяснять географию на глобусе и в атласе по изготовленному для этой цели описанию, обучать логике, метафизике и практической философии по Тюммигову «Сокращению» Вольфианской философии на латинском языке.

§ 41

Немецкий язык должен изучаться по «Грамматике» Готшеда, и при этом следует пользоваться «Разговорами» с русским переводом; в прозе следует читать и толковать произведения Мосгейма, в стихах — Каница, Гинтера и другие.

§ 42

Французский язык следует учить по «Грамматике» Пеплие, по прозе нужно читать и толковать «Телемака», в стихах — Мольера, Расина и Вольтера.

§ 43

Упомянутые здесь авторы могут быть заменены другими. С надлежащего разрешения можно подбирать себе и иных, но такую замену следует производить не часто и по зрелом размышлении.

## Глава IV

### ОБ УПРАЖНЕНИЯХ В ГИМНАЗИИ

§ 44

Упражнения бывают двоякого рода: одни выполняются в школе, другие задаются на дом. Школьные упражнения выполняются в Гимназии приватно, в присутствии одного учителя или при других классах, а иногда и публично в ректорском классе. Другие же упражнения задаются учителем на дом.

§ 45

Первое школьное упражнение заключается в устном ответе заданного урока в первый час по приходе учителя в класс; однако еще до прихода учителя аудитор должен проверить, знает ли кто свой урок или нет, отметить это в табели и положить ее учителю на стол, чтобы тот сам мог посмотреть и вызвать того или другого для ответа.

§ 46

Второе школьное упражнение состоит в переводе коротких заданий и в переложении фраз стихами и прозой, но не в письменном виде. Материал для этого учитель должен подбирать в соответствии со способностями класса. Это послужит немалым поощрением к учению, однако такое упражнение следует задавать лишь в том случае, если у учителя по окончании лекции остается свободное время.

§ 47

Упражнения в присутствии других классов должны производиться в конце каждого месяца в один день, до и после обеда, причем преподаватели дают всем сразу небольшой материал для перевода или заставляют перелагать фразу прозой и стихами с тем, чтобы гимназисты выполняли это, не заглядывая в книгу и ничего не записывая.

§ 48

Публичные упражнения должны производиться каждые полгода в присутствии всей Академии, однако лишь в высшем классе, причем некоторые гимназисты должны произносить речи, составленные ими самими под наблюдением ректора на русском и на латинском языках, в стихах и в прозе.

§ 49

Домашние упражнения, задаваемые учителем на дом сверх обычных уроков, заключаются — в зависимости от особенностей класса — либо в кратком переводе с русского на латинский язык и с латинского на русский, либо в переложении прозы на стихи. Они должны задаваться дважды в неделю к следующему дню, а не в обеденное время к вечеру, каковой срок слишком краток. Гимназистам разрешается выполнять подобные упражнения и по собственной охоте, чтобы показать особые свои способности и усердие. В таком случае упражнения могут быть либо точно того же рода, что и упомянутые выше, либо, если кто пожелает, может в течение недели выучить наизусть сверх заданного урока еще несколько стихов или же краткую речь в прозе из классических авторов с тем, чтобы в субботу произнести выученное перед учителем.

§ 50

Это будет способствовать не только более быстрым успехам в науках, но и точному выяснению способностей и прилежания каждого гимназиста. Чтобы все это было ясно видно, следует ввести месячные табели, в которых отмечается поведение каждого гимназиста в классах утром и вечером, а также выполнение им домашних упражнений.

§ 51

Все, что кем-либо сделано или упущено, должно быть обозначено в определенных клетках против каждого дня и каждого имени начальными буквами:

В. И.— все исполнил.
Н. У.— не знал урока.
Н. Ч. У.— не знал части урока.
З. У. Н. Т.— знал урок нетвердо.
Н. З.— не подал задачи.
Х. З.— худа задача.
Б. Б.— болен.
Х.— не был в классе.
В. И. С.— все исполнил с избытком.
Ш.— шабаш.

§ 52

Для помесячных упражнений ректор должен вести общую табель, отмечая в ней прилежание и способности каждого и разделяя на лучших, средних и худших.

§ 53

На тех, кто участвовал в полугодичных публичных упражнениях, должно вести особый список, куда инспектор и ректор вносят свои суждения о способностях каждого.

§ 54

Все классные табели должны ежемесячно, а список — каждые полгода представляться в Канцелярию, которая в зависимости от обстоятельств отдает соответствующие распоряжения, обращая особенное внимание на то, чтобы способные и прилежные были отличены от неспособных и нерадивых.

## Глава V

### ОБ ЭКЗАМЕНАХ, ПЕРЕВОДАХ И ВЫПУСКЕ ГИМНАЗИСТОВ

§ 55

Каждый год должны производиться дважды переводы из низших классов в высшие и из высших в студенческий класс. Первый должен происходить в начале нового года, второй — в начале июля.

§ 56

Каждому переводу во всех классах должен предшествовать строгий экзамен, первый за 8 дней до Рождества, второй — в исходе июня, до каникул, которые предоставляются в июле.

§ 57

В низших и средних классах экзамен должен производиться в присутствии инспектора и ректора Гимназии, а также и учителей. Высшие классы экзаменуются в присутствии одного из членов Канцелярии, специально для этого назначенных профессоров Университета, а также инспектора и ректора Гимназии.

§ 58

Перед экзаменом для каждого класса должна быть составлена общая табель за все полугодие, чтобы экзаменаторы могли разом обозреть способности, прилежание и поведение каждого школьника, по следующей форме[a].

[a] Форма в оригинале отсутствует.

§ 59

Затем каждому гимназисту задаются вопросы, в особенности из книг, из которых он что-либо заучивал наизусть или которые толковал учитель. В заключение задаются краткие переводы или сочинения, в зависимости от особенностей каждого класса. О том, как кто выдержал испытание, записывается в особую экзаминаторскую табель.

§ 60

После экзамена месячные табели сопоставляются с экзаминаторскими. Соответственно способностям гимназисты должны переводиться из низших классов в высшие или из высшего класса производятся в студенты для слушания лекций у профессоров. При этом нужно соблюдать следующее.

§ 61

Никто не должен быть переведен из одного класса в другой, если не усвоил полностью всего того, что преподается в классе, где он паходился.

§ 62

Гимназист не должен посещать различные классы. Так, если кто изучил все необходимое в пизшем русском и латинском классах, но еще пе вполне усвоил арифметику низшего класса, то не должен переводиться в средний класс. Точно так же, если кто знает арифметику, но еще нетверд в основах латинского языка, тот не должен быть переведен во 2-й латинский класс. Это должно соблюдаться и по отпошению к другим классам, чтобы не получилось беспорядка.

§ 63

При выпуске гимпазистов из Гимназии и при производстве их в студенты следует обращать внимание на возраст. Так, если кто до 15-го года своей жизни прошел все русские и латинские классы и класс первых оснований нужнейших наук, тот непременно должен изучать в Гимназии немецкий и французский язык, сидя между дворянами. И притом посещать заодно с остальными студентами лекции профессоров.

§ 64

Если же, наоборот, кто в возрасте примерно 20 лет пройдет упомянутые три класса, но обладает лишь посредственными способностями к нынешним европейским языкам, то его не следует, вопреки его требованию, задерживать для их изучения, чтобы мог он заняться такой наукой, при посредстве которой мог бы принести пользу отечеству и без знания языков.

§ 65

Если гимназист по известным причинам, например из-за длительной болезни или по недостатку способностей, долго пробыл в Гимназии и уже не так юн, однако же неизменно проявлял посильное прилежание и хорошо себя вел, то его следует отпустить с рекомендательным свидетельством, соответствующим его заслугам, в другое ведомство или же, если есть вакансия, назначить учителем в низшие классы.

§ 66

Те, кто учатся на свой счет, должны быть выпускаемы так, как были приняты. Если же у тех или у других обнаружатся особые способности или склонность к учению, то следует применить все надлежащие меры к тому, чтобы склонить и их и родителей к дальнейшему усовершенствованию их в науках.

## Глава VI

### О НАГРАЖДЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ

§ 67

Награждения и наказания должны производиться приватно и публично: приватно награждается тот, кто выполнил больше, чем ему задано, и превзошел других; публично он награждается, если своими упражнениями в собрании классов заслужил особого преимущества. Приватно наказывается тот, кто в классе не выполнил того, что ему полагалось, или вел себя неподобающим образом в школе или дома; публично наказываются за постыдные шалости или проступки против религии.

§ 68

В качестве приватной школьной награды для поощрения юношества можно считать достаточным: 1) похвальный отзыв; 2) более высокое по сравнению с другими место за столом; 3) другие в наказание должны ему кланяться, 4) гравюры и книги.

§ 69

Публичные награждения в присутствии всей Гимназии могут состоять: 1) в красиво переплетенных книгах; 2) в математических приборах; 3) в серебряных медалях, которые раздаются перед всем собранием с упоминанием об оказанных успехах.

§ 70

Чтобы бороться с плохим поведением и пороками, можно приватно наказывать в школе: 1) выговорами и угрозами; 2) понижением места, 3) чтобы кланялись тем, кто хорошо себя ведет;

4) стоянием на коленях перед всем классом; 5) сечением розгами, смотря по важности проступка.

§ 71

Публичное наказание перед всей Гимназией должно производиться следующим образом: 1) их отлучают от общего стола прочих гимназистов или сажают за другой стол на хлеб и на воду; 2) их одевают в плохое, рваное платье и выставляют напоказ при выходе всех гимназистов из Гимназии; 3) сажают на некоторое время в карцер, где им приходится сидеть и лежать на голом полу и получать только хлеб и воду; 4)их каждое утро секут розгами.

§ 72

За тяжелые преступления, направленные против религии, и впредь до осуждения, держат взаперти в карцере, а по исключении из Гимназии отсылают в надлежащий суд.

§ 73

Никакое публичное наказание, в особенности же исключение из Гимназии и предание другому суду, не может быть наложено без ведома президента или Канцелярии.

§ 74

Инспектор должен вести книгу, куда записываются гимназисты, получившие награды, с указанием, какова была награда, а также и те, кто был наказан, с указанием, каково было наказание.

## Глава VII

### ОБ УЗАКОНЕНИЯХ ДЛЯ ГИМНАЗИСТОВ

§ 75

Каждому гимназисту при поступлении в Гимназию должен быть вручен напечатанный лист, где изложены гимназические узаконения; такой же лист должен иметься в каждом классе для общего сведения, а также должен быть вывешен на стене в каждой комнате гимназистов и в зале, чтобы они не могли отговариваться неведением. Кроме десяти заповедей и церковных заповедей, эти узаконения состоят в следующем.

§ 76

При наблюдении заповедей божиих в десятисловии и заповедей церковных, коими обеими любви к богу и ближнему и началам премудрости страха господня научаемся, следует первая

гимназистов должность, чтобы к наукам простирать крайнее прилежание и никакой другой склонности не внимать и не дать в уме так усилиться, чтобы рачение к учению урон или малое ослабление потерпело.

§ 77

Учителям оказывать себя весьма вежливо и уклонно, не упрямиться и ни в чем с ними не спорить, а особливо не досаждать грубыми словами, помня, сколько их за наставление почитать должны.

§ 78

Отбегать от ссор междусобных, а особливо от бесчестных браней и от драк, не попрекать другого природными недостатками и не злобствовать.

§ 79

Весьма беречься, чтобы меж товарищами своими не смучать и не производить ссор и шуму.

§ 80

Не мешать другим в ученьи криком, играньем, стуком, шумом или каким другим образом, чем рассуждение и память в беспорядок приведены быть могут.

§ 81

Гордостию и грубостию никого не огорчать, но больше учтивостью и снисходительством привлекать к своему люблению.

§ 82

Пустых слов, подлых и соромских в разговоре остерегаться, зная, что довольно есть материи говорить о школьном учении и примечания о достопамятных вещах и приключениях.

§ 83

Остерегаться самохвальства, хвастовства, а паче всего лганья, которое часто служит к закрытию злых дел.

§ 84

Когда кто другого изобидит и за то наказан будет, а после снова тому же сделает обиду, показав знак неправедного мстительства, тот двоїному наказанию подвержен.

§ 85

Хотя взаимная приязнь гимназистов похвальна и один то изъяснить, чего другой не разумеет, свободно может, однако когда задана будет школьная экзерциция от учителя или экзаминатора

для того, чтобы знать в успехах каждого разность, тогда никто друг другу помогать не должен. Равно как и в то время, когда по спросу учительскому говорит кто свой урок изусть и не знает твердо, близ его сидящий товарищ не должен ему тихонько подшептывать и тем помогать его лености. Такой помощник равному наказанию с незнающим подвержен.

§ 86

Чистоту наблюдать должно не токмо в делах беспорочных, но и при столе, в содержании книг, постели и платья. Кто внешним видом ведет себя гадко, тот показывает не токмо свою леность, но и подлые нравы.

§ 87

В церкви и в зале на молитве, также и у стола за кушаньем ничего не разговаривать и отнюд не шуметь, но быть тихим и внимать прилежно пению и чтению.

§ 88

Без инспекторского позволения из Гимназии никуда не выходить и по отпуске приходить на показанный срок точно.

§ 89

Леность всего вреднее учащимся; того ради всячески должно преодолевать оную послушанием, воздержанием, бдением, терпением.

§ 90

Весьма должно блюстись лакомства и гулянья и больше удаляться от неприличного и худого сообщества, которое подать скоро может повод к бездельному и праздному житью, прогуливать школы, не исправлять заданного уроку и, словом, терять золотое младых лет время без приобретения той пользы, которая зрелым и престарелым летам большую приятность и веселие принести может чрез науки, нежели в юношестве игры и праздность.

## Глава VIII

### ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ УЧИТЕЛЕЙ

§ 91

Учителям следует прежде всего заботиться о том, чтобы в течение каждого полугодия, а именно с Нового года до Петрова дня и с 20 июля до Нового года, доводить свои лекции до конца, не прерывая экзаменами и переводами ни заучивания школьниками текстов наизусть, ни своих объяснений по учебникам и по

авторам и не прекращая этого раньше срока. Учителя должны поэтому перед началом каждого полугодия распределить лекции и рассчитать время так, чтобы и не перебременять учащихся выше меры и не создавать им слишком легких условий.

§ 92

Учителя обязаны приходить в классы вовремя и в начале каждого урока спрашивать гимназистов, знают ли они заданное, принесли ли с собой приготовленные уроки, и наказывать приватно тех, кто не выполнил положенного ему. Если в классе так много гимназистов, что спрашивать уроки у всех отняло бы слишком много времени, то учитель может вызвать кого-нибудь одного по своему выбору, причем каждый должен быть готов к тому, что его неожиданно спросят и ему нужно будет отвечать.

§ 93

Из числа лучших и исправнейших учеников своего класса учитель может выбрать себе в помощь аудиторов, которые спрашивают у других заданные уроки и указанным выше способом отмечают это в месячных табелях еще до прихода учителя. Последний должен сразу же просмотреть их записи, а нерадивых спросить и наказать.

§ 94

Спросив уроки, они должны сразу же отчетливо объяснить дневное задание, следя за тем, чтобы ученики точно его записали.

§ 95

Если после объяснения урока остается еще время, учителя должны задавать гимназистам, смотря по особенностям класса, короткие задания с тем, чтобы они выполняли таковые в их присутствии, не спрашивая друг друга и не заглядывая в книгу. При этом учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого.

§ 96

В низших классах учителя должны больше налегать на практику и не перегружать слабых умов трудными правилами; в средних нужно объяснять более легкие правила, в высших — более трудные.

§ 97

Если гимназист, в особенности такой, который подает надежды, пропустит что-либо по болезни, то должен учитель повторить толкование тех лекций, которых он не слушал, что и прочим учащимся не вредно. Сие чинить он еще паче должен ради двух

или многих, однако такой репетиции не делать, ежели пропустил кто больше двух недель, и в таком случае должен гимназист просить учителя, чтоб он для него потрудился приватно.

§ 98

В нижних классах принятых учеников не с начала лекциям обучать особливо.

§ 99

Учители с учениками не должны поступать ни гордо, ни фамилиарно. Первое производит к ним ненависть, второе — презрение. Умеренность не даст места ни тому, ни другому, и, словом, учитель должен не токмо словами учение, но и поступками добрый пример показывать учащимся.

§ 100

Что здесь вообще предписано учителям, то надлежит наблюдать и самому ректору, поелику он есть учитель.

## Глава IX

## О ДОЛЖНОСТИ ИНСПЕКТОРСКОЙ И РЕКТОРСКОЙ

§ 101

Первая должность инспекторская и ректорская наблюдать во всей Гимназии учрежденный по регламенту порядок: для того осматривать или, ходя по школам, по камерам гимназическим и в столовый зал во время обеда или ужина, прилежание учеников и учителей, чистоты в камерах и кушанья и питья у стола. Ректору двожды в неделю, первый раз в понедельник, а другой раз, когда сам себе по произволению дело выберет, чтобы гимназисты, не зная его прихода, всегда оного чаяли и поступали исправно. А когда обстоятельства потребуют, то и больше, раз смотр ректорский полезен. Прилежное и частое его надзирание всегда нужно. Инспектор на каждую неделю должен все вышеписанное осмотреть трожды в те часы и дни, когда он рассудит, один или с ректором. Сверх положенного числа инспекторские смотры чем чаще, тем полезнее.

§ 102

Приходя для осмотру школы, должны прилежных учеников похвалять и ободрять, ленивых и неисправных журить и грозить наказаниями. А кто из них провинился так, что действительно на теле наказан быть должен, тому учинить школьное наказание лозами через сторожа по инспекторскому и ректорскому рассмотрению. А самому учителю на теле наказывать умеренно, а особливо не бить по лицу и по голове и не драть за волосы

и за уши. Сие все для того запрещается, что запальчивые учители по горячности легко переходят границы и могут причинить вред здоровью юноши. Учитель может наказывать словами и достаточно убедительно ставить на вид ученикам их ошибки и плохое поведение, но не должен пускать в ход постыдные или непристойные слова.

§ 103

Ни инспектор, ни ректор не управомочены делать выговоры учителям, а в особенности бранить их в присутствии учеников, чтобы последние не потеряли должного к ним уважения. Поэтому, если они заметят у учителя какие-либо недостатки, они должны потребовать от него объяснения у себя дома приватно, а если не последует улучшения, доложить об этом Канцелярии.

§ 104

Им нужно наблюдать за тем, чтобы учителя являлись в точности к назначенному времени и вовремя уходили, для чего в Гимназии должны звонить; первый раз в 7 часов, второй раз в четверть 8-го, третий раз в 11 часов, в знак того, что классы расходятся. Ректор должен отмечать тех, кто приходит после второго звонка, о чем ему обязан докладывать сторож. Если ректор заметит, что с каким-нибудь учителем это случается часто, он должен приватно поставить это ему на вид; а если тот не исправится, доложить Канцелярии, которая накажет его за это вычетом из жалованья.

§ 105

Состояние гимназистов во многом зависит от состоящих при Гимназии надзирателей, а потому и ректор, и даже инспектор должны наблюдать за их поведением, не предаются ли они пьянству или другим порокам, и если такое за ними замечается, немедленно докладывать Канцелярии, которая их удалит, дабы они не соблазняли юношей.

§ 106

Если у гимназистов в классах, в комнатах или за столом происходят непорядки или шум, об этом сейчас же должно быть доложено инспектору, чтобы он мог это прекратить, а затем вместе с ректором выяснить дело и наказать; если же того требуют обстоятельства, он должен сообщить об этом Канцелярии.

§ 107

Если кто из учителей заболеет, ректор должен назначить в этот класс другого учителя или потребовать из Университета способного студента; в случае нужды даже гимназист старшего класса может давать уроки в младших и средних классах, если рек-

тор сочтет это полезным. При этом, однако, нужно следить за тем, чтобы никому не преграждалась дорога.

§ 108

Материалы для публичных упражнений выбираются инспектором при участии ректора. Таким же образом выбираются для этой цели и гимназисты, которые представляются затем на утверждение Канцелярии. Награды должен раздавать инспектор с согласия Канцелярии.

§ 109

Инспектор должен при содействии ректора сличать табели истекающего полугодия с табелями предшествующего полугодия, чтобы ознакомиться таким образом с успехами и способностями учеников и с тем, кто из них стал лучше или хуже, кто заслуживает перевода и кто оставления в классе, кого можно принять в комплект на жалованье и кого совсем исключить из Гимназии; а затем на экзаменах убедиться, кто может исполнить то, что отмечено в табелях.

§ 110

На экзамене инспектор должен вместе с назначенными для того профессорами задавать вопросы гимназистам, и ректор тоже экзаменует их, но не по своему, а по другим классам, так как свои классы не должен экзаменовать ни он, ни другие, подчиненные ему учителя.

§ 111

В первый день следующего полугодия инспектор и ректор должны переводить учеников из одного класса в другой и передавать их учителям.

§ 112

Дружба и единение являются при всех совместных действиях сильнейшими средствами к благополучному их выполнению. Поэтому инспектор и ректор должны стараться поддерживать между собою доброе согласие. Инспектор в качестве высшего лица может, не поступаясь своими правами и старшинством, оказывать ректору услуги, а ректор, хоть ему и подчинен, однако предоставленная ему в Гимназии власть не терпит от того никакого урона.

## Глава X

## О ПЕДАГОГИИ ПРИ ГИМНАЗИИ

### § 113

Часто случается, что некоторые знатные особы, которые, желая обучать своих детей наукам, не имеют возможности пригласить приватных учителей по причине их отсутствия, или по недостатку надзора, либо по иным обстоятельствам, однако не хотят отдавать своих детей в Гимназию, где они должны жить со всеми вместе при весьма умеренном содержании и в силу этого оказываются лишены радостей, доставляемых родителям детьми, прошедшими обучение. Ввиду этого при здешней Гимназии должна быть учреждена по образцу некоторых заграничных педагогия для знатных дворян на следующих началах.

### § 114

Дети знатных родителей принимаются, содержатся и учатся без жалованья. 1) Они пользуются бесплатно квартирой, дровами и освещением, 2) учением во всех гимназических классах и школах без платы, 3) готовым столом за умеренную цену, 4) надзиранием добрым в поступках.

### § 115

Того ради поручены они будут инспектору или ректору Гимназии в особливое содержание или какому учителю верхних классов по охоте и по обстоятельствам, который для них особливый стол содержать имеет по договоренной с их родителями оплате.

### § 116

Ежели кто сверх гимназических без платы учений в классах пожелает учиться приватно у коего-нибудь учителя, тому позволяется выбрать часы особливые за уговорную цену.

### § 117

Принятым в педагогию дворянам жить по два или, смотря по обстоятельствам, и по одному в комнате и в классах сидеть наряду с другими гимназистами и никакого от них отличия не иметь, как по прилежанию, и наблюдать им ту же с ними должность. Служителей при себе больше одного иметь не должны.

118

Число принимаемых в педагогию дворян не должно простираться выше двенадцати, затем что многие из дворянства, как выше помянуто, имея в Санк[т]петербурге родителей, родственников или опекунов, могут быть содержаны под присмотром их над собою вне Гимназии.

§ 119

При вступлении в педагогию каждый заплатить должен в казну пятьдесят рублев на педагогические расходы, после чего может учиться сколько лет пожелает без платы в казну.

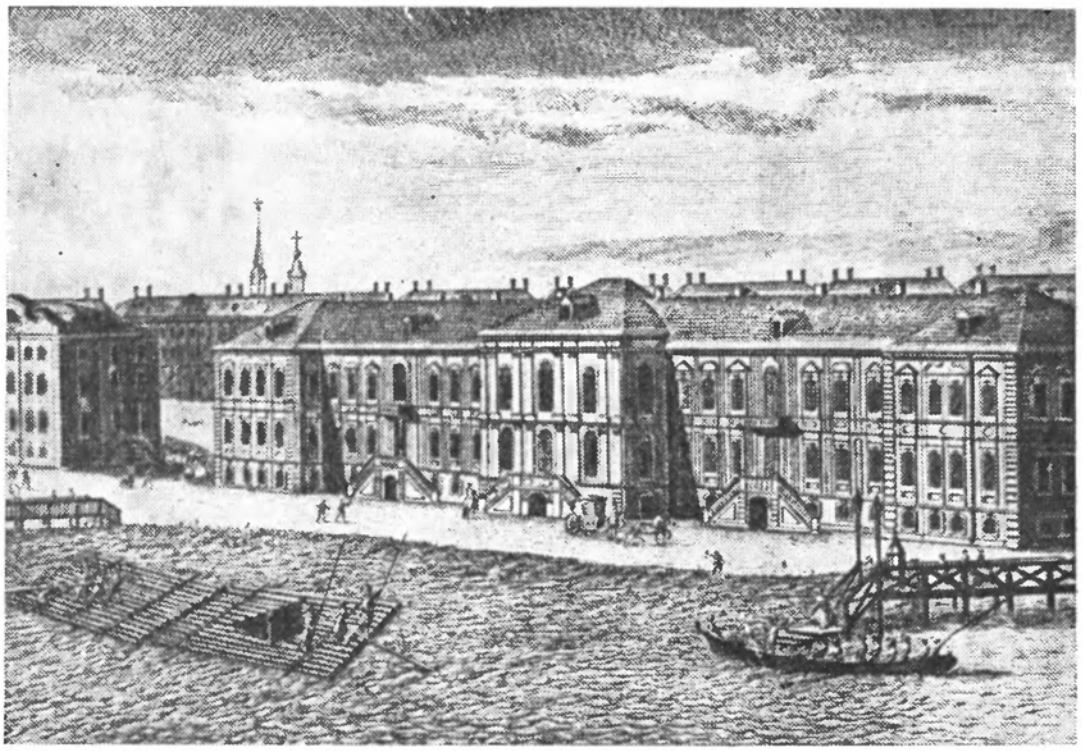
§ 120

При выпуске из педагогии не быть никакой в казну от них платы и давать аттестаты по силе сего регламента и гимназических привилегий.

1760 января 19.

## ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О ПЕРЕДАЧЕ УНИВЕРСИТЕТА И ГИМНАЗИИ В ЕДИНОЛИЧНОЕ ВЕДЕНИЕ ЛОМОНОСОВА

Сего генваря 19 числа в полученном от его высокографского сиятельства Академии г. президента в Канцелярию Академии наук ордере написано: понеже-де чрез разные опыты усмотрено, что учреждению и распорядку, а особливо сочинению регламентов Гимназии и Университета от несогласия разных мнений, также и надлежащему происхождению сих департаментов чинится остановка, и уже многие годы минули не с таким успехом и пользою, каковых бы по справедливости ожидать должно было; и сверх того, сумма, определенная на Университет, исходила по сие время по большой части на другие расходы, так что Академическое комиссарство должно стало Университету многие тысячи; того ради прошедшего 1758 году дан был от его сиятельства ордер г. коллежскому советнику Ломоносову, чтобы он сочинил регламенты для Университета и Гимназии, которые им сочинены и по ордеру его сиятельства отданы в Канцелярию для общего рассмотрения, но как-де еще видно, что дело сие по-прежнему от несогласных мнений претерпевает остановку, а г. Ломоносов между тем, по сочиненному от него регламенту Гимназии поступая с позволения его сиятельства, привел своим старанием Гимназию во много лучшее состояние перед прежним, того ради его сиятельство по данной от е. и. в. власти поручил учреждение и



*Здание Петербургской Академии наук, где помещалась Академическая канцелярия*

весь распорядок Университета и Гимназии единственно оному г. советнику Ломоносову по сочиненным от него регламентам, полагаясь на его знание и усердие и уповая, что он в произведении до цветущего состояния оных двух департаментов по должности сына отечества со всяким прилежанием и усердием поступать будет. И посему Академической канцелярии чинить ему в произведение сей на него единственно положенной должности всякое споможение, чтобы никакой больше остановки не учинилось в сем нужном деле к приращению наук в отечестве, а особливо чтобы определенную на Университет сумму не токмо не употреблять ни на какие другие расходы, но и недоимочную на прошлые годы в случае надобности для помянутого учреждения выдавать по частям из академической суммы или из книжных лавок в разные термины, чтобы в двенадцать лет расход на Университет с прочими департаментами пришел в равновесие против штата, о чем бы он, г. советник, чрез каждую треть года репортовал его высокографскому сиятельству. И по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук приказали: 1-е) О исполнении во всем по тому его сиятельству повелению во все департаменты послать при экстракте из сего за скрепою секретарскою копии. 2-е) Производимые по Университету и Гимназии дела исправлять особливым повытьем, причем быть канцеляристу Ивану Дандулину, да журналы и протоколы вести особо, не мешая с прочими текущими по Канцелярии делами. 3-е) Для Университета и аудито-

рии, приискав, нанять дом поблизости Академии. 4-е) Сколько по академическому штату на Университет и Гимназию на жалованье и на прочие расходы положено суммы и сколько с начала оного на какие расходы употреблено, также и кто профессоры и прочие чины, принадлежащие к Университету и Гимназии, по имяном были и ныне состоят, и сколько кому жалованья произведено и производится, и что за расходами от университетской и гимназической сумм порознь поныне в остатке, о том также и на сколько по цене из Книжной лавки книг и прочего выдано, у счетных дел учиня со обстоятельством ведомость, предложить в самой крайней скорости. 5-е) С показанного его сиятельства ордера г. советнику Ломоносову сообщить за скрепою секретарскою копию, регистратору Фирсову о учинении ведомости, а канцеляристу Дандулину о исправлении дел сие определение объявить с подпискою.

Михайло Ломоносов
**Иван Тауберт**
И. Штелин
Секретарь Михайло Гурьев

Подписан генваря 19 дня
1760 года

**1760 февраля 14.**

## ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

В учреждении Санктпетербургского университета по примеру других, в Европе процветающих, как в академическом регламенте, в 38-м пункте изображено, надлежит наблюдать все, что к поощрению учащих и учащихся для порядочного течения сего важного дела и что к славе государства служит. И хотя в академическом регламенте некоторых обстоятельств и не внесено, однако ж того ж регламента по 64-му пункту повелено: ежели президент, смотря по обстоятельствам, за благо рассудит в распорядках, произведения наук касающихся, что прибавить или переменить, из чего может быть настоящая и очевидная польза, то сие ему позволяется. И понеже по прилежном и обстоятельном рассмотрении всех узаконений и обрядов, употребляемых по европейским университетам, надлежит принять к наблюдению и в Санктпетербургском университете нижеследующие пункты, того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук приказали:

1-е. Быть во оном Университете трем факультетам — юридиче-

скому, медицинскому и философскому (не упоминая о богословском, который как духовное дело надлежит до Святейшего Синода)...

2-е. Главную власть Академии имеет президент: как всего академического корпуса шеф, так, следовательно, и Университета ректором почитаться должен, а для вспомоществования ему в делах университетских и по доброму примеру иностранных университетов выбирать повсягодно проректора из университетских профессоров, также и из академиков, которые отправляют должность университетского профессора.

3-е. Проректору прибавлять за труды жалованья к его определенному по триста рублев в год, а академикам, отправляющим университетского профессора, давать же награждения в год по двести рублев.

4-е. Для расположения профессорских лекций, диспутов и других университетских экзерциций, также для экзаменов и произвождения в градусы должно быть университетским собраниям по назначению проректорскому, в которых ему заседать выше всех университетских профессоров и тех академиков, кои отправляют университетских профессоров должность; сие наблюдать и на диспутах публичных и приватных и в других публичных университетских актах.

5-е. Дипломы производимым в ученые градусы и узаконения для вступающих в Университет студентов давать по приложенному при сем и подписанному формуляру за университетскою печатью, которую для того сделать нарочно.

6-е. Понеже в Университете недостает многих профессоров, то учинить: 1-е) в юридический факультет профессора общих прав выписать из-за моря ученого юриста, который особливую способность имеет к чтению лекций; 2-е) профессором российских прав принять по коптракту бывшего при Адмиралтейской коллегии обер-авдитора Федоровича, который в оный чин просит челобитьем и от профессоров свидетельствован и удостоен и от Адмиралтейской коллегии уволен; 3-е) медицины доктором и профессором анатомии по экзамене и диспутах произвести адъюнкта Протасова; 4-е) а для чтения других медицинских лекций определить академиков тех наук, а в философском факультете философию преподавать имеет профессор Браун, экспериментальную физику он же, Браун, или профессор Эпинус; математике обучать профессору Котельникову, древностей — Фишеру, красноречию и греческих и латинских словесным наукам — адъюнкту Козицкому, который также со временем профессором по экзамене произведен быть может.

7-е. О испрошении привилегии университетской взнесть в учрежденную при дворе е. и. в. Конференцию при реляции формуляр с пунктами, а когда оная всемилостивейше апробована и е. и. в. подписана будет, тогда в знак всеподданнейшей благодар-

ности учинить торжественный академический акт купно с университетскою инавгурациею, которая сверх того для ободрения учащим и учащимся, для славы Академии и для ведома во всем свете о Санктпетербургском университете весьма надобна, что и общим согласием всех профессоров от... числа генваря сего года признана за нужную.

8-е. Хотя в академическом стате положена сумма на Университет восемь тысяч девяносто рублев, а на Гимназию две тысячи восемьсот рублев, всего десять тысяч восемьсот девяносто рублев, однако ныне при обстоятельном учреждении оных корпусов усмотрено, что оной суммы к надлежащему их содержанию достать не может, ибо изо всей определенной на Академию суммы, из пятидесяти трех тысяч двусот девяноста восьми рублев положено на помянутые два департамента, которые к распространению наук и к размножению ученых россиян в отечестве нужнее прочих академических департаментов, только одна пятая доля; того ради будущим при Университете и Гимназии производить впредь жалованье по приложенному при сем учиненному вновь штату, а именно на Университет по девяти тысяч по сту рублев, а на Гимназию по шести тысяч по сту по сороку по восьми рублев, всего по пятнадцати тысяч по двести по сороку по восьми рублев в год.

9-е. Понеже на Гимназию сверх суммы, положенной в стате, исходило действительно больше полутретьих тысяч, как в 757-м году всего изошло пять тысяч триста тридцать три рубли, следовательно, по нынешнему обстоятельному учреждению излишка перед тем будет восемьсот пятнадцать рублев, а на Университет прибавится тысяча десять рублев, всего тысяча восемьсот двадцать пять рублев. Сие прибавление суммы в рассуждении прибавочных к Университету четырех профессоров, а в Гимназию на добром содержании сорока гимназистов весьма невелико. И того ради вышеозначенная сумма должна для сих двух департаментов употребляться и быть содержана при комиссарстве особливо. А излишних учителей от Гимназии уволить и дать аттестаты или определить по другим местам при Академии, ежели какие сыщутся.

Граф К. Разумовскиі
Михайло Ломоносов

Подписан февраля 14 дня
1760 года

**1734 сентября 4.**

# ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ

В Московскую Синодального правления канцелярию из прежней Камор-коллегии потребно известие: города Холмогор церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Дорофеев и при нем, попе, сын его Михайло во время переписи мужеска полу душ при той церкви действительными ль написаны и коликих он, Михайло, лет? Сентября 4-го дня 1734 года. № 931. Секретарь Павел Протопопов. Канцелярист Алексей Морсочников.

А при отдаче в Камор-коллегию вышеписанной справки означенный Ломоносов сказал, что-де он — не попович, но дворцовый крестьянский сын, о чем значит обстоятельно в последующем его допросе.

Рождением-де он, Михайло, Архангелогородской губернии, Двинского уезда, дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василья Дорофеева сын, и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьяны и положен в подушный оклад. А в прошлом 730-м году декабря в 9-м числе с позволения оного отца его отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и пашпорт (который утратил он своим небрежением) из Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева, и с тем-де пашпортом пришел он в Москву и жил Сыскного приказу у подьячего Ивана Дутикова генваря до последних чисел 731-го году, а до которого именно числа, не упомнит. И в тех-де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту (что ныне преосвященный архиепископ Архангелогородский и Холмогорский) Герману, дабы принят он был, Ломоносов, в школу, по которому его прошению он, архимандрит, его, Михайла, приняв, приказал допросить, и допрашиван, а тем допросом в Академии показал, что он, Ломоносов, города Холмогор дворянский сын. И по тому допросу он, архимандрит, определил его, Михайла, в школы, и дошел до риторики. А в экспедицию с статским советником Иваном Кириловым пожелал он, Михайло, ехать самоохотно. А что он в Ставленническом столе сказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть причины и препятствия к произведению во священство. А никто его, Ломоносова, чтоб сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки, а ежели что утаил, и за то учинено б было ему, Ломоносову, что Московская Синодиальная правления канцелярия определит.

К сему допросу
Михайло Ломоносов руку приложил

**1762 июля.**

## ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖБЫ

Всепресветлейшая, державнейшая,
великая государыня императрица Екатерина Алексеевна,
самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая!

Бьет челом коллежский советник Михайло Васильев сын Ломоносов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

§ 1

В службе в. и. в. состоя тридцать один год, обращался я в науках со всяким возможным рачением и в них приобрел толь великое знание, что, по свидетельству разных академий и великих людей ученых, принес я ими знатную славу отечеству во всем ученом свете, чему показать могу подлинные свидетельства, и таковым учением, одами, публичными речьми и диссертациями пользовал и украшал я вашу Академию перед всем светом двадцать лет.

§ 2

На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных, в чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит.

§ 3

Присутствуя в Канцелярии Академии наук членом полшеста года без повышения чина и без прибавки жалованья, что, однако, моим товарищам учинено было, отправлял я должность мою по положенным на меня департаментам со всяческим рачением, так что Гимназия, Университет и Географический департамент пришли во много лучшее перед прежним состояние.

§ 4

Помянутою моею ревностною и верною службою и многими трудами пришло мое здоровье в великую слабость, и частый лом в ногах и раны не допускают меня больше к исправлению должности, так что прошлой зимы и весны лежал я двенадцать недель в смертной постеле и ныне тяжко болен.

§ 5

Невзирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и беспорочную службу для приращения наук в отечестве близ двенадцати лет, в одном чину оставлен я, нижайший, произвождением и обойден многими, меня молодшими в статских чинах, которым при сем реестр сообщается, и тем приведен в великое уныние, которое болезнь мою сильно умножает.

И дабы высочайшим в. и. в. милосердием благоволено было сие мое нижайшее прошение принять и меня для вышепомянутой болезни уволить от службы в. и. в. вовсе, а за понесенные мною сверх моей профессии труды и для того, что я многократно многими, в произвождении молодшими, без всякой моей прослуги обойден, наградить меня произведением в статские действительные советники с ежегодною пенсиею по тысячи по осьми сот рублев по мою смерть из Статской конторы. Между тем в покое и в уединении от хлопот, бывающих по должности, пользуясь таковою в. и. в. всевысочайшею щедростью, в часы, свободные от болезни, не премину в науках посильно упражняться в пользу отечества.

Всемилостивейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем челобитье решение учинить. Прошение писал Академии наук геодезии студент Илья Аврамов.

К сему прошению коллежский
советник Михаïло Васильев сын Ломоносов
руку приложил

Июля дня 1762 года

**1764 не позднее января 19.**

## ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ

### РОСПИСЬ СОЧИНЕНИЯМ И ДРУГИМ ТРУДАМ СОВЕТНИКА ЛОМОНОСОВА

#### I. ПО ХИМИИ

1) Прежде его бывшие профессоры химии не имели попечения о выстроïке Лаборатории и не делали никаких опытов, а он исходатайствовал от Кабинета сумму и построил своим старанием при Академии каменную Лабораторию.

2) Читал в ней студентам химические лекции, показывая опыты.

3) Делал насылаемые из разных команд химические пробы металлов, солей, красок и других вещей.

4) Изыскал фарфоровые составы.

5) Делал опыты разных красок для употребления, а больше для теории цветов, которым сделал новую систему.

6) Изобрел все составы к мозаичному делу, для чего сделал больше четырех тысяч опытов, коих не токмо рецепты сочинял, но и материалы своими руками по большой части развешивал и в печь ставил, несмотря на бывшую тогда жестокую ножную болезнь. И сверх сего мозаичное художество, как делать из оных составов картины живописные, великими и неусыпными трудами привел в совершенство против римского, чего там больше двухсот лет доходили.

7) Делал химические опыты о дестиллации и сублимации без воздуха и приметил неизвестные еще в ученом свете перемены; еще не изданы.

8) Сочинил диссертацию о химических растворах, где показаны причины, от чего металлы, в крепкой водке растворяясь, производят теплоту и жар, а соли, растворяясь в воде, производят стужу; напечатана в «Комментариях».

9) Сочинил диссертацию о сходстве ртути с серебром и о их разности; еще не издана.

10) Сочинил слово о пользе химии; говорено в публичном собрании и издано.

11) Диссертация о рождении селитры; не издана.

12) Сочинил для студентов краткое руководство физической химии; обучился от него химии студент Клементьев и произведен по экзамене в лабораторы.

13) Изобрел разные зеркальные составы к трубам катоптрическим.

## II. ПО МЕТАЛЛУРГИИ ИЛИ РУДНОМУ ДЕЛУ

1) Сочинил первые основания металлургии, или рудных дел.

2) Прибавление к ней о добровольном движении воздуха в рудниках, сего ж диссертация из «Комментариев», им же переведенная.

3) Прибавление к ней второе о слоях земных.

4) Слово о рождении металлов от землетрясения.

5) О металлическом блеске диссертация в «Комментариях».

## III. В ФИЗИЧЕСКИХ НАУКАХ

В «Комментариях» напечатано:

1) Рассуждение, содержащее новую систему о причинах теплоты и стужи.

2) О подлинной причине упругости воздуха.

3) К тому ж прибавление.

4) Метеорологические наблюдения, учиненные во время солнечного затмения.

5) О новом манометре, или о махине для измерения ветра.

*Физические сочинения, читанные в публичных академических собраниях*

6) О явлениях электрических на воздухе, где изъяснено о громе, о северном сиянии и о кометах.

7) Новая теория о цвéтах, утвержденная многими новыми опытами физическими и химическими.

8) О сыскании точного пути на море, со многими новыми инструментами.

9) О твердости и жидкости тел и о замерзании ртути.

10) Наблюдения физические, при прохождении Венеры по Солнцу учиненные, где примечена великая атмосфера около Венеры, что и другие обсерваторы в Европе согласно приметили.

*Прочие его новые изобретения*

11) Центроскопические разные инструменты, коими доказывается: 1) что шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, и оттого все отвесы переменяются, 2) что тягость тел непостоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуду ж много зависит. Сие доказывается многими тысячами метеорологических и новых центрических наблюдений, кои советник Ломоносов начал 1759 года и поныне продолжает.

12) Наблюдения северных сияний, учиненные и нарисованные в разные времена, и сочиняется подлинная оных теория пространно.

13) О возможности мореплавания Северным океаном в Ост-Индию и в Америку с полярною картою, на коей показаны все северные путешествия.

14) О пропорции материи и тягости рассуждение.

15) Морской барометр для предсказания бури на море.

16) Светомерная труба для исследования расстояния и величины неподвижных звезд.

17) Металлический термометр для исследования самых сильных морозов в Сибири, в местах, зимою не проходимых.

### *В деле*

18) Опыты по составлению трубы, чтобы в сумерках ясно видеть.

19) Способы, как фонтаны делать без приводу с высоких мест воды на всякой реке разными фигурами и цветами.

20) Гидроскопическая труба, чтобы дно в море и в реках далее видеть, нежели просто глазами.

21) Жезл морской, инструмент, служащий к точному определению времени на море.

22) Глобус российский в диаметре два фута.

23) Новая центрическая махина.

24) Новые весьма чувствительные вески.

25) Новоизобретенные пружинные вески.

26) Меркуриальный фонтан.

27) Карманный термометр.

28) Новые оптические инструменты для доказательства подлинной теории цветов чрез разделение на простые.

29) Сочиняется новая и верно доказанная система всей физики.

30) Катадиоптрическую оптическую трубу об одном зеркале.

31) Читал физические лекции, будучи адъюнктом и профессором.

## IV. В ПОЭЗИИ

1) Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние.

2) Собрал великую часть рифмологии российской.

3) Сочинил 17 од торжественных.

4) 13 од духовных.

5) Сочинил две героические песни о делах Петра Великого.

6) Делал многие изобретения для иллуминаций и для фейерверков и к ним надписи.

7) Надписи же делал к статуям, к обелискам на разные случаи и на погребение блаженныя памяти великия государыни императрицы Елисавет[ы] Петровны.

8) Трагедия «Тамира и Селим».

9) Трагедия «Демофонт».

10) Стихи о пользе стекла.

11) Переводил оды и другие стихи с латынского, французского и немецкого языков на российский.

12) Сочинил притчи и оды анакреонтические.

13) Читал лекции стихотворческие и по оным обучился поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете.

## V. В ОРАТОРИИ И ОБЩЕ В РОССИЙСКИХ СЛОВЕСНЫХ НАУКАХ

1) Сочинил «Российскую грамматику», которая и на немецкий язык переведенная печатается под моим смотрением.

2) Краткое руководство к красноречию.

3) Панегирик блаженныя памяти государю императору Петру Великому.

4) Панегирик блаженныя памяти государыне императрице Елисавет[е] Петровне.

5) О пользе славенского церковного языка в штиле российском.

6) Собрал лексикон первообразных слов российских.

7) Собрал лучшие российские пословицы.

8) Собраны речи разных языков, между собою сходные.

9) Рассуждение о разделениях и сходствах языков.

10) Сими, кроме того, еще разными сочинениями исправил он штиль российский, который в двадцать лет от начала его старания весьма много отменился к лучшему.

## VI. В ИСТОРИИ

1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан.

2) Сочинен первый том «Российской истории» и печатается, с филологическими изъяснениями.

3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом.

4) Прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение «Российской истории».

## VII. СТАРАНИЕ ЕГО ВООБЩЕ О АКАДЕМИЧЕСКОМ БЛАГОСОСТОЯНИИ И ОСОБЛИВО ПО ДЕПАРТАМЕНТАМ, В ЕГО СМОТРЕНИЕ КАК ЧЛЕНУ КАНЦЕЛЯРСКОМУ ПО СИЛЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО РЕГЛАМЕНТА ПОРУЧЕННЫМ

1) Старался о соединении рассеянных по разным местам академических департаментов, для многих важных в пользу служащих причин, кои показаны в его представлении Канцелярии и в прошении, поданном от его в Правительствующий Сенат. Для сего нужного дела расположены его старанием для житья, учения и для всех других нужд департаменты и покои и сделан примерный счет, во что все строение станет; все представлено Правительствующему Сенату.

2) Старался весьма о приведении в порядок Географического департамента и для того: 1) произвел в действие сочинение рос-

сийского нового атласа, о коем прежде его чрез двенадцать лет не было старания; сочиненные под его предводительством карты уже грыдируются; 2) исходатайствовал чрез Правительствующий Сенат географические известия изо всех городов российских по 30-ти пунктам, для того напечатанным и разосланным, и уже половина оных получена в Академию; 3) обретающимся при Географическом департаменте геодезистам и студентам прежде не показываны были сочинения ландкарт, кроме копировки, а его старанием ныне уже некоторые обучены ландкартному делу и могут оные составлять без предводительства; 4) его же старанием учреждены географические экспедиции по всему Российскому государству для наблюдения знатнейших мест долготы и широты для точнейшего сочинения «Российского атласа» и исходатайствованы в Правительствующем Сенате для подъему езды всякие нужные потребности; 5) также старался получить известия от Святейшего Синода о монастырях и церквах, а от Камер-коллегии о количестве душ для различения величины городов и деревень.

3) Академический университет был в весьма худом состоянии. Студентов было весьма малое число, и те без всякого призрения и порядочного содержания. Лекции были так запущены чрез несколько лет, что и каталоги не были издаваны, как водится. А по вручении ему, Ломоносову, в единственное смотрение Университета соединил он студентов в общежитие, снабдил довольным столом, приличным платьем и прочими надобностями. Учредил порядочные лекции и издавал их каталоги, как в университетах водится. Сочинил университетский регламент, который профессорами и самим президентом рассматриван и апробован, и по нем поступают в Университете по его повелению. Великое прилагал старание о привилегиях и о жалованной грамоте Университету и всей Академии с общего совета профессорского и согласия президентского сочинил оную жалованную грамоту для Академии и для университетской инавгурации, которая уже совсем была заготовлена, контрассигнована грос-канцлером графом Михайлом Ларионовичем Воронцовым и предложена к подписанию блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, что кончиною е. в. пресеклось.

4) В Гимназии хотя немало было гимназистов, однако в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем что 1) жалованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу, и стыдно было показать их посторонним людям; притом же пища их была весьма бедная, и чуть иногда хлеб с водою; в таких обстоятельствах наука мало шла им в голову; 2) да и времени им к тому не было, затем что дома должны были служить отцу и матери для бедности, а в Гимназию ходя по даль-

ному расстоянию, теряли лучшие часы и всегда случай имели резвиться и от школы отгуливать. Итак, не дивно, что чрез семь лет не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единого человека. Но после поручения оной Гимназии советнику Ломоносову в единственное смотрение все оные неудобствия отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабдены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям, ни заочною резвостию, будучи у инспектора Гимназии и у нарочных надзирателей перед глазами в одном доме. От него ж, советника Ломоносова, расположены порядочные в Гимназии классы, и притом российские для российского правописания, штиля и краспоречия, чего с начала Гимназии до него не бывало. И, наконец, сочинены для каждого класса особливые инструкции учителям и обще для всей Гимназии — регламент с совета профессоров, которыми свидетельствован и апробован от его сиятельства г. президента, и по нему учение в Гимназии производится с несравненно лучшим успехом, ибо в три года произведено из Гимназии в университетские студенты семнадцать человек экзаминованных и удостоенных профессорами.

5) Представлял советник Ломоносов в Канцелярии письменно о издании внутренних ведомостей российских для экономического знания, например, в зимних месяцах вносить в ведомости (кроме других примечания достойных приключений), коль дороги были по знатным городам разные товары и припасы, каковы были прошлые недавно ярмонки, каковы были дороги и проезды и от каких погод, кто приехал и когда на город новым воеводою, кто сменен; сие разумеется и о знатном духовенстве; в вешних месяцах, когда где река вышла, не было ль чрезвычайного наводнения, когда начали сеять, когда стали суда приходить и отходить и с какими товарами и прочее; в летние месяцы показывать, каков стоит хлеб на пашне, где великие дожди, где пересухи вод и другие нужные для знания обстоятельства; в осенние месяцы — урожай хлеба, уд[ача?] промыслов и купечества, когда реки замерзли и настала зимняя дорога и прочая. Сие можно исходатайствовать, чтобы Правительствующий Сенат указал однажды присылать в Академию еженедельные известия изо всех губернских и других знатнейших городов российских, отчего должно воспоследовать, 1) чтобы двор, Сенат и другие правительства могли ведать всегда о состоянии всего Российского государства и во всех потребных случаях употреблять оные известия в пользу; 2) публика бы тем довольствовалась и 3) Академия бы получала себе всегдашнюю прибыль.

6) Немало предложено было от него и других полезных проектов в Канцелярии, однако также оставлены без внимания, а следовательно, и без полезного употребления.

# ПРИМЕЧАНИЯ

## ЗАМЕЧАНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ Г.-Ф. МИЛЛЕРА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ И НАРОДА РОССИЙСКОГО»

### *Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 года*

*Печатается по: ПСС, т. 6, с. 17—25. Подлинник не сохранился. Копия находится в ЛОААН (ф. 3, оп. 1, № 838, л. 178—180). Впервые опубликовано: Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, с. 758—762.*

Согласно Регламенту Академии наук и художеств в Санктпетербурге (1747 г.) в Академии ежегодно проводились торжественные публичные собрания, на которых академики выступали с научными сообщениями и речами. 6 сентября 1749 г. было намечено торжественное собрание с выступлением Миллера о «Происхождении имени и народа российского» и с чтением «Похвального слова императрице Елизавете Петровне» Ломоносовым. К началу сентября 1749 г. оба текста речей были отпечатаны. По распоряжению президента Академии публичное собрание было отложено до 25 ноября, а экземпляры уже напечатанной диссертации Миллера были направлены для просмотра членам Академии, в том числе и Ломоносову.

16 сентября 1749 г. Ломоносов представил в Канцелярию Академии наук свои замечания на диссертацию Миллера в виде «Репорта». Он высказал ряд критических замечаний по поводу концепции историографа происхождения Русского государства. Миллер, продолжая развивать предложенную его предшественником Т. З. Байером норманнскую теорию происхождения Русского государства, пытался доказать, что варяги за много веков до Рюрика подчинили Русское государство своей власти и что термин «Русь» скандинавского происхождения, принятый славянами от норманнов. Ломоносов, основываясь на глубоком знании исторических документов, опроверг утверждения Миллера и выдвинул серьезные аргументы, которые доказывали древнее пребывание славян в Европе и славянское происхождение русской государственности.

Свои критические замечания на диссертацию Миллера представили также члены Академии Н. И. Попов, С. П. Крашенинников, В. К. Тредиаковский, И. Э. Фишер и др. В результате работа Миллера была отклонена, а отпечатанный тираж уничтожен. На торжественном публичном собрании выступили Ломоносов, Г. В. Рихман и Х. Г. Кратценштейн.

## ПРИМЕЧАНИЯ НА РУКОПИСЬ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА. 1757

*Печатается по: ПСС, т. 6, с. 89—96. Рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 3, № 55, л. 35—40). Время написания — сентябрь — начало октября 1757 г. Впервые опубликовано в журнале «Московский телеграф» (1828, ч. 20, № 6, с. 151—159).*

По поручению русского правительства в 1757 г. М.-Ф.-А. Вольтер приступил к написанию «Истории Российской империи при Петре Великом». Через И. И. Шувалова велась переписка с французским ученым, которому из России пересылались исторические материалы.

В августе 1757 г. Вольтером были направлены в Петербург восемь глав, которые охватывали период от правления Михаила Романова (1613—1645 гг.) до сражения Петра I под Нарвой (1700 г.). Текст этих восьми глав Шувалов передал для просмотра Ломоносову. С большой ответственностью отнесся русский ученый к чтению рукописи Вольтера. Результатом его просмотра явились публикуемые «Примечания». Он высказал целый ряд критических замечаний по поводу неправильного толкования Вольтером многих событий русской истории.

Критические замечания Ломоносова, изложенные в «Примечаниях», были учтены Вольтером при дальнейшей работе над «Историей Российской империи при Петре Великом». В частности, по настоянию Ломоносова Вольтер переработал и расширил раздел «Описание России», а также существенно переделал главы о стрелецких бунтах в России.

## ОПИСАНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ БУНТОВ И ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

*Время написания — сентябрь — не позднее 10 октября 1757 г. Печатается по: ПСС, т. 6, с. 132—161. Перевод с французского выполнен под редакцией Т. П. Кравца. Рукопись хранится в ГПБ (Отдел редкой книги. Библиотека Вольтера, № 242, т. II, л. 384—400). Французский текст и русский перевод опубликованы впервые в: ПСС, т. 6, с. 97—161.*

Среди материалов, которые Ломоносов готовил для отправки Вольтеру в Париж, было несколько исторических очерков, в числе их и «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи». Для написания этого очерка Ломоносов привлек многочисленные рукописные и литературные материалы, а также записки современников и очевидцев. Он отобрал достоверные факты, критически их осмыслил и составил строго документальный рассказ из пяти очерков об исторических событиях 1682 и 1692—1698 гг. Вольтер в пятой главе «Истории Российской империи при Петре Великом» почти дословно воспроизвел сочинение русского ученого, оговорив, что «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» «извлечено полностью из записок, присланных из Петербурга» (ПСС, т. 6, с. 570).

## ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО, ИЛИ ДО 1054 ГОДА, СОЧИНЕННАЯ МИХАЙЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ, СТАТСКИМ СОВЕТНИКОМ, ПРОФЕССОРОМ ХИМИИ И ЧЛЕНОМ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ И КОРОЛЕВСКОЙ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИЙ НАУК

*Время написания — 1754—1758 гг. Печатается по: ПСС, т. 6, с. 167—286. Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано отдельным изданием в 1766 г.*

К составлению плана работы и сбору материала для «Древней Российской истории» Ломоносов обратился в 1751 г. Занятия историей ему приходилось совмещать с большой научной и организационной деятельностью. К середине 1758 г. он завершил работу над первым томом «Древней Российской истории»; том состоял из двух частей: первая — «О России прежде Рурика», вторая — «От начала княжения Рурикова до кончины Ярослава Первого».

По распоряжению президента Академии К. Г. Разумовского от 9 сентября 1758 г. типографии предписывалось «для пользы публики без всякого укоснения» печатать первый том «Древней Российской истории» Ломо-

носова в количестве 2400 экземпляров — тираж для того времени чрезвычайно большой. Это было не случайно. К середине XVIII в. единственным печатным сочинением по русской истории являлся «Киевский синопсис, или краткое собрание от различных летописцев», впервые изданный в 1674 г. В «Синопсисе» сведения летописцев перемешивались с фантастическими вымыслами. Ломоносов на основании огромного количества источников и их критического анализа создал научно обоснованный труд по отечественной истории. В доступной для широкого читателя форме автор объяснял происхождение Русского государства и, по его словам, открывал «свету древность российского народа и славные дела наших государей» (ПСС, т. 10, с. 474—475).

Печатание книги шло медленно. Это объяснялось тем, что система примечаний к тексту, избранная автором, оказалась весьма громоздкой и неудобной: ссылки на источники он указывал на полях рукописи и в подстрочных примечаниях. Чтобы ускорить издание книги, Ломоносову пришлось взять рукопись из типографии и заново переделать научный аппарат. Напряженная научная и организационная работа, постоянная борьба с бюрократическим руководством Академии, а также надвигающаяся болезнь задержали работу над рукописью на четыре года. Только в феврале 1763 г. он снова передал первый том «Древней Российской истории» в Академическую типографию. Он рассчитывал в скором времени представить еще две части русской истории: от Батыева нашествия и до начала правления Ивана III. Однако этих частей в Академической типографии не было обнаружено.

Первый том «Древней Российской истории» Ломоносова тиражом 2425 экземпляров вышел в свет в 1766 г., через год после смерти автора. Издание этого труда явилось знаменательным событием в отечественной историографии. Появления его ожидали многие образованные люди с большим нетерпением. Так, в январе 1764 г. директор Московского университета М. М. Херасков просил Миллера сообщить ему, не вышла ли из печати «Древняя Российская история» Ломоносова, а если нет, то скоро ли она выйдет (ЦГАДА, ф. 198, ед. хр. 546, ч. 2, № 4, л. 45).

Сочинение М. В. Ломоносова имело не только большое научное и научно-познавательное значение, но и явилось важным стимулом для создания многих работ по русской истории. Современник Ломоносова, известный литератор 60-х годов XVIII в. Ф. А. Эмин, который обратился к написанию истории России, указывал, что «Ломоносов отворил мне путь к поправлению своей истории, к дополнению и продолжению оныя» (Эмин Ф. А. Российская история всех древних до начала в России государей. СПб., 1767, т. 1, с. 5).

В 1768 г. «Древняя Российская история» Ломоносова была издана на немецком языке в переводе Х. Бакмейстера (Alte russische Geschichte. Riga; Leipzig, 1768), в следующем году — на французском языке в переводе с немецкого М. Эйду (Histoire de la Russie. Paris; Dijon, 1769), а затем переиздана в Париже в 1773 и 1776 гг. В 1772 г. появился итальянский перевод (Histoire de la Russie, Storia della Russia dall origine della nazione sino della morte del Gran Duca Jaroslavv I. Opera di Michel Lomonosow, tradotta dal Tedesco. Seconda Edizione, 1772). Уже во второй половине XVIII в. научная общественность Западной Европы познакомилась с «Древней Российской историей» Ломоносова. Несколько иностранных журналов поместили положительные рецензии на эту книгу. Среди них: «Neue Zeitungen von gelehrten Sachen», 1769, N 3, S. 18—20 (Leipzig); «Journal Encyclopédique», 1769, t. VIII, part III, 15 decembre, p. 373—385 (Liège); «Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen», 1770, St. 108 (8 septembre), S. 937—939 (Göttingen). Рецензент римского журнала «Effemeridi litterari di Roma» отмечал: «И вот появилась хорошо изложенная и истинная история русского народа, после столь глупых, ложных и нелепых трактатов, которые предлагали плохо информированные авторы, так как иностранцы не могли ознакомить-

ся с оригиналами и подлинными памятниками этого периода. Ученый и педантичный г-н Ломоносов, обладающий всеми необходимыми качествами, внимательный, неутомимый, образованнейший исследователь древнейших рукописных памятников своей родины по этим материалам составил Историю, о которой мы и извещаем и которая, едва появившись на русском языке, была переведена с большим изяществом на немецкий, а затем на французский. Жаль, что безвременная смерть прервала нить занятий нашего Московита, он скончался в 1765 г. и мог довести начатую Историю лишь до царствования Ярослава I, закончив на 1504 г. н. э.» (Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962, с. 217—218).

«Древняя Российская история» Ломоносова оказала заметное влияние на развитие передовой исторической науки России.

## О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА

*Время написания — 1 ноября 1761 г. Печатается по: ПСС, т. 6, с. 381—403. Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано с очень большими пропусками по цензурным ограничениям в «Журнале древней и новой словесности» (1819, ч. 5, март, № 6, с. 52—78), полностью — в «Беседах в обществе любителей российской словесности при Московском университете» (М., 1871, с. 72—86).*

Еще в 1750-х годах Ломоносов начал собирать материалы для создания труда по вопросам экономической политики, связанной с подъемом производительных сил в России. Частью задуманной им обширной работы явился трактат «О сохранении и размножении российского народа». Он был составлен в форме письма к весьма влиятельному в то время вельможе елизаветинского окружения И. И. Шувалову. Обращаясь непосредственно к Шувалову, Ломоносов надеялся, что предложенная им система государственных мероприятий будет быстрее воплощена в жизнь.

Трактат Ломоносова является ценным и оригинальным произведением. Серьезная научная подготовка и хорошее знание жизни русского народа помогли ученому обратить внимание на основные вопросы политики народонаселения России. Проблема увеличения населения в стране в то время была весьма актуальна. Тяжелые войны Петра I, хотя и необходимые для государства, пагубно отразились на росте населения. В результате реформ первой четверти XVIII в. началось быстрое развитие производительных сил, повысился спрос на рабочую силу. Кроме того, для создания регулярной русской армии и флота требовалось большое количество людей.

Ценность работы Ломоносова не только в том, что он обратил внимание на необходимость и полезность для России интенсивного роста населения, но, главное, он указал на причины, препятствующие сохранению и увеличению народонаселения, а также наметил пути, способствующие повышению роста населения. Он предложил грандиозную, но неосуществимую в условиях феодально-крепостнического строя программу подъема производительных сил, связанную с изменением жизни, быта и труда крестьян, направленную на свободное развитие товарного производства, сельского хозяйства, промышленности и торговли. Трактат Ломоносова пронизан антиклерикальными высказываниями. И не случайно он в течение многих десятилетий оставался неизвестным не только широким кругам русской общественности, но и ученым Петербургской Академии наук. Опубликованный в 1819 г., этот трактат привел в смятение и ужас министра народного просвещения и духовных дел реакционера А. Н. Голицына и чиновников этого министерства. Было признано, «что распространение письма Ломоносова в публике должно быть воспрещено», так как в нем содержатся «мысли предосудительные, несправедливые, противные православной церкви и оскорбляющие честь нашего духовенства» (Скабичевский А. К. Очерки исторической цензуры. СПб., 1892, с. 155).

## ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

*Время написания — сентябрь 1739 г. Печатается по: ПСС, т. 7, с. 7—18. Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано в «Покойного советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрании разных сочинений в стихах и прозе» (М., 1778, кн. II, с. 3—16).*

В 1736—1741 г. Ломоносов, обучаясь в Германии естественнонаучным дисциплинам, а также металлургии и горному делу, много и увлеченно занимался стихосложением, размышлял над теоретическими основами русской поэзии, штудировал книгу В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Поэтические занятия русского студента способствовали выработке новых принципов отечественного стихосложения. В 1739 г., находясь во Фрейберге, Ломоносов написал научный трактат «Письмо о правилах российского стихотворства», в котором изложил принципы тонического стихосложения применительно к задачам развития русской национальной поэзии. Вслед за Тредиаковским он признал, что стих должен строиться на упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов. Но Ломоносов смело отверг каноны силлабического стихотворства, введя в оборот, кроме двухсложной, и трехсложную стопу, признал одинаковые права в стихосложении за ямбом, хореем, анапестом и дактилем, узаконил «мужские» и дактилические рифмы наравне с «женскими», допустил возможность менять длину стиха в пределах от двух до шести стоп. Тем самым он определил основы классической системы русского стихосложения.

Чтобы придать своему труду официальный характер, Ломоносов направил его членам Российского собрания Петербургской Академии наук, которые занимались вопросами русского языка и литературы. К «Письму» он приложил «Оду на взятие Хотина», написанную им в полном соответствии с разработанной собственной системой русского стихосложения.

Ломоносов понимал значение предложенной им реформы русского стихосложения. С законной гордостью в конце жизни он писал: «Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние» (ПСС, т. 10, с. 399).

## КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

*Время написания — 1743 г. Печатается по: ПСС, т. 7, с. 19—79. Рукопись с собственноручными поправками Ломоносова хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 3, № 47, л. 1—100). Впервые опубликовано: Соч., 1895, т. III, с. 13—77.*

Интерес к риторике возник у Ломоносова еще во время обучения в Славяно-греко-латинской академии, где он с увлечением занимался риторикой под руководством П. Крайского. В Марбургском университете он прослушал курс римского красноречия у профессора И. А. Гартмана, самостоятельно изучал трактаты по риторике Н. Коссена, И. Готшеда и др. По возвращении в Петербург Ломоносову — молодому адъюнкту — было поручено читать лекции о «стихотворстве и штиле российского языка». По всей вероятности, тогда и возникла у него мысль написать руководство по риторике. Но 1742—1743 гг. были тяжелыми для русского ученого; каждый его самостоятельный шаг встречал сопротивление со стороны реакционного академического руководства. Как известно, борьба настолько обострилась, что Ломоносов оказался под стражей. Но время ареста молодой ученый использовал для напряженной научной и литературной работы, результатом которой явился к началу 1744 г. и первый вариант «Риторики».

Надеясь избежать представления рукописи в Академию и добиться скорейшего ее издания, он посвятил эту работу великому князю Петру. Однако вскоре рукопись оказалась в Академии, а рецензентом ломоносовской «Риторики» был назначен Г.-Ф. Миллер. Основной недостаток работы молодого адъюнкта рецензент усмотрел в том, что она была написана на русском, а не на латинском языке, а также, что материал изложен более кратко, чем в других курсах риторики. Другие ученые Академии, не ознакомившись с рукописью, присоединились к мнению Миллера. Таким образом, Академия сочла недостатком «Риторики» Ломоносова то, что на самом деле являлось ее неоценимым достоинством. В отличие от прежних курсов, написанных на труднодоступном церковнославянском языке или еще менее доступном русскому читателю латинском языке, работа Ломоносова была изложена простым и образным русским языком и предназначалась для широкого круга читателей. Но неудача не остановила Ломоносова, он продолжал изучать проблемы красноречия. В несколько переработанном виде рукопись была издана под новым названием: «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки» (1748 г.).

Создание Ломоносовым курса риторики явилось событием большого исторического значения. В начале 40-х годов русский литературный язык был полон стилистических и лексических противоречий: в нем сочетались церковнославянский язык, русская разговорная речь и иностранные слова. Заслуга Ломоносова заключалась в том, что он утвердил основные начала русской литературной речи, составил свод правил, которым необходимо следовать в литературных произведениях. Русский ученый выступил за самостоятельное развитие родного языка, по его мнению не только не уступающего ни одному из европейских, но «по природному изобилию, красоте и силе» превосходящего их. Теоретические положения Ломоносов подтверждал выдержками из художественных произведений, отрывками из собственных сочинений. Благодаря этому «Риторика» Ломоносова превратилась в богатую хрестоматию, которая значительно расширила круг литературных знаний русских читателей, помогла развитию художественного вкуса. Книга Ломоносова стала самой популярной среди русского читателя на протяжении всего XVIII и начала XIX в. В. Н. Татищев назвал ее в числе «преизрядных книг», которые «хвалы достойны» (Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, с. 110).

## ПРИМЕЧАНИЯ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ О МНОЖЕСТВЕННОМ ОКОНЧЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ИМЕН

*Время написания — первая половина 1746 г. Печатается по: ПСС, т. 7, с. 81—87. Рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 1, № 5, л. 147—148). Впервые опубликовано в «Русском архиве» (1866, № 3, стлб. 324—329).*

В 1746 г. В. К. Тредиаковский представил в Академическое собрание диссертацию на латинском языке «De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica linga scribendorum terminatione» («О том, как писать по-русски окончания полных имен прилагательных во множественном числе»). Опираясь на церковнославянскую традицию, Тредиаковский требовал изменения орфографических правил, установленных в 1733 г. для изданий, печатавшихся в Академической типографии.

Ломоносов вступил в спор с Тредиаковским и написал по поручению Академического собрания свои возражения по поводу родовых окончаний полных имен прилагательных в именительном падеже множественного числа.

Эта ранняя языковедческая работа Ломоносова свидетельствует о том, что ее автор — профессор химии, в отличие от профессора красноречия и

ораторского искусства Тредиаковского, правильно указал на отсутствие у прилагательных форм рода во множественном числе, тем самым решительно отстаивал независимость русского грамматического строя от церковнославянского.

## ИЗ РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ (ПОСВЯЩЕНИЕ)

*Время написания — 1754—1755 гг. Печатается по: ПСС, т. 7, с. 389—393. Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано отдельной книгой в 1757 г. с обозначением на титульном листе: «Печатано в Санктпетербурге при имп. Академии Наук 1755 года».*

К сбору материала для написания большого филологического исследования Ломоносов приступил еще в 1740-х годах. Уже в 1751 г. в одном из отчетов о проделанной работе ученый сообщал, что «собранные прежде сего материи к сочинению „Грамматики" зачал приводить в порядок» (ПСС, т. 10, с. 389). Вся работа была завершена к середине 1755 г. Ломоносов, чтобы ускорить издание книги, посвятил ее великому князю Павлу, по обычаю того времени. В октябре того же года рукопись «Российской грамматики» была сдана в Академическую типографию. Задержка с изданием книги произошла по вине автора, так как он еще в конце 1755 г. продолжал работу над рукописью. В январе 1757 г. тиражом 1200 экземпляров, довольно большим для того времени, «Грамматика» Ломоносова вышла в свет.

Издание «Российской грамматики» Ломоносова явилось выдающимся событием не только в истории русского языкознания, но и в истории всей отечественной культуры. Эта книга была одной из первых научных грамматик русского языка и весьма отличалась от прежних, поскольку являлась не механическим, а критическим сводом грамматических правил и носила ярко выраженный нормативный характер. В «Российской грамматике» Ломоносова четко прослеживается материалистическая направленность, присущая и естественнонаучным трудам ученого. Книга отличалась строгостью, полнотой, обилием, разнообразием и продуманностью примеров, самостоятельностью и тонкостью грамматических наблюдений. Огромное значение «Российская грамматика» имела для установления принципов русского правописания. Он выдвинул три принципа русской орфографии — фонетический, морфологический и исторический, одновременно обращая внимание на социальную целесообразность написаний и тем самым указывая дальнейший путь разработки русского правописания. Следует отметить, что современная орфография опирается на принципы, выдвинутые Ломоносовым.

На протяжении всей второй половины XVIII в. «Российская грамматика» Ломоносова пользовалась постоянным спросом. Это было популярное пособие для школьного обучения. Не одно поколение русских людей обязано ей своей грамотностью. За несколько десятилетий книга Ломоносова выдержала более десяти изданий. В 1764 г. вышел в свет немецкий перевод «Российской грамматики» Ломоносова, выполненный архивариусом Академии наук И. И. Стафенгагеном (Russische Grammatik verfasset von Herrn Michael Lomonossow... Aus Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg. Gedrückt bei Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1764). Отмечалось, что перевод труда Ломоносова выполнен хорошо и «иностранные народы оный с великим удовольствием примут и к своей пользе употреблять будут» («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1764, ч. 1, июнь, с. 551).

## О НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ СЛОВЕСНЫХ НАУК В РОССИИ

*Время написания — вторая половина 1756 г. Печатается по: ПСС, т. 7, с. 579—583. Рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 1, № 5, л. 150—150 об.). Впервые опубликовано в кн.: Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865, с. 90—91.*

В краткой заметке о состоянии словесных наук Ломоносов обращает особое внимание на значение литературы для прогресса человечества. Он повторяет свои мысли, высказанные в «Риторике» и «Российской грамматике», о необходимости постоянной заботы о чистоте отечественного языка, о воспитании юношества на лучших произведениях классиков литературы, особо подчеркивая красоту, великолепие, силу и богатство российского языка (Russische Grammatik verfasset von Herrn Michael Lomonossow... Aus Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg. Gedrückt bei Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1764).

## ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Время написания — 1758 г. Печатается по: ПСС, т. 7, с. 585—592. Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано: Собрание разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова. Книга первая. Второе издание, с прибавлениями. Печатано при Московском университете, 1757, с. 3—10.*

По имеющимся сведениям, некоторые листы Собрания сочинений Ломоносова, издаваемого Московским университетом, допечатывались в типографии Академии наук в августе 1758 г. Тогда же было «вновь напечатано», т. е. добавлено только что написанное Ломоносовым «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». Оно было помещено в самом начале тома.

Эта работа Ломоносова, самая зрелая из его филологических трудов, имела важное значение для развития русского языка и литературы. Ученый нашел правильное решение для дальнейшего успешного развития русского литературного языка, отвечающего потребностям нового времени. Это — сочетание церковнославянских и русских слов в составе литературного языка, разграничение литературных стилей и классификация литературных жанров.

Словарный состав литературного языка Ломоносов разделил по двум признакам — по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени употребляемости слова. Различая три стиля — высокий, средний и низкий, он дал четкие практические указания, каким из трех стилей должны быть написаны произведения того или иного рода. Основная идея, положенная Ломоносовым в основу учения о трех стилях, состояла в том, что самой существенной частью русского литературного языка, его первоосновой должна быть письменная и разговорная речь широких слоев народа; эту речь нужно тщательно оберегать как от перегрузки славянизмами, так и от засорения чуждыми для русского языка словами, выходящими из иностранных языков. «В реформе Ломоносова были правильно отражены тенденции развития русского литературного языка, пути его нормализации: через упорядоченное разделение к объединению» (Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 128).

Ломоносов понимал значение своих работ в борьбе за успешное развитие русского литературного языка. В 1762 г. он писал: «На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими

физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных, в чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит» (ПСС, т. 10, с. 352).

## ОДА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

*Время написания — сентябрь — первая половина 1739 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 16—30. Рукопись не сохранилась. Впервые опубликовано: Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая, 1751, с. 157—171.*

В 1739 г., находясь во Фрейберге, Ломоносов внимательно следил за событиями, происходящими в России, черпая сведения из иностранных газет. Осенью 1739 г. он с радостью узнал о победе русских войск над турецкими под Ставучанами и о взятии неприступной твердыни — турецкой крепости Хотина на подступах к Балканам. Вдохновленный этим событием, русский студент сочинил большое литературное произведение — «Оду на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года». Она была написана новым для русской поэзии тоническим стихом и явилась образцом практического применения силлабо-тонической системы стихосложения. В новой форме стиха Ломоносов умело объединил богатство идейного содержания, понимание конкретной исторической обстановки, зрелость политической мысли и свои патриотические чувства. В. Г. Белинский писал: «...в 1739 году двадцативосьмилетний Ломоносов — Петр Великий русской литературы — послал из немецкой земли свою знаменитую „Оду на взятие Хотина", с которой, по всей справедливости, должно считать начало русской литературы... Ода Ломоносова показалась всем первым стихотворным произведением на русском языке, которое было написано правильным размером. Влияние Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, как влияние Петра Великого на Россию» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1953, т. 10, с. 8—9).

Чтобы теоретически обосновать новую форму стиха, Ломоносов написал научный трактат — «Письмо о правилах российского стихотворства».

## УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

*Время написания — 1743 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 117—119. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано: Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая, 1751, с. 41—43.*

Публикуемая Ода принадлежит к числу тех поэтических произведений, в которых Ломоносов выступает не только как поэт, но и как ученый-естествоиспытатель, утверждающий материальность происходящих в природе явлений. Н. В. Гоголь писал, что в подобных сочинениях Ломоносова «слышен взгляд скорее ученого натуралиста, нежели поэта» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1953, т. 6, с. 144).

В начале Оды Ломоносов дает красочное описание восхода солнца, а затем описывает явления, постоянно происходящие на солнечной поверхности; как естествоиспытатель размышляет о природе и строении Вселенной, высказывает научные гипотезы, которые намного опередили его вре-

мя. Так, огненная природа Солнца и бурные процессы, происходящие на Солнце, описанные ученым, получили научное объяснение лишь в середине XIX в.

Слова «о божием величестве», введенные автором в заглавие как этой Оды, так и оды «Вечернее размышление», диктовались цензурными условиями, ибо положенные в основу этого произведения материалистические представления о Вселенной, о небесных телах противоречили церковным догмам.

«Утреннее размышление» приобрело широкую популярность еще при жизни Ломоносова, а во второй половине XVIII в. оно стало известно и за рубежом. В 1765 г., в год смерти ученого, А. П. Шувалов, поклонник поэтического творчества Ломоносова, издал в Париже «Оду на смерть Ломоносова» («Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. Paris, 1765, p. 11—13). В качестве приложения он поместил там французский перевод «Утреннего размышления». В 1766 г. в парижском журнале «Альманах муз» («Almanach des Muses», 1766, p. 1—3) был напечатан без указания имени Ломоносова еще один французский перевод «Утреннего размышления», выполненный поэтом А. М. Лемьером, под названием «Восход солнца» («De lever du Soleil»). Только в 1778 г. французский поэт и критик Ж. Ф. Лагарп сообщил в печати, что стихотворение Лемьера «является подражанием и что подлинный его автор — покойный г. Ломоносов, о котором здесь не сказано ни слова» (ПСС, т. 8, с. 911).

В 1802 г. «Утреннее размышление» было переведено на немецкий язык И. Г. Беллинсгаузеном и опубликовано в «Журнале старейшей и новейшей русской литературы» («Journal der älteren und neueren Russischen Literatur», 1802, t. 1, S. 29—31).

## ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКАГО СЕВЕРНАГО СИЯНИЯ

*Время написания — 1743 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 120—123. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано: Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика... СПб., 1748, с. 252—254.*

Написание Ломоносовым публикуемой Оды совпало с началом регулярного проведения им научных наблюдений над северными сияниями. «С 1743 г., — писал в конце жизни ученый, — редко пропущено мною северное сияние, мною виденное, без записки при прочих воздушных переменах» (ПСС, т. 3, с. 486).

«Вечернее размышление» неоднократно публиковалось при жизни автора. Помимо «Риторики», вышедшей в свет в 1748 г., оно печаталось в его «Собрании разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая, 1751», в «Собрании разных сочинений в стихах и прозе коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова. Книга вторая, в котором содержится «Краткое руководство к красноречию, разделение первое, состоящее из риторики или общих правил обоего красноречия, то есть оратории и поэзии. Второе издание с сочинителевыми исправлениями. Печатано при императорском Московском университете 1759 г.».

Ломоносов высоко ценил свое раннее поэтическое произведение, придавал ему большое научное значение. В 1753 г. в работе «Изъяснения, надлежащие к Слову о электрических воздушных явлениях», отстаивая свой приоритет в раскрытии природы северных сияний, он подчеркивал: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года, а в 1747-м году в Риторике напечатана, содержит мое давнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (см. работу 13 в I томе).

## ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

*Время написания — середина августа — 23 ноября 1747 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 196—207. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые отдельным изданием опубликовано в 1747 г.*

24 июля 1747 г. императрицей был утвержден «Регламент Академии наук и художеств в Санктпетербурге». Свою Оду Ломоносов связал с этим событием и написал от имени Академии. Поэтому один из мотивов этого поэтического произведения — благодарность за новый и впервые официально утвержденный Регламент.

Вторая, не менее важная тема Оды — тема мира. И это не случайно. В период написания Оды Ломоносов знал, что Россия готовилась вступить в войну с Францией на стороне Австрии, Англии и Голландии. Считая справедливыми только оборонительные войны, русский ученый отрицательно относился к опасному военному предприятию русского правительства. Поэтому свое сочинение он начинает не с поздравлений императрицы с очередной годовщиной вступления на русский престол, а с прославления мира, «возлюбленной тишины».

Хрестоматийными стали стихи, обращенные Ломоносовым к студентам будущего Академического университета, которые должны «показать, что может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов российская земля раждать».

Немало внимания уделяет Ломоносов и проблеме изучения и промышленного освоения природных богатств обширных пространств России, и в частности Дальнего Востока. Автор подчеркивает значение реки Амура как важной торговой артерии для выхода в Тихий океан. Не забывает Ломоносов отметить и заслуги Петра I. Он пишет: «Послал в Россию Человека. Каков неслыхан был от века».

По своим поэтическим достоинствам и по отражению событий государственной и общественной жизни того времени публикуемая Ода является одним из лучших произведений Ломоносова.

## СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ГОВОРЕННОЕ НОЯБРЯ 26 ДНЯ 1749 ГОДА

*Время написания — апрель — начало августа 1749 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 235—256. Рукопись с поправками Ломоносова хранится в ЛОААН (ф. 3, оп. 1, № 838, л. 119—132). Впервые опубликовано отдельным изданием в кн.: Торжество Академии Наук... празднованное публичным собранием... ноября 26 дня 1749 года.*

Эту речь Ломоносов подготовил к Торжественному собранию Петербургской Академии наук. Она была напечатана вместе с диссертацией Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» тиражом 500 экземпляров. Поскольку диссертация Миллера была отвергнута, а тираж ее был уничтожен, сочинение Ломоносова было выпущено в свет с текстами речей Г. В. Рихмана и Х. Г. Кратценштейна. Перевод на латинский язык, выполненный автором, издан в 1749 г. тиражом 512 экземпляров. Успех первого ораторского произведения М. В. Ломоносова был огромен. При его жизни оно выходило четыре раза: в 1749, 1751, 1755 и 1758 гг.

Несмотря на условный тон и похвалы «добротам» императрицы, в выступлении Ломоносова звучал голос современности, давались оценки внутренним и внешним событиям того времени. Большое место в «Слове по-

хвальном» оратор посвятил наукам, их роли в жизни общества. «Нет ни единого места в просвещенной Петром России, где бы плодов своих не могли принести науки, нет ни единого человека, который бы не мог себе ожидать от них пользы»,— публично провозгласил Ломоносов. И свой тезис он доказал на примерах естественных и гуманитарных наук. В уста Елизаветы он вложил обширную программу развития образования, планы освоения природных богатств страны. Так публичные выступления ученого приобретали подчас программный характер и пользовались огромным успехом.

Слушателей привлекало в выступлениях Ломоносова не только глубокое содержание, но и форма — четкое логическое построение речей и яркая манера изложения. По воспоминаниям современников, Ломоносов обладал блестящими ораторскими способностями. Н. И. Новиков, автор первой биографии ученого на русском языке, вышедшей в 1772 г., сообщает, что слог Ломоносова «был великолепен, чист, тверд, громок и приятен». И далее: «Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты российского языка столь высокую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов» (Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, с. 32).

Даже недоброжелатели Ломоносова вынуждены были признать за ним талант оратора. Готовя это первое торжественное собрание Академии, правитель Канцелярии И. Д. Шумахер сообщал Г. Н. Теплову: «Очень бы желал, чтобы кто-нибудь другой, а не г. Ломоносов произнес речь в будущее торжественное заседание, но я не знаю такого между нашими академиками». И далее Шумахер признает, что только Ломоносов обладает и голосом, и наружностью, и смелостью, чтобы отразить нападки критиков. «Разве у нас, милостивый государь, — писал он, обращаясь к Теплову, — есть кто-нибудь другой в Академии, который превзошел его (конечно, Ломоносова) в этих качествах?» (Там же, с. 16).

А. Н. Радищев так писал об ораторской прозе Ломоносова: «Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, действие его прозы будет всем внятно» (Там же, с. 84).

## ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА...

*Время написания — декабрь 1752 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 508—522. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано в 1753 г. отдельным изданием: «Письмо о пользе Стекла к действительному е. и. в. каммергеру и ордена святого Александра и святыя Анны, кавалеру его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову от коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова».*

С конца 1748 г., когда была построена Химическая лаборатория, одной из основных тем научной и научно-технической деятельности Ломоносова стало изучение и разработка новых сортов «крашеных» и бесцветных стекол. Проделав больше четырех тысяч опытов и получив стекло разных цветов, ученый решил развернуть его промышленное производство. В 1752 г. он получил официальное разрешение на строительство фабрики цветного стекла.

Чтобы иметь поддержку со стороны весьма влиятельного при дворе человека, который бы оказал ему содействие в создании нового стекольного производства, Ломоносов обратился к И. И. Шувалову с «Письмом», в котором в великолепной поэтической форме изложил все достоинства простого стекла, его неисчислимую пользу для человечества.

«Письмо» представляет собой естественнонаучную и философско-просветительскую поэму, изложенную в форме дружеской беседы с Шуваловым. Оно по существу является гимном стеклу. Ломоносов высказал ряд

важных научных идей, раскрыл многие явления природы, выступил в защиту передового научного мировоззрения — учения Коперника и идеи о множестве населенных миров, высказанной Дж. Бруно.

## СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 26 ДНЯ 1755 ГОДА

*Время написания — ноябрь 1754 — середина апреля 1755 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 584—612. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано отдельным изданием в 1755 г.: «Слово Похвальное блаженныя и вечнодостойныя памяти государю императору Петру Великому... в публичном собрании Санктпетербургской императорской Академии наук, говоренное Михайлом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 года».*

Образ Петра I проходит через все поэтические и прозаические произведения Ломоносова. Как убежденный сторонник распространения просвещения, русский ученый на первое место ставит заслуги Петра I в области развития знаний и под этим углом зрения раскрывает всю деятельность царя-преобразователя. Ломоносова-помора подкупает прежде всего демократизм царя. И он стремится убедить слушателей, а затем и читателей, что монарх ничем не отличался от своих подданных, что «прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством». Неутомимая, безудержная деятельность Петра восхищала Ломоносова. Но, отмечая это, Ломоносов не сумел усмотреть жестокую эксплуатацию крестьян, которая особенно усилилась при Петре. Он не увидел темных сторон петровских реформ, тягот и лишений народа, за счет которого проводились эти реформы. Взгляды Ломоносова сложились в то время, когда направленная против феодальной реакции доктрина «просвященного абсолютизма» была передовой политической теорией. Просвещенным монархам Ломоносов теоретически приписывал роль носителей прогресса. Ученый был ослеплен величием преобразований Петра, которые ему казались еще более значительными на фоне того упадка страны, который наступил после смерти первого императора.

«Слово похвальное Петру Великому», которое Ломоносов произнес в Торжественном собрании Академии наук, явилось образцом его ораторского мастерства. В 1758 г. оно было включено в первый том Собрания сочинений Ломоносова, изданный Московским университетом. В 1759 г. «Слово похвальное» появилось в печати на французском языке. Перевод выполнил барон Чуди (де Люсси) — секретарь И. И. Шувалова. В том же году французский перевод был отправлен Вольтеру в Париж для работы над «Историей Российской империи при Петре Великом», которую он выполнял по поручению русского правительства. В 1761 г. И. Готшед, по чьим книгам Ломоносов изучал в Германии поэтику и риторику, в журнале «Новейшее из области изящной учености» («Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit», 1761, S. 200—207) напечатал немецкий перевод ломоносовского «Слова похвального Петру Великому», сопроводив перевод таким замечанием: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития» (ПСС, т. 8, с. 1048).

В XIX в. «Слово похвальное Петру Великому» привлекало внимание соотечественников русского ученого. Воспитанник Московского университета Д. Н. Свербеев вспоминал, что в 10-х годах XIX в. на университетском экзамене по красноречию в качестве примера он прочитал отрывок из «Слова похвального Петру Великому» Ломоносова (Свербеев Д. Н. Из воспоминаний.— В кн.: Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956, с. 19.)

## ПЕТР ВЕЛИКИЙ

### *Героическая поэма*

*Время написания — 1756—1761 гг. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 696—734. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано: Первая песнь — в декабре 1760 г., Вторая песнь — в июле 1761 г. Поэма посвящена И. И. Шувалову.*

Ломоносов, создавая поэму «Петр Великий», прокладывал путь для нового эпического жанра. Взамен легендарно-исторической поэмы возникала поэма действительно историческая, в которой имел место гражданский, патриотический пафос. По пути, указанному Ломоносовым, пошла русская эпическая поэзия.

Глубоко и всесторонне изучал Ломоносов деятельность Петра I, пользуясь рукописными и печатными источниками, что позволило ему достоверно осветить трудовые и ратные дела Петра.

Идейное содержание поэмы — отражение всей деятельности Петра I как последовательное движение к единой цели — к просвещению России. Ломоносов видел в Петре такого Человека, каков во всех странах не слыхан был от века.

Поэма «Петр Великий» осталась незавершенной. Ломоносов намеревался, кроме этих двух песен, написать и третью. Но, по свидетельству И. И. Шувалова, Ломоносов был «много занят», а вернее, постоянная болезнь, которая особенно обострилась в начале 1760-х годов, помешала осуществить намеченный план.

## СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ, КОГДА Я В 1761 ГОДУ ЕХАЛ ПРОСИТЬ О ПОДПИСАНИИ ПРИВИЛЛЕГИИ ДЛЯ АКАДЕМИИ, БЫВ МНОГО РАЗ ПРЕЖДЕ ЗА ТЕМ ЖЕ

*Время написания — июнь—август 1761 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 736. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано: Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей, 1784, ч. XI, с. 150.*

Публикуемые стихи являются вольным переложением анакреонтического стихотворения «К цикаде».

Последний стих «Не просишь ни о чем, не должен ни кому» звучит автобиографически. Чувствуется, что Ломоносов устал от постоянных, порой безуспешных просьб об улучшении положения дел в Академии; тяготится непосильными обязанностями, которые ему пришлось принять на себя в связи с устройством фабрики цветного стекла в Усть-Рудице.

## ГИМН БОРОДЕ

*Время написания — конец 1756 — начало марта 1757 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 618—626. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано: Библиографические записки, 1859, т. II, № 15, с. 461—463.*

По цензурным условиям «Гимн бороде» при жизни Ломоносова не был напечатан. Но стихотворение было широко распространено в списках. Они обнаружены в Петербурге, Москве, Костроме, Ярославле, Казани, Красноярске и Якутске.

Сатирическое произведение Ломоносова было направлено против всех представителей реакционного мировоззрения.

Как только Синоду стало известно, что стихи получили широкое распространение в народе, М. В. Ломоносов был вызван в Синод для объяснения. Не назвав себя прямо автором злой сатиры, он открыто выступил в ее защиту, а затем такие «ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущего христианина надеяться отнюдь невозможно» (ПСС, т. 8, с. 1061). Синод в специальном докладе императрице потребовал, чтобы «таковые соблазнительные и ругательные пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означенного Ломоносова, для надлежащего в том увещевания и исправления, в Синод отослать» (Там же, с. 1069). Но императрица оставила эту жалобу без последствий, вероятно, не без вмешательства И. И. Шувалова.

## ЗУБНИЦКОМУ

*Время написания — первая половина 1757 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 630. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин» (1854, т. I, отд. IV, с. 3).*

После распространения сатирического стихотворения «Гимн бороде» (см. предыдущий комментарий) Ломоносов начал получать злобные анонимные письма, под которыми стояла одна и та же подпись — Христофор Зубницкий, а место отправления — Колмогоры (т. е. Холмогоры). Ломоносов подозревал, что за именем Зубницкого скрывается В. К. Тредиаковский. Но как установили исследователи, это имя вымышленное, так же как и место отправления писем. Автором, вероятно, был один из чинов высшего духовенства, ибо в пасквилях повторялось резкое осуждение «Гимна бороде» и его автора с тех самых позиций, с каких осуждал и Синод, но с добавлением грубых личных выпадов против Ломоносова. В ответ Ломоносов написал это стихотворение.

## НОЧНОЮ ТЕМНОТОЮ

*Время написания — 1743 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 190—192. Рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 3, № 47). Впервые опубликовано в «Кратком руководстве к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика» (СПб., 1748 г.).*

Этот стихотворный пример из Анакреонта, древнегреческого поэта, Ломоносов поместил в своей «Риторике» в качестве образца, когда «из краткого повествования, которое располагается натуральным порядком, как само деяние следует. На конце должно быть всегда что-нибудь нечаянное» (ПСС, т. 7, с. 366). Ломоносов чрезвычайно искусно воспроизвел напевный характер подлинника.

Н. Г. Курганов перепечатал этот перевод в своем Письмовнике — «Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей» (СПб., 1769, с. 320).

## РАЗГОВОР С АНАКРЕОНТОМ

*Время написания (предположительно) — вторая половина 1758 г.— 1761 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 761—767. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано в журнале «Русский Парнас» (СПб., 1771, ч. 1, с. 26—34).*

Этому произведению Ломоносов придал своеобразную форму — на каждую из четырех переведенных им од, которые в XVIII в. приписывались Анакреонту, он отвечает оригинальным стихотворением, носящим шутливый характер.

Значение его весьма велико. Ломоносов четко формулирует свою поэтическую позицию, высказывает свою точку зрения на высокое призвание поэта. По убеждению Ломоносова, нельзя отвлекать такую важную силу, как поэзия, от активного вмешательства в общественную жизнь. Долг поэта в том, чтобы вдохновлять людей примерами национальных героев, пробуждать их к общественно полезной деятельности, а не «тешить» себя и других «сладкими словами», бегая «перстами по тонким струнам».

Богатство идейного содержания, гражданская тематика и патриотическая направленность — основные требования, которые предъявлял Ломоносов к современной ему русской поэзии.

## ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ... ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШАГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

*Время написания — конец июня — начало июля 1762 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 772—781. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые опубликовано отдельным изданием в 1762 г.*

28 июня 1762 г. был свергнут Петр III и русский престол перешел к Екатерине II.

На приход к власти новой императрицы Ломоносов откликнулся написанием Оды, которая была отпечатана в Академической типографии в течение двух дней тиражом 800 экземпляров. Ода Ломоносова не пришлась по вкусу Екатерине, и поэтому она не имела успеха ни при дворе, ни в кругах петербургского общества.

При написании Оды поэт опирался на манифесты новой императрицы, в которых она стремилась оправдать захват власти и отвести от себя обвинение в убийстве Петра III. Однако эти документы Ломоносов истолковал не так, как хотелось бы Екатерине. В назидательной форме поэт напоминает новой царице о том, что русский народ миролюбив и мягок, но он умеет постоять за себя «в полях против своих врагов», и призывает ее отвергнуть условия позорного мира, заключенного два месяца назад Петром III с почти повергнутой Пруссией, и не прекращать военных действий, пока они не приведут к почетному миру. Этот совет ученого-патриота не мог понравиться Екатерине, которая уже подтвердила свое намерение выполнять условия унизительного для России мира.

В этой же Оде Ломоносов выразил свое и других отечественных ученых отношение к иностранцам, приехавшим на службу в Россию. Эта тема волновала и тревожила русское общество. Ломоносов, обращаясь к иностранцам, писал, что Россия предоставила им такую свободу, «какой в других державах нет». Вместо того «чтобы вам быть меж нами в пределах должности своей», вы считаете «нас вашими рабами». Гордый за свою огромную страну, за ее героическое прошлое, поэт поучает иностранцев: «Обширность наших стран измерьте, прочтите книгу славных дел и чувством собственным поверьте: не вам подвергнуть наш предел». И далее он напоминает им о бесчисленных героях России — «от земледельца до царя». Такое резкое выступление Ломоносова против живущих в России иностранцев не отвечало ни склонностям, ни практическим намерениям Екатерины II. Как дерзкое нравоучение императрице звучали и строки Оды, призывающие не нарушать законы, не презирать подданных, а пороки их исправлять «ученьем, милостью, трудом».

В советах Екатерина не нуждалась и даже опасалась их (см. подробнее: Чернов С. Н. М. В. Ломоносов в одах 1762 г.— В кн.: XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935, с. 155—180).

## СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ Е[Я] И[МПЕРАТОРСКОМУ] В[ЕЛИЧЕСТВУ] НА ОСВЯЩЕНИЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, ИМЕНЕМ ЕЯ ГОВОРЕННОЕ

*Время написания — конец июня — 22 сентября 1764 г. Печатается по: ПСС, т. 8, с. 807—816. Рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 1, № 3, л. 33—40). Впервые опубликовано: Будилович А. С. Ломоносов как писатель. СПб., 1871, с. 303—311.*

Ломоносов подготовил «Слово благодарственное», чтобы произнести его 22 сентября 1764 г., в день официального открытия Академии художеств, которое было приурочено ко второй годовщине коронации Екатерины II.

Как самостоятельное учреждение Академия художеств была основана в ноябре 1757 г., ее первым президентом был И. И. Шувалов. Членом Академии художеств Ломоносов был избран 10 октября 1763 г.

Речь, составленную для торжественного открытия Академии художеств, Ломоносов не произнес, так как это событие состоялось в июле 1765 г., уже после смерти ученого.

Подобно многим публичным выступлениям Ломоносова, «Слово благодарственное» было наполнено заботами о развитии природных богатств страны, об их использовании как в промышленности, так и при строительстве городов, возведении культурных памятников. Особое место он отводит созданию мозаичных картин. Ломоносов, отмечая достижения отечественной культуры в XVIII в., подчеркивает роль русского народа, который «на высочайшую ступень благополучия и славы... поставлен быть достоин». Величественно воспел оратор новую столицу России — Петербург, красавицу Неву, прямые проспекты, многочисленные каналы. В заключение Ломоносов не забывает напомнить Екатерине, чтобы она заботилась о процветании наук и художеств, чтобы берегла «целость и тишину всего отечества».

## НА САРСКОЕ СЕЛО. АВГУСТА 24 ДНЯ 1764 ГОДА

*Печатается по: ПСС, т. 8, с. 806. Подлинник не сохранился. Впервые опубликовано отдельным изданием в 1764 г., а также в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах», 1764, сентябрь, с. 239.*

Этому стихотворению, обращенному к Екатерине II, Ломоносов придавал большое значение: именно летом 1764 г. он разрабатывал важные научно-организационные документы, связанные с преобразованием Петербургской Академии наук. Ученый лично рассчитывал вручить Екатерине документы, надеясь на непосредственное ее вмешательство в дела Академии и на последующие коренные изменения в деятельности этого учреждения. Вероятно, вместе с проектами реорганизации Академии Ломоносов, предполагал передать Екатерине и написанное им стихотворение, которое постарался сразу же напечатать.

## 1740 ноября 5. И. Д. ШУМАХЕРУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 427—431. Подлинник на немецком языке хранится в ЛОААН (ф. 1, оп. 3, № 31, л. 36—37). Впервые русский текст опубликован: Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865, т. II, с. 334—338; немецкий текст опубликован: Там же, т. I, с. 179—183.*

В сентябре 1736 г. три студента Петербургской Академии наук — Ломоносов, Д. И. Виноградов и Г. У. Райзер — были направлены в Германию для изучения химии, металлургии, горного дела «и прочих относящихся

сюда наук» (Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962, с. 33). С ноября 1736 г. они обучались в Марбургском университете у Христиана Вольфа и других профессоров, а с середины июля 1739 г.— во Фрейберге у И. Ф. Генкеля. В начале мая 1740 г. Ломоносов после ссоры с Генкелем уехал из Фрейберга. В публикуемом письме русский студент сообщает Шумахеру в Петербург о причинах ухода от Генкеля и о вынужденных скитаниях по Германии и Голландии в течение мая—ноября 1740 г.

### 1753 января 4. И. И. ШУВАЛОВУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 474—476. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые опубликовано в Полном собрании сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его еще нигде не напечатанных творений, часть первая, в Санктпетербурге иждивением императорской Академии наук (1784, с. 322—324).*

В письме речь идет о постоянных занятиях «Древней Российской историей», иногда и в ущерб другим работам. Так, в письме Л. Эйлеру от 12 февраля 1754 г. Ломоносов сообщал: «Я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях российских. Поэтому мною пропущено немало убедительных доказательств того, что верхняя атмосфера при полном спокойствии должна нередко спускаться в нижнюю» (ПСС, т. 10, с. 503).

Интерес представляет заключительная часть письма в которой Ломоносов сообщает, что устройством Усть-Рудицкой фабрики, строительство которой началось в 1753 г., завершаются результаты его химических исследований. Это свидетельствует о постоянном стремлении ученого связать теоретическую научную деятельность с производственной практикой.

### 1753 мая 10. И. И. ШУВАЛОВУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 478—480. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые опубликовано в Полном собрании сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его еще нигде не напечатанных творений, часть первая, в Санктпетербурге иждивением императорской Академии наук (1784, с. 324—326).*

Письмо представляет собой один из важнейших документов для биографии Ломоносова. Оно содержит интересные сведения о годах его учения в Славяно-греко-латинской академии, о тех лишениях и трудностях, которые ему пришлось преодолеть, чтобы получить образование.

Здесь же Ломоносов благодарит Шувалова за содействие в получении именного указа императрицы от 15 марта 1753 г. о пожаловании ему земель для учреждения в Усть-Рудице, недалеко от Петербурга, фабрики по производству цветного стекла.

Сведения, сообщаемые Ломоносовым, об имущественном положении иностранных ученых совершенно точны.

### 1754 июня — июля. И. И. ШУВАЛОВУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 508, 513—514. Подлинник хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 3, № 55, л. 16—17). Впервые опубликовано в журнале «Московский телеграф» (1825, ч. V, № XVIII, сентябрь, с. 133—136).*

Письмо является историческим документом, подтверждающим участие Ломоносова в учреждении Московского университета. Здесь изложен план

организации будущего высшего учебного заведения России, намечены основы университетского устава. При университете было создано, как и предлагал Ломоносов, две гимназии: одна — для дворян, другая — для разночинцев. Предложенное Ломоносовым распределение кафедр было в основном принято. Исключение составило лишь то, что кафедры красноречия и поэзии были объединены в одну, а кафедра древностей соединена с кафедрой истории.

### 1759 декабря 30. М. И. ВОРОНЦОВУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 535—537. Подлинник хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 3, № 134, л. 14—15). Впервые опубликовано в кн.: Архив кн. Воронцова. М., 1872, кн. IV, с. 484—486.*

Письмо написано в связи с ходатайством Ломоносова о введении в Петербургской Академии наук должности вице-президента.

Ломоносов предполагал при поддержке такого влиятельного лица при дворе императрицы, как М. И. Воронцов, получить эту должность, чтобы изменить соотношение сил в высшем научном учреждении России и тем самым обеспечить свободное развитие науки и просвещения. Ломоносов напоминает адресату о своих заслугах перед Петербургской Академией и перед русской наукой и культурой. Однако должность вице-президента не была введена в то время в Академии. Первым вице-президентом в 1801 г. стал ученик и последователь Ломоносова С. Я. Румовский.

### 1761 января 30. Г. Н. ТЕПЛОВУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 547—548, 551—554. Местонахождение подлинника неизвестно. Черновик письма хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 1, № 2, л. 24—28). Впервые опубликовано в «Очерках России, издаваемых Вадимом Пассеком» (М., 1842, кн. II, с. 34—39).*

Письмо адресовано Г. Н. Теплову, адъюнкту Академии, бывшему воспитателю президента Академии К. Г. Разумовского, а в 50—60-х годах — одному из руководителей Академии.

В 1757 г. Ломоносов был назначен советником Академической канцелярии (так же, как Теплов и Тауберт); в 1758 г. ему было поручено наблюдение за всей научной частью Академии, а в 1760 г. он становится единоличным руководителем Университета и Гимназии. Но все планы реорганизации академических учреждений Ломоносова наталкивались на сопротивление Теплова и других «неприятелей наук российских».

Письмо к Теплову носит обличительный характер и рисует ту сложную обстановку, которая сложилась в Академии в конце 1750-х — начале 1760-х годов. Как видно из письма, Ломоносова больше всего волнует «распространение наук в отечестве», то что ему всего дороже в жизни. Имея от природы «терпение и благородную упрямку», «смелость к преодолению всех препятствий», он стремится изменить ход событий в Петербургской Академии.

### 1765 не ранее февраля 21. Л. ЭЙЛЕРУ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 597—598. Подлинник на немецком языке хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 1, № 2, л. 336—337). Впервые немецкий текст опубликован в «Очерках России, издаваемых Вадимом Пассеком» (М., 1842, кн. II, с. 62—72); русский перевод — в «Записках имп. Академии наук» (1864, т. V, кн. 1, с. 105—106).*

Письмо к Л. Эйлеру написано Ломоносовым примерно за полтора месяца до кончины, когда его положение было крайне тяжелым не только в связи с болезнью, но и из-за непрекращающихся нападок со стороны его

недругов. Несмотря на то что письмо не было дописано и, вероятно, отправлено адресату, оно является интересным документом, свидетельствующим о дружеских отношениях этих двух выдающихся ученых XVIII в. На правах друга Ломоносов высказывал с большой откровенностью Эйлеру свои суждения по поводу дел в Петербургской Академии, давая нелестные характеристики ряду членов Академии.

## 1765 марта 2. М. В. ГОЛОВИНОЙ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 598—599. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые опубликовано в журнале «Московский вестник» (1828, ч. VII, № 4, с. 510—512).*

Это единственное дошедшее до нас письмо Ломоносова к родным — к своей сестре. Мария Васильевна была замужем за крестьянином Е. Ф. Головиным из Матигор, недалеко от Куростровa, родины Ломоносова. В 1765 г. их девятилетний сын Михаил был определен Ломоносовым учеником в Академическую гимназию.

В последующие годы, проявив большие научные способности, М. Е. Головин стал адъюнктом по математике и одним из помощников Л. Эйлера. В 1784 г. он принял участие в издании первого академического Собрания сочинений М. В. Ломоносова, изданного в 6 книгах.

## 1758—1759. ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

*Время написания — предположительно 1758—1759 гг. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 32—72; Там впервые «Записка» опубликована полностью. Рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 1, № 1, л. 142—144 об., 160—185 об.).*

В 1747 г. был утвержден первый официальный устав Академии, получивший название «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге». С тех пор в течение многих десятилетий, вплоть до 1803 г., Регламент стал законом, по которому жила Академия. К сожалению, в разработке этого документа никто из академиков не участвовал. Авторами его были чиновники Академической канцелярии. Основным недостатком Регламента 1747 г. явилось то, что он фиксировал положение дел, сложившееся в Академии к середине 1747-х годов, и не учитывал перспектив развития науки. Поэтому Ломоносов и другие передовые ученые вступили в борьбу за пересмотр этого Регламента, а по существу за создание новых организационных форм и принципов устройства Петербургской Академии.

В 1750-х годах Ломоносов постоянно обращал внимание и критиковал недостатки Регламента 1747 г. и те порядки, которые сложились в Петербургской Академии после его утверждения.

В 1754 г. был издан указ Сената, которым предлагалось всем государственным коллегиям и канцеляриям представить проекты изменений и дополнений к их уставам.

В Петербургской Академии наук эта ответственная работа была поручена асессору И. Тауберту, который при поддержке Шумахера и Теплова к середине 1750-х гг. достиг большого влияния в академических кругах. Поскольку составителями Регламента 1747 г. были именно Теплов и Шумахер, то Тауберт пытался уклониться от возложенного на него поручения, утверждая, что Регламент не требует никаких изменений. Но под влиянием передовых ученых и прежде всего Ломоносова Тауберт был вынужден представить проект предложений по улучшению состояния Академии, который обсуждался на нескольких чрезвычайных Академических собраниях. При обсуждении этого проекта возникли бурные споры и, пользуясь своей

властью, Теплов отстранил Ломоносова на некоторое время от участия в Академических собраниях. Несогласный с проектом предложений Тауберта, Ломоносов составил обстоятельный документ, назвав его «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Академии наук», а затем на его основе написал публикуемую «Записку о необходимости преобразования Академии наук».

По сравнению с другими ломоносовскими документами об изменении положения Академии в этой «Записке» Ломоносов наметил ряд конкретных мер, которые бы способствовали улучшению деятельности высшего научного учреждения страны: во-первых, принятие нового Регламента; во-вторых, введение должности вице-президента и назначение на эту должность отечественного ученого, известного своими научными заслугами; в-третьих, упорядочение состава и деятельности Академического собрания, а также и Университета Академии; в-четвертых, предоставление ученым соответственных чинов согласно «Табели о рангах», что укрепило бы правовое и материальное положение членов Академии; в-пятых, увеличение ассигнований на научную и учебную деятельность.

Несмотря на то что «Записка» Ломоносова не привела ни к каким конкретным действиям со стороны руководства Академии, она свидетельствует о неустанной борьбе ученого за введение демократических порядков в высшем научном учреждении России.

### 1764. Не ранее сентября 10 — не позднее марта 1765. ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

*Время написания — вторая половина сентября 1764 г.— март 1765 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 138—160. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые опубликовано: Билярский П. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, с. 652—669.*

До последних дней своей жизни Ломоносов заботился о совершенствовании деятельности Академии наук. Хотя публикуемый документ не был завершен ученым, он представляет большой научный интерес, так как содержит много новых и оригинальных идей по проблемам науки и ее организации в 60-х годах XVIII в.

При составлении проекта нового Регламента Ломоносов считал необходимым учесть опыт работы и организации других иностранных корпораций. Его привлекало автономное управление некоторых европейских академий, в частности «добрый пример» Парижской Академии. Он подчеркивал, что Петербургская Академия так же, как Парижская, должна состоять главным образом из отечественных ученых. «Честь российского народа требует, — писал он, — чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний». Ломоносов четко определил права и обязанности членов Академии. Главной их обязанностью он считал умение связать свои научные исследования с государственными интересами. Он заботился о пропаганде научных достижений — о регулярном издании диссертаций и научных сочинений, о проведении публичных собраний, о чтении лекций и т. д. Однако ни руководство Академии, ни чиновники правительственных учреждений не разделяли прогрессивных идей Ломоносова, направленных на совершенствование деятельности научного учреждения. Его демократические устремления противоречили политике крепостнического государства.

## 1753 мая 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ВЫПУСКЕ «САНКТПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ О ДЕЛАХ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ»

*Время написания — 1 мая 1758 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 31—32. Подлинник хранится в ЛОААН (ф. 3, оп. 1, № 232, л. 41—42). Впервые опубликовано в «Ученых записках имп. Академии наук по I и III отделениям» (1855, т. 1, с. XV—XVI).*

Важным моментом в научно-организационной деятельности Петербургской Академии наук Ломоносов считал пропаганду научных достижений. В решении этой проблемы ведущую роль он отводил изданию специализированных журналов.

В «Представлении в Канцелярию» Ломоносов, ссылаясь на один из параграфов Регламента Академии наук 1747 г. о распространении новейших научных сведений на русском языке, предлагает издавать новый журнал — «Санктпетербургские ученые ведомости о делах ученых людей».

## 1761 февраля 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ УСКОРЕНИИ ВЫПУСКА «КОММЕНТАРИЕВ» АКАДЕМИИ И О ПЕЧАТАНИИ ВСЕХ ДИССЕРТАЦИЙ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

*Время написания — 3 февраля 1761 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 239. Подлинник хранится в ЛОААН (ф. 3, оп. 1, № 260, л. 15). Впервые опубликовано в «Ученых записках имп. Академии наук по I и III отделениям» (1853, т. I, с. LXVIII—LXIX).*

Ломоносов неоднократно указывал, что интенсивность научной деятельности тормозится нерегулярным выходом в свет журнала Петербургской Академии — «Комментариев». Еще в отчете о работе за 1756 г. ученый писал, что им в разные годы начато сочинение нескольких диссертаций, но все они не закончены. Этому препятствует не столько загруженность другими делами, сколько задержка издания научного журнала. «Протяженым печатанием „Комментариев",— писал он,— охота отнимается» (ПСС, т. 10, с. 393.). Действительно, в то время между написанием научной работы и ее изданием разрыв составлял не меньше 4—5 лет. Плохая постановка издания научных трудов ученых Петербургской Академии была одной из причин того, что многие важные открытия, в том числе и Ломоносова, не получили своевременного признания в научном мире.

## 1757 июня 6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ПОСТРОЙКЕ НОВЫХ ЗДАНИЙ ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

*Время написания — начало июня 1757 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 195—198. Подлинник хранится в ЛОААН (ф. 3, оп. 1, № 708, л. 334—337). Впервые опубликовано: Билярский П. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, с. 334—337.*

Ломоносов, проявляя постоянную заботу об успешном развитии науки, выдвинул смелый проект о возведении единого научного центра, в котором бы разместились не только все академические учреждения, Университет и Гимназия, но и жилье для всех — от академиков до обслуживающего персонала. На конкретных примерах ученый доказал, какие огромные потери несет Академия от разобщенности ее учреждений, от удаленности местожительства профессоров, студентов и служащих от места работы.

Хотя Академическая канцелярия и признала «Представление» Ломоносова весьма полезным, но практической реализации этот документ не получил. В 1759—1760 гг. Ломоносов снова обратился в Академию, на этот раз с проектом возведения научного центра, состоящего из 14 корпусов, предназначенных для учреждений и жилья. Целесообразность этого проекта была настолько очевидна, что президент предложил Ломоносову представить чертеж и смету расходов на строительство центра. Ломоносов сам вычертил план новых академических «палат» и составил смету в 90 тыс. рублей — сумма не столь значительная, если учесть важность этого мероприятия. Но стране, истощенной Семилетней войной, оказалось не под силу выделить и такие средства, что, впрочем, не мешало правительству Елизаветы, а затем и Екатерины II тратить огромные суммы на содержание придворных, подачки фаворитам и т. д.

Так, еще один полезный замысел ученого оказался похороненным в бумагах академического архива.

## 1764 не позднее августа 26. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РАССУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ И ДЕЛ С НАЧАЛА СЕГО КОРПУСА ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

*Время написания — июль—август 1764 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 267—316. Черновая рукопись хранится в ЛОААН (ф. 20, оп. 3, № 30, л. 1—43). Впервые опубликовано: Ламанский В. И. М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, с. 26—73.*

Документ был написан Ломоносовым от третьего лица и предназначался для передачи Екатерине II. Вероятно, через Г. Г. Орлова, фаворита императрицы, «Краткая история» дошла до адресата. В 1766 г., уже после смерти русского ученого, в Петербургской Академии была проведена некоторая реорганизация, которая, однако, носила весьма незначительный характер. Была ликвидирована Академическая канцелярия, а вместо нее создана Комиссия из нескольких академиков. Директором стал В. Г. Орлов. Но по-прежнему Академия находилась под строгим контролем правительства.

«Краткая история», написанная Ломоносовым за семь месяцев до смерти, по сути является первым опытом создания истории Петербургской Академии со дня ее основания — 1725 г. до середины 1760-х годов.

Написание этой записки было одним из самых решительных актов той идейной борьбы, которую Ломоносов вел в течение всей своей жизни.

В процессе подготовки к изданию 10-го тома ПСС составители провели проверку фактического материала, содержащегося в «Краткой истории» Ломоносова. Критически сопоставляя сведения, приводимые Ломоносовым, с архивными документами того времени, они пришли к выводу, что все факты, за исключением малосущественных неточностей, относящихся к начальному периоду деятельности Академии, сообщены точно.

## 1758 марта 24— мая 27. ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

*Время написания — март—май 1758 г. Печатается по: ПСС, т. 9, с. 477—523, где впервые полностью опубликовано. Рукопись не сохранилась.*

В марте 1758 г. президент Петербургской Академии наук К. Г. Разумовский поручил Ломоносову как советнику Академической канцелярии контролировать учебное дело в Академии. Чтобы упорядочить деятельность

Академической гимназии, Ломоносов разработал проект Регламента этого учебного заведения.

Несмотря на то, что публикуемый документ не получил официального утверждения, он был одобрен президентом. Это дало основание Ломоносову ввести его в жизнь уже в конце 1758 г.

Проект Регламента Академической гимназии, составленный Ломоносовым, отражает его общие взгляды на развитие образования в России.

По утверждению автора проекта, Академическая гимназия должна стать «первой основой всех свободных искусств и наук», т. е. являться общеобразовательной школой, а не профессиональным училищем, готовившим молодых людей только для академической службы.

Важное значение для дальнейшего развития просвещения в стране имело и положение о социальном составе гимназистов. Хотя Ломоносов и указывал в документе, что в Гимназию не должны приниматься лица, «положенные в подушный оклад», и в особенности крепостные, но он здесь же, в § 4 поясняет, каким образом молодые люди из податного и крепостного сословий, желающие обучаться в Гимназии, могут обойти этот запрет.

Ломоносов четко определил структуру Академической гимназии, введя разделение учащихся на три класса — низший, средний и высший. Он счел необходимым установить дважды в год — зимой и летом — проверку знаний гимназистов, т. е. экзамены.

Нововведением явилось учреждение в Гимназии «российских классов», где изучались русский язык и русская история, «чего, — как справедливо отмечал ученый, — с начала Гимназии до него не бывало» (Ломоносов М. В. ПСС, т. 10, с. 403). «Российские классы» имели большое значение для формирования кадров отечественных ученых. Полный гимназический курс русского языка прошли будущий академик И. И. Лепехин, один из лучших стилистов XVIII в., член и непременный секретарь Российской академии, созданной в 1783 г., В. П. Светов — видный отечественный лингвист и многие другие.

Руководствуясь этим проектом Регламента, Ломоносову удалось значительно улучшить и материальное положение гимназистов, которые, как он замечал, «соединены, как и студенты, в общежитие, снабдены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья» (Там же).

Проект Регламента Академической гимназии, разработанный Ломоносовым, сыграл важную роль в демократизации учебного дела в России.

## 1760 января 19. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О ПЕРЕДАЧЕ УНИВЕРСИТЕТА И ГИМНАЗИИ В ЕДИНОЛИЧНОЕ ВЕДЕНИЕ ЛОМОНОСОВА

*Время написания — 19 января 1760 г. Печатается по: ПСС, т. 9, с. 553—555, где впервые опубликовано. Рукопись хранится в ЛОААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 471, л. 22—23.*

В 1758 г. Ломоносов разработал проекты регламентов Академического университета и гимназии. Однако из-за «несогласия разных мнений» утверждение этих важных документов затянулось почти на два года, что, естественно, тормозило успешную деятельность Ломоносова как руководителя учебных заведений Академии наук. Поэтому он добивается от президента более широких полпомочий, чтобы наладить работу Университета и Гимназии.

Публикуемый документ воспроизводит текст полученного в тот же день, т. е. 19 января 1760 г., предписания президента Академии К. Г. Разумовского Академической канцелярии о передаче Университета и Гимназии в ведение Ломоносова.

Распоряжение президента и составленное на его основании определение Канцелярии значительно расширяли административные полномочия Ломоносова. Он становился единоличным руководителем всей учебной деятельностью Академии наук. Ему предоставлялось право вводить в жизнь разработанные им проекты университетского и гимназического регламентов, не ожидая их окончательного утверждения высшими инстанциями. Он получал возможность распоряжаться финансовыми ассигнованиями, выделяемыми на содержание учебных заведений Академии.

## 1760 февраля 14. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ НАУК О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

*Время написания — 14 февраля 1760 г. Печатается по: ПСС, т. 9, с. 556—561. Рукопись хранится в ЛОААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 827, л. 9—11. Впервые опубликовано: Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, с. 110—115.*

Публикуемый документ представляет собой сокращенное изложение некоторых положений проекта Регламента Академического университета, разработанного Ломоносовым в 1758 г., но до сих пор неизвестного.

Основным нововведением, предложенным Ломоносовым, было деление Университета на три факультета. В отличие от западноевропейских высших учебных заведений того времени, в которых главным факультетом являлся богословский, Ломоносов вообще исключил богословие из университетских дисциплин. Ломоносов значительно расширил число предметов, изучавшихся в Университете. Это — химия, ботаника, анатомия, русское право, восточные языки.

Большое внимание Ломоносов уделил университетским привилегиям. Он предусмотрел право Университета присуждать ученые степени — «градусы»; университетские должности предложил приравнять к чинам, установленным «Табелью о рангах», что существенно улучшило бы положение ученых в обществе; счел необходимым ввести для преподавателей и учащихся летние каникулы; попытался решить проблему финансирования университета.

Особой заботой ученого стало устройство «инавгурации», т. е. торжества, на котором, как это было принято на Западе, оглашался акт об университетских привилегиях и об открытии преобразованного университета. О предстоящей инавгурации Академического университета Ломоносов предполагал широко оповестить весь западноевропейский ученый мир.

Однако все усилия Ломоносова получить официальное утверждение предложенных им университетских привилегий не увенчались успехом. Они не были санкционированы правительством ни императрицы Елизаветы, ни Екатерины II.

## 1734 сентября 4. ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ

*Печатается по: ПСС, т. 10, с. 322—323. Подлинник хранится в ЦГАДА (ф. Московской Синодальной конторы, № 245, л. 16—17). Впервые опубликовано в «Ломоносовском сборнике» (СПб., 1911, с. 71—72).*

15 января 1731 г. Ломоносов был зачислен учеником Московской Славяно-греко-латинской академии. На четвертом году обучения он изъявил желание принять участие в качестве священника в экспедиции в Киргиз-Кайсацкие и Каракалпакские земли, которую готовил известный государственный деятель и видный географ И. К. Кирилов. Необходимо было по-

лучить этот сан. Для этого он был приглашен в канцелярию Синодального правления, где сообщил, что его отец, Василий Дорофеевич, — поп в одной из церквей в г. Холмогоры и что он освобожден от подушного оклада. Но здесь же в канцелярии он узнал, что сообщенные им сведения о происхождении будут проверены в Камер-коллегии. Не дожидаясь, когда обман будет раскрыт, Ломоносов честно рассказал о своем происхождении и сообщил все сведения о себе до поступления в Славяно-греко-латинскую академию. Естественно, крестьянскому сыну было отказано в сане священника, а также и в участии в экспедиции. Однако чистосердечное признание избавило его от наказания и он был оставлен в числе учеников академии.

### 1762 июля. ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖБЫ

*Время написания — июль 1762 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 351—353. Подлинник хранится в ЦГАДА (ф. Госархива, X, № 496, л. 205). Впервые напечатано в «Записках имп. Академии наук» (1865, т. XII, с. 104—106).*

С приходом к власти Екатерины II положение Ломоносова в Академии значительно ухудшилось. Недруги ученого — чиновники Академической канцелярии, участники дворцового переворота 1762 г.— получили высокие чины и тем самым заняли более высокое положение на иерархической лестнице. Для русского ученого это было не только вопросом личной обиды, но и крушением надежд изменить соотношение сил в Академии. Поэтому он подает «Прошение» об увольнении от службы, что являлось протестом против действий нового правительства Екатерины II, в которых Ломоносов не без оснований усмотрел пренебрежительное отношение к отечественным ученым, борцам за просвещение народа, за «приращение наук в Отечестве».

В 1762 г. «Прошение» Ломоносова об отставке не было принято. 2 мая 1763 г. без напоминания ученый был уволен «в вечную от службы отставку», хотя и с повышением в чине. Несмотря на то что через несколько дней этот указ императрицы был отменен, вероятно, не без вмешательства Г. Г. Орлова, обстановка для Ломоносова в Академии продолжала оставаться очень тяжелой.

### 1764 не позднее января 19. ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ

*Время написания — конец 1763 г.— январь 1764 г. Печатается по: ПСС, т. 10, с. 396—404. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые опубликовано в «Научном наследстве» (М., 1948, т. I, с. 11—23).*

В 1763 г. М. И. Воронцов, один из покровителей Ломоносова, получив отставку с поста вице-канцлера, уехал в Италию. Здесь он познакомил членов Болонской академии наук с достижениями Ломоносова в области мозаичного искусства. Вероятно, чтобы Болонская академия знала не только о его успехах в создании мозаичных картин, но и в науках, Ломоносов составил настоящий «Отчет», систематизировав свои работы не по годам, а по отраслям знаний. Неотъемлемой частью своего творчества он считал и научно-организационную деятельность в Академии. Поэтому наряду с указанием научных и литературных трудов он большое место в «Отчете» отводит научно-административной работе, выделив ее в особый раздел, который он назвал «Старание его вообще о академическом благосостоянии и особливо по департаментам, в его смотрении как члену Канцелярскому по силе генерального регламента порученным».

В апреле 1764 г. по рекомендации М. И. Воронцова Ломоносов был единогласно избран почетным членом Болонской академии наук.

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ


Аввакум Петрович (1620 или 1621—1682) — протопоп, глава и идеолог русского раскола 37, 283

Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э.— 14 н. э.) — римский император 81, 108, 160, 163, 262

Август (начало XVII в.) — лжецаревич, самозванец 23

Августин (354—430) — епископ гиппонский, христианский теолог и церковный писатель 241

Августул Ромул (V в.) — последний император Западно-римской империи 79

Авдотья (Евдокия) Лукьяновна — вторая жена царя Михаила Федоровича 24

Аврамов (Абрамов) Илья Васильевич (1736—1770) — студент Географического департамента Петербургской Академии наук, ученик Ломоносова 442

Агафия Симеоновна (Семеновна, ум. 1681) — первая жена царя Федора Алексеевича 26

Адодуров Василий Евдокимович (1709—1780) — математик, адъюнкт Петербургской Академии наук 12

Андриан Публий Элий (76—138) — римский император 78, 79

Азбад (V—VI в.) — римский военачальник 64

Аларих I (ок. 376—410) — король вестготов 73, 79

Алдей — князь печенегский («Алдея») 104

Александр (883—912) — византийский император 85, 86

Александр Великий Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии, полководец и государственный деятель 19, 62, 79, 159, 161, 171, 173, 293

Алексей Михайлович (1629—1676) — царь, отец Петра I 24, 224, 250, 275, 286

Анакреонт (Анакреон, ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик 13, 298—303

Анастасий (первая половина VIII в.) —византийский император 66

Анастасий (X в.) — феодосийский священник 116

Анастасий (Настас) Корсунянин (конец X — начало XI в.) — первый настоятель Десятинной церкви в Киеве 118

Анемал (Анема) Храбрый (X в.) — военачальник византийского императора Иоанна Цимисхия 101

Анна Алексеевна (1655—1659) — дочь царя Алексея Михайловича 24

Анна Ивановна (1693—1740) — императрица 179, 204—212, 338, 382

Анна Петровна (1708—1728) — великая княжна, дочь Петра I 262, 305

Анна Романовна (ум. 1011) — византийская царевна, жена Владимира Святославича («греческая царевна») 111, 116—118, 123, 130

Анна (Агнесса) Ярославна (ок. 1024 — не ранее 1075) — дочь Ярослава Мудрого, жена французского короля Генриха I 130

Аратий (VI в.) — военачальник византийского императора Юстиниана 65
Аристарх Самосский (ок. 320 — ок. 250 до н. э.) — древнегреческий астроном 240
Арнкил М. (Arnkiel M., ум. 1713) — немецкий историк 60
Арнольд Любекский (Arnold von Lübeck, ум. 1212) — аббат, немецкий историк, продолжатель «Славянской хроники» немецкого миссионера Гельмольда 74
Аскольд (Оскольд, уб. 880) — легендарный князь 20, 80, 83, 84, 95, 120
Астрида — жена норвежского короля Олафа Тригвессона (X—XI в.) 109
Аттила (ум. 453) — вождь гуннов 159
Афанасий (вторая половина XVII в.) — архиепископ холмогорский 38
Ахмет (Ахмед, 1459—1481) — хан Золотой Орды 294

Байер (Бейер) Готлиб Зигфрид Теофил (Bayer Gottlieb Siegfried Theophil, 1694—1738) — филолог, историк, востоковед, профессор греческих и римских древностей Петербургской Академии наук 19, 69
Бекенштейн Иоганн Симон (Beckenstein Johann Simon, 1684—1742), профессор юриспруденции Петербургской Академии наук, с 1738 г. иностранный член 377
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — русский литературный критик и публицист, революционный демократ 9
Беринг («Колумб российский») Витус (Иван Иванович, 1680—1741) — капитан-командор, начальник Первой и Второй Камчатских экспедиций 385, 391
Бернулли (Бернулий) Даниил (Bernoulli Daniel, 1700—1782) — профессор физиологии и математики Петербургской Академии наук 344, 377, 409
Бернулли (Бернулий) Николай (Bernoulli Nicolas, 1695—1726) — профессор математики Петербургской Академии наук 377, 409
Блонд Флавий (1388—1463) — итальянский историк и археолог 62
Блуд (X в.) — киевский воевода 105
Блюментрост (Блументрост) Лаврентий Лаврентьевич (Blumentrost Laurentius, 1692—1755) — лейб-медик, первый президент Петербургской Академии наук (1725—1733), куратор Московского университета 341, 377—379, 409
Бойль (Бойл) Роберт (Boyle Robert, 1627—1691) — английский химик и физик 324
Болеслав I Храбрый (прав. 999—1025) — король польский 108, 123, 126, 128
Болеслав II Смелый (прав. 1066—1080) — король польский 111
Борис II (ум. 978) — последний царь Придунайской Болгарии 98, 102
Борис Владимирович (ок. 990—1015) — князь ростовский, сын великого князя киевского Владимира Святославича 111, 122—125, 127
Борис Федорович Годунов (1552—1605) — русский царь 23, 272, 280
Браун Иосиф Адам (Braun Josef Adam, 1712—1768) — физик, метеоролог, профессор философии Петербургской Академии наук 349, 388, 395, 405, 438
Бреверн Карл фон (Brevern Karl von, 1704—1744) — президент Петербургской Академии наук с 1740—1741 г. 338
Брячислав Изяславич (997—1044) — князь полоцкий, внук великого князя киевского Владимира Святославича 127

Буало-Депрео (Боало-Депро) Никола́ (Boileau Desprèaux Nicolas, 1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма 149
Будый (первая половина XI в.) — воевода Ярослава I Мудрого 126
Бургаве (см. Каау-Бургаве)
Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — генерал-аншеф 45
Бюльфингер (Бильфингер) Георг Бернгард (Bülfinger Georg Bernhard, 1693—1750) — профессор логики и физики Петербургской Академии наук 377

Вавилов Сергей Иванович (1891—1951) — физик и историк науки, президент Академии наук СССР 5
Вадим (IX в.) — новгородец 82, 83
Вайланд (I в.) — король шведский («Свегдеров сын») 67
Ван Гаден Даниил (уб. 1682) — доктор 33—37
Ван Гаден Михаил Данилович — сын доктора 34, 37
Варда Скляр (X в.) — шурин византийского императора Иоанна Цимисхия 99
Варяжко (X в.) — воевода великого князя Ярополка Святославича 105
Василий (X в.) — воевода византийского императора Иоанна Цимисхия 100
Василий II Багрянородный (ум. 1026) — византийский император, шурин великого князя киевского Владимира Святославича 116, 117
Василий Теодорикан (XI в.) — предводитель войска византийского императора Константина IX Мономаха 129
Васко да Гама (Гама, 1469—1524) — португальский мореплаватель 273
Вейссель Матвей — немецкий историк конца XVII в. 75, 77, 78
Вейтбрехт Иосия (Weitbrecht Josias, 1702—1747) — профессор физиологии Петербургской Академии наук 341, 379, 381
Веревкин Михаил Иванович (1732—1795) — писатель, переводчик, педагог, член-корреспондент Петербургской Академии наук, один из первых биографов М. В. Ломоносова 6
Видевит (Вейдевут) — вождь латышского племени 77
Видомир — король готский 79
Вильде Иоганн Христиан (Wilde Johann Christian, ум. 1749) — профессор анатомии Петербургской Академии наук 386
Виноградов Дмитрий Иванович (1720—1758) — создатель русского фарфора, товарищ Ломоносова в годы учебы 319, 320, 337, 338, 381—383
Винсгейм Христиан Николай фон (Winsheim Christian Nicolas von, 1694—1751) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 344, 349, 385
Виргилий (Вергилий) Публий Марон (Virgilius Maron, 70—19 до н. э.) — римский поэт 175, 195, 202, 267, 421
Висбур (I в.) — сын шведского короля Вайланда 67
Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь киевский 130
Владимир Святославич (ум. 1015) — князь новгородский, великий князь киевский 18, 48, 67, 68, 75, 96—98, 104—123
Владимир Ярославич (1020—1052) — князь новгородский, сын Ярослава Мудрого 129
Возницын Прокофий Богданович (ум. в начале XVIII в.) — думный дьяк при Петре I 25
Волков — генерал, владелец дома на Васильевском острове, перешедше-

го в собственность Петербургской Академии наук 401, 412
Волчий хвост — воевода Владимира Святославича 108
Вольтер Аруэ Франсуа Мари (Voltaire Arouet François Maris de, 1694—1778) — французский писатель, философ, просветитель 8, 22—24, 422
Вольф Христиан (Wolf Christian, 1679—1754) — немецкий натуралист, физик и философ, почетный член Петербургской Академии наук 320, 324, 382, 383, 421
Воробьев Григорий (первая половина XVIII в.) — холмогорский воевода 440
Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — государственный деятель, канцлер 326, 328, 329, 399, 447
Всеволод Владимирович (уб. 1015) — владимиро-волынский князь, сын великого князя Владимира Святославича 111, 122
Всеволод Ярославич (1030—1093) — великий князь киевский, сын Ярослава Мудрого 129, 130
Вышата — воевода Ярослава Мудрого 129
Вышеслав Владимирович (ум. ок. 1010—1012) — князь новгородский, сын великого князя Владимира Святославича 110, 111, 122
Вышоваты Андрей (XVII в.) — польский богослов 115
Вячеслав Ярославич (XI в.) — князь смоленский, сын Ярослава Мудрого 130

Гаральд Гардрааде Строгий (ум. 1066) — король норвежский, зять Ярослава Мудрого 130
Гейнзиус (Гейнсиус, Генсиус) Готтфрид (Heinsius Gottfried, 1709—1769) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 381, 386
Гельмольд (Helmold, XII в.) — историк 59, 72, 76, 77
Генкель Иоганн Фридрих (Henckel Johann Friedrich, 1679—1744) — немецкий химик и металлург, учитель Ломоносова во Фрейберге 318—321, 338, 382
Генрих I (прав. 1031—1060) — король французский, муж Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого 130
Герман (Арминий, 17 до н. э.—20 н. э.) — вождь херусков 65
Герман (ум. 1735) — архиепископ архангелогородский и холмогорский, профессор богословия Московской славяно-греко-латинской академии 440
Герман Яков (Hermann Jacob, 1678—1733) — профессор высшей математики Петербургской Академии наук 377, 409
Германрих (ок. 266—376) — король готский 79
Геродот Галикарнасский (Herodoti Halicarnassei, ок. 485—425 до н. э.) — древнегреческий историк 51, 56, 57, 68—71, 80
Герострат (IV в. до н. э.) — эфесец, сжегший храм Артемиды Эфесской 387
Глеб Владимирович (XI в.) — князь муромский, сын великого князя киевского Владимира Святославича 111, 122, 124, 125
Гмелин Иоганн Георг (Gmelin Johann Georg, 1709—1755) — профессор химии и естественной истории Петербургской Академии наук 341, 379, 385, 386
Голицын Василий Васильевич (1643—1714) — князь, начальник Посольского приказа, сторонник царевны-правительницы Софьи Алексеевны 42—45

Голицын Михаил Андреевич (1640—1687) — князь, воевода 25

Голицын Михаил Михайлович (1675—1730) — генерал-фельдмаршал, сенатор, член Верховного тайного совета 284, 290

Голицын Михаил Михайлович (1685—1764) — адмирал, губернатор Петербурга 390

Головин Евсей Федорович (XVIII в.) — матигорский крестьянин, муж сестры Ломоносова Марии Васильевны 334

Головин Михаил Евсеевич (1756—1790) — племянник Ломоносова, математик, адъюнкт Петербургской Академии наук 334

Головин Николай Федорович (ум. 1745) — президент Адмиралтейской коллегии 384

Головин Федор Алексеевич (1650—1706) — граф, сподвижник Петра I 25

Головина Мария Васильевна, урожд. Ломоносова (ок. 1730 — ок. 1826) — сестра Ломоносова («сестрица») 334

Головкин Александр Гаврилович (1689—1760) — русский посланник в Берлине, Париже, Голландии 320

Голубцов Иван Иванович (1715—1759) — переводчик Петербургской Академии наук 382

Гольдбах Христиан (Goldbach Christian, 1690—1764) — профессор математики Петербургской Академии наук 386, 387, 400

Гомер (X—IX в. до н. э.) — древнегреческий поэт 172, 175, 198, 202, 267

Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.) — римский поэт 202, 421

Гордон Патрик (1635—1699) — генерал русской армии 46

Горислава см. Рогнеда

Горлицкий (Горлецкий) Иван Семенович (1690—1770) — переводчик Петербургской Академии наук 383

Горюшкин Григорий (уб. 1682) — полковник 34

Гостомысл — новгородский князь 19, 81

Готфрид IV Бульонский (1061—1100) — герцог Нижней Лотарингии, участник первого крестового похода 74

Готшед Иоганн Кристоф (Gottsched Johann Christoph, 1700—1766) — немецкий филолог 421

Гофман Фридрих (Hoffmann Friedrich, 1660—1742) — немецкий врач, физик и химик 135

Гофман Якоб Генрих (Hoffmann Jacob Heinrich, XVIII в.) — архивариус Петербургской Академии наук 284

Греков Алексей Ангилеевич (род. 1726) — гравер, «подмастерье гравировального художества» 396

Греков Андрей Ангилеевич — художник, учитель рисования в Академической гимназии 396

Грибоедов Семен — полковник стрелецкого полка 27

Гришов Августин Нафанаил (Grischow Augustin Nathanael, 1726—1760) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 349, 404, 405

Губа — король готский 79

Гугон — сын Генриха I, короля французского и Анны Ярославны 130

Гурьев Михаил Михайлович (XVIII в.) — секретарь Канцелярии Петербургской Академии наук 412, 437

Гутменш (уб. 1682) — доктор 33, 34, 37

Гюйгенс (Гугений) Христиан (Huygens Christian, 1629—1695) — голландский математик, астропом, физик 240

Гюнтер (Гинтер) Иоганн Христиан (Günter Johann Christian, 1695—1723) — немецкий поэт 421

Дамаскин Иоанн (673—754) — церковный деятель, писатель 198
Дандулин Иван (XVIII в.) — служащий Академической канцелярии 436, 437
Дарий III Кодоман (прав. 336—330 до н. э.) — царь персидский 19, 173, 293
Дахриц Карл (Dachritz Carolus, XVIII в.) — немецкий химик 390
Делиль Жозеф Николя (Delisle (De L'Isle) Joseph Nicolas, 1688—1768) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 381, 383, 385, 386, 391, 404
Делиль де ла Кройер Людовик (Delisle de la Croyere Louis, 1690—1741) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 404
Демосфен (Димосфен, 384—322 до н. э.) — афинский политический деятель и оратор 175, 198
Державин Гавриил Романович (1743—1816) — русский поэт, представитель классицизма в русской литературе 16
Диоген (404—323 до н. э.) — греческий философ 324
Дионисий Младший (род. 395 до н. э.) — сиракузский тиран 180
Дир (IX в.) — легендарный князь 20, 80, 83, 84, 95, 120
Длугош Ян (1415—1480) — польский историк 78
Дмитрий Алексеевич (1648—1650) — царевич, сын царя Алексея Михайловича 24
Добрыня Никитич — воевода, дядя князя Владимира Святославича 98, 107, 108, 119, 126
Долгорукий Михаил Юрьевич (уб. 1682) — князь, боярин, начальник Разрядного приказа («сын») 31
Долгоруков Юрий Алексеевич (уб. 1682) — князь, начальник Стрелецкого приказа 27, 32, 33, 278, 279
Дохтуров Андрей (уб. 1682) — полковник 34
Дрива (I в.) — дочь финского короля Сния 67
Дутиков Иван (XVIII в.) — подьячий Сыскного приказа 440

Евдокия Алексеевна (1650—1712) — дочь царя Алексея Михайловича 24
Евдокия Федоровна, рожд. Лопухина (1669—1731) — первая жена Петра I («первая супруга») 44
Екатерина Алексеевна (XVII в.) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича 24
Екатерина I Алексеевна (1684—1727) — императрица 224, 304
Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — императрица 15, 303—315, 404, 412, 441, 442
Елизавета Петровна (1709—1761) — императрица, дочь Петра I 14, 15, 196, 202, 215—234, 244—262, 303, 304, 306, 309, 350, 383, 384, 389, 390, 399, 411, 445—447
Елизавета Ярославна — дочь Ярослава I, жена Гаральда Строгого, норвежского короля 130
Ермак Тимофеевич (ум. 1584 или 1585) — начальник казацкого отряда, начавшего освоение Сибири 63
Ерманарик — см. Германрих

Загромоза (XVIII в.) — мальтийский рыцарь, путешественник 387
Зиновьев Петр (конец XVII в.) — полковник 40, 41
Зонара Иоанн (конец XI — середина XII в.) — византийский историк 98, 120, 129

Иван (Елуон) (I в.) – сын Германа, вождя херусков 65
Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — царь 71, 275, 294
Иван V Алексеевич (1666—1696) — царь, сын царя Алексея Михайловича, брат Петра I 24—27, 29, 31, 32, 36, 37, 42, 45, 46, 276—278, 281, 282
Иван Данилович Калита (правл. 1328—1341) — великий князь владимиро-московский 23
Иванов Василий Ларионович (уб. 1682) — сын думного дьяка 32
Иванов Ларион (уб. 1682) — думный дьяк, управляющий Посольским приказом 32
Игнатьев Степан Лукич (ум. 1747) — генерал-лейтенант, обер-комендант Петербурга 384
Игорь Рюрикович (правл. 913—945) — великий князь киевский 48, 84, 85, 88—95, 98
Изяслав Владимирович (XI в.) — князь полоцкий, сын Владимира Святославича и Рогнеды 110, 111, 122, 127
Изяслав Ярославич (1024—1078) — великий князь киевский 130
Икмор — военачальник Святослава Игоревича 101
Иллибалд — король готский 79
Ильдизг (VI в.) — королевич лонгобардский 66
Илья Федорович (XVII в.) — царевич, сын царя Федора Алексеевича 26
Ингварь (V в.) — скандинавский князь 68
Ингигерда (Ингегерда) см. Ирина
Иноходцов Петр Борисович (1742—1806) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 400
Иоаким (корсунянин) (ум. 1030) — первый епископ новгородский, («Иоаким херсонянин») 119
Иоаким (Иван Савелов, 1621—1690) — патриарх московский и всея Руси 37—41, 44, 276, 277, 283
Иоанн I Цимисхий (правл. 969—976) — византийский император 98—102
Иорданес (VI в.) — историк («Иорнанд», «Иордан») 53, 57, 62, 79
Ирина (ум. 803) — жена византийского императора Льва IV Исаврянина 114
Ирина (Ингигерда, ум. 1051) — дочь шведского короля Олафа I, жена великого князя киевского Ярослава Владимировича 130
Иустин (VI в.) — военачальник византийского императора Юстиниана 65
Иустиниан см. Юстиниан

Каау-Бургаве Авраам (Kaau-Boerhave Abraham, 1715—1758) — профессор анатомии и физиологии Петербургской Академии наук 331, 333, 339, 344, 349, 389, 393
Казимир I Восстановитель (ум. 1058) — король польский 111, 130
Камер Михаэль (XVIII в.) — комиссар, служащий Петербургской Академии наук 383
Калокир (X в.) — посланный византийского императора Фоки Никифора 96, 98, 99
Каниц Фридрих Людвиг (Canitz Friedrich Ludwig, 1654—1699) — немецкий поэт 421
Карл (XI в.) — посланный норвежского короля Олафа Святого 67
Карл V (1500—1558) — германский император 195
Карл XII (1682—1718) — король шведский 8, 22, 251, 252, 287, 292, 293
Катилина Люций Сергий (ок. 109—64 до н. э.) — римский политический деятель 178, 184, 202

Катон Младший (Утический) Марк Порций (95—46 до н. э.) — римский государственный деятель 55, 262, 300

Кедрин (Кедрен) Георгий (конец XI — начало XII в.) — византийский писатель и историк 72, 80, 98, 99, 101, 102

Кейзерлинг Герман Карл (Keyserling Hermann Karl, 1697—1764) — президент Петербургской Академии наук 320, 382, 409, 410

Кельрейтер Иосиф Теофил Готлиб (Koelreuter Joseph Theophilus Gottlieb, 1733—1806) — ботаник, адъюнкт Петербургской Академии наук 395, 409

Кеплер Иоганн (Kepler Johann, 1571—1630) — немецкий астроном 240

Кери (XVIII в.) — инспектор во Фрейберге, немецкий специалист по драгоценным камням 320

Киаксар (правл. 624—585 до н. э.) — царь Мидии 69, 70

Кириллов Аверкий (уб. 1682) — думный дьяк 34

Кирилов Иван Кириллович (1689—1737) — географ, обер-секретарь Сената 440

Клеант (Клеанф, III в. до н. э.) — древнегреческий философ 240, 241

Клейнфельд Мартин (Kleinfeld Martin, ум. 1761) — адъюнкт анатомии и физиологии Петербургской Академии наук 339

Клементьев Василий Иванович (1731—1759) — студент Академического университета, лаборант Химической лаборатории Петербургской Академии наук 443

Клеркон — эстляндский житель времен Владимира Святославича 109

Кнехт фон (XVIII в.) — ученик горного советника Генкеля во Фрейберге 319

Козицкий Григорий Васильевич (1721—1775) — переводчик, адъюнкт Петербургской Академии наук 398, 407, 438

Колоксай — легендарное имя сына скифского царя 69, 70

Колумб Христофор (1451—1506) — мореплаватель 241, 273

Константин (VI в.) — военачальник византийского императора Юстиниана 65, 66

Константин (Кирилл) (827—869) — первый проповедник христианства среди славян 112—114

Константин I Великий (274—337) — византийский император 114

Константин IV Погонат (ум. 685) — византийский император 114

Константин VII Багрянородный (правл. 945—959) — византийский император («Константин Порфирогенит», «Порфирогенит») 79, 89, 116, 117

Константин IX Мономах (правл. 1042—1055) — византийский император 129

Константинова Елена Михайловна (1749—1772) — дочь М. В. Ломоносова 135, 334

Концевич см. Герман

Коперник Николай (Kopernick Mikolaj, 1473—1543) — польский астроном 240, 241

Корнелий Непот (ок. 99—24 до н. э.) — римский писатель 55, 262, 420, 421

Корф Иоганн Альбрехт фон (Korff Johann Albrecht von, 1697—1766) — президент Петербургской Академии наук с 1734 по 1740 г. 410

Котельников Симеон Кириллович (1723—1806) — профессор высшей математики Петербургской Академии наук 388, 438

Коцел — дунайский князь 120

Красильников Андрей Дмитриевич (1705—1773) — астроном, адъюнкт

Петербургской Академии наук 339, 403—405
Кратценштейн Христиан Готлиб (Kratzenstein Christian Gottlieb, 1723—1795) — профессор механики Петербургской академии наук 449
Крафт Георг Вольфганг (Krafft Georg Wolfgang, 1701—1754) — профессор математики и физики Петербургской Академии наук 341, 379, 381, 385, 386
Крашенинников Степан Петрович (1713—1755) — профессор ботаники Петербургской Академии наук 7, 330, 337, 380, 386, 388, 391
Крекшин Петр Никифорович (1684—1763) — историк 391
Кромер Мартин (1512—1589) — польский историк 54, 62, 73, 74, 78, 108, 130
Крузиус Христиан Готфрид (Crusius Christian Gottfried, 1715—1767) — профессор древностей и истории Петербургской Академии наук 386
Купи (Купий) Иоганн (ум. 1760) — медальерный и пунсонный мастер Петербургской Академии наук 397
Курганов Николай Гаврилович (1726—1796) — астроном и математик, профессор Морского шляхетского корпуса 403—405
Куркуй (X в.) — военачальник византийского императора Иоанна Цимисхия 100
Курций Руф Квинт (I в. н. э.) — римский историк 55, 420, 421
Куря — печенежский князь 102
Кучум (XVI в.) — сибирский хан 71

Лаврентий (начало XVII в.) — самозванец 23
Лебедев Василий Иванович (1716—1771) — переводчик Петербургской Академии наук 382
Лев VI Мудрый (886—912) — византийский император («Леон») 85—87
Леонтий (ум. 1013) — митрополит киевский 119
Леонтьев Алексей Леонтьевич (ум. 1786) — переводчик Коллегии иностранных дел 406
Лепехин Иван Иванович (1740—1802) — профессор естественной истории Петербургской Академии наук 400
Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699) — русский военный деятель, сподвижник Петра I 25
Лжедимитрий I (Григорий Отрепьев) (XVII в.) — царь московский («Растрига») 23
Лжедимитрий II (уб. 1610) («Тушинский вор») 23
Ливий Тит (Livius, 59 до н. э.—17 н. э.) — римский историк 55, 421
Линней Карл (Linné Carolus, 1707—1778) — шведский натуралист, ботаник, почетный член Петербургской Академии наук 344
Липоксай — легендарный сын скифского царя 69
Лихачев Алексей Тимофеевич (XVII в.) — сторонник царевны Софьи 30
Ломоносов Василий Дорофеевич (1681—1741) — отец М. В. Ломоносова 440
Ломоносова Елизавета Андреевна, урожд. Цильх (1720—1766) — жена М. В. Ломоносова 334
Лукреций Кар Тит (ок. 95—55 до н. э.) — римский поэт и философ 183
Лутковский Илья Ерофеевич (XVIII в.) — полковник, владелец дома на Васильевском острове, перешедшего в собственность Петербургской Академии наук 401
Лыков Иван (XVII в.) — участник стрелецкого заговора 44

Магеллан Фернан (1480—1581) — португальский мореплаватель 241, 273
Мадий (ок. XII в.) — скифский царь 70
Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины 43, 267
Макиавелли Николо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский политический деятель («Махиавели») 332, 412
Малк Любечанин (X в.) — отец Малуши, матери великого князя киевского Владимира Святославича («Малок») 98
Малуша (X в.) — ключница княгини Ольги, мать великого князя Владимира Святославича 98
Мария Алексеевна — дочь царя Алексея Михайловича 24
Мария (Доброгнева) Владимировна (ум. 1087) — дочь Владимира Святославича, жена польского короля Казимира I Восстановителя 111, 130
Мария Владимировна Долгорукая (ум. 1625) — жена царя Михаила Федоровича 24
Марк (X в.) — философ, проповедник христианства в Болгарии 119
Марфа Алексеевна (1652—1707) — царевна, дочь Алексея Михайловича 24
Марфа Матвеевна, рожд. Апраксина (1664—1715) — жена царя Федора Алексеевича 26
Марцелл (Маркелли) Марк Клавдий (ум. 45 до н. э.) — римский консул 262
Марциал Марк Валерий (ок. 40 — ок. 104) — римский поэт 420
Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682) — боярин, видный деятель в царствование Алексея Михайловича 29—33, 278, 280
Матвей Меховский (1456—1523) — польский историк 78
Метеллы — одна из ветвей римского плебейского рода Цицилиев 262
Метиган — князь печенежский 118
Меценат Гай Цильний (ок. 74—8 до н. э.) — приближенный римского императора Августа, покровительствовавшего поэтам 202
Мечислав I (правл. 960—992) — король польский («Мешко») 108
Миллер Герард Фридрих (Müller Gerard Fridrich, 1705—1783) — профессор истории Петербургской Академии наук, конференц-секретарь 6, 7, 18—24, 329—333, 341, 344, 378—380, 385, 386, 388, 390—392, 395, 396, 400, 402—407
Милославский Александр Иванович (XVII в.) — стольник, сторонник царевны Софьи 30, 31, 39, 277, 278
Милославский Иван Михайлович (1635—1685) — боярин, сторонник царевны Софьи 29, 31
Миних Бурхардт Христоф (1683—1767) — генерал-фельдмаршал 381
Митридад VI Великий Эвпатор (Дионис, 132—63 до н. э.) — царь понтийский 78
Михаил (X в.) — митрополит киевский 117—119
Михаил III (838—867) — византийский император 83
Михаил Федорович (1596—1645) — русский царь, первый из династии Романовых 24, 224, 286
Модерах Карл Фридрих (Moderach Karl Friedrich, 1720—1772) — профессор истории Петербургской Академии наук, инспектор Гимназии 398
Мольер Жан Батист Поклен (Molière Jean Baptiste Poquelin, 1622—1673) — французский драматург 422
Морсочников Алексей (XVIII в.) — канцелярист Московского синодального правления канцелярии 440

Мосгейм (Мозгейм) Иоганн Лоренц (Mosheim Johann Lorenz, 1693—1755) — немецкий богослов 421
Мотонис (Матонис) Николай Николаевич (ум. 1787) — переводчик, адъюнкт Петербургской Академии наук 398, 407
Мстислав Владимирович Храбрый (ум. ок. 1036) — князь тмутараканский, сын великого князя киевского Владимира Святославича 111, 122, 127, 128

Назарий (VI в.) — военачальник византийского императора Юстиниана 65
Назианзин Григорий (IV в.) — церковный писатель 133
Назон см. Овидий
Нартов Андрей Константинович (1694—1756) — механик, советник Академической канцелярии 383—385, 387, 409, 412
Нарышкин Афанасий (Атанас) Кириллович (1662—1682) — стольник, брат Натальи Кирилловны, матери Петра I 30, 32, 279
Нарышкин Василий Филиппович (XVII в.) — двоюродный брат Нарышкиных 34
Нарышкин Иван Кириллович (1658—1682) — боярин, брат царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I 29—37, 281, 282
Нарышкин Кирилл Полуектович (1623—1691) — боярин, отец царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I 25, 29, 34, 35, 281
Нарышкины — боярский род, родственники Натальи Кирилловны, матери Петра I 34
Нарышкины — младшие сыновья Кирилла Полуектовича Нарышкина
Лев (1664—1705) — боярин 34, 35, 280
Мартемьян (1665—1697) — боярин 34, 35, 280
Федор (1666—1691) — кравчий 34, 35, 280
Наталья Алексеевна (1673—1716) — царевна, дочь Алексея Михайловича, сестра Петра I 24
Наталья Кирилловна, урожд. Нарышкина (1651—1694) — мать Петра I 31, 32, 35, 36, 39, 41, 44, 250, 279, 280, 282
Неофит (конец X в.) — епископ черниговский 119
Нестор (1056—1114) — летописец, монах Киево-Печерского монастыря 20—21, 51, 52, 54, 59, 62, 63, 71, 73—75, 79—83, 85, 87, 91, 92, 95, 96, 98, 102, 105—108, 110, 111, 115, 119, 120, 123, 129, 130
Нечаев Иван (XVII в.) — стрелецкий полковник 45
Никита Пустосвят (Никита Константинович Добрынин, «Распоп») — суздальский протопоп, раскольник (казнен в 1682 г.) 37, 38
Нума Помпилий (715—672 до н. э.) — римский царь 111
Ньютон (Невтон) Исаак (Newton Isaak, 1643—1727) — английский физик и математик 240, 324

Овидий Назон Публий (43 до н. э.—17 н. э.) — римский поэт 147, 172, 175, 182, 195
Одоакр (ум. 493) — готский король («Одоацер») 73, 79
Озеров (XVII в.) — стрелецкий полковник 30
Олаф — сын короля норвежского Олафа Тригвессона («Тригвонов сын») 68, 109
Олаф Святой (правл. 1016—1029) — король норвежский 67, 68, 130
Олаф Тригвессон (ум. 1000) — король норвежский («Тригвон», «Олав Первый») 109, 130
Олег (Ольг) (ум. 912) — первый князь киевский 48, 75, 80, 84—90

Олег Святославич — князь древлянский, сын великого князя Святослава Игоревича 48, 96—98, 103, 122, 129
Ольга (ум. 969) — княгиня, жена Игоря Рюриковича 20, 48, 85, 91—98, 112, 115, 120
Ольга (X—XI в.) — жена великого князя киевского Владимира Святославича 109, 111
Остерман Иван Андреевич (1725—1804) — государственный деятель, канцлер, президент Коммерц-коллегии 385
Остон (ок. V в.) — отец короля шведского Ингваря 68
Отон Сальвий Марк (32—69) — римский император 78

Павел Петрович (1754—1801) — великий князь, впоследствии император Павел I 195, 196, 248, 309
Панфир (X в.) — византийский доместик 88
Перингскиольд Иоганн (1654—1720) — шведский историк 72
Петр (X в.) — болгарский царь 96, 98
Петр I Великий (1672—1725) — российский император, выдающийся государственный и военный деятель 8, 9, 15, 22—30, 32, 36—38, 42—47, 154, 202, 222, 224—226, 231, 233, 244—262, 267—296, 311, 314, 332, 339, 383, 411, 445, 446
Петр Федорович (1728—1762) — великий князь, впоследствии император Петр III 154, 262
Пилимен — король славянских племен 55
Пингре (Пенгре) Александр Ги (Pingré Alexandre Guy, 1711—1796) — аббат, французский астроном 405
Пиндар (ок. 518—442 до н. э.) — древнегреческий поэт 198
Платон (428—348 до н. э.) — древнегреческий философ 180
Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель русского и международного социалистического движения, философ, пропагандист марксизма 14
Плещеев Михаил (конец XVII в.) — дворянин 40
Плиний Гай Секунд Старший (23—79) — римский писатель-натуралист 51, 53—57, 77
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578 — ок. 1642) — князь, полководец и политический деятель 285, 286
Позвизд (XI в.) — князь, сын Владимира Святославича, великого князя киевского 111, 122
Поленов Алексей Яковлевич (1738—1816) — студент Академического университета, впоследствии историк и юрист 400
Помпей Великий Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель 78
Попов Никита Иванович (1720—1782) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 7, 381—383, 392, 405
Поповский Николай Никитич (ок. 1730—1760) — магистр, писатель и переводчик, профессор философии и элоквенции Московского университета, ученик Ломоносова 445
Предслава — дочь великого князя киевского Владимира Святославича и Рогнеды 125
Прейсер Сигизмунд — бухгалтер Книжной лавки Петербургской Академии наук 412
Претич (X в.) — воевода великого князя Святослава Игоревича («Притич») 97
Преторий Матвей (Praetorius Matthäus, 1635—1707) — польский историк 74, 76, 77, 79, 81

Прозоровский Петр Иванович (ум. до 1718) — князь 25
Прокопий Кесарийский (конец V в.— 60-е годы VI в.) — византийский историк 53, 57, 58, 64, 66, 71, 79
Протасов Алексей Протасьевич (1724—1796) — профессор анатомии Петербургской Академии наук 388, 399, 407, 411, 438
Протопопов Павел (XVIII в.) — секретарь Московского синодального правления канцелярии 440
Прототий (VII в. до н. э.) — царь скифский 70
Псамметих (конец VI в. до н. э.) — царь египетский 70
Птоломей (Птолемей) Клавдий (первая половина II в.) — древнегреческий ученый 51, 53—55, 57, 62, 63, 77, 80
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — великий русский поэт 5, 13, 16
Пушкин Василий (конец XVII в.) — дворянин 40

Радегаст (конец IV — начало V в.) — военачальник славян 73, 79
Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — русский писатель, основоположник революционного направления русской общественной мысли, революционный просветитель, философ-материалист 11, 16
Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803) — президент Петербургской Академии наук 328, 372, 385, 389—395, 398, 399, 401, 403, 404, 410, 435—437, 439
Райзер (Рейзер) Викентий Степанович (ум. 1755) — советник, президент Берг-коллегии 338, 381, 383
Райзер (Рейзер) Густав Ульрих (Евстафий Викентьевич, род. 1719) — студент Академического университета, товарищ Ломоносова по учебе в Германии 319, 320, 337, 338, 381—383
Расин Жан Батист (Racine Jean Baptiste, 1639—1699) — французский поэт и драматург 422
Реас (XI в.) — эстляндский житель времен Владимира Святославича 109
Редедя — косожский князь, богатырь 127
Регул Марк Атилий (ум. ок. 248 до н. э.) — римский полководец и политический деятель 262
Рейсс (Рейсский) (XVIII в.) — граф, ученик горного советника Генкеля во Фрейберге 319
Рихман Георг Вильгельм (Richmann Georg Wilhelm, 1711—1753) — профессор физики Петербургской Академии наук 349
Роберт (XI в.) — сын французского короля Генриха I и Анны Ярославны 130
Рогволод — князь полоцкий, отец Рогнеды 105
Рогнеда (Горислава) Рогволодовна — дочь полоцкого князя Рогволода, жена великого князя киевского Владимира Святославича 105, 110, 111
Роман (X в.) — сын болгарского царя Петра 98
Роман I Лакапин (правл. 919—944) — византийский император 89
Ромодановский — князь, сын Г. Г. Ромодановского 279
Ромодановский Григорий Григорьевич (уб. 1682) — князь 33, 279
Ромодановский Михаил — князь 43
Ромодановский Федор Юрьевич (ум. 1717) — князь, управлял Преображенским приказом 25, 45, 46
Россохин (Рассохин) Ларион Калинникович (ум. 1761) — переводчик Петербургской Академии наук 344, 406
Ростислав — дунайский князь 120

Румовский Степан Яковлевич (1734—1812) — профессор астрономии Петербургской Академии наук 332, 399, 400, 403, 405

Рюрик (Рурик) (ум. 879) — легендарный родоначальник династии Рюриковичей 20, 47, 48, 51, 59, 68, 74, 80—84

Саксон Грамматик (ок. 1140—1206) — датский летописец 18, 52, 67, 75, 80

Салтыков Петр Михайлович — боярин («отец») 33

Салтыков Федор Петрович (уб. 1682) — сын боярина Петра Михайловича 32

Сальхов Ульрих Христофор (Salchow Ulrich Christoph, 1722—1787) — профессор химии Петербургской Академии наук 333, 390

Самойлович Иван (ум. 1690) — малороссийский гетман 43

Сар — роксоланин 79

Свегдер — шведский король 67

Свенельд (IX в.) — воевода Рюрика, а позднее Святослава и Ярополка 91, 93, 102—104

Светоний (Suetonius Franquillus, ок. 75 — ок. 160) — римский историк 421

Свигелл (X в.) — военачальник великого князя киевского Святослава Игоревича 99—101

Святополк I Владимирович (ок. 980—1019) — старший сын великого князя киевского Владимира Святославича 111, 122—128

Святослав Владимирович (XI в.) — сын Владимира Святославича 111, 122, 124, 125

Святослав Игоревич (942—972) — великий князь киевский 48, 91, 93—103

Святослав Ярославич (1027—1076) — великий князь киевский 130

Семен Алексеевич (1665—1669) — сын царя Алексея Михайловича («Симеон») 24

Сенека Луций Анней (Seneca Lucius Annaeus, ок. 4 до н. э.— 65 н. э.) — римский философ и писатель 172, 182, 300, 420

Сигурд — приближенный князя Владимира Святославича 109, 110

Симеон (855—927) — царь болгарский 88

Синеус (ум. 864) — легендарный князь, брат Рюрика 82

Скиалва — финская княжна 67

Слоан Ганс (Sloane Gans, 1660—1753) — доктор медицины (Англия) с 1734 г. почетный член Петербургской Академии наук 324

Смера Иван — половчанин («Иван Смирам») 115

Смотрицкий Мелетий (ок. 1578—1633) — полоцкий архиепископ, ученый филолог и общественный деятель юго-западной Руси 12, 147, 148

Сний (I в.) — король финский 67

Снятин (XI в.) — новгородский посадник 126

Солин Гай Юлий (Solinus, III в.) — древнеримский писатель 55

Сониель (Сонильда) — роксоланка 79

Софья Алексеевна (1657—1704) — дочь царя Алексея Михайловича, царевна-правительница, сестра Петра I 8, 9, 24, 29—30, 37—46, 275—279, 281, 282

Спартиан Элий — византийский историк средних веков 79

Станислав — князь смоленский, сын великого князя Владимира Святославича 111, 122

Стефан (X в.) — брат византийских императоров Романа и Константина 89

Стефан (975—1038) — король венгерский 123

Страбон (63 до н. э.— 23 н. э.) — древнегреческий географ 51, 56, 77, 78, 80
Стрешнев Тихон Никитич (1644—1719) — боярин 25, 46
Стрийковский (Стрыйковский) Матвей (XVI в.) — польский историк и поэт 20, 111, 147
Стурлезон Снорре (Sturluson Snorre, 1179—1241) — исландский скальд 62, 67, 68, 72, 109
Судислав — князь, сын великого князя Владимира Святославича 111, 122
Сулла (Силла) Люций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский диктатор и полководец 262
Сухарин (Сухотин) Иван (конец XVII в.) — дворянин 40
Схоластик (VI в.) — военачальник императора Юстиниана 65
Сципион Эмилиан Африканский (Африкан) Публий Корнелий Младший (185—129 до н. э.) — римский полководец 176, 262

Таргитай — легендарное имя скифского царя 69, 70
Татищев Василий Никитич (1686—1750) — историк, географ, государственный деятель 407
Татьяна Михайловна (1636—1706) — дочь царя Михаила Федоровича 24
Тауберт Иван Иванович (Иоганн Каспар, 1717—1771) — библиотекарь Петербургской Академии наук, советник Академической канцелярии 330, 332, 333, 339, 342, 381, 384, 385, 388—390, 393—401, 403—407, 410—412, 437
Тацит Публий Корнелий (Tacitus Publius Cornelius, ок. 58 — ок. 117) — римский историк 53, 78, 421
Теплов Григорий Николаевич (1717—1779) — ботаник, адъюнкт Петербургской Академии наук, советник Академической канцелярии 329, 343, 353, 389—393, 395, 398, 410
Толстой Иван Андреевич (ум. 1713) — стольник 30
Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — стольник, впоследствии сенатор, дипломат, начальник Тайной канцелярии 30, 31, 277, 278
Торет (XI в.) — посланный норвежского короля Олафа Святого 67
Торольф (XI в.) — слуга Олафа Святого 109
Тотила (Бадуила, ум. 552) — остготский король 65
Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769) — профессор элоквенции Петербургской Академии наук, поэт и переводчик 10, 148, 151, 391, 396
Троекуров Иван Борисович (XVII в.) — князь, боярин, начальник Стрелецкого приказа 45
Трувор (IX в.) — легендарный князь, брат Рюрика 82
Трускотт Иван Фомич (Trouckott John, 1719—1786) — географ, адъюнкт Петербургской Академии наук 339, 409
Тюммиг (Тиммиг) Людвиг Филипп (Thümmig Lüdwig Philipp, 1690—1728) — немецкий физик и философ 421
Тяпкин Иван (конец XVII в.) — дворянин 40

Федор (начало XVII в.) — самозванец 23
Федор Алексеевич (1676—1682) — царь, сын царя Алексея Михайловича 25—27, 30, 33—35, 276, 277
Федор Никитич Романов. см. Филарет
Федорович Георг Фридрих (Fedorowisch Georg Friedrich, ум. после 1786 г.) — профессор юриспруденции Петербургской Академии наук 400, 438

Фельтинг (Фельтен) Матиас (XVIII в.) — экономом Петербургской Академии наук 381
Феодор (ум. 1023) — епископ ростовский 119
Феодор Стратилат (X в.) — византийский вельможа 88
Феодора (Федора) Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 24
Феодосий I Великий (правл. 379—395) — римский император 114
Феодосий II Младший (правл. 408—450) — восточно-римский император 114
Феодосия (Федосья) Алексеевна — дочь царя Алексея Михайловича 24
Феофан (X в.) — византийский воевода 88
Филарет (Федор Никитич Романов-Юрьев, 1555—1633) — патриарх московский и всея Руси 23, 24
Филин Федот Петрович (1908—1983) — советский языковед, академик АН СССР 12
Филипп I (1052—1108) — король французский, сын Генриха I и Анны Ярославны 130
Филипп II (ок. 380—336 до н. э.) — царь македонский, отец Александра Великого Македонского 19, 161
Фирс (ум. 1718) — архимандрит, настоятель Соловецкого монастыря 275
Фирсов Михаил (XVIII в.) — регистратор Петербургской Академии наук 437
Фишер Иоганн Эбергард (Fischer Johann Eberhard, 1697—1771) — профессор истории и древностей Петербургской Академии наук 407, 438
Флор Публий Анний (конец I — начало II в.) — римский писатель 421
Фока (X в.) — византийский патриций («Фока Патрикей») 88
Фока Никифор (правл. 602—610) — византийский император 96, 98
Фотий (IX в.) — патриарх константинопольский 83
Фрейеслебен (Freyesleben, XVIII в.) — немецкий магистр, обучавшийся с М. В. Ломоносовым во Фрейберге 319
Фридрих (1720—1785) — ландграф гессенский 320
Фростон — финский князь 67, 161
Фротон — король датский 75

Ханин Петр Исаевич (ум. 1756) — секретарь Академической канцелярии 392
Хитров (Хитрово) Авраам Иванович (ум. 1698) — думный дворянин, участник Азовского похода 43
Хлопов Кирилл Осипович (XVII в.) — думный дворянин 40
Хованский Андрей Иванович (уб. 1682) — старший сын боярина Ивана Андреевича Хованского 37, 40, 283
Хованский Иван Андреевич (уб. 1682) — боярин, сторонник царевны Софьи 37—40, 283
Хованский Иван Иванович (XVII в.) — младший сын боярина Ивана Андреевича Хованского 39, 283
Худяков Василий (XVIII в.) — канцелярист Академической канцелярии 384

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель, полководец, писатель 55, 78, 147, 161, 164, 300
Цейгер Иоганн Эрнст (Zeiger Johann Ernst, 1720—1784) — профессор механики Петербургской Академии наук 395, 405, 407, 409
Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский писатель, оратор,

философ, государственный деятель 165, 175, 177, 184, 195, 202, 420, 421
Цыклер (Циклер) Иван Елисеевич (уб. 1697) — думный дворянин, участник стрелецкого заговора 30

Черкасов Иван Антонович (1692—1752) — кабинет-секретарь императрицы Елизаветы Петровны 389
Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742) — вице-канцлер 331
Чириков Алексей Ильич (1703—1748) — капитан-командор, мореплаватель, участник Первой и Второй Камчатских экспедиций 385, 391

Шакловитый Федор Леонтьевич (уб. 1689) — думный дьяк, окольничий, сторонник царевны Софьи 42, 44, 45
Шеин Алексей Семенович (1662—1700) — полководец, участник Азовского похода 25, 46
Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I 25, 45, 282, 288
Шестаковский Иосиф Иванович (род. 1721) — переводчик, адъюнкт Петербургской Академии наук 339
Шлецер Август Людвиг (Schlözer August Ludwig, 1735—1809) — профессор истории Петербургской Академии наук 399, 406, 407, 409
Шмидт Георг Фридрих (Schmidt Georg Friedrich, 1722—1775) — гравер Художественных палат Петербургской Академии наук 401
Штелин Яков Яковлевич (Stählin Jacob, 1709—1785) — профессор элоквенции и поэзии Петербургской Академии наук, советник Академической канцелярии 390, 392, 394, 396, 397, 403, 437
Штрубе де Пирмонт Фридрих Генрих (Strube de Pyrmont Friedrich Heinrich, 1704—1790) — профессор юриспруденции Петербургской Академии наук 349, 391, 393, 400
Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — государственный деятель, камергер, почетный член Петербургской Академии наук 7, 9, 14, 130—144, 234, 267, 269, 322—327, 390, 394
Шумахер Иоганн Даниил (Schumacher Johann Daniel, 1690—1761) — библиотекарь Петербургской Академии наук, советник Академической канцелярии 318, 330—333, 337, 341—343, 345, 349, 377—392, 394, 396—398, 408—410
Шумахер Иоганн Якоб (Schumacher Johann Jacob, ум. 1767) — архитектор Петербургской Академии наук 392

Эйлер Леонард (Euler Leonhard, 1707—1783) — профессор физики и высшей математики Петербургской Академии наук 331, 332, 333, 341, 344, 379, 389, 411
Эпинус Франц Ульрих Теодор (Aepinus Franz Ulrich Theodor, 1724—1802) — профессор физики Петербургской Академии наук 394, 395, 404, 405, 409, 438
Эразм (Еразм, Ерасм) Дезидерий Роттердамский (1467—1536) — голландский писатель-гуманист 421

Юлий Цезарь Гай см. Цезарь Гай Юлий
Юнкер Готлоб Фридрих Вильгельм (Juncker Gottlob Friedrich Wilhelm, 1703—1746) — профессор политики, морали и элоквенции Петербургской Академии наук 318, 381
Юстин Марк Юстиниан — римский историк 420
Юстиниан (Иустиниан) Великий

(ок. 483—565) — восточно-римский император 54, 63, 64, 114, 115
Юсупов Борис Григорьевич (1696—1759) — сенатор, президент Коммерц-коллегии 384

Языков Иван Максимович (уб. 1682) — боярин оружничий 26, 30, 34
Языков Павел Петрович (XVII в.) — думный дворянин Стрелецкого приказа 27
Яков (XVIII в.) — протопоп Андреевской церкви на Васильевском острове в Петербурге 139
Якун (XI в.) — начальник варяжской дружины 128
Яньков (XVIII в.) — капитан флота 139
Ярополк Святославич (945—980) — великий князь киевский 48, 96—98, 102, 103—106, 110, 111, 122, 129
Ярослав Владимирович Мудрый (976—1054) — великий князь киевский 47—49, 82, 84, 111, 122, 124—130

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . . . 5

### ТРУДЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г. . . . . 18
Примечания [на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера 1757 г.] . . . . . 22
Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи . . . . . 26
Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской Академий наук . . . . . 47
О сохранении и размножении российского народа . . . . . 130

### ТРУДЫ ПО ФИЛОЛОГИИ

Письмо о правилах российского стихотворства . . . . . 146
Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия 154
Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен . . . . . 193
Из Российской грамматики . . . . . 195
О нынешнем состоянии словесных наук в России . . . . . 197
Предисловие о пользе книг церковных в российском языке . . . . . 197

### ПОЭЗИЯ И ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА

Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года . . . . . 204
Утреннее размышление о божием величестве . . . . . 212
Вечернее размышление о божием величестве при случае великаго севернаго сияния . . . . . 213
Ода на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года . . . . . 215
Слово похвальное ея величеству государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, говоренное ноября 26 дня 1749 года . . . . . 221
Письмо о пользе Стекла . . . . . 234
Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года . . . . . 244
Гимн бороде . . . . . 263
Зубницкому . . . . . 266
Петр Великий . . . . . 267

Стихи, сочиненныя на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привиллегии для Академии, быв много раз прежде за тем же . . . . . 297
Ночною темнотою . . . . . 297
Разговор с Анакреонтом . . . . . 298
Ода торжественная Ея императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской . . . . . 303
Слово благодарственное ея императорскому величеству на освящение Академии художеств, именем ея говоренное . . . . . 310
На Сарское Село Августа 24 дня 1764 года . . . . . 315

ПИСЬМА

Шумахеру И. Д. 5 ноября 1740 г. . . . . 318
Шувалову И. И. 4 января 1753 г. . . . . 322
Шувалову И. И. 10 мая 1753 г. . . . . 323
Шувалову И. И. Июнь—июль 1754 г. . . . . 325
Воронцову М. И. 30 декабря 1759 г. . . . . 326
Теплову Г. Н. 30 января 1761 г. . . . . 329
Эйлеру Л. Февраль 1765 г. . . . . 332
Головиной М. В. 2 марта 1765 г. . . . . 334

ДОКУМЕНТЫ

Записка о необходимости преобразования Академии наук. 1758—1759 гг. . . . . 336
Проект Регламента Академии наук. 1764—1765 гг. . . . . 356
Представление в Канцелярию Академии наук о выпуске «Санктпетербургских ученых ведомостей о делах ученых людей». 1 мая 1758 г. . . 372
Представление в Канцелярию Академии наук об ускорении выпуска «Комментариев» Академии и о печатании всех диссертаций в русском переводе. 3 февраля 1761 г. . . . . 373
Представление в Канцелярию Академии наук о постройке новых зданий для академических учреждений. 6 июня 1757 г. . . . . 375
Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени. Не позднее 26 августа 1764 г. . . . . 377
Проект Регламента Академической гимназии. 24 марта — 27 мая 1758 г. 413
Определение Канцелярии Академии наук о передаче Университета и Гимназии в единоличное ведение Ломоносова. 19 января 1760 г. . . . . 435
Определение Канцелярии Академии наук о переустройстве Университета. 14 февраля 1760 г. . . . . 437
Показание о своем происхождении, данное при допросе в Московской Синодального правления канцелярии. 4 сентября 1734 г. . . . . 440
Прошение на имя императрицы об увольнении от службы. Июль 1762 г. 441
Отчет о завершенных и незавершенных научных и литературных работах. Не позднее 19 января 1764 г. . . . . 442
Примечания . . . . . 449
Именной указатель . . . . . 475

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
# ЛОМОНОСОВ

## Избранные произведения

## Том. 2

## История. Филология. Поэзия

*Утверждено к печати*
*Институтом*
*истории естествознания и техники*
*АН СССР*

*Редактор издательства Ю. А. Юдина*
*Художник И. Е. Сайко*
*Художественный редактор Н. Н. Власик*
*Технический редактор О. М. Гуськова*
*Корректоры Е. Н. Белоусова, Л. Д. Изотова*

ИБ № 35002

*Сдано в набор 26.03.86*
*Подписано к печати 1.08.86*
*Формат* $60\times90^{1}/_{16}$
*Бумага типографская № 1*
*Гарнитура обыкновенная*
*Печать высокая*
*Усл. печ. л. 31. Усл. кр. отт. 32,2. Уч.-изд. л. 34.*
*Тираж 25.500 экз. Тип. зак. 2606*
*Цена 2 р. 70 к.*

*Ордена Трудового Красного Знамени*
*издательство «Наука»*
*117864 ГСП-7, Москва В-485*
*Профсоюзная ул., 90*

*2-я типография издательства «Наука»*
*121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6*

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

*К 275-летию со дня рождения*
*М. В. ЛОМОНОСОВА*
*выходят следующие книги:*

*Павлова Г. Е., Федоров А. С.* МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ (1711—1765)
Интерес к жизни и деятельности основоположника отечественной науки не ослабевает в течение более двух столетий. В книге на основании обширного материала по истории науки XVIII в. дана биография Ломоносова. Показано его разностороннее дарование как ученого, писателя, поэта, художника. Освещена роль в развитии русской и мировой науки, прослежено влияние его идей на последующие поколения отечественных ученых.

ПАМЯТНИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ. ЕЖЕГОДНИК — 1985
Основной раздел сборника составляют статьи о приборах и инструментах, связанных с деятельностью великого русского ученого М. В. Ломоносова и характеризующего его время. Другие разделы посвящены памятникам техники, изобразительным и письменным памятникам XVII—XVIII вв., памятным местам, связанным с деятельностью и жизнью Ломоносова и его современников, проблемам научно-технических музеев.

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига». Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

117192 **Москва**, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4, магазин «Книга — почтой» Украинской конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».